

ISSN 2225-7314

ЧУВАШСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

№ 12

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

2017

12

==

ЧУВАШСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК

Чувашский гуманитарный вестник, 2017, № 12

2017

==

12

ISSN 2225-7314

==

12

9 772225 731212

ISSN 2225-7314
9 772225 731212 >

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

№ 12

**ЧУВАШСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЕСТНИК**

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

Чебоксары 2017

Учредитель БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики

Редакционная коллегия:

Ю.М. Артемьев, доктор филологических наук, профессор,
И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор,
В.П. Иванов, доктор исторических наук,
М.Г. Кондратьев, доктор искусствоведения, профессор,
П.С. Краснов, кандидат философских наук (главный редактор),
А.В. Кузнецов, кандидат филологических наук,
Г.А. Николаев, кандидат исторических наук (заместитель главного редактора),
Л.П. Петров, кандидат филологических наук, доцент
А.К. Салмин, доктор исторических наук,
А.А. Трофимов, доктор искусствоведения, профессор (художественный редактор)

Ответственный редактор
Г.А. Николаев

Чувашский гуманитарный вестник
Чебоксары, 2017. № 12

Научный журнал
Основан в феврале 2006 г.
Выходит 1 раз в год

АРХЕОЛОГИЯ

КЛАДЫ И ОТДЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ ПИСЕРАЛЬСКО-АНДРЕЕВСКОГО ВРЕМЕНИ В СУРСКО-СВИЯЖСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

ЧГВ, 2017 г., № 12
© Н.С. Мясников

В статье рассматриваются клады и отдельные находки I–II вв. н.э., обнаруженные на территории Сурского-Свияжского междуречья. Указанные памятники и местонахождения относятся к так называемому «писеральско-андреевскому» времени и позволяют лучше понять культурно-историческую ситуацию в регионе в период, когда совершались погребения в Андреевском и Писеральских курганах, и расширяют представления о географии памятников данной эпохи. Аналогии большинству предметов обнаруживаются как в писеральско-андреевских, так и в пьяноборских памятниках.

Ключевые слова: археология, памятники писеральско-андреевского типа, пьяноборская культура, Чувашское Поволжье, Сурско-Свияжское междуречье, ранний железный век, римское время.

В настоящее время общепризнанным является тот факт, что в Нижнем Поволжье сконцентрирована группа уникальных археологических памятников так называемого писеральско-андреевского типа. Вопрос о происхождении оставившего их населения, отдельных аспектах его материальной и духовной культуры, дальнейшей исторической судьбе уже более полувека является предметом острых дискуссий среди археологов Волго-Камья. При всем разнообразии мнений ученые солидарны в том, что появление этого круга памятников открыло новый этап в истории региона, а население, которому они принадлежат, сыграло выдающуюся роль в культурогенезе раннесредневековых этнических общинностей Поволжья и Поочья.

Памятникам писеральско-андреевского круга посвящено много исследований, а в последнее время вышел ряд обобщающих работ¹. Тем не менее данные исследования не охватывают всей полноты источниковой

Николай Станиславович М я с н и к о в – кандидат исторических наук, научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: myasnikovn@rambler.ru.

базы по памятникам региона. Перспективным представляется выявление новых памятников, в частности поселенческих комплексов данного «культурно-хронологического горизонта», который пока выделен почти исключительно на материалах могильников². В этом отношении наиболее исследованным и ключевым памятником является городище «Пичке Сärчё», принадлежность которого к писеральско-андреевскому кругу уже отмечалась рядом исследователей³, в том числе и в специальных статьях автора⁴. В пользу данного вывода говорит как керамический комплекс, так и ряд специфических индивидуальных находок. В северной части Сурского-Свияжского междуречья (ССМ) выделяется также целая серия кладов, отдельных находок и местонахождений, относящихся к писеральско-андреевскому времени⁵. О них и пойдет речь далее.

Все памятники располагаются в зоне широколиственных лесов ССМ и тяготеют к северо-западной части рассматриваемой территории (за исключением Большетаябинской и Большефроловской находок, обнаруженных в лесостепной зоне) (рис. 1), приурочены к долинам малых рек – притоков Суры, Волги и Свияги.

Вещевой материал этих памятников представлен следующими категориями находок.

Бусы стеклянные

I. С металлической прокладкой:

1. «Таблетковидные», 1–2-частные, диаметром около 5–6 мм, высотой около 2–3 мм (Синъял-Яуши) (рис. 6: 5). Тип 1а-б по Е.М. Алексеевой, датируются первыми веками нашей эры⁶.

2. Удлиненные, выпуклые, с валиками по краям, диаметром 6 мм, высотой 12 мм (рис. 6: 6) (3 экз. (?), Синъял-Яуши). Тип 22 по Е.М. Алексеевой, датируются I–III вв. н.э.⁷

3. Бочковидные, диаметром около 7–15 мм, высотой около 8–15 мм, диаметр канала около 3–5 мм (Синъял-Яуши) (рис. 6: 7). Тип 2а по Е.М. Алексеевой, датируются античным временем в целом⁸.

II. Монохромные:

1. Синие, округлые, крупные, диаметром 8–26 мм, высотой 8–16 мм (Синъял-Яуши) (рис. 6: 4). Тип 15 по Е.М. Алексеевой⁹.

2. Красные, глухого стекла, цилиндрические, диаметром 4 мм, высотой 15 мм (рис. 6: 8) (21 экз., Синъял-Яуши). Тип 57 по Е.М. Алексеевой, характерны для I–IV вв. н.э.¹⁰

Круглые бронзовые нагрудные бляхи

I. Ажурные:

1. С треугольными прорезями на поверхности, небольшими полусферами по краю, орнаментированные двумя рядами треугольных отверстий вокруг центрального пуговковидного выступа, с двумя парами петель либо тремя одинарными петлями для крепления на обратной стороне по краям бляхи (6 экз., Тиханкинский клад) (рис. 2: 3, 4).

Известны в материалах женского погребения 33 Кошибеевского могильника (раскопки В.Н. Глазова)¹¹, погребения 61 (раскопки А.А. Спицына)¹², в кара-абызской культуре¹³. Имеют сходство с бляхами пьяноборской культуры¹⁴. Близкие бляхи происходят из курганов 1–2 могильника Чагода 1 в Вологодской области¹⁵.

2. Круглая бляха (из двух обломков) с отверстием посередине, ук-рашенная четырьмя кругами «веревочки» (два по кромке, один в середине, один по центру) и четырьмя спиральными по периметру, чередующимися с отверстиями, с двойной петлей на обороте по центру и четырьмя рядом расположеными петлями по краю (рис. 2: 10) (1 экз., Тиханкинский клад).

Гладкие уплощенные круглые бляхи с петлями на обороте часто встречаются в пьяноборских, кошибеевских и писеральско-андреевских материалах (см. ниже). Веревочный и спиральный орнаменты различных типов украшений также типичны для этих культурных традиций¹⁶. Близкие по оформлению застежки известны в дьяковской культуре¹⁷.

II. С центральной конической бляшкой, окантованной валиком с ложнoverевочным орнаментом с полугоношками по краю и петлей на обороте (рис. 2: 11; 7: 13) (1 экз., Тиханкинский клад; 1 экз., Новошокинское селище). Близкие типы известны в пьяноборской культуре, где использовались в качестве нагрудных блях¹⁸.

Круглые бляшки-накладки

I. Плоские / слабовыпуклые, бронзовые:

1. Диаметром 1–1,5 см, с петлей по центру на обороте (?) (Конарское селище) (рис. 3: 10).

2. Диаметром 2–5 см, с 2–6 петлями, имеющими различное расположение на оборотной стороне:

а) 2 петли по центру (7: 4) (1 экз., Янмурзинский клад);

б) 3 петли по центру (рис. 2: 2) (1 экз., Тиханкинский клад);

в) 2 петли по краям друг против друга (рис. 2: 1; 4: 3; 7: 5) (1 экз., Тиханкинский клад; 1 экз., Девлетгильдинское местонахождение; 1 экз., Янмурзинский клад);

г) 2 пары петель друг против друга (рис. 7: 3) (1 экз., Янмурзинский клад);

д) 2 строенные петли друг против друга (рис. 7: 2) (7 экз., один обломан, Янмурзинский клад).

Плоские бляшки с петлями на обороте являются частыми находками в Андреевском кургане, использовались в качестве украшений ножен и «разделителя воинских трофеев» (вырубленных человеческих челюстей) в мужских погребениях и на конце женской поясной кисти¹⁹. Известны в материалах пьяноборской культуры в качестве нагрудных украшений²⁰, в ранних погребениях Кошибеевского могильника преимущественно в составе головных уборов и накосников²¹. Известны в погребениях первой группы «древнемордовских» могильников²².

II. Конические, с петлей или планкой на обороте:

1. Окантованные валиком, с петлей на обороте (3 экз., Тиханкинский клад) (рис. 2: 9).

2. Без валика, со слегка выгнутой планкой на обороте (рис. 4: 2) (1 экз., Девлетгильдинское местонахождение).

3. Украшенные кружковым орнаментом по кромке, с пуговковидным выступом посередине, петлей на обороте (рис. 2: 8) (1 экз., Тиханкинский клад).

Коническо-выпуклые и полусферические бляшки указанных типов представлены в материалах Андреевского кургана²³, в пьяноборских памятниках²⁴, Кошибеевском могильнике²⁵. В Андреевском кургане использовались в составе мужских наборных поясов²⁶, в пьяноборской культуре – как нашивка на рукава²⁷, ременная накладка²⁸.

III. Строенные, сильновыгнутые, с двумя петлями по краям на обороте (рис. 7: 6) (3 экз., 1 целая, 2 обломаны, Янмурзинский клад).

Застежки

I. Бронзовые круглые застежки с пуговковидными выступами на рамке с приостренной дужкой:

1. С пятью пуговковидными выступами в разных частях рамки, украшенной ложновитым орнаментом (рис. 3: 1) (Конарское селище).

2. Обломанная, с двумя сохранившимися выступами на рамке, состоящей из двух полос, соединенных перемычками, украшенной редкими косьми противопоставленными насечками (рис. 7: 18) (ЧНМ).

3. С рядом пуговковидных выступов в рамке между двух полос, украшенных ложновитым орнаментом, с крупными пуговковидными выступами с двух сторон от приостренной дужки, дополнительными строенными выступами сверху и по бокам, с ушком внутри и иглой для крепления (рис. 7: 21) (Цивильский уезд).

Застежки этого типа широко известны в памятниках андреевско-пирсальского типа²⁹, а также, в меньшей степени, в пьяноборской культуре³⁰.

II. Бронзовые ажурные застежки с миндалевидной рамкой и двумя коническими бляшками в нижней части, соединенные с рамкой перемычками:

1. Рамка широкая, с двумя валиками внутри, украшенными ложновитым орнаментом, внутри рамки есть петля для иглы (рис. 7: 17) (Нижнекожарское местонахождение).

2. Рамка состоит из двух полос, украшенных ложновитым орнаментом, соединенных дополнительными перемычками. Бляшки имеют утолщения-пипки по центру (рис. 7: 19) (ЧНМ).

3. Рамка состоит из одной полосы, украшена ложновитым орнаментом. Бляшки имеют утолщения-пипки по центру (рис. 7: 20) (Новочебоксарская находка).

4. Фрагментарно сохранившаяся рамка состоит из трех полос, украшенных ложновитым орнаментом, соединенных дополнительными перемычками. Бляшки в нижней части плохо сохранились (дополнительные детали по публикации неясны) (рис. 7: 22) (Большетаябинская находка).

5. Фрагментарно сохранившаяся рамка состоит из одной полосы, украшенной насечками. Перемычки не сохранились, но их следы заметны (рис. 7: 23) (Большефроловская находка).

Аналогии ажурным застежкам с миндалевидной рамкой известны в первую очередь на писеральско-андреевских (Андреевский курган, погребение 39, Пильнинский I могильник) памятниках, отдельные находки встречены и в пьяноборских материалах (III Кушелевский могильник, погребение 66; Первомайский могильник, погребение 35)³¹. Относятся Н.А. Лещинской к периоду конца I–II в. н.э. в хронологии вятских могильников³².

Подвески

I. Сапожковидные, бронзовые, литые, парные, с двумя валиками в основании (рис. 3: 11–12) (2 экз., Конарское селище).

Сапожковидные подвески в системе оформления поясов выявлены в захоронениях 25/1, 25/3, 29 Андреевского кургана³³ и в его насыпи из числа разрушенных погребений³⁴. Этот тип подвесок достаточно часто встречается в поздних погребениях могильников пьяноборской культуры³⁵ в составе нагрудников³⁶ или накосников³⁷. Отдельные находки имеются в Селиксенском³⁸, Шемышейском (погребение 11)³⁹, Кошибеевском могильниках⁴⁰, а также в могильнике Куреваниха XX⁴¹. Датируются подвески I–III вв. н.э.⁴², II в. н.э. (стадия Г)⁴³. На Нурыгиндинском I и Афонинском могильниках они входят в комплексы, датирующиеся временем не ранее II в. н.э.⁴⁴, погребение 11 Шемышейского могильника, вероятно, датируется началом III в. н.э.⁴⁵ П.Д. Степанов нижнюю границу бытования подвесок этого типа опускал до I в. до н.э.⁴⁶ С.Э. Зубов и А.В. Михеев датируют сапожковидные привески I–III вв. н.э.⁴⁷ Интересно отметить, что, по мнению Г.И. Матвеевой, андреевские привески древнее пьяноборских⁴⁸, а Р.Д. Голдина и А.А. Красноперов считают, что в Марийском Поволжье они и более многочисленны, чем в Прикамье⁴⁹.

II. Трубчатые, с гофрированной поверхностью и ажурным расширением на нижнем конце трубы из 2–4 полос (рис. 3: 16) (1 экз., Конарское селище).

Близкой аналогией является подвеска из Ошкунского могильника (погребение 28) на Вятке, датированного I–II вв. н.э.⁵⁰ Имеют типологическое сходство с пьяноборскими височными подвесками 12 типа «в виде полого шара из колец»⁵¹.

III. Бронзовые литые лапчатые подвески:

1. С полуцилиндрической пронизью в верхней части, с планками на обороте:

а) с рельефной «перепонкой» и рифленой пронизью (оборотная сторона неизвестна) (рис. 3: 2) (1 экз., Конарское селище);

б) с прорезями на поверхности «лапки» и рифленой пронизью (оборотная сторона неизвестна) (рис. 3: 3) (1 экз., Конарское селище);

в) с рельефными «перепонками» с ложновитым орнаментом (одна подвеска с дополнительным рифлением в верхней части) и тремя петлями на нижнем конце (рис. 2: 5, 6) (2 экз., Тиханкинский клад);

2. Плоские с петлями на обороте:

- а) с рельефными «перепонками» с ложновитым орнаментом и тремя спиралями на нижнем конце и с парными петлями на оборотной стороне в верхней части (рис. 2: 7) (2 экз., Тиханкинский клад);
- б) с рельефными «перепонками» с тремя пуговковидными выступами на нижнем конце и более крупным выступом на верхнем конце, с петлей на оборотной стороне (рис. 7: 1) (9 экз., Янмурзинский клад).

Лапчатые подвески впервые появляются в материалах писеральско-андреевского типа и пьяноборской культуры⁵². По оформлению подвески с насечками (1а) аналогичны андреевским⁵³, с округлыми выпуклостями (1в) близки к пьяноборским, однако в последнем случае иной способ крепления⁵⁴. Подвескам варианта 2а аналогии известны в пьяноборских материалах⁵⁵. Украшения варианта 2б также аналогичны пьяноборским⁵⁶ и кошибеевским подвескам⁵⁷. Близкие к типу 1е, с прорезями на поверхности, известны в материалах Воробьевского могильника⁵⁸.

IV. Бронзовые «муховидные» подвески, в основе которых полуцилиндрическая пронизь с двумя поперечными планками на обороте, с V-образными крыловидными лопастями снизу и выгнутой планкой между ними (рис. 3: 13–15; 4: 1) (3 экз., Конарское селище; 1 экз., обломана; Девлетгильдинское местонахождение).

Данные подвески имеют аналогии в Пьяноборском⁵⁹, Воробьевском могильниках⁶⁰, на Буйском городище в слое пьяноборского времени⁶¹, в материалах разрушенных погребений Пильгинского I могильника⁶².

V. Бронзовые подвески-наконечники из окружной в сечении проволоки, согнутой в овал и расплощенной в широкую заостренную лопасть на нижнем конце (в одном случае две лопасти соединены штифтом), с прямоугольной пластинчатой обоймой (рис. 6: 9–10) (2 экз., фрагментированы; Синъял-Яushi)⁶³.

Весьма специфичны для материалов андреевского круга и аналогичны подвескам из Андреевского кургана⁶⁴ и Пильгинского I могильника⁶⁵.

Пронизи и обоймы бронзовые

I. Пронизи:

1. Округлые:

- а) с ребром посередине (рис. 2: 12) (3 экз., Тиханкинский клад); судя по составу комплекса из Тиханкинского I городища, ремешок, обжатый в том числе и данными пронизями, мог заканчиваться лапчатой подвеской;

- б) без ребра (рис. 3: 7–9 (?)) (3 экз., Конарское селище); пронизи такого типа известны в находках из разграбленного Пильгинского I могильника⁶⁶, а также в материалах Сендимиркинского могильника⁶⁷.

2. Полуцилиндрические:

- а) парные, рифленые, с планками на обороте (рис. 7: 9) (13 экз., Янмурзинский клад);

- б) парные, рифленые по краям (рис. 7: 14) (Чебоксарский уезд);

- в) тройные, рифленые, выпуклые, с планками на обороте (рис. 7: 10) (4 экз., Янмурзинский клад); подобные пронизи широко встречаются в пья-

ноборских⁶⁸, кара-абызских древностях⁶⁹, ранних погребениях «селиксенского» типа⁷⁰.

II. Многовитковая спираль-пронизка (рис. 7: 16) (1 экз., обломана; Яндашевское местонахождение).

III. Обоймы согнутые из пластины с ребром посередине (рис. 2: 12) (114 экз., Тиханкинский клад). Ремешок, обжатый в том числе и данными пронизями, вероятно, заканчивался на конце лапчатой подвеской.

В писеральско-андреевских, пьяноборских, кара-абызских, кошибьевских, «селиксенских» комплексах ремешки, обжатые обоймицами, использовались в составе головных уборов и накосников (?), в оформлении поясных и обувных ремней⁷¹.

Поясные бронзовые застежки с неподвижным крючком

I. Трапециевидные, с закругленными углами, вытянутые:

1. Выгнутая с прорезями по окружности, плоским неорнаментированным центральным полем, окантованным валиком с ложновитым орнаментом. На внешней рамке, украшенной ложновитым орнаментом, два пуговковидных выступа с одной стороны и крючок с другой (рис. 7: 7) (1 экз., Янмурзинский клад).

2. Обломанная, прямая, с прорезями по окружности, плоским неорнаментированным центральным полем, окантованным рифленым валиком. На внешней рифленой рамке два пуговковидных выступа в нижней части (рис. 7: 11) (1 экз., Ящеринское городище).

II. Круглые, с рамкой круглого сечения:

1. С поперечной планкой внутри, украшенной двумя валиками с ложновитым орнаментом, с пуговковидным выступом на внешней стороне рамки (рис. 7: 15) (1 экз., Яндашевское местонахождение).

2. С рифленой рамкой, с крючком на одной стороне и двумя петлями на другой (рис. 3: 4) (1 экз., Конарское селище).

3. С конусом в центральном поле, с крючком с одной стороны и петлей на другой (рис. 3: 5) (1 экз., Конарское селище).

Близкие застежки известны в материалах пьяноборской культуры⁷².

III. Круглой формы плоская бронзовая застежка, с двумя рядами ямочных вдавлений на лицевой поверхности по центру, с круглым шпеньком-кнопкой на обороте с одной стороны и с петлей на другой (рис. 7: 8) (1 экз., Янмурзинский клад).

Застежки с неподвижным крючком бытуют в основном в I–II вв. н.э.⁷³, однако отдельные экземпляры встречаются и в III в.⁷⁴ По мнению Р.Д. Голдиной и А.А. Красноперова, застежки с прямоугольной и овальной пластиной тяготеют к южным пьяноборским и памятникам кара-абызской культуры⁷⁵.

Эполетообразные бронзовые застежки

I. Застежка с круглой выпуклой задней пластиной с 16 коническими выступами по краю и двумя концентрическими валиками, один из которых украшен ложновитым орнаментом, с пуговковидным выступом посередине и пятью жгутами, орнаментированными насечками с уплощенной четырех-

угольной пластиной ближе к месту соединения жгутов, украшенной прочерченными кругами и линиями (рис. 2: 13). Вероятно, обломанная бляха с четырьмя отверстиями на корпусе (рис. 2: 14) относилась к застежке того же типа (Тиханкинский клад).

Относится к типу 663 по Т.А. Лаптевой⁷⁶. Аналогии известны в материалах бассейна Вятки, где датируются концом I-II в. н.э.⁷⁷

II. Застежка с обломанной круглой выпуклой задней пластиной, окантованной рифленым валиком, с пуговковидным выступом по центру, одним основным и двумя дополнительными жгутами с насечками на лицевой стороне (рис. 10: 12) (1 экз., Большегильдинское местонахождение).

Застежка относится к типу 5 по Т.А. Лаптевой⁷⁸. Эполетообразные застежки считаются «культуроопределяющим» предметом пьяноборской культуры⁷⁹. За пределами пьяноборского ареала застежки известны в комплексах кара-абызской культуры⁸⁰.

Наконечник стрелы

Железный черешковый (?) плоский двушипный (рис. 6: 3) (1 экз., Синъял-Яуши)

Двушипные наконечники достаточно широко представлены в различных комплексах Волго-Камья в конце раннего железного века и имеют достаточно широкую дату⁸¹. Соответствуют 4-й группе наконечников стрел Андреевского курганного могильника⁸². Р.В. Матвеев считает, что позже именно с территории Западного Поволжья-Предволжья их позаимствовало азелинское население⁸³. В.В. Ставицкий отмечает, что в регионе данные наконечники появляются с писеральско-андреевским населением и что они отсутствуют в сарматских комплексах, а вероятные источники их поступления находятся на юго-западе (Дунай, Поднепровье)⁸⁴.

Итак, данная сводка свидетельствует о том, что в I-II (III)⁸⁵ вв. значительная часть территории северной части ССМ была заселена. Отметим, что А.П. Смирнов и Н.В. Трубникова относили время функционирования большинства городищ Чувашского Поволжья к первым векам нашей эры⁸⁶. Вопрос в этнокультурной принадлежности этих памятников.

О том, что они не были оставлены единообразным населением, говорят материалы погребальных памятников: во всех известных на сегодняшний день могильниках представлен весьма разнообразный обряд захоронения, есть различия и в вещевых комплексах отдельных памятников и погребений. С.Э. Зубов и В.В. Гришаков осторожно разделяют Андреевский / Староардатовский и Писеральский / Климкинский могильники⁸⁷, особенно отмечая погребение 25 Андреевки и захоронение в Староардатовском кургане как «чистые яркие комплексы пришельцев»⁸⁸.

Истоки пришлого населения вызывают бурные споры и пока основательно не проработаны, однако нерешенным остается и вопрос о принадлежности местного компонента культуры писеральско-андреевского населения. Исследователи выделяли его городецкую и пьяноборскую составляющие. В этой связи поселенческие материалы, в частности керамика, мо-

гли бы ответить на вопросы культурной идентификации, но комплексов, которые могли бы достоверно связываться с писеральско-андреевским временем, пока крайне мало (городище «Пичке Сärчё»).

Керамика начала нашей эры в Сурско-Свияжском междуречье, скорее, местного облика, однако ее истоки проследить пока не удается. Во многом близость посуды Андреевского кургана к городецким традициям остается декларативной и основывается пока только на факте присутствия одного горшка с псевдорогожными отпечатками в насыпи Андреевского 2 кургана. Возможности их качественного сравнения мешает представительная выборка целых форм посуды городецкой культуры ближайших памятников. Более-менее уверенно на основании керамических материалов мы можем говорить лишь об отсутствии здесь классических пьяноборских памятников.

Имеющиеся в ССМ находки пьяноборского облика могут показывать направление культурных связей, однако предметы эти встречаются в очень большом для импорта количестве и охватывают широкий диапазон типов (не только престижные или высокохудожественные вещи), что, на наш взгляд, свидетельствует о проникновении отдельных пьяноборских коллективов или ремесленников в регион. Характер и масштабы их проникновения пока не совсем понятны. При этом среди артефактов писеральско-андреевского круга в рассматриваемом регионе намечается определенное региональное своеобразие. Среди вещей, рассмотренных в статье, это обилие застежек с миндалевидной рамкой и приостренной дужкой, ажурные бляхи-накладки, ременные привески с широкой пластинчатой обоймой. Связаны ли они по происхождению с пьяноборской культурой или это изделия местного происхождения – решить эти вопросы могут дальнейшие полевые исследования в регионе. Данная сводка намечает некоторые перспективы для этого.

Каталог памятников с находками писеральско-андреевского времени на территории Сурско-Свияжского междуречья⁸⁹

В данном каталоге использованы следующие сокращения: АК ЧР – Археологическая карта Чувашской Республики; АФ ЧГИГН – Археологический фонд Чувашского государственного института гуманитарных наук; АМ ЧГУ – Археологический музей Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова; АЭМ ЧГПУ – Археолого-этнографический музей им. В.Ф. Каховского Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева; верх. р. – верховые реки; ГИМ – Государственный исторический музей; л.б.р. – левый берег реки; л.п.р. – левый приток реки; НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан; НМФ – Национальный музей Финляндии; РТ – Республика Татарстан; ПАЭ – Поволжская археологическая экспедиция; п.б.р. – правый берег реки; п.п.р. – правый приток реки; СВЭ ГАИМК – Средневолжская экспедиция Государственной академии истории материальной культуры; СГПИ – Саратовский государственный педагогический институт; СОМК – Саратовский областной музей краеведения; УОМК – Ульяновский областной музей краеведения; ЧАЭ – Чувашская археологическая экспедиция; ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук; ЧКМ – Чувашский краеведческий музей; ЧНИИЯЛИЭ – Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики; ЧНМ – Чувашский национальный музей.

1. Большетаябинская находка

Большая Таяба, с., Яльчикский район ЧР, верх. р. Таябинка, л.п.р. Мал. Була, л.п.р. Була, л.п.р. Свияга.

В коллекции В.И. Заусайлова хранится фрагмент бронзовой застежки, найденный у села.

Коллекция: НМФ.

АК ЧР, № 2970⁹⁰.

2. Большефроловская находка

Большое Фролово, с., Апастовский район РТ, п.п.р. Свияга, п.п.р. Волга.

В коллекции В.И. Заусайлова хранится частично сохранившаяся застежка, найденная у села.

Коллекция: НМФ⁹¹.

3. Большеянгильдинское местонахождение

Большое Янгильдино, д., Чебоксарский район ЧР, п.б.р. Рыкша, л.п.р. Бол. Цивиль, п.п.р. Волга.

На правом берегу р. Сетнерка в 2 км к З от деревни. Площадь 250 х 150 м. Открыто в 1957–1958 гг. П.Т. Трифоновым. В 1959–1961 гг. отрядом ЧАЭ (В.Ф. Каховский, А.П. Смирнов) заложен раскоп 1492 кв. м. Культурный слой в основном относится к XIII–XIV вв. В нижних слоях раскопа XIII была найдена обломанная эполетообразная застежка.

Коллекция: ЧНМ, АЭМ ЧГПУ.

АК ЧР, № 2127.

4. Девлетгильдинское местонахождение

Девлетгильдино, д., Мариинско-Посадский район ЧР, л.б.р. Чулкась, л.п.р. Бол. Аниш, п.п.р. Волга.

В 600 м к ЮЗ от деревни на мысовидном окончании коренного берега р. Чулкась на окраине небольшого смешанного леса. Открыто в 2013 г. экспедицией ЧГИГН (Н.С. Березина, Н.С. Мясников) (2 шурфа 1 х 1 м). В шурфе были найдены два фрагмента лепной керамики. Местные жители находили на площадке памятника монеты XVIII–XIX вв., а также бронзовые подвески и две бляшки-накладки I–II вв. н.э.

Коллекция: АФ ЧГИГН.

АК ЧР, № 1189.

5. Конарское селище

Конары, пос., Цивильский район ЧР, верх. л.п.р. Аниш, п.п.р. Волга.

В 600 м к ЮВ от окраины пос. Конары и в 400 м к З от хутора Шинеры, в глубине леса, на ровной площадке в 100 м к В от оврага. Культурный слой 5 см. Открыто экспедицией ЧГИГН в 2013 г. (Н.С. Мясников) (3 шурфа 1 х 1 м). На памятнике были найдены фрагменты керамики, а на кладоискательских сайтах выложены предметы I–II вв. н.э., найденные на селище.

Коллекция: частная.

АК ЧР, № 1870.

6. Нижнекожарская находка

Нижние Кожары, д., Красноармейский район ЧР, л.б.р. Бол. Цивиль, п.п.р. Волга.

В 1955 г. сотрудником ЧКМ А.Н. Львовой около деревни, на холме Сиве-ту на месте древнечувашского могильника, была найдена бронзовая застежка с миндалевидной рамкой.

Коллекция: ЧНМ.

АК ЧР, № 932.

7. Новочебоксарская находка

Новочебоксарск, г., Чебоксарский район ЧР, п.б.р. Волга.

В фонды Чувашского национального музея в 2014 г. поступила литая бронзовая застежка. Найдена в окрестностях г. Новочебоксарск и передана в музей Николаевым Валерием Николаевичем.

Коллекция: ЧНМ, № 35133⁹².

8. Новошокинское селище

Новое Шокино, д., Моргаушский район ЧР, п.б.р. Сундырь, п.п.р. Волга.

На слегка наклоненном к долине р. Сундырь распаханном поле, на площади 150 x 80 м, в 0,3 км к В от деревни, на берегу небольшого оврага. Мощность культурного слоя 20–30 см. Открыто в 1954 г. экспедицией СГПИ (П.Д. Степанов) (2 шурфа 1 x 1 м). На поселении были обнаружены фрагменты грубой плоскодонной гладкостенной керамики, бронзовая бляшка I–II вв. н.э.

Коллекция: СОМК.

АК ЧР, № 1434.

9. Синъял-Яушское местонахождение (курганы?)

Синъял-Яushi, д., Вурнарский район ЧР, п.б.р. Бол. Цивиль, п.п.р. Волга.

В 300 м к З от деревни, в поле. Два кургана отмечались в 1920-е гг. В 1966–1967 гг. Чувашским отрядом ПАЭ (В.Ф. Каховский) на поверхности были найдены несколько фрагментов лепной посуды, стеклянные бусы. На восточном «кургане» заложен раскоп 9 x 9 м. Культурный слой (погребенная почва?) 10 см. Зафиксировано погребение (?), найдены человеческий зуб, медная пластина. Вокруг обнаружены: железный наконечник стрелы, стеклянные позолоченные бочковидные бусы, синяя бусина, пастовые трубчатые пронизи, бронзовая пряжка, глиняный горшок.

Коллекция Б.В. Каховского.

АК ЧР, № 454.

10. Тиханкинское городище I «Синсе сот», «Мул-Сюч»

Тиханкино, д., Красночетайский район ЧР, р. Хоршевашка, л.п.р. Выла, п.п.р. Сура, п.п.р. Волга.

В 1 км к ЮВ от деревни, среди оврагов, занимает узкий мыс длиной около 120 м, шириной 10–20 м. До 1950-х гг. распахивалось, значительная часть городища сползла в овраг. В 1890-х гг. были проведены «раскопки». В 1898 г. был обнаружен клад вещей I–II вв. В 1900 г. В.Н. Поливанов отметил «городок Синби-Сёрт». В 1950 г. экспедицией СГПИ (П.Д. Степанов) проводились разведочные работы (три шурфа 1 x 1 м). В 1961 г. исследовалось отрядом ЧАЭ (Н.В. Трубникова) (ок. 400 кв. м). Были обнаружены: грубая неорнаментированная гладкостенная керамика с примесью шамота и следы наземных сооружений первых веков нашей эры.

Коллекция: УОМК (№ 6425); ЧНМ (№ 8803); ГИМ (№ 97850, 99584).
АК ЧР, № 1109.

11–12. Фонды ЧНМ

В фондах ЧНМ хранится застежка с миндалевидной рамкой и обломок застежки с приостренной дужкой.

Коллекция: ЧНМ.

АК ЧР, № 3189⁹³.

13. Цивильский уезд

В НМ РТ хранится застежка с приостренной дужкой, найденная на территории Цивильского уезда.

Коллекция: НМ РТ.

АК ЧР, № 3211.

14. Чебоксары

В Чебоксарах была найдена бронзовая (?) парная полуцилиндрическая пронизь с рифлением по краям.

Коллекция: ЧНМ (?).

АК ЧР, № 2509.

15. Ягаткинское (Карман-Сирминское, Ойкас-Абашское) городище «Пичке Сärчё»

Ягаткино, д., Карман-Сирма, бывш. д. (с 1963 г. в сост. д. Ойкас-Абashi), Моргаушский район ЧР, верх. р. Ербаш, п.п.р. Выла, п.п.р. Сура.

На северной окраине д. Ойкас-Абashi на мысу. С напольной стороны – два прямых вала и ров между ними. Площадь ок. 1000 кв. м. Культурный слой 20–120 см. Открыто в 1889 г. В.К. Магницким. В 1954 г. шурфовка (три шурфа) проводилась экспедицией СГПИ (П.Д. Степанов). В 1958 г. и 1960 г. раскапывалось отрядом ЧАЭ (Н.В. Трубникова) (ок. 1000 кв. м). В 1970–1980-х гг. половина внутренней площадки была срыта. Изучены наземные жилища, фортификационные сооружения. Обнаружены: фрагменты лепной керамики, кости животных, каменные зернотёрочные плитки, точильные бруски, грузила, глиняные пряслица, грузила, шарики, фигурки животных, орудия труда, предметы вооружения и конского снаряжения, украшения. Часть украшений входила в состав клада, обнаруженного в одной из жилых построек.

Коллекция: ГИМ (№ 97095), СОМК, ЧНМ (№ 8701).

АК ЧР, № 1586.

16. Яндашевское местонахождение

Яндашево, с. (ныне в черте г. Новочебоксарск), Чебоксарский район ЧР, л.б.р. Бол. Цивиль, п.п.р. Волга.

На месте кирпичного завода, на высоком плато к ЮЗ от села. Обследовано в 1926 г. отрядом СВЭ ГАИМК (В.Ф. Смолин). Наряду с предметами эпохи бронзы (Яндашевское поселение) были найдены медная спираль и застежка с неподвижным крючком.

АК ЧР, № 2464.

17. Янмурзинский клад

Янмурзино, д., Красноармейский район ЧР, л.б.р. Бол. Цивиль, п.п.р. Волга.

В 1980 г. местными жителями близ деревни найден клад, состоящий из 38 бронзовых предметов. В 1980 г. участники ЧАЭ (В.Ф. Каховский, Б.В. Каховский) на месте находки провели небольшие раскопки, которые не дали результатов.

Коллекция: АЭМ ЧГПУ.

АК ЧР, № 1019.

18. Ящеринское городище «Хола җорт сärчё», «Пугачёвский вал»

Ящерино, д., Мариинско-Посадский район ЧР, л.б.р. Черная, л.п.р. Сундырка, п.п.р. Волга.

В лесу Мариинско-Посадского лесничества, в 400–450 м ССЗ от деревни, на высоком мысу. Размеры 75 x 45 x 23 м. Имеет два ряда валов и рвов. Упоминается в 1920-х гг. В 1988, 1991 и 1992 гг. описано и обследовано экспедицией ЧНИИЯЛИЭ (Е.П. Михайлов). В 2008 г. осмотрено экспедицией ЧГИГН (Д.Ф. Мадуров). В 2011 г. обследовано экспедицией ЧГИГН (Н.С. Мясников, Е.П. Михайлов) (3 шурфа; 1 x 1, 1,5 x 1,5 м). В разведочных раскопах были найдены: фрагменты лепной глиняной посуды, обломок застежки с неподвижным крючком, скопление железного шлака.

Коллекция: АФ ЧГИГН, АМ ЧГУ.

АК ЧР, № 1293.

Литература, источники и примечания

¹ Зубов С.Э., Михеев А.В. Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего Средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сб. статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Штеничука. Уфа: Гилем, 2006. С. 204–225; Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. 173 с. (Археология евразийских степей (АЕС); вып. 7); Зубов С.Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Saarbrücken: LAP Lambert, 2011. 201 с.

² За исключением Андреевского селища, расположенного недалеко от Андреевского кургана.

³ Степанов П.Д. Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже напей эры). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. С. 44–45; Халиков А.Х. Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. С. 9. (Археология и этнография Марийского края (АЭМК); вып. 12); Шитов В.Н. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тыс. н.э. Саранск: МордНИИ, 1988. С. 20. (Труды Морд. НИИЯЛИЭ; вып. 93); Белоцерковская И.В. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.: ИА РАН, 2007. С. 202. (Раннеславянский мир; вып. 9).

⁴ Мясников Н.С. Комплекс керамической посуды I–III вв. н.э. городища «Пичке Сäрчё» в Нижнем Присурье // Поволжские финны и их соседи в древности и Средние века: материалы III Всероссийской научной конференции. Саранск: МГПИ им. М.Е. Евсевьева, 2011. С. 35–44; Его же. Городище «Пичке Сäрчё»: к вопросу об историко-культурной интерпретации // Труды КАЭЭ. Вып. 8. Пермь, 2012. С. 167–176; Его же. Керамические грузила и пряслица городища «Пичке Сäрчё» (к вопросу о развитии прядения и ткачества в Нижнем Присурье в первые века н.э.) // Вестник УдГУ. Ижевск: УдГУ, 2013. Вып. 1: История и филология. С. 119–124.

⁵ Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет именно о синхронных памятниках. Делать выводы о том, что все рассматриваемые пункты связаны с памятниками писеральско-андреевского типа, преждевременно.

⁶ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // Свод археологических источников (САИ). Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. С. 29–30. Табл. 26: 3, 4, 6.

⁷ Там же. С. 32. Табл. 26: 24.

⁸ Там же. С. 30. Табл. 26: 11.

⁹ Там же. С. 64–65. Табл. 33: 1.

¹⁰ Там же. С. 67. Табл. 14.

¹¹ Шитов В.Н. Кошибеевский могильник ... Табл. VII: 9, 10.

¹² Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // Материалы по археологии России (МАР); т. 25. 1901. Табл. VIII: 4.

¹³ Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2012. Т. 2. Рис. 64: 2–4.

¹⁴ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. Табл. 6: 15.

¹⁵ Башенъкин А.Н. Финно-угры и славяне на Кобоже и Чагодоще // Чагода: историко-краеведческий альманах. Вологда: Ардвисура, 1999. Рис. 3: 1, 10.

¹⁶ См., например: Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Табл. 9: 6, 20, 21; Шитов В.Н. Кошибеевский могильник ... Табл. VII: 11.

¹⁷ Дубынин А.Ф. Троицкое городище // МИА. № 156. М., 1970. Табл. XX: 10.

¹⁸ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Табл. 5: 10, 12; Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э. – V в. н.э.): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. Т. 2. Табл. 154: 1.

¹⁹ Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган ... С. 26. Рис. 20: 10; 21: 5, 6, 8.

²⁰ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Табл. 5: 2, 3.

²¹ Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Табл. VI: 24, 31, VII: 8; Шитов В.Н. Кошибеевский могильник ... С. 6–7. Табл. II: 1, VI: 1, VII: 1.

²² Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Пусурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2. Пенза: ПИРО, 2008. Рис. 2: 2.

²³ Степанов П.Д. Андреевский курган ... С. 67, 81. Табл. 20: 7, 34: 1; Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган ... Рис. 25: 15–18.

²⁴ Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме // Материалы и исследования по археологии Киево-Вятской археологической экспедиции (МИА КВАЭ). Т. 22. Ижевск: Удм. ун-т, 2012. Табл. 198–200; Лещинская Н.А. Ошкунский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке // Научные доклады сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции. Вып. 2. Ижевск: УдГУ, 2000. Рис. 10: 1–36; 11: 2–26; 16: 1–34.

²⁵ Шитов В.Н. Кошибеевский могильник ... С. 33. Табл. III: 3.

²⁶ Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган ... С. 29. Рис. 25: 2.

²⁷ Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье ... Табл. 157: 1.

²⁸ Там же. Табл. 99: 2.

²⁹ Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган ... Рис. 23: 4; Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Радюш О.А. Новые памятники писеральско-андреевского типа I–III вв. н.э. на территории Нижегородской области (предварительное сообщение) // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. Самара, 2011. № 1. Рис. 10: 10.

³⁰ Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье ... Табл. 150: 3.

³¹ Зубов С.Э., Михеев А.В. Этнокультурные процессы в Западном Поволжье ... 2006. С. 209; Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган ... Рис. 41; Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Радюш О.А. Новые памятники писеральско-андреевского типа ... Рис. 10: 8, 9; Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) // МИА КВАЭ. Т. 27. Ижевск, 2014. Табл. 80: 13.

³² Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху ... Табл. 80: 13.

³³ Степанов П.Д. Андреевский курган ... Табл. 11: 1–19, 15: 18–19, 18: 4.

³⁴ Там же. Табл. 37: 1.

- ³⁵ Там же. Табл. IV: 9; Ашихмина Л.И., Клюева Г.Н. Иксский могильник – новый памятник пьяноборской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УдГУ, 1984. С. 49. Рис. 3: 19; Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 102. Рис. 7: 7.
- ³⁶ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Рис. 32.
- ³⁷ Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье ... Табл. 29.
- ³⁸ Полесских М.Р. Ранние могильники древней мордовы в Пензенской области // Советская археология (СА). 1959. № 4. С. 205. Рис. 3: 4.
- ³⁹ Гришаков В.В. Население верховьев Мокши и Суры накануне Средневековья. Саранск: МГПИ им. М.Е. Евсевьева, 2005. Рис. 11: 1.
- ⁴⁰ Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы ... Табл. VI: 28.
- ⁴¹ Башенъкин А.Н. Финно-угры и славяне на Кобоже и Чагодоще. Рис. 127: 9. В последних случаях «голенище» сапога удлиненное, «носки» располагаются плотнее друг к другу. К ним типологически близки подвески из Конарского селища. «Сапожки» второй разновидности имеют промежуточную форму и ближе всего к подвескам из разграбленного Пильницкого I могильника (Зубов С.Э., Либанов Н.А., Радюш О.А. Новые памятники писеральско-андреевского типа ... Рис. 12: 6).
- ⁴² Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды Марийской археологической экспедиции (МАЭ). Т. 2. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 174.
- ⁴³ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. С. 92–93.
- ⁴⁴ Ашихмина Л.И., Клюева Г.Н. Иксский могильник – новый памятник пьяноборской культуры ... С. 51.
- ⁴⁵ Гришаков В.В. Население верховьев Мокши и Суры накануне Средневековья. С. 21–22.
- ⁴⁶ Степанов П.Д. Андреевский курган ... С. 33.
- ⁴⁷ Зубов С.Э., Михеев А.В. Этнокультурные процессы в Западном Поволжье ... С. 17.
- ⁴⁸ Матвеева Г.И. К вопросу об основных компонентах формирования культуры Андреевского кургана // Археология восточноевропейской лесостепи: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию А.Е. Алиховой. Пенза: Пензенский ГПУ, 2003. С. 291.
- ⁴⁹ Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме. С. 67.
- ⁵⁰ Лещинская Н.А. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке. Рис. 27: 11.
- ⁵¹ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. С. 32. Табл. 1: 15.
- ⁵² Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган ... Рис. 20: 10; Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Табл. XIX: 17.
- ⁵³ Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган ... Рис. 20: 10.
- ⁵⁴ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Табл. 3: 25.
- ⁵⁵ Там же. Табл. 3: 26.
- ⁵⁶ Там же. Табл. 3: 23.
- ⁵⁷ Шитов В.Н. Кошибеевский могильник ... Табл. VII: 10.
- ⁵⁸ Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху ... Табл. 102: 18–19.
- ⁵⁹ Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы ... Табл. III: 11.
- ⁶⁰ Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху ... Табл. 102: 16.
- ⁶¹ Лещинская Н.А. Заметки об азелинских древностях (в связи с исследованиями П.Н. Старостина) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: сб. статей к 70-летию П.Н. Старостина. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. Рис. 3: 7. (АЕС; вып. 10).
- ⁶² Зубов С.Э., Либанов Н.А., Радюш О.А. Новые памятники писеральско-андреевского типа ... Рис. 12: 2, 3.
- ⁶³ Каходский В.Ф. Коллекционная опись материалов булгарского селища близ д. Челкасы Вурнарского района Чувашской АССР. Чебоксары, 1968 // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 776. Инв. № 2425. С. 38.
- ⁶⁴ Степанов П.Д. Андреевский курган ... Табл. 47: 13–22; Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган ... С. 29–30. Рис. 25: 31–33.

- ⁶⁵ Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Радюш О.А. Новые памятники писеральско-андреевского типа ... Рис. 12: 4.
- ⁶⁶ Там же. Рис. 12: 9.
- ⁶⁷ Мясников Н.С., Михайлов Е.П., Березина Н.С. Сендиниринский грунтовый могильник – новый памятник конца раннего железного века в Чувашском Поволжье (по материалам исследований 2012 г.) // Чувашская археология. Вып. 2. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. Рис. 8: 20–24; 9: 21–35.
- ⁶⁸ Генин В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: пьяно-борская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э. М.: Наука, 1988. Рис. 4: 104; Агеев Б.Б. Пьяно-борская культура. Табл. 8: 16.
- ⁶⁹ Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. 2. Рис. 105.
- ⁷⁰ Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Поволжья и Примокшанья. Рис. 2: 4.
- ⁷¹ Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган ... Рис. 20: 10, 11; Агеев Б.Б. Пьяно-борская культура. Табл. 8: 1, 2; Пищеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // Археология и этнография Башкирии (АЭБ). Т. 3. Уфа: БФАН СССР, 1968. Рис. 11: 1, 3; Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Поволжья и Примокшанья. Рис. 1: 1, 2, 6; 2: 2, 5; 6: 1.
- ⁷² Агеев Б.Б. Пьяно-борская культура. Табл. 11: 5, 16, 22.
- ⁷³ Лещинская Н.А. Оштинский могильник – памятник пьяно-борской эпохи на Вятке. С. 10; Лещинская Н.А. Вятский край в пьяно-борскую эпоху Табл. 80: 1–2, 3, 10.
- ⁷⁴ Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН, 1997. Рис. 38: 5.
- ⁷⁵ Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындийский I могильник II–III вв. на Средней Каме. С. 61.
- ⁷⁶ Лаптева Т.А. Эполетообразные застежки Прикамья // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск: УдГУ, 1995. С. 131.
- ⁷⁷ Лещинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск: Удм. ун-т, 1995. Рис. 2: 27; Лещинская Н.А. Вятский край в пьяно-борскую эпоху ... Табл. 80: 11.
- ⁷⁸ Лаптева Т.А. Эполетообразные застежки Прикамья. Табл. I. С. 131.
- ⁷⁹ Агеев Б.Б. Пьяно-борская культура. С. 40.
- ⁸⁰ Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. 2. Рис. 28: 1–2.
- ⁸¹ Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган ... С. 44. Там аналогии.
- ⁸² Там же. Рис. 18: 16–18.
- ⁸³ Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго-Вятского междуречья в конце II–IV в. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. С. 96.
- ⁸⁴ Ставицкий В.В. Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 3 (27). С. 127–131.
- ⁸⁵ Верхняя хронологическая граница части находок охватывает III век.
- ⁸⁶ Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура // САИ. Вып. Д1–14. М.: Наука, 1965. С. 24–25.
- ⁸⁷ Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган ... С. 93.
- ⁸⁸ Там же. С. 87.
- ⁸⁹ В каталог не включены Писеральский и Климкинский курганные могильники.
- ⁹⁰ В каталоге указывается ссылка на памятник по «Археологической карте Чувашской Республики» (Т. 1–3. Чебоксары, 2013–2015). Там все источники и литература.
- ⁹¹ Данная находка обнаружена за пределами Чувашии и в «Археологическую карту Чувашской Республики» не попала. Известна по: Tallgren A.-M. Collection Zaoussailov au musée national de Finlande à Helsingfors. Monographie de la section de l'age du fer et l'époque dite de Bolgari. – Helsingfors: Commission des collections antell, 1918. Pl. VII: 35.
- ⁹² В «Археологическую карту ...» не включена.
- ⁹³ Второй предмет в «Археологическую карту ...» не включен. Известен из фондов ЧНМ.

Приложение

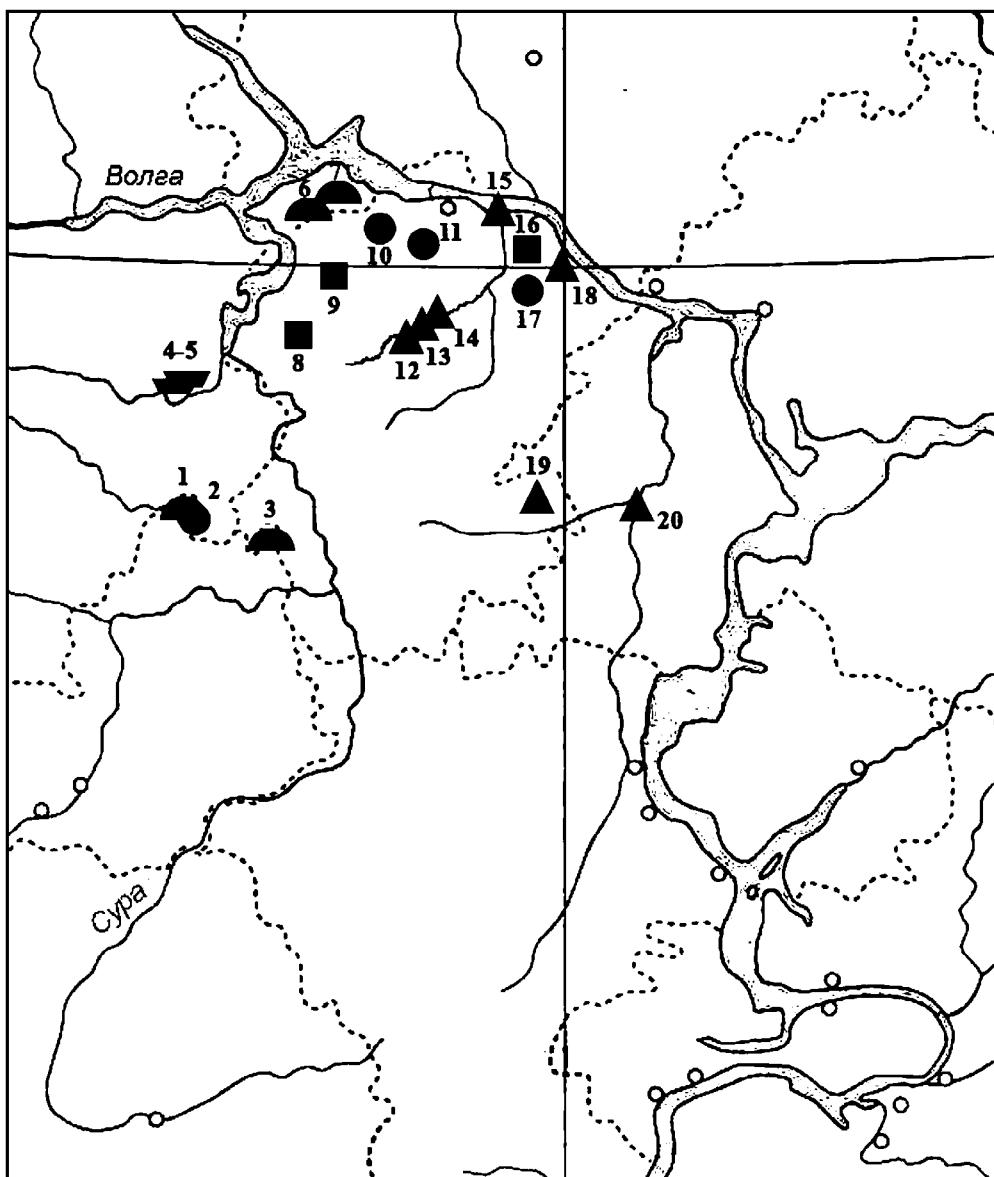

Рис. 1. Карта расположения памятников писеральско-андреевского времени в северной части Сурско-Свиняжского меандруречья: 1 – Андреевский курган, 2 – Андреевское селище, 3 – Староардатовский курган, 4–5 – Пильнинские могильники I–II, 6 – Писеральские курганы, 7 – Климкинские курганы, 8 – Тиханкинское городище I, 9 – Ягаткинское городище «Пичке Сäрч», 10 – Новошокинское селище, 11 – Большешаянгильдинское селище, 12 – Синьянл-Яушское местонахождение, 13 – Янмурзинский клад, 14 – Нижнекожарское местонахождение, 15 – Яндашевское местонахождение, 16 – Ящеринское городище, 17 – Конарское селище, 18 – Девлетгильдинское местонахождение, 19 – Большетаябинская находка, 20 – Большегроловская находка

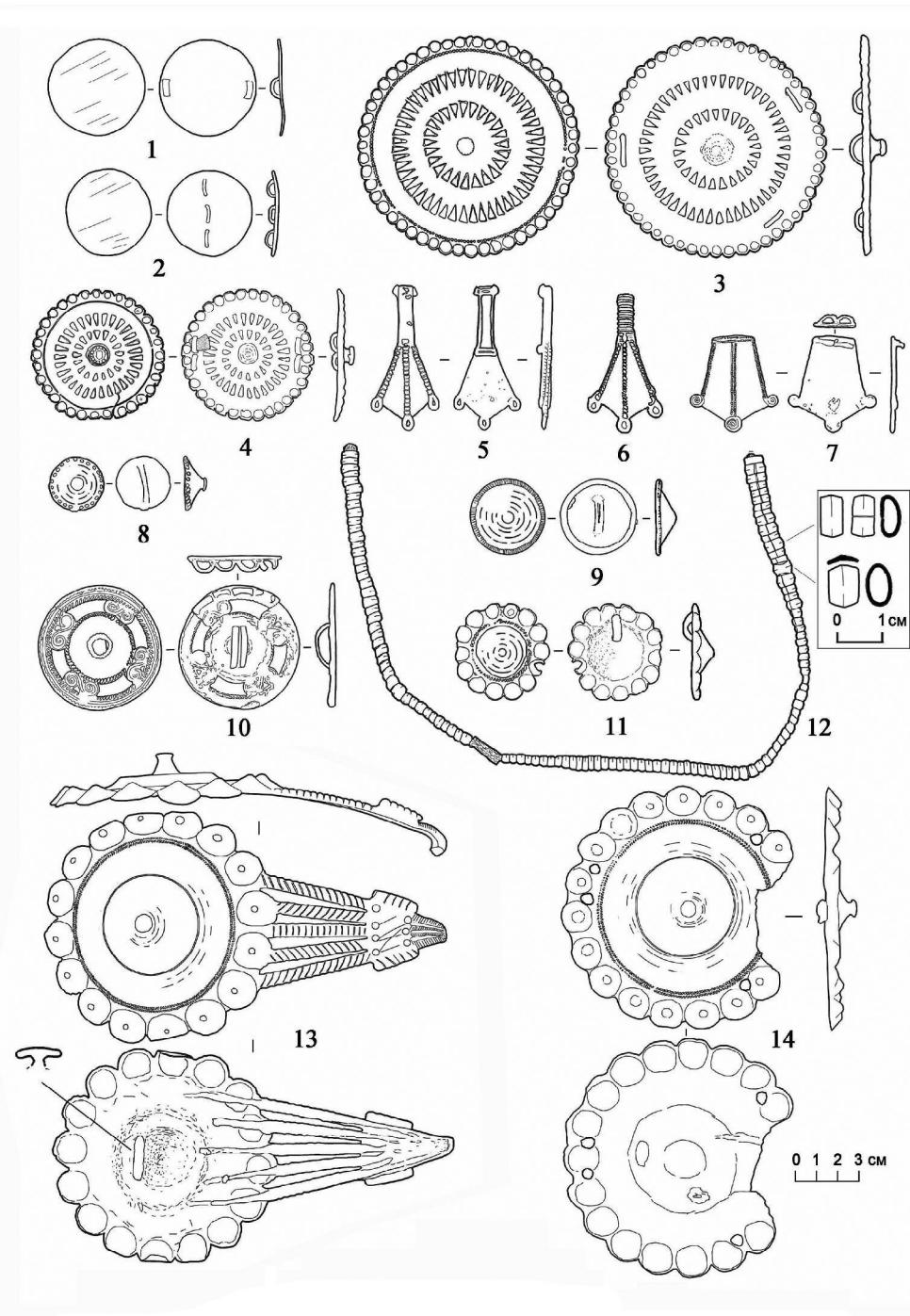

Рис. 2. Клад, обнаруженный в 1890-е гг.
на Тиханкинском городище I: бронза

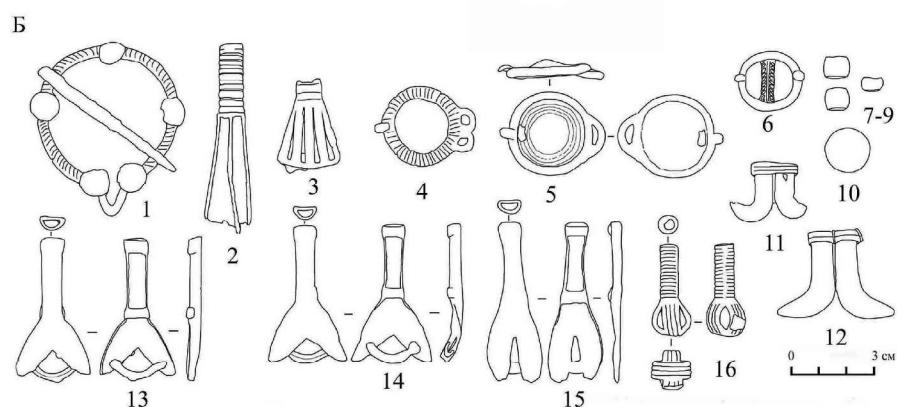
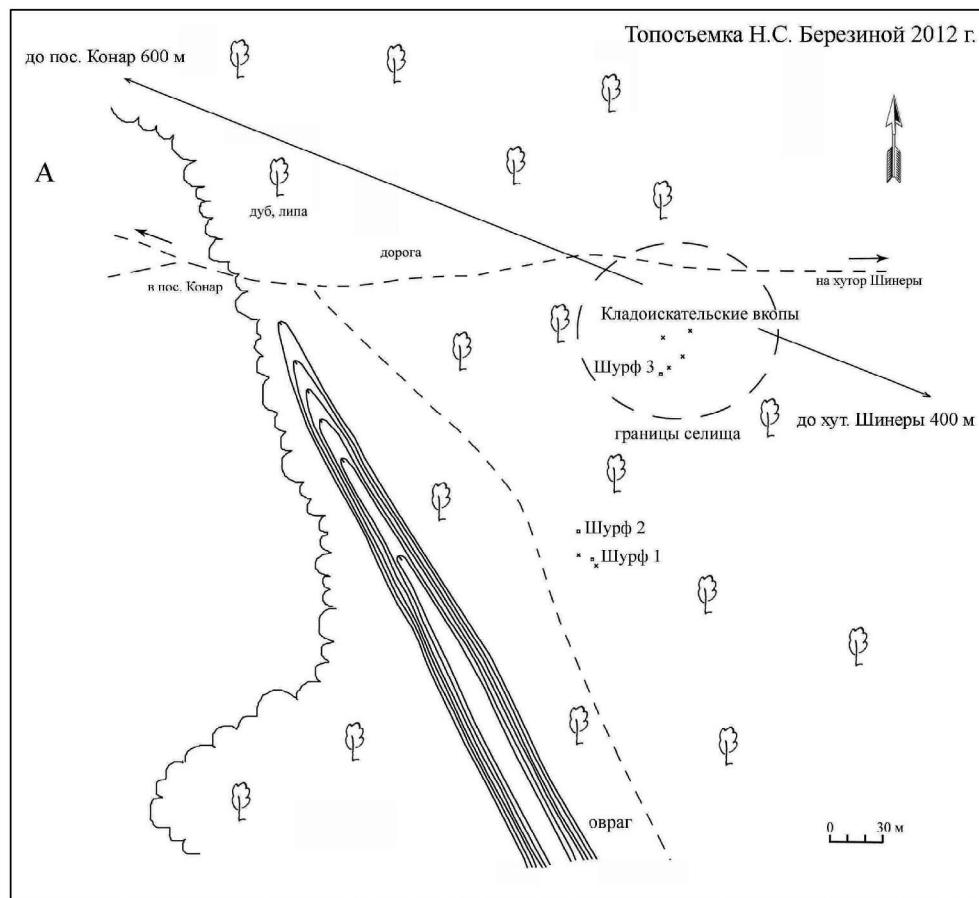

Рис. 3. Топографический план Конарского селища (A)
и находки с его территории (Б): бронза

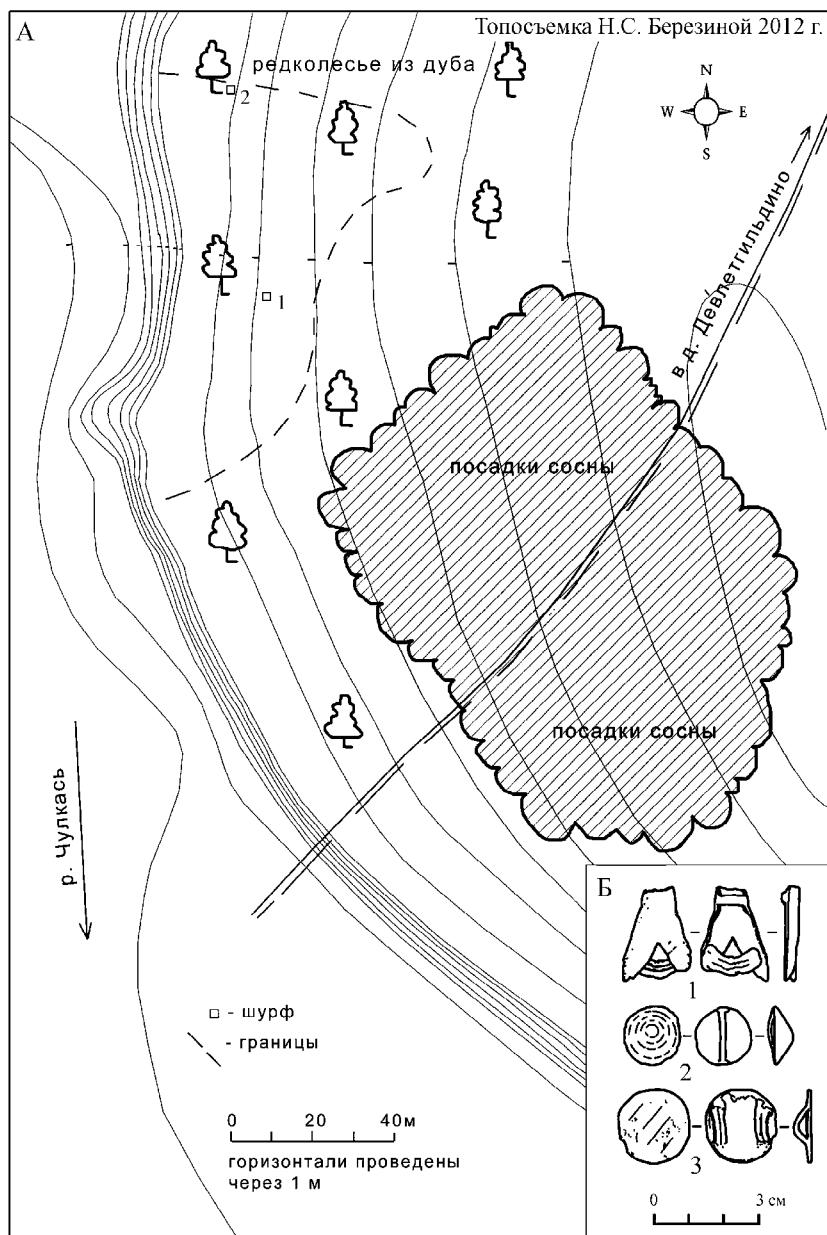
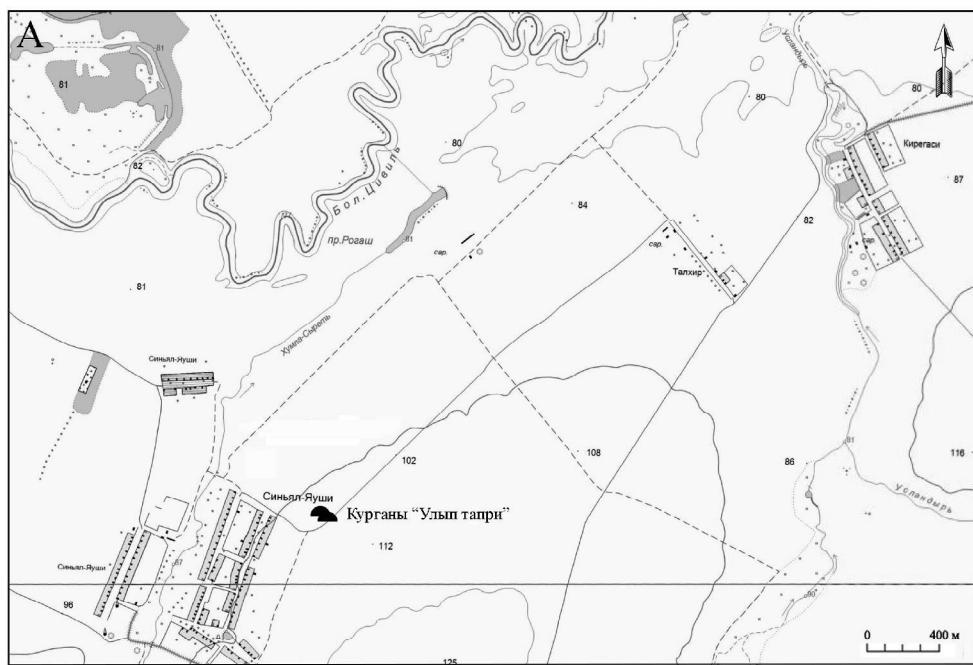

Рис. 4. Топографический план Девлетгильдинского местонахождения (А) и находки с его территории (Б): бронза

Б

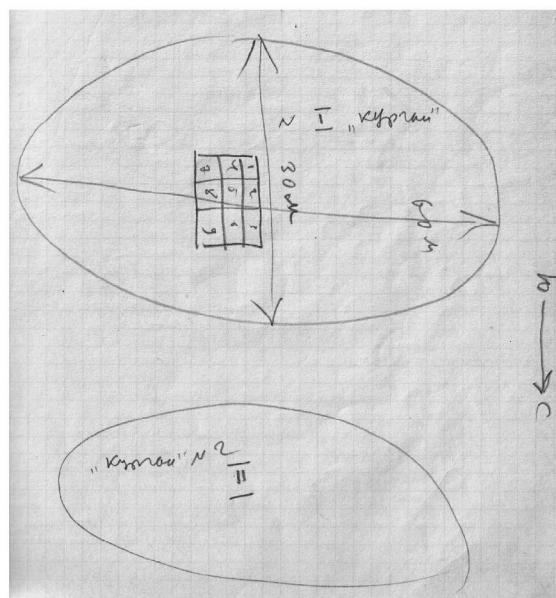
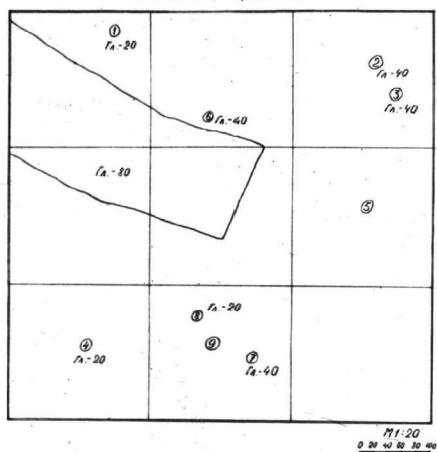

Рис. 5. Ситуационный план расположения (А) и планы «курганов» с раскопом (Б) на Синъял-Яушском местонахождении (по: Каховский В.Ф., 1968)

А

**Общий план раскопа погребения
Синъял - Яушки**

с
ю

ЛЕГЕНДА:

- ① горшок
- ② стеклянная, позолоченная бусина
- ③ стеклянная, позолоченная бусина
- ④ постовка желтая бусина
- ⑤ голубая, стекл. бусина
- ⑥ -позолоченный камень
- ⑦ бронзовая пряжка
- ⑧ железный наконечник стрелы
- ⑨ 20 шт постовых и 13 шт. стеклянных, позолоченных бусин

Б

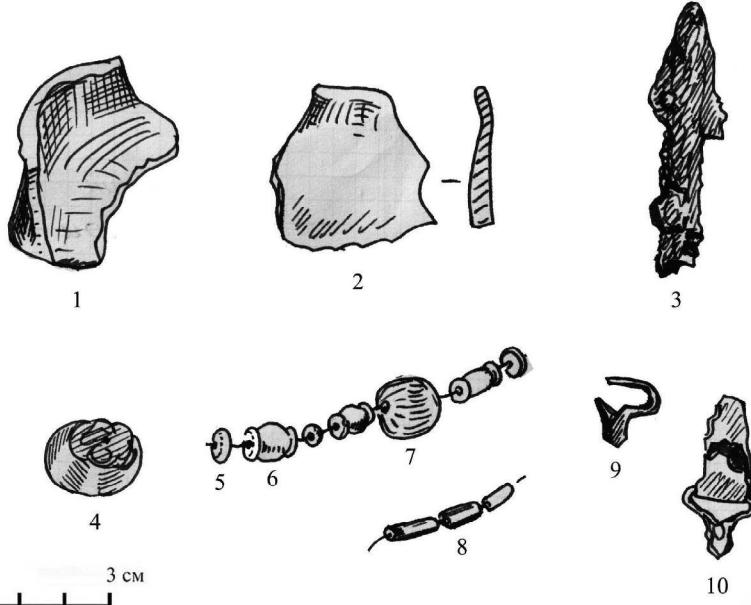

Рис. 6. План раскопа «погребения» на Синъял-Яушском местонахождении (А) и находки из раскопа (Б): 1–2 – керамика, 3 – железо, 4–8 – стекло (бусы: 4 – синяя, 5–6 – золоченные, 7 – красная), 9–10 – бронза (по: Каховский В.Ф., 1968)

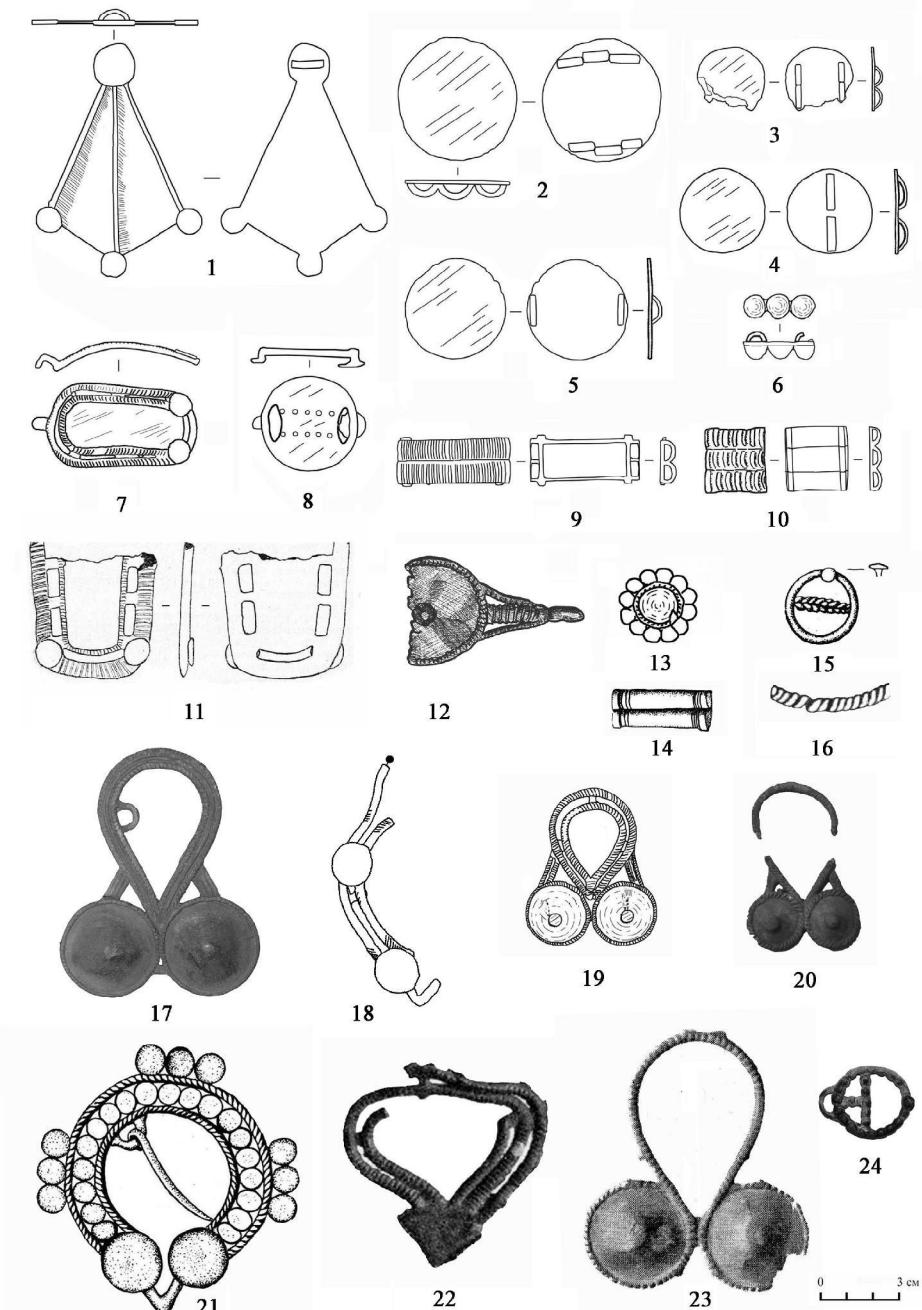

Рис. 7. Отдельные находки с территории Сурско-Свиязского междуречья: 1–10 – Ямурзинский клад, 11 – Ящеринское городище (по: Михайлов, 1991), 12 – Большенигильдинское селище (по: Каховский В.Ф., 1966), 13 – Новошокинское селище (по: Степанов, 1955), 14 – Чебоксары (по: Смирнов, 1961), 15–16 – Яндашевское местонахождение (по: Третьяков, 1948), 17 – Нижнекожарское местонахождение (ЧНМ, экспозиция), 18 – ЧНМ (фонды), 19 – ЧНМ (экспозиция), 20 – Новочебоксарская находка (ЧНМ, № 35133), 21 – Цивильский уезд (по: Смирнов, 1961), 22 – Большетаябинская находка (по: Tallgren, 1918), 23 – Большефроловская находка (по: Tallgren, 1918), 24 – ЧНМ (фонды).

Пояснения к содержанию подписей к иллюстрациям

В.Ф. Каховский, 1966 – *Каховский В.Ф.* Булгарское селище близ деревни Большое Янгильдино в Чувашской АССР // Советская археология. – 1966. – № 2. – С. 249–258.

В.Ф. Каховский, 1968а – *Каховский В.Ф.* Коллекционная опись материалов булгарского селища близ д. Челкасы Вурнарского района Чувашской АССР // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 776. Инв. № 2425.

В.Ф. Каховский, 1968б – *Каховский В.Ф.* Дневник № 2 начальника Чувашского отряда // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 776. Инв. № 2427.

В.Ф. Каховский, 1968в – *Каховский В.Ф.* Фотоснимки полевых исследований: Поволжская археологическая экспедиция, чувашский отряд // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 776. Инв. № 2428.

В.Ф. Каховский, 1968г – *Каховский В.Ф.* Археологические работы в Чувашии в 1967 году: Поволжская археологическая экспедиция, чувашский отряд // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 776. Инв. № 2429.

Михайлов, 1991 – *Михайлов Е.П.* Разведочные работы 1968–1988 гг. в районах Чувашии (Материалы к археологической карте ЧССР) // Вопросы археологии и антропологии Чувашии. – Чебоксары: ЧНИИ, 1991. – С. 38–52.

Смирнов, 1961 – *Смирнов А.П.* Железный век Чувашского Поволжья. – 1961. – 171 с. – (Материалы и исследования по археологии; № 95).

Степанов П.Д. Отчёт о работе разведочной археологической экспедиции Саратовского государственного педагогического института летом 1954 г. в пределах Чувашской АССР // Архив ИА РАН. – № 990.

Третьяков, 1948 – *Третьяков П.Н.* Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1948. – 76 с.

Tallgren, 1918 – *Tallgren A.-M.* Collection Zaoussailov au musee national de Finlande a Helsingfors. Monographie de la section de l'age du fer et l'époque dite de Bolgary. – Helsingfors: Commission des collections antell, 1918. – 60 p.

N.S. Myasnikov

TREASURES AND INDIVIDUAL FINDS OF PISERALSKO-ANDREEVSKY TIME IN SURSKO-SVIAZHSKY INTERFLUVES AREA

The article deals with the treasures and individual finds of the 1st century, discovered in the territory of Sursko-Sviazhsky interfluvies area. The indicated monuments and locations refer to the so-called «Piseralsko-Andreevsky» time and allow a better understanding of cultural and historical situation in the region at the time when burials in Andreevsky and Piseralsky burial kurgans were carried out, and expand the concept of the given epoch monuments geography. Analogies to most of the objects are found both in Piseralsko-Andreevsky and Pyanoborsky monuments.

Keywords: Archaeology, monuments of Piseralsko-Andreevsky type, Pyanoborsky culture, Chuvash Povolzhye, Sursko-Sviazhsky interfluvies area, Early Iron Age, Roman time.

ИСТОРИЯ

ЧГВ, 2017 г., № 12
© А.Р. Мухамадеев

К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ОБЫЧНОГО ПРАВА У ВОЛЖСКИХ БОЛГАР

Развитие права в Волжской Болгарии домонгольского периода можно считать явлением уникальным. За относительно короткий промежуток времени существования этого государства (X – первая треть XIII в.) здесь произошли глобальные изменения, связанные с поочередно действовавшими двумя общественно-правовыми системами взаимоотношений, основанными на разных религиях, культурах и мировоззрениях. В статье рассматриваются вопросы преемственности права волжских болгар доисламского периода. Эволюция болгарского общества была связана с изменением не только временных, но и пространственных факторов, которые сопутствовали перемещению мест обитания и природно-климатических условий. Однако принципы самих норм этнического обычного права, основанных на древнетюркских традициях, оставались по сути теми же.

Ключевые слова: Волжская Болгария, обычное право, преемственность, торе, йусун, рецепция.

Общественно-правовые явления этносов имеют как общие черты, так и особенности, которые проистекают из предшествующих и трансформируются в будущие формы. В своей эволюции тюрки руководствовались традициями, обычаями и принципами, порожденными их предками, постоянно обновляя и совершенствуя систему взаимоотношений. Отдельные тюркские государства и государственные образования, сыгравшие значительную роль во всемирной истории, основываясь на общетюркских принципах, выбирали свой путь развития, свою систему ценностей и правила поведения, включающие ритуалы и символы, приспосабливаясь к эпохе, конкретным geopolитическим, географическим и природно-климатическим условиям.

Занявшие обширные просторы Среднего Поволжья болгары уже имели навыки приспособления к новым природным условиям и образу жизни, хозяйственной деятельности. Более того, ими был накоплен многовековой опыт создания на новых территориях государственных образований, ближай-

Алмаз Раисович Мухамадеев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; e-mail: almazrm42@mail.ru.

шими из которых хронологически были Великая (Приазовская) Болгария и Хазарский каганат. Болгары ко времени переселения в край были давно приобщены к государственно-правовой системе, ценностям и культуре государства и в случае гибели их государства вновь самоорганизовывались без особых проблем. Бесспорное подтверждение тому – образование после гибели Великой Болгарии в VII в. сразу двух Болгарий в разных географических точках – Дунайской и Волжской. Оставшиеся в Приазовье болгары плавно влились в государственно-правовую систему Хазарии, болгарские князья стали частью элиты каганата.

Изначально пришлое болгарское население на Средней Волге было далеко не монолитным, его, скорее, можно охарактеризовать как сообщество, конфедерацию родственных племен. Кроме непосредственно самих болгар/булгар, в средневолжское сообщество входили такие племенные группы, как сувары, барсилы, бараджары, эсегели и пр. Они переселялись на территорию будущей Волжской Болгарии в разные временные отрезки в течение VIII–X вв. и с разных точек обширной территории Хазарского каганата.

Несмотря на общность происхождения, религии и мировоззрения этих племенных групп, говорить о сформировавшейся на государственном уровне единой правовой системе в доисламской Волжской Болгарии вряд ли приходится. Сообщения секретаря багдадского посольства 922 г. к волжским болгарам Ибн Фадлана о преступлениях и наказаниях, нормах семейного и наследственного права относятся к нормам обычного права непосредственно только болгар¹. Конкретных сведений о правовых взаимоотношениях других племен-конфедератов, объединившихся в государство Волжская Болгария, мы, к сожалению, не имеем. Бессспорно одно: все племена болгарского сообщества исторически придерживались древнетюркского языческого мировоззрения, культуры и религии – тенгрианства, а взаимоотношения между собой и внутри общин строили на основе общих норм древнетюркского обычного права. Однако говорить о полной схожести, тождественности норм обычного права племен болгарского сообщества на Средней Волге не приходится.

В связи с этим хотелось бы сослаться на З. Яхтанирова, который пишет, что на Кавказе, например, обычное право не одинаково у всех народов, нет такой системы, которая претендовала бы на всеобщее признание. Нам особо интересны утверждения исследователя о том, что балкарская система обычного права, например, обнаруживает много разительных контрастов по сравнению с карачаевской, хотя это и родственные, говорящие на одном языке народы и пр.²

В части правовых взаимоотношений волжских болгар языческого периода встает вопрос об их истоках и преемственности с обычным правом предыдущих тюркских народов. Татарский эмигрант в Турции С. Максуди, исследовавший в 1920–1940-х гг. тюркскую историю и право, рассматривал проблему заимствования древними тюрками правовых норм у других народов, рецепции права. Изыскания приводят ученого к однозначному выводу:

законы тюрков были оригинальны и носили самостоятельный характер. В древний период, как пишет С. Максуди, тюрки могли воспринять понятие «закон» только из Китая. Однако сами китайские источники ясно сообщают о том, что основы права не были заимствованы из Китая. В них утверждается, что у тюрков (гуннов) нет ни «ли» (законов, касающихся обязанностей), ни «и» (правил общения). Это лишь доказывает, что гуны не восприняли собственно китайские законы «ли» и «и», заключает исследователь. На вопрос о том, заимствовали ли тюрки понятие «закон» и правовую систему у других народов или же это продукт их собственной умственной деятельности, он однозначно отвечает, что «законы тюрков были оригинальными и носили самостоятельный характер»³.

Фактически всем своим трудом («Тюркская история и право») С. Максуди опровергает мнение, довольно широко распространенное в западной исторической литературе того периода, о полной бездеятельности тюрков в области создания и развития правовых отношений. Одним из факторов, определивших положение тюрков как народа, способного создать государство, ученый считает «сильно развитое у них чувство общественного порядка, т.е. стремление к жизни на основе установленных законов и правил»⁴. Относительно нашего исследования из суждений С. Максуди можно говорить о его убеждении об отсутствии среди тюркского (древнетюркского) сообщества такого явления, как рецепция права. Иначе говоря, древние тюрки никогда и ни у кого не заимствовали в части норм права и правил поведения, все формы правовых взаимоотношений появились исключительно в недрах древнетюркского сообщества. Такое утверждение само по себе является более чем спорным и опровергается историей развития права народов мира в целом. Изыскания специалистов по истории права практически не оставляют сомнений, что правовые системы всех стран с давних времен «тесно взаимодействуют друг с другом, ведут между собой нескончаемый культурный диалог»⁵.

Не углубляясь в проблемы заимствования правовых норм и взаимоотношений древних тюрков, относительно волжских болгар можно сказать следующее. Источниками общественно-правовых отношений волжских болгар языческого (доисламского) периода были древнетюркские обычаи и традиции. Изучение показало, что взаимоотношения внутри раннебулгарского общества (социальные, земельные и налоговые, брачно-семейные, наследственные, имущественные и другие отношения, правила поведения), а также с инородческим населением строились в соответствии с давно сложившимися древнетюркскими традициями. Другое дело, что в результате развития общественных отношений некоторые нормы утрачивали свой авторитет или предназначение, переставали применяться и заменялись другими. Новые географические и природно-климатические условия, обусловившие изменения в хозяйственной деятельности, образе жизни, также приводили к определенным новшествам и изменениям. Так, письменными источниками у волжских болгар зафиксированы уникальные виды и способы наказаний за

отдельные преступления и нарушения запретов, не имевшие аналогов в других обществах мира, в том числе в тюркских обществах. Определенные корректизы в регулирование общественно-правовых взаимоотношений внесли, надо полагать, непосредственное общение и партнерство с соседними странами и народами, в частности тесное взаимодействие с русами-варягами, славянами, финно-угорскими племенами и народностями Севера⁶. Однако эти изменения лишь дополняли, обогащали жизнедеятельность булгарского общества, которая по большому счету происходила по законам предков.

Receptio с латыни означает «принятие», а приниматься и заимствовать могут или прошлый правовой опыт (что само по себе и есть право-преемственность), или же элементы прошлых или современных (в данном случае волжским болгарам), но других правовых систем. Если даже расценивать преемственность древнетюркских традиций у волжских болгар как рецепцию, то в таком случае любую преемственность можно будет расценивать как рецепцию, а это внесет неопределенность в изучение культурно-исторического развития практически всех обществ. Поэтому нам необходимо конкретно и однозначно определить понятие «рецепция», то, что оно обозначает в современный период.

На сегодняшний день «рецепция» имеет своим содержанием восприятие и приспособление каким-либо обществом социальных и культурных форм, возникших в другой социокультурной среде (другая страна, другой исторический период)⁷. В толковом словаре 30-х гг. XX в. слово «рецепция» расшифровывается так: «Усвоение и приспособление данным обществом социологических и культурных форм, возникших в другой общественной среде. Рецепция римского права в странах Западной Европы»⁸. Так называемую прагматическую рецепцию можно увидеть там, где возникшие в прошлом интеллектуальные феномены используются последующими обществами напрямую для решения насущных социально-политических и социально-культурных проблем. Прагматическая направленность была характерна для самых ранних случаев рецепции. Это прежде всего наблюдается в рецепции права, в частности римского права, а потому проблема рецепции в истории права пользуется очень большим исследовательским интересом⁹.

Здесь термин «рецепция» используется для обозначения заимствования, восприятия какой-либо национальной (этнической) правовой системой принципов, институтов, идей, основных черт других национальных (этнических) правовых систем. Через понятие «рецепция» реализуется исторический подход в историко-правовой науке, поскольку о заимствованиях и влияниях в истории права речь идет с тех пор, пока эта отрасль общественного сознания пережила самоопределение. Как пишет С.В. Ткаченко, рецепция – «универсальный механизм развития права... Как правовое явление, рецепция является самым востребованным инструментом модернизации права. Зачастую по различным причинам государства прибегают к осущест-

влению полномасштабной рецепции, меняя облик общества»¹⁰. Ученый, обратившись к изучению рецепции права, утверждает, что «применение рецепции можно найти в государствах с различным правовым режимом и в различных формациях» и даже столь одиозные «закрытые» правовые системы, как, например, правовая система Древней Спарты, не могли обходиться без рецептированных «чужеземных» правовых институтов. «Известно, что древняя традиция свидетельствует о критском происхождении многих спартанских институтов, включая систему воспитания и общественных обедов»¹¹.

В случае с волжскими болгарами доисламского периода можем сказать, что они не восприняли чужеродные правовые нормы, как, например, европейцы римское право или спартанцы критские традиции. По большому счету не было приспособления обществом волжских болгар к социологическим и культурным, правовым формам, возникшим в другой общественной среде. В общественно-правовых взаимоотношениях они не использовали европейские, китайские или персидские нормы. Право развивалось в русле древнетюркских традиций.

Чтобы понять, что рецепция (во всяком случае, полномасштабная) как таковая не существовала в доисламский период истории волжских болгар, необходимо остановиться и на источниках обычного права древних тюрков. Один из основных источников права древних тюрков, *торе* (*tora – toru, tora*) в памятниках древнетюркской письменности в целом обозначены как «порядок», «правило», «обычай», «закон», «право». Поскольку понятие «торе» было хорошо известно орхонским тюркам, а данных о более раннем его употреблении не имеется, то, как считает В.В. Трапавлов, формирование принципов управления кочевой империей в соответствии с торе следует отнести к VI–VIII вв.¹² Однако не факт, что торе как закон «данный Небом», как высший закон не применялся во взаимоотношениях более древних тюркских обществ. Другим важным источником обычного права для древних тюрков был *йусун*, регулировавший частноправовые отношения (брак, семья, наследство, побратимство и пр.). В отличие от торе, регулировавшего государственное устройство, взаимоотношения между «Небом и землей», нормы *йусуна* решались на уровне общин, без вмешательства государственных структур. Они оставались внутренними. Кроме этих источников права, споры и тяжбы древних тюрков, а также отдельные важные вопросы разрешались актами, волей правителей, судебными прецедентами, договорами.

Эти же источники права были в общих чертах характерны и для волжских болгар домонгольского периода. Поэтому говорить о рецепции права в их обществе не приходится. Речь идет о преемственности общественно-правовых взаимоотношений, но с некоторыми поправками. Могли изменяться временные и пространственные факторы, которые сопутствовали перемене мест обитания и природно-климатических условий. Однако основы и принципы самих норм обычного права, сформированных на древнетюркских традициях, оставались в главных своих позициях теми же.

Ситуация изменилась с проникновением и официальным принятием на государственном уровне в X в. ислама. К волжским болгарам пришла религия, основанная иной этнической системой и при совершенно других природно-климатических условиях. Несмотря на то что историческая эпоха совпадала, отныне тюрк лесостепной зоны вынужден был жить по правилам и законам араба пустыни. Поэтому не приходится удивляться, что многие традиции арабо-мусульманской культуры могли совершаться тюрками чисто внешне. Более того, случались и недоразумения, в частности из-за природно-климатических особенностей Ближнего Востока и Среднего Поволжья. Как один из примеров можно привести практику совмещения вечерней и ночной молитв в летнее время в средневолжских широтах. Вопрос об этом встал в первые же дни прибытия багдадского посольства Ибн Фадлана к волжским болгарам и вызвал между ним и правителем болгар Алмышем некое недоразумение и конфликтную ситуацию¹³.

Впрочем, мнения специалистов об уровне исламизации Волжской Болгарии разнятся. В основном принято считать, что в домонгольской Волжской Болгарии уровень проникновения ислама был довольно поверхностным. Другие же ученые пишут о Волжской Болгарии исключительно как о мусульманской стране начиная с XI в. В любом случае уже произошло проникновение религиозно-мировоззренческих и материально-культурных ценностей чужеродного происхождения. Учитывая, что шариат регулирует практически все вопросы частноправового характера, требует от мусульманина веры только в своего бога и совершения обрядов только по своим правилам, рецепция права в данном случае несомненна.

Нечто подобное мы видим и у дунайских болгар, в частности в «Законе судного людям», составленного на основе обычного права дунайских болгар. На формулировки норм обычного права этого важного для изучения социальной структуры языческого болгарского общества VIII–IX вв. документа оказала влияние византийская «Эклога» – законодательный документ VIII в. Составители «Закона судного людям» активно перерабатывали византийские формулы, стремясь привести их в соответствие с болгарской действительностью. Несмотря на то что терминология этого акта является славянской, исследователи называют его основой нормы обычного права дунайских болгар¹⁴. По большому счету этот пример также можно считать рецепцией византийского права в Дунайской Болгарии.

На основе изложенного можно заключить следующее. Волжские болгары прибыли в Среднее Поволжье со сложившимися нормами обычного права, основанными на древнетюркских традиционных нормах права. Природно-климатические и географические особенности края, близкие контакты с соседними народами и племенами привели к изменению или исчезновению некоторых из них и появлению новых. Вместе с тем преемственность традиций не нарушалась, в основе взаимоотношений волжских болгар оставалось древнетюркское обычное право. После принятия ислама происходит рецепция арабского мусульманского права.

Литература и источники

- ¹ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та им. М. Горького, 1956. С. 136–139.
- ² Яхтанигов З. Обычное право на Кавказе: вопросы источников, компиляции и рецепции // История государства и права. № 24. 2008. С. 23.
- ³ Максуди Садри Арсал. Тюркская история и право. Казань: Фэн, 2002. С. 234.
- ⁴ Там же. С. 235.
- ⁵ Ткаченко С.В. Рецепция права: идеологический компонент. Самара: СамГАПС, 2005. С. 5.
- ⁶ Мухамадеев А.Р. Общественно-правовые взаимоотношения в Волжской Болгарии (VIII – начало XIII в.): дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2014. С. 174.
- ⁷ Чиглинцев Е.А. Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XXI в. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009. С. 7.
- ⁸ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=66359> (дата обращения 12.01.2017).
- ⁹ Чиглинцев Е.А. Указ. соч. С. 8.
- ¹⁰ Ткаченко С.В. Указ. соч. С. 3.
- ¹¹ Там же. С. 5.
- ¹² Трапавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности. М.: Наука, 1993. С. 40.
- ¹³ Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 133.
- ¹⁴ История Болгарии. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 60.

A.R. Mukhamadeev

ON THE QUESTION OF CUSTOMARY LAW CONTINUITY IN THE VOLGA BULGARIA

Development of the law in the Volga Bulgaria of pre-Mongol period can be considered as a unique phenomenon. In a relatively short period of this state existence (10th – first third of the 13th century), global changes took place, they were related to alternately acting two public-legal systems of interrelations, based on different religions, cultures and worldviews. The article deals with the issues of law continuity of pre-Islamic Volga Bulgarians. The evolution of Bulgarian society was connected with the change of not only temporal but spatial factors as well, which accompanied the change of habitats and natural-climatic conditions. However, the principles of the norms of ethnic customary law, based on Turkic traditions, remained essentially the same.

Keywords: Volga Bulgaria, customary law, continuity, tore, yusun, reception.

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ
ГОРОДА ЧЕБОКСАРЫ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ
РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

ЧГВ, 2017 г., № 12

© Ю.В. Гусаров

Освещается общественно-политическая жизнь г. Чебоксары в годы революции 1905–1907 гг. Рассмотрена революционная деятельность интеллигенции, учащейся молодежи, рабочего движения. В общественной жизни города был представлен весь спектр политических партий. Самыми многочисленными были кружки эсеров и социал-демократов, связанные с региональными партийными центрами. В ходе революции и в годы реакции многие видные участники общественно-политических событий были арестованы или подверглись административному преследованию.

Ключевые слова: революция 1905–1907 гг., эсеры, социал-демократы, кадеты, Государственная дума, нелегальная литература, забастовки, митинги, политическая реакция.

Общественно-политическая жизнь г. Чебоксары периода 1905–1907 гг. не являлась предметом специального изучения. Отдельные её события освещались в работах, посвященных Первой российской революции в Чувашии, истории Чувашской областной организации КПСС и города Чебоксары¹. Руководствуясь идеологическими постулатами, советские историки преувеличивали масштабы и степень организованности рабочего движения, не всегда подкрепляли сказанное источниками. Руководящую роль в революционном движении в городе и его окрестностях приписывали местному социал-демократическому кружку, который называли большевистским². Отдельные исследователи писали даже о двух социал-демократических группах, при этом рабочий кружок в земской кузнечно-слесарной мастерской причисляли к большевистским³. Деятельность небольшевистских социалистических, а также либеральных партий, как правило, замалчивалась, а их участники по большей части зачислялись в социал-демократы (большевики)⁴. В лучшем случае писалось о со-

Юрий Владимирович Гусаров – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: gsr63@yandex.ru.

трудничестве «чебоксарских большевиков» с лидером чувашских эсеров Т.Н. Николаевым⁵. Эта традиция зародилась в мемуаристике 1930-х гг.⁶, когда бывшие эсеры – участники событий – пытались завуалировать своё политическое прошлое.

В статье использован комплекс дополняющих друг друга опубликованных⁷ и архивных документов, в том числе материалы периодики начала XX в., воспоминания участников революции⁸. Отметим, что мемуарные источники имеют фактологическую ценность, но не свободны от неточностей, тенденциозности и субъективизма в оценках исторических событий и лиц. Привлечение широкого круга источников позволило дополнить картину событий периода революции 1905–1907 гг. в г. Чебоксары и исправить ряд фактических ошибок, допущенных историками и мемуаристами.

Политические митинги и собрания. Чебоксары являлись административным центром аграрного уезда с преобладанием чувашского населения. В 1897 г. в городе проживало 4738 жителей, в том числе русских – 4268 чел. (90,1 %), чувашей – 439 (9,3 %) и других⁹. Каждый пятый чебоксарец являлся учащимся общеобразовательного (начального, среднего), профессионального или духовного учебного заведения (всего 10), среди них было немало иногородних. Из промышленных заведений в городе имелся казенный винный склад (в 1906 г. постоянных рабочих – 54¹⁰) и пригородный лесопильный завод купца П.Е. Ефремова (около 200 постоянных и сезонных рабочих); ещё два лесопильных завода (братьев И.И. и А.И. Губиных и С.И. Хлебникова) располагались за Волгой близ д. Голодяиха.

Первая русская революция всколыхнула страну от центра до окраин. О её начале чебоксарцы узнали не только из газет. И.Д. Никитин¹¹ вспоминал, что в начале января 1905 г. на домашнем собрании в квартире Е.А. Ветошкиной (урожд. Николаевская, 1862–1915), жены помощника учителя духовного училища К.А. Ветошкина, было оглашено полученное кем-то частное письмо из Петербурга с рассказом о «кровавом воскресенье», которое вызвало у присутствующих чувство ненависти к властям и умножило число противников монархии¹².

Внешне город продолжал жить привычной жизнью, но уже с лета на его улицах стали находить революционные листовки¹³. В дни Всероссийской октябрьской политической стачки не работала почта, не выходили газеты, горожане питались слухами. 19 октября в город приехали распущенные по домам студенты и учащиеся казанских учебных заведений, рассказавшие о демонстрациях и уличных боях в Казани 16–17 октября 1905 г. Они привезли множество революционных песен, которые стали исполняться на политических собраниях и домашних посиделках. Тогда же из Казани и Нижнего Новгорода поступили газеты с Манифестом 17 октября, на которые с жадностью набросилась интеллигенция¹⁴.

Общественная жизнь города сразу оживилась. Первой политической акцией стал незаконный митинг в память ректора Московского университета князя С.Н. Трубецкого (1862–1905), чья смерть получила российский резонанс. 21 октября 1905 г. по городу были расклеены рукописные афиши с

приглашением горожан на панихиду «по борцу за гражданскую свободу». На следующий день в дворянском клубе прошел митинг под председательством агронома В.И. Вишневского (1878–?), который сказал речь, роздал присутствующим Манифест 17 октября и печатную листовку об избирательном праве. Выступили также земский врач Чебоксар Н.С. Петров, лесничий Липшинского лесничества Э.А. Адольф и др. Позднее имя общественного деятеля России было увековечено в названии благотворительной организации «Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в Чебоксарах памяти кн. С.Н. Трубецкого»¹⁵.

В базарный день (понедельник) 23 октября 1905 г. состоялся молебен на Базарной площади. На нём выступил надзиратель Чебоксарского духовного училища Н.В. Ячин. Взобравшись на пустую бочку у торговой лавки, он рассказал о Манифесте 17 октября и демократических свободах. По свидетельству очевидца, выступление Ячина понравилось слушателям, а речь сменившего его городского головы – нет¹⁶.

Площадками для политических собраний и митингов стали клуб Благородного (Дворянского) собрания (позднее – Народный дом) и чайная-читальня Попечительства о народной трезвости (ПНТ)¹⁷. Позже открылся клуб Общественного (всесословного) собрания в доме купца А.П. Игумнова на Базарной площади, куда переместился центр культурной жизни города¹⁸.

С января 1907 г. в читальном зале городской публичной библиотеки периодически появлялся рукописный юмористический журнал «Браунинг» с заметками из жизни города (вышло три номера), автором которого считают увлекавшегося литературным творчеством читателя Бурцева. Журнал пользовался популярностью у читателей, но, по воспоминаниям, «блестители порядка в библиотеке его убирали быстро»¹⁹. К слову, в актив библиотеки входили её подписчики, проявившие себя на поприще общественной жизни: К.А. Покровский, учитель мужского приходского училища С.Ф. Гаврилин, податной инспектор А.Н. Бочаров (1864–1937), И.Д. Никитин²⁰. В 1905–1906 гг. полиция несколько раз проверяла фонды библиотеки на наличие запрещенной литературы²¹.

До революции дворянский клуб носил закрытый характер, но с началом демократизации по рекомендации членов клуба в него стали допускаться посторонние. В октябре – ноябре 1905 г. в клубе чуть ли не ежедневно собирались интеллигенция, земские служащие, рабочие и учащиеся, читались доклады о свободе совести, демократических свободах и др., обсуждались программы политических партий. Ораторами выступали уездный врач К.А. Покровский²², Н.В. Ячин, В.И. Вишневский, помощник лесничего В.Д. Сперанский, учитель духовного училища А.М. Девицкий, священник Михаило-Архангельской церкви В.А. Боголюбов, студенты А.Р. Заленский, Копец (оба – Казанского университета), В.В. Пятницкий (Юрьевский университет) и др.²³, приезжие агитаторы. Уже в октябре образовался кружок интеллигенции по политическому просвещению народа²⁴.

Лидер чувашских эсеров Т.Н. Николаев²⁵, приехавший летом 1905 г. на родину, в д. Большие Крышки Чебоксарского уезда, для организационно-партийной и агитационной работы, вспоминал, что дважды «очень ярко» выступил на митингах в Чебоксарах, «отстаивая интересы крестьян в аграрном вопросе»²⁶. Речь идёт о собраниях интеллигенции, молодёжи и крестьян, состоявшихся 31 октября и 1 ноября 1905 г. Выступившие на них В.Д. Спешинский, Э.А. Адольф, В.Н. Петров, дьякон Языков и другие рассказали об аграрных программах эсеров и социал-демократов, политических свободах, предстоящих выборах в Государственную думу, призывали не допускать провокаций и погромов. Главным оратором был Т.Н. Николаев, говоривший о необходимости созыва Учредительного собрания, программе Всероссийского крестьянского союза²⁷. По воспоминаниям, он выступал зажигательно, а красная феска (шерстяной колпак) на голове делала его похожим на татарина²⁸. По дневниковым записям И.Д. Никитина, 1 ноября на собрании интеллигенции (председатель В.И. Вишневский, секретарь А.М. Девицкий) обсуждался вопрос об организации среди населения политico-просветительской работы²⁹, то есть агитации по выборам в Госдуму.

Со стороны консерваторов раздавались призывы закрыть клуб как место, где свила гнездо «крайняя партия»³⁰. После ареста 4 декабря 1905 г. видных агитаторов Т.Н. Николаева и В.И. Вишневского революционные собрания в клубе на время прекратились³¹. В августе – сентябре 1906 г. не действовала чайная ПНТ, в которой разместился прибывший из Казани карательный отряд³².

Одновременно с кружком интеллигенции организовалась группа молодёжи – так называемый Чебоксарский революционный комитет. Его активными членами являлись местные уроженцы: студенты В.В. Пятницкий (ок. 1882–?; сын священника Покровской церкви) и А.Р. Заленский (ок. 1880 –?; сын земского врача), писец Чебоксарского уездного казначейства К.С. Капустин (ок. 1884–?)³³. По данным полиции, лидер молодёжи Заленский был связан с Т.Н. Николаевым и казанскими социалистами³⁴. По воспоминаниям члена кружка Н.А. Бочарова, молодежь имела договоренность с Т.Н. Николаевым при подъезме крестьянского движения взять в руки оружие³⁵. Члены комитета распространяли революционную литературу в селениях Чебоксарского уезда, участвовали в организации отделений Всероссийского крестьянского союза и составлении крестьянских приговоров.

Революционный комитет разослал чиновникам-монархистам анонимные письма с угрозой убийства. В ноябре 1905 г. начальник Чебоксарской судоходной дистанции С.В. Черкасов сигнализировал, что членов клуба, «остающихся преданными престолу и Отечеству» оскорбляли и называли черносотенцами, обвинил Пятницкого в том, что тот из окна клуба стрелял по нему и председателю земской управы И.И. Есипову³⁶ из револьвера. Страсти накалились настолько, что И.И. Есипов жаловался губернатору на слежку за собой и просил выдать разрешение на ношение огнестрельного оружия³⁷. Весной 1906 г. очередной конфликт в клубе закончился бегством

И.И. Есипова и двумя выстрелами ему вдогонку из револьвера. Впрочем, поговаривали, что в известного своими амурными похождениями земского деятеля стреляли не революционеры, а кто-то из оскорблённых мужей³⁸.

Нужно сказать, что И.И. Есипов имел репутацию реакционера. Известно, что он председательствовал на собраниях монархистов в Цивильском уезде³⁹. В 1905 г. стал во главе земской управы и сразу приступил к «искоренению крамолы» среди земских служащих. В 1906 г. вопреки решению земского собрания энергичный ветеринарный врач А.Н. Кокшаров был заменен вернувшимся с русско-японской войны прежним, ничем не проявившим себя врачом К.Д. Тихановским (ок. 1868–?); в том же году гонениям подвергся популярный среди горожан и крестьян врач Д.А. Кушников, уволилась врач Е.М. Агровская, место провизора земской аптеки в обход земского стипендиата Малова получил знакомый Есипова Ремизов⁴⁰.

Революционеры владели инициативой. В ноябре 1905 г. заведующий Чебоксарским казённым винным складом В.С. Якубовский докладывал о «тревожном состоянии в городе», предлагая временно не проводить литературные вечера для рабочих из-за угрозы беспорядков «со стороны посторонних посетителей вечеров, не допустить коих нет возможности, ибо они могут войти силою»⁴¹. 1 декабря 1905 г. предводитель дворянства Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов Л.В. Эннатский сигнализировал казанскому губернатору А.А. Рейнботу о неспособности уездных властей сладить с революционным движением и просил помочь в аресте агитаторов. Красноречивая деталь: не доверяя телеграфу, своё письмо он отправил с нарочным⁴².

Революционеры не давали спуску полиции и жандармерии: на митинге 1 ноября 1905 г., собравшем более 100 чел., было принято постановление об отстранении от должности помощника уездного исправника А.М. Паристова за составление административных протоколов⁴³. В те же дни К.А. Покровский грозился вызвать земского исправника на дуэль за доносы⁴⁴. На митинге, состоявшемся в ноябре 1905 г., после протестов публики полиция пошла на попятный, разрешив сормовскому рабочему читать листовки с трибуны Народного дома⁴⁵. Со слов И.Д. Никитина известно, что 2 марта 1907 г. из клуба выгнали унтер-офицера местного жандармского пункта К.Ф. Лучанкина; в том же году не пускали в клуб полицейских служащих⁴⁶.

В годы революции стали чаще ставиться любительские спектакли, в которых были заняты местные общественные деятели А.Н. Бочаров, Э.А. Адольф, В.Ф. Громов, К.А. Покровский, А.Р. Заленский, Н.В. Ячин, Е.А. Ветошкина, учитель И.И. Малахов и др.⁴⁷ При покровительстве театров-любителей молодёжь организовывала концерты (в том числе выездные в Звенигородский Затон), заканчивавшиеся исполнением революционных песен и стихов⁴⁸. Один из них состоялся 18 июня 1906 г., собрав большое количество зрителей. После концерта по требованию зрителей хор исполнил «Марсельезу» и другие революционные песни, а «большинство публики» ему подпевало. Помощник исправника А.М. Паристов растерялся и

ретировался из клуба, а жандармы до конца концерта просидели на заборе под его окнами⁴⁹.

23 июня 1906 г. молодёжь организовала похороны своего товарища М. Винокурова с шествием под красным флагом, речами и пением революционных песен⁵⁰. Полиция отмечала ведущую роль А.Р. Заленского, братьев Бочаровых и К.С. Капустина в организации политических демонстраций на улицах города и в клубе летом 1906 г.⁵¹

Революционная работа среди крестьян. Деятельность интеллигенции и молодежи распространялась на население Чебоксарского уезда. Чебоксарский исправник докладывал, что по деревням разъезжают студенты-агитаторы, собирая народ на митинги. Директор Департамента полиции по особому отделению писал, что В.Ф. Громов, А.Н. Бочаров и К.А. Покровский способствовали «возбуждению населения путем превратного толкования правительственные решений»⁵². В.И. Вишневский также использовал служебное положение для агитационной работы среди чувашских крестьян. По воспоминаниям, крестьяне приглашали его на митинги; для не владеющих русским смысл сказанного переводили на чувашский язык⁵³. Вместе с Т.Н. Николаевым Вишневский выступал на сельских сходах и распространял нелегальную литературу⁵⁴. Известно об их выступлениях на митингах в чайной-читальне д. Исмели Чебоксарского уезда, организованных при участии земского врача Д.А. Кушникова. На одном из них, состоявшемся 30 октября 1905 г., крестьяне собрали и передали В.И. Вишневскому деньги на создание при чайной революционной библиотеки. На тайные собрания в д. Исмели приезжал и земский врач Н.С. Петров⁵⁵. По характеристике современника, он не был речист (как и В.И. Вишневский), но обладал хорошими организаторскими способностями⁵⁶.

5–6 января 1906 г. в с. Абашево Чебоксарского уезда произошло крестьянское выступление, среди организаторов которого полиция называла В.В. Пятницкого, А.Р. Заленского и учащегося педагогических курсов при Чебоксарском городском 4-классном училище П.Л. Винокурова⁵⁷. 31 декабря 1905 г. и 1 января 1906 г. двое первых встретились с лидером крестьян Г. Дмитриевым и рассказали крестьянам д. Завражное и с. Абашево о Манифесте 17 октября, призывая не подчиняться властям, рубить казенный лес и отбирать землю у помещиков (В.В. Пятницкий выступил на чувашском языке). 5 января в Абашево приехали В.В. Пятницкий и П.Л. Винокуров. Вместе с Г. Дмитриевым они призвали крестьян вооружиться, идти в Чебоксары, в союзе с горожанами поднять бунт, разоружить полицию, захватить цейхгауз, а по пути перерезать телеграфные провода, чтобы помешать властям вызвать войска⁵⁸.

В тот же день в Чебоксарах приняли присягу более 80 полицейских стражников, что увеличило количество уездной полиции в несколько раз. Под охрану полиции поступили уездное казначейство, почтово-телеграфная контора, винные лавки⁵⁹. На следующий день сводный отряд полиции из Чебоксар, Козьмодемьянска и Цивильска подавил восстание в Абашево.

7 января чебоксарский исправник Н.В. Яснитский, напуганный слухами о подготовке вооружённого нападения на город, собрал допризывников, полицейскую стражу и обратился к губернатору с просьбой прислать роту солдат⁶⁰. К слову, в 1907 г. отряд полицейской стражи из Чебоксар участвовал в подавлении крестьянского восстания в с. Чемеево Ядринского уезда⁶¹.

5 января 1906 г. был арестован А.Р. Заленский, на следующий день – В.В. Пятницкий и П.Л. Винокуров. Полиция устроила демонстрацию силы: для ареста первого были отряжены до 20 стражников с винтовками, которые устроили за ним погоню по улице⁶². В связи с событиями в с. Абашево в Чебоксарах были арестованы также знакомый А.Р. Заленского, часовой мастер М.С. Родштейн и некий юноша К.⁶³ Через некоторое время за отсутствием улик все арестованные были освобождены (например, А.Р. Заленский – 6 апреля 1906 г.)⁶⁴.

Власти пытались противодействовать революционной агитации. 3 декабря 1905 г. циркуляром МВД губернаторам было предписано создавать в губерниях и уездах комитеты для разъяснения населению содержания Манифестов 17 октября и 3 ноября 1905 г. и предпринимаемых правительством мер «по улучшению крестьянского землевладения»⁶⁵.

25 февраля 1906 г. был создан так называемый Чебоксарский уездный комитет по умиротворению страны, куда вошли представители земской управы, чиновники полиции, судебных, финансовых учреждений, лесного ведомства, народного образования, представители духовенства и другие под председательством уездного предводителя дворянства Л.В. Эннатского. На первом заседании члены комитета Э.А. Адольф, А.Н. Бочаров, Х.А. Саулит и другие предложили ограничиться раздачей брошюр, выскажав опасение, что выступления перед публикой могут быть превратно истолкованы полицией. Комитет решил организовать приходские попечительства и с их помощью проводить разъяснительную работу с населением, руководствуясь инструкциями губернского комитета. Членам комитета было указано разъяснять крестьянам, что бесплатное отчуждение помещичьей земли невозможно, предостерегать их от её захвата и призывать дожидаться принятия Государственной думой соответствующих законов⁶⁶.

В марте 1906 г. уездная земская управа передала комитету для раздачи крестьянам 50 экз. брошюр на чувашском языке с Манифестами от 6 августа, 17 октября и 3 ноября 1905 г. и комментариями к ним, полученных от инспектора Симбирской чувашской школы И.Я. Яковleva⁶⁷.

Распространение революционной литературы. Современники отмечали успех устной агитации, несмотря на это, революционеры большое внимание уделяли печатной. В годы революции в общественных местах Чебоксар (на Базарной площади, пристани и др.) регулярно появлялись революционные листовки, однако полиция не смогла поймать их распространителей⁶⁸.

Нелегальная литература поступала в Чебоксары по разным каналам, в том числе на пароходах общества «Самолёт». К моменту прибытия из

Казани рейсового парохода на пристани появлялся дежурный (обычно из школьников) с палкой, накрытой носовым платком (условный знак). Курьер с баулом сходил на берег и вступал с ним в разговор. Проверив встречающегося, передавал ему литературу и возвращался на пароход. В случае, когда курьер оставался до обратного рейса, дежурный садился с ним в лодку и поднимался вверх по Волге на несколько километров, где получал посылку. Литературу тайно доставляли в город и оставляли у аптеки, откуда за ночь её разбирали распространители. За литературой также ездили в Казань в редакцию газеты «Волжский вестник» или в книжный магазин В.Ф. Маркелова и В.А. Шаронова⁶⁹. Скажем, И.Д. Никитин привозил и распространял газету «Хыпар» (был одним из её корреспондентов), а также её издания на чувашском языке среди учителей, учащихся, рабочих винного склада, возчиков-крестьян⁷⁰. Известно, что в дворянском клубе распространители продавали «Выборгское воззвание» по 20 коп. за экземпляр⁷¹.

По данным полиции, много литературы поступало через В.Д. Сперанского и А.Р. Заленского, которые распространяли её через В.В. Пятницкого и Копеца (к сентябрю 1906 г. выбыли из Чебоксар), братьев Бочаровых – студента Казанского университета Михаила (1886–1942) и Николая (ок. 1888–?), К.С. Капустина⁷². По воспоминаниям, в большом количестве революционная литература поступала из Казани и Нижнего Новгорода через начальника почтово-телеграфной конторы В.Ф. Калмыкова⁷³.

Издания, утратившие актуальность, уничтожались (И.Д. Никитин вспоминал, что однажды В.Д. Сперанский передал ему для сожжения пачку прокламаций⁷⁴), при опасности их прятали в тайники. Так, осенью 1906 г. накануне волны обысков Н.А. Бочаров зарыл в саду жестянную банку с изданиями РСДРП, которую в 1957 г. во время садовых работ нашёл его младший брат, инженер Владимир Бочаров (1900–1971)⁷⁵. В 1908 г. под зданием Чебоксарской земской больницы был найден ящик с запрещёнными книгами, который, как заявил полиции врач Н.С. Петров, принадлежал ему и лежал там с 1906 г.⁷⁶

После октября 1905 г. на книжном рынке появились недорогие книги и брошюры политического содержания издательств «Молот», «Донская речь», «Молодая Россия» и др. Учитель С.Ф. Гаврилин сначала выписывал и покупал такую литературу, а в октябре 1906 г. оформил разрешение на разносную книжную торговлю и быстро распродал её среди учителей и рабочих. Последовав его примеру, купец Ф.М. Дряблов открыл торговлю книгами в своем мануфактурном магазине, причём из-под прилавка продавал революционные издания⁷⁷. Известно, что в феврале 1907 г. полиция конфисковала у него календарь на чувашском языке, к продаже которого купец приступил до получения разрешения на книжную торговлю⁷⁸.

Унтер-офицер жандармерии К.Ф. Лучанкин относил Ф.М. Дряблова к революционерам. Он доносил, что летом 1907 г. в домах купцов Ф.М. Дряблова, П.Н. Иевлевы и С.Н. Иевлевой часто собирались политически неблагонадёжные лица: фармацевты А.А. Кочемасов и П.П. Антонов, С.Ф. Гаври-

лин, В.Д. Сперанский, С.В. Черкасов, В.Ф. Калмыков, учитель духовного училища А.К. Ямбиков, учительница городского женского училища З.И. Шадрина, ученик Казанского промышленного училища, исключенный за революционную деятельность И.И. Ветошкин, мещанин С.М. Толмачев и др.⁷⁹

Кампании по выборам в Государственную думу. Горожане активно участвовали в кампаниях по выборам в Государственную думу. 10 марта 1906 г. в Народном доме состоялось предвыборное собрание под председательством городского головы И.С. Лаптева, на котором К.А. Покровский представил программу кадетов по крестьянскому и рабочему вопросам. Выступили также Н.С. Петров, П.Н. Петров, Э.А. Адольф, А.Н. Бочаров и др. 14 марта при выдвижении кандидатов в губернские выборщики К.А. Покровский получил 65 голосов из 124, купец-промышленник Н.П. Ефремов – 22, помощник окружного акцизного надзирателя Е.И. Любарский – 11 и т.д.⁸⁰ 18 марта 1906 г. на выборах по первому городскому избирательному съезду К.А. Покровский набрал 223 голоса из 339, Н.П. Ефремов – только 70⁸¹. По второму городскому съезду (г. Мариинский Посад) одним из губернских выборщиков стал врач Д.А. Кушников, который накануне подвергся политической травле, но был оставлен на земской службе благодаря заступничеству жителей Чебоксар⁸².

2 марта 1906 г. рабочие Чебоксарского казенного винного склада выбрали на съезд уполномоченных мещанина И.Е. Рукавишникова (ок. 1877 –?)⁸³. На последнем от рабочих Казанской губернии на губернский съезд выборщиков прошёл И.Ф. Беляев, электротехник лесопильного завода П.Е. Ефремова, происходивший из крестьян с. Окинино Макарьевского уезда Нижегородской губернии. По данным полиции, он принадлежал к эсерам⁸⁴.

27 апреля 1906 г. в честь открытия парламента на Базарной площади Чебоксар был отслужен богоугодный молебен с многолетием царствующему дому Романовых⁸⁵.

21 января 1907 г. в ходе кампании по выборам во II Государственную думу губернским выборщиком от Чебоксар вновь стал К.А. Покровский, намного опередив основного конкурента Н.П. Ефремова (получили 192 и 53 голоса соответственно)⁸⁶. Депутатом же стал Д.А. Кушников, вновь делегированный вторым городским съездом.

В том же году состоялись выборы в III Государственную думу. 24 сентября 1907 г. на первом городском избирательном съезде Н.П. Ефремов получил 13 голосов из 17⁸⁷. На втором городском съезде победу одержал врач Н.С. Петров, набрав 170 голосов из 248⁸⁸. Одним из делегатов от съезда сельских выборщиков уезда стал упоминавшийся священник В.А. Боголюбов. Четвертый представитель Чебоксар, слесарь лесопильного завода Ефремовых Н.С. Сапожников поехал на губернский съезд выборщиков делегатом от рабочих Казанской губернии⁸⁹. 14 октября 1907 г. Н.П. Ефремов был избран депутатом Думы, где вошёл во фракцию кадетов. Уже 13 мая 1908 г. в связи с личными обстоятельствами он сложил депутатские полномочия и вернулся на родину⁹⁰.

Политические кружки. Развитие революции сопровождалось политической поляризацией общества. В Чебоксарах был представлен весь партийный спектр того времени. Так, И.Д. Никитин к монархистам наряду с упоминавшимся И.И. Есиповым причислял священника, краеведа И.М. Барсова, владельца кирпичного завода Сотникова, городского нотариуса И.Д. Кузьмина, дворян и руководителей местных учреждений, к кадетам – Н.С. Петрова, Э.А. Адольфа, секретаря земской управы крестьянина В.Н. Петрова, учителей и др.⁹¹ По сведениям полиции, кадетами являлись А.Н. Бочаров, В.Ф. Громов, К.А. Покровский и Д.А. Кушников⁹².

Отметим, что речь идет не о профессиональных партийцах, а о гражданах, чьи политические симпатии в бурную революционную эпоху могли меняться кардинально. Тот же И.Д. Никитин писал, что Н.П. Ефремов не отличался политическим постоянством и «переходил из левых партий к правым»⁹³. Он же сообщал, что с утверждением реакции многие из тех, кто объявлял себя социал-демократом, переметнулись в лагерь правее кадетов и сожгли ранее купленную революционную литературу⁹⁴.

Самыми многочисленными были сторонники революционных партий. При участии Т.Н. Николаева был организован *кружок эсеров*. 1 ноября 1905 г. он познакомился с И.Д. Никитиным, провел с ним беседу о ведении агитации в сельской местности и записал домашний адрес для высылки революционной литературы на чувашском языке⁹⁵. Вскоре возник партийный кружок, в который наряду с горожанами – рабочими С.К. Кушниковым⁹⁶ и И.Ф. Беляевым, санитаром земской больницы К.С. Островым (уроженец д. Большие Мамыши Козьмодемьянского уезда), канцеляристом А.П. Петровым (Лбов)⁹⁷, учителем городского приходского училища С.Ф. Гаврилиным⁹⁸ – вошли крестьяне д. Большое Шахчурино Чебоксарского уезда: братья Д.Г.⁹⁹ и И.Г. Кадыковы, их отец Г.Е. Кадыков, дядя С.Е. Кадыков, односельчане К. Гавrilov, Р.Е. Черняков и др.

Судя по дневнику И.Д. Никитина, сельские члены кружка часто приезжали в город на заработки или в гости и встречались с городскими соратниками¹⁰⁰. С.К. Кушников имел опыт конспирации – несмотря на регулярные обыски (в 1905 г. – 6, в 1906 г. – 18 раз)¹⁰¹, помогал в работе приезжим агитаторам и пропагандистам, распространял нелегальную литературу через крестьян – возчиков вина. А.П. Лбов вспоминал, что С.К. Кушников познакомил его с Т.Н. Николаевым, по совету которого в 1906 г. в Казани онступил в партию эсеров¹⁰².

Руководитель кружка И.Д. Никитин держал постоянную связь с Т.Н. Николаевым и выполнял его поручения. Например, в июле 1906 г. принял его у себя на квартире, затем сопровождал в поездке в д. Юрмекейкино Ядринского уезда, где тот обсудил с Н.В. Никольским вопрос о передаче принадлежащей ему газеты «Хыпар» чувашским эсерам, а оттуда – в пос. Ямоз близ г. Ядрин для встречи с фабрикантом З.М. Таланцевым по вопросу финансирования чувашских изданий¹⁰³.

Деятельность кружка распространялась на город и округу. По данным жандармерии, упоминавшиеся крестьяне д. Большое Шахчурине собирали общинные сходы, на которых Д.Г. Кадыков читал газеты и разъяснял положения Манифеста 17 октября. В декабре 1905 г. он инициировал принятие сельским сходом приговора о присоединении к Всероссийскому крестьянскому союзу. В феврале – мае 1906 г. содержался в цивильской тюрьме за подстрекательство крестьян к неплатежу налогов¹⁰⁴. А.П. Лбов вместе с друзьями детства распространял нелегальную литературу у себя на родине – в д. Чиршасы Чебоксарского уезда¹⁰⁵. По воспоминаниям его односельчанина И.Г. Якимова, в 1907 г. А.П. Лбов, Р.Е. Черняков, П.И. Иванов и кто-то из Кадыковых проводили революционную агитацию и распространяли нелегальную литературу в окрестностях с. Абашево¹⁰⁶.

Через Т.Н. Николаева чебоксарский кружок был связан с казанским комитетом партии эсеров и эсеровскими кружками в Чебоксарском уезде (в сёлах Бичурине, Икково и др.). Члены кружка передавали соратникам, томившимся в городской тюрьме, продукты, лекарства и книги. В мае 1907 г. пытались помочь бежать из неё учителю, односельчанину Т.Н. Николаева В.В. Васильеву (1882–?), для чего через редактора газеты «Хыпар» В.И. Иванова связались с Т.Н. Николаевым. (Однако тот не успел организовать побег из-за своего ареста 31 мая 1907 г.¹⁰⁷) Вероятно, при участии членов кружка в июне 1906 г. крестьяне д. Большие Крышки подали губернатору требование об освобождении Т.Н. Николаева из тюрьмы¹⁰⁸ (речь идёт о предыдущем аресте).

Чебоксарские эсеры имели гектограф, который хранился у гостившего у С.Ф. Гаврилина его зятя Маркова. По отзыву И.Д. Никитина, оба они были русские, но симпатизировали чувашам¹⁰⁹. Известно, что С.Ф. Гаврилин в сентябре – ноябре 1905 г. находился под надзором полиции за оскорбительные слова в адрес царя и временно отстранялся от должности учителя¹¹⁰, в январе 1907 г. вновь попал под негласный надзор полиции¹¹¹. В 1906 г. Марков напечатал и распространял «Выборгское воззвание», причём до того, как это было сделано в Казани. Обычно он писал прокламации от руки, ставя подпись: «Чебок. группа соц.-рев.», затем размножал и распространял¹¹². В силу юного возраста Марков пренебрегал конспирацией и был арестован, но члены эсеровского кружка добились его освобождения до суда под залог. На суде в качестве эксперта-почерковеда выступил С.Ф. Гаврилин (учитель чистописания), дав заключение в пользу обвиняемого¹¹³.

Дома И.Д. Никитина, С.К. Кушникова и И.Ф. Беляева служили явочными квартирами для иногородних партийных агитаторов, а их хозяева – связанными и проводниками¹¹⁴. Известно, что летом 1906 г. из Казани прибыл эсер Березовский (псевдоним «Андрей»; родом из Симбирской губернии) для налаживания нелегальной работы. Он привез с собой мешок революционной литературы, в том числе на чувашском языке. И.Д. Никитин передал ему домашнюю типографию, но наладить печатание прокламаций не удалось.

Вначале Березовский остановился у С.К. Кушникова, затем из-за пристального внимания полиции сменил квартиру. С помощью В.Д. Сперанского поступил писцом в канцелярию лесничества, но продолжал вызывать подозрение полиции. Кружковцы переправили его под начало Д.Г. Кадыкова в д. Большое Шахчуринко, где тот долго жил у крестьянина П.И. Иванова, наведываясь в город по партийным делам.

Члены кружка из крестьян были настроены радикально. По словам И.Д. Никитина, Г.Е. Кадыков строил планы вооруженного восстания в окрестных деревнях для захвата власти в Чебоксарах. Зная из газет об экспроприациях, шахчуринцы высказывались за включение их в свой боевой арсенал¹¹⁵. В октябре 1906 г. по совету Березовского И.Д. Никитин даже съездил в Казань за оружием, но получил от Т.Н. Николаева только один револьвер¹¹⁶.

В конце октября 1906 г. Т.Н. Николаев направил в Чебоксары трёх членов боевой группы из казанских рабочих во главе с видным террористом А.А. Петровым-Воскресенским¹¹⁷. Боевики остановились в меблированных комнатах (гостиница) И.А. Антонова по ул. Вознесенская, затем в сопровождении И.Д. Никитина выехали в д. Большое Шахчуринко к Г.Е. Кадыкову. Они несколько дней безуспешно просидели в засаде, карауля сборщика денег винных лавок, затем вернулись в Казань. 15 ноября вновь приехали в деревню группой из 5 человек, но и на этот раз неудачно. Уезжая, гости посоветовали соратникам действовать самостоятельно, оставив им два револьвера и патроны. Предложение было обсуждено на совещании группы, получив поддержку большинства¹¹⁸. В дневнике И.Д. Никитина есть запись о приезде в декабре 1906 г. эсеровского агитатора из Казани¹¹⁹.

После переезда И.Д. Никитина в сентябре 1907 г. на учёбу в Казань руководство кружком перешло к Д.Г. Кадыкову¹²⁰, что привело к сворачиванию работы в городе и переходу к террористической деятельности. В мае 1908 г. И.Г. Кадыков, К.С. Остеров и А.П. Лбов совершили ограбление винной лавки в местечке Тундрибазар Ядринского уезда. А.П. Лбов отвёз деньги в Казань, откуда вернулся с партией агитационной революционной литературы. 3 ноября 1908 г. И.Г. Кадыков, Р.Е. Черняков, П.И. Иванов ограбили сборщика денег казенных винных лавок в лесу близ д. Лапсары Чебоксарского уезда, но были пойманы полицией по следам саней¹²¹.

В 1908 г. члены группы подверглись аресту. В 1909 г. И.Г. Кадыков был осужден на 4 года, Р.Е. Черняков – на 6 лет каторги; отбывали наказание в тюрьмах Казани, Вологды, после чего сосланы в Сибирь, откуда вернулись после Февраля 1917 г. (Д.Г. Кадыков был освобожден с учетом срока заключения под следствием)¹²². А.П. Лбов был приговорён к 10 годам каторги. К.С. Остеров умер в заключении¹²³.

В городе действовал социал-демократический кружок, связанный с Окружной группой при Казанском комитете РСДРП. Известно, что в октябре 1906 г. её член Н.С. Фролов (Нил) посетил Чебоксары в ходе поездки по губернии для оживления работы и привлечения к ней новых людей¹²⁴.

Во второй половине 1906 г. из Чебоксар в Окружную группу поступили взносы в размере 20 руб. и через посыльного – какие-то «листки» (агитационные материалы) для печати¹²⁵.

Лидером социал-демократов являлся начальник местной почтово-телеграфной конторы В.Ф. Калмыков, ранее работавший в той же должности в г. Тетюши. Уже тогда он попал под негласное наблюдение полиции. Прибыв в Чебоксары, В.Ф. Калмыков связался с революционерами и стал оказывать им «всияческую помощь», действуя «крайне осторожно»¹²⁶.

Некоторые подробности о чебоксарских социал-демократах содержат воспоминания Н.С. Фролова, который останавливался на квартире у В.Ф. Калмыкова. Он писал, что Калмыков был холостяком, принял его гостеприимно. По просьбе гостя хозяин пригласил к себе члена кружка, лесничего по профессии. Собирать всех кружковцев чебоксарцы посчитали опасным, но пообещали проинформировать их о сказанном гостем. У Н.С. Фролова сложилось мнение, что его соратники не проявляли активности в работе. В ожидании парохода на Козьмодемьянск он провел в городе два дня и получил для переписки адрес некоего Мотова (Мохова)¹²⁷. До своего ареста в январе 1907 г. Нил успел направить в Чебоксары два письма. На 30 декабря 1906 г. – 1 января 1907 г. он пригласил соратников на конференцию окружной парторганизации, один из вопросов которой был посвящен утверждению вновь возникших групп, в том числе чебоксарской. Из-за обыска у Калмыкова чебоксарцы на неё не приехали, поэтому были приглашены на 20 января 1907 г. в Казань для обсуждения партийных вопросов¹²⁸.

В апреле 1907 г. по указанию губернатора В.Ф. Калмыков был переведен на ту же должность в г. Сызрань. К нему прочно пристала репутация «лица с вредным политическим направлением», что в 1908 и 1911 гг. помешало занять должность заведующего Забулачной почтово-телефонной конторой Казани¹²⁹.

И.Д. Никитин писал, что чебоксарских эсеров и социал-демократов объединяла борьба с монархией, поэтому они не дискутировали и не враждовали друг с другом¹³⁰. Многих активистов-общественников связывали узы дружбы и личных взаимоотношений. Так, Д.Г. Кадыков брал частные уроки у В.В. Пятницкого по подготовке в гимназию¹³¹; В.Д. Сперанский снимал квартиру у мачехи А.Р. Заленского В.А. Заленской, а Г.Н. Горшков – у В.Ф. Калмыкова; К.А. Покровский обучал французскому языку С.Ф. Гаврилина, И.Д. Никитина, Г.Н. Горшкова и И.И. Малахова¹³²; В.Д. Сперанский устроил А.П. Лбова на работу в канцелярию чебоксарского лесничества¹³³.

Рабочее движение. Рабочий класс Чебоксар был малочисленным и за годы революции отметился разовыми политическими акциями. Утверждается, что в феврале 1905 г. рабочие лесопильного завода П.Е. Ефремова собрали более 100 руб. в фонд помощи жертвам Кровавого воскресенья, однако работники почты отказались принять перевод¹³⁴. 24 октября 1905 г. те же рабочие устроили «манифестацию с флагами». По сообщению газеты «Волжский вестник», рабочие достигли соглашения по своим требованиям

с работодателем и на следующий день возобновили работу (вице-губернатор Д.Д. Кобеко в печати опроверг факт забастовки)¹³⁵. Советские историки называли манифестацию демонстрацией и забастовкой, организованной местными социал-демократами, приводя подробности без ссылок на источники¹³⁶; современный автор трактует её как акцию в поддержку Манифеста 17 октября¹³⁷.

29 октября помощник чебоксарского исправника сообщил губернатору о возможности забастовок на винном складе и лесопильном заводе П.Е. Ефремова, угрозе нападения 1 ноября (день приёма новобранцев в армию) на уездное казначейство с разоружением полиции и погромом торговых лавок, просил о немедленной присылке 20 казаков¹³⁸. Забастовка не состоялась, по голословному утверждению советских историков – из-за арестов ее руководителей¹³⁹. Так же без ссылок на документы они писали о собрании рабочих ефремовского завода в первую годовщину Кровавого воскресенья и сборе ими денег в помощь семьям его жертв, забастовках на казенном винном складе в сентябре – октябре 1906 г.¹⁴⁰, о рабочих маёвках за Волгой в 1905–1907 гг.¹⁴¹ По воспоминаниям известно о маёвке 1906 г.¹⁴²

В Чебоксарской земской кузнечно-слесарной учебной мастерской возник революционный кружок, поддерживавший связи с рабочими ефремовского лесопильного завода М.В. Багровым, И.Ф. Беляевым, А.И. Бурцевым (в 1890–1893 гг. работал на Алафузовском заводе в Казани, где посещал марксистский кружок А.М. Стопани¹⁴³), В.Г. Соколовым и др., а также казённого винного склада¹⁴⁴. В него входили заведующий мастерской П.Ф. Конькин (ок. 1867–?), подмастерья Ф.М. Гагарин, В.Е. Ефимов, С.Ф. Шаманов, К.П. Чемуранов и др.¹⁴⁵ Среди них выделялись эконом-надзиратель В.И. Клюкин, принятый на работу в июне 1905 г., и подмастерье И.В. Гагарин (работал с 1901 г.)¹⁴⁶. Кружковцы собирались на квартире последнего или в лесу за Волгой¹⁴⁷.

В.И. Клюкин снабжал членов кружка революционной литературой, которую получал из Казани через почтового чиновника (вероятно, В.Ф. Калмыкова. – Ю.Г.). Сначала это были издания «Донской речи», затем листовки, прокламации, издания РСДРП, сборники революционных стихов и песен, антирелигиозные брошюры и др. Литература доставлялась на квартиру И.В. Гагарина¹⁴⁸, затем через его жену и товарищей раздавалась знакомым, расклеивалась на столбах и заборах, подбрасывалась в сани приехавшим на базар крестьянам, разбрасывалась на улицах и др.¹⁴⁹

По праздникам жандарм К.Ф. Лучанкин навещал подмастерьев с целью вербовки агентов и сбора информации о настроениях среди рабочих. Из-за его навязчивого внимания многие члены кружка были вынуждены покинуть город¹⁵⁰.

Среди рабочих работали местные и приезжие агитаторы. Н.В. Ячин посещал загородные лесопильные заводы купцов П.Е. Ефремова и С.И. Хлебникова, где беседовал с рабочими и распространял революционную литературу¹⁵¹. Утверждается, что в октябре 1905 г. рабочие казанского Алафузов-

ского завода направили в Чебоксары трёх своих представителей, которые встретились с рабочими казённого винного склада и лесопильного завода¹⁵². В ноябре 1905 г. рабочий сормовского завода (Нижний Новгород) читал листовки с трибуны Народного дома¹⁵³. Вероятно, это был слесарь названного завода, мещанин Чебоксар В.Д. Улитин, водивший знакомство с А.Р. Заленским и Копецом. Кстати, деньги на дорогу он получил от В.Д. Сперанского¹⁵⁴.

Политическая деятельность врачей и учителей. В годы революции в Чувашии, как по стране в целом, политическую активность проявили медики и учителя. По данным полиции, революционным духом были заражены земские медицинские работники Чебоксар во главе с врачом Н.С. Петровым: фельдшеры К.А. Ветербов, Т.М. Резникова, С.П. Щепанов (ок. 1861–1908), фельдшерица-акушерка Л.Г. Блохина (урожд. Шапурова), фармацевты А.А. Кочемасов и П.П. Антонов (Вечеславов). Многие из них участвовали в распространении революционной литературы, а Т.М. Резникова при поездках по уезду – также в организации крестьянских сходов и собраний. В январе 1907 г. во время обыска на её квартире было найдено несколько эсеровских брошюр¹⁵⁵. Утверждается, что после этого она была арестована и выслана из Чебоксар¹⁵⁶. На самом деле Т.М. Резникова уволилась со службы в апреле 1908 г. из-за конфликта с врачом Н.С. Петровым¹⁵⁷. В ноябре 1907 г. прошли обыски у помощников провизора земской аптеки Чебоксар А.А. Кочемасова и П.П. Антонова, после чего за ними был установлен негласный полицейский надзор¹⁵⁸.

14 сентября (по другим данным – 16-го) 1906 г. на квартире учителя С.Ф. Гаврилина состоялся нелегальный уездный съезд учителей. Можно думать, что он был инициирован участниками состоявшегося 1–2 августа 1906 г. под г. Симбирск нелегального съезда чувашских учителей, на котором был создан национальный филиал Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию (в нём участвовали И.Д. Никитин и учителя-эсеры из Чебоксарского уезда¹⁵⁹). Съезд в Чебоксарах был призван возродить созданный по инициативе врача Д.А. Кушникова в окрестностях Мариинского Посада уездный союз учителей, который бездействовал после распада его бюро из-за арестов и увольнений. На съезд собралось около 15 учителей (в том числе 10 городских): Ф.Н. Николаев (Сергеев), Н.Ф. Беляев (оба из с. Икково), сестры Л.В. Смелова (с. Кошки) и Н.В. Смелова (д. Банново), А. Кормачева (д. Крышки) и др.

Активисты учительского союза поддерживали связи с руководителем Козьмодемьянского уездного союза учителей, учителем Козьмодемьянского 3-классного училища, будущим членом ЦК партии правых эсеров Д.Ф. Раковым (1881–1941) и его товарищами. Из дневника И.Д. Никитина видно, что в 1906 г. Раков встречался с первыми в Чебоксарах¹⁶⁰. У С.Ф. Гаврилина хранилось письмо Козьмодемьянского союза учителей с просьбой помочь уволенному со службы Д.Ф. Ракову¹⁶¹. Чебоксарские учителя успели собрать и отослать членские взносы в Петербург, но из-за малочислен-

ности своей организации и последовавших арестов не смогли наладить её работу¹⁶².

Активистами учительского союза являлись учителя городского 4-классного училища И.И. Малахов (1883–?) и Г.Н. Горшков. Первый приехал в Чебоксары в 1905 г. после окончания Казанского учительского института, второй работал в училище с 1906 г.¹⁶³ Оба ладили с учениками и курсантами. По данным полиции, принадлежали к РСДРП (по отзыву современника, И.И. Малахов был социал-демократом, Г.Н. Горшков – эсером)¹⁶⁴. 30 декабря 1906 г. полиция провела обыск у Г.Н. Горшкова и нашла у него и хозяина квартиры В.Ф. Калмыкова революционную литературу. Более 100 экз. прокламаций, преимущественно РСДРП, было изъято у сестры учителя, слушательницы медицинских женских курсов профессора П.Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург) А.Н. Горшковой, приехавшей к брату на рождественские каникулы¹⁶⁵. В тот же день прошёл обыск у И.И. Малахова с аналогичным результатом¹⁶⁶. Все они (в том числе В.Ф. Калмыков) были арестованы (учителя заключены под стражу 20 января 1907 г., уволены со службы 26-го)¹⁶⁷. Учителей в марте перевели из Чебоксар в г. Тетюши. Наказание они отбывали в арестантских ротах в Вологодской губернии¹⁶⁸, по их прошению оно было заменено высылкой за границу. Горшков и Малахов уехали в г. Цюрих, но затем переехали в Вену, где слушали лекции в агрономическом институте. Известно, что в 1917 г. И.И. Малахов работал в Казани¹⁶⁹.

Выступления учащихся. Революционное брожение проникло в учебные заведения. Первыми выступили воспитанники *Чебоксарского духовного училища*. Вечером 25 октября 1905 г. они повели себя шумно и вызывающе, а ученики 2 класса написали на классных досках: «Свобода!», возобновляя надпись каждый раз после того, как её стирали надзиратели. Учитывая, что «неспокойное состояние» общества отражалось на учениках, руководство училища обязало надзирателей усилить контроль за воспитанниками, прежде всего – за замеченными «в предосудительных поступках»¹⁷⁰.

В следующий раз ученики вступились за надзирателя Н.В. Ячина, который работал в училище с сентября 1904 г. В характеристике с места прежней работы – Тиушской 2-классной церковно-приходской школы Ядринского уезда – отмечались его талант воспитателя и любовь со стороны учеников¹⁷¹, поэтому не удивительно, что он завоевал сердца бурсаков. 4 января 1906 г. у Н.В. Ячина состоялся обыск¹⁷², после чего он был временно отстранён от работы и отдан под следствие полиции и духовного начальства. 16 января об этом узнали ученики и стали проявлять несогласие с решением начальства, а на следующий день организовали акцию в поддержку любимого учителя – демонстративно шумели в классах на переменах и пели популярные революционные песни «Нагаечка», «Мы дружно на врагов» и др.¹⁷³ Ведомственное разбирательство завершилось в конце января, не найдя в действиях Н.В. Ячина состава преступления¹⁷⁴. В июне 1906 г. находившийся под негласным надзором полиции учитель уехал в г. Симбирск¹⁷⁵.

С начала 1906/07 учебного года ученики собирались в группы и обсуждали злободневные темы. В сентябре 1906 г. хулиганили на уроках, выражая недовольство переводом в г. Елизаветград смотрителя Е.А. Астрономова¹⁷⁶. 10 октября 1906 г. в связи с назначением врио смотрителя непопулярного в их среде учителя К.А. Ветошкина (ок. 1866–?) стали отказываться учиться. 12 октября ученикам зачитали телеграмму казанского архиерея, но это не помогло: ученики 3 класса забаррикадировались в классе и стали распевать революционные песни. После того как сломали двери, их распустили по домам. 13-го октября их примеру последовали ученики 2 и 4 классов, которых удалось успокоить только через несколько часов. По распоряжению казанского архиепископа Димитрия училище было временно закрыто, ученики распущены по домам. 19 октября для расследования беспорядков в училище прибыл преподаватель Казанской духовной семинарии В.К. Юрасов, по итогам работы которого несколько учеников были исключены. Вскоре и К.А. Ветошкина перевели в г. Зарайск¹⁷⁷.

Чебоксарская земская кузнечно-слесарная учебная мастерская готовила кузнецов и слесарей. На 1 сентября 1906 г. в ней числилось 40 учеников, из них 25 (земские стипендиаты) жили в общежитии. Ученики находились под влиянием членов действовавшего здесь рабочего кружка. Скажем, заведующий П.Ф. Конькин слыл среди учеников за революционера. Он сквозь пальцы смотрел на чтение учениками прокламаций, не отреагировал на отмену экономом В.И. Клюкиным обязательной ежедневной молитвы за царя в общежитии и не принуждал их петь её в мастерской¹⁷⁸.

В 20-х числах сентября 1906 г. ученики подали петицию, в которой просили улучшить питание и обмундирование, назначить экономом учителя, способного преподавать черчение и общеобразовательные предметы, сократить рабочий день в предпраздничные дни. Проведя расследование, председатель земской управы И.И. Есипов заподозрил В.И. Клюкина в подстрекательстве учеников к неповиновению и вынудил его уволиться с 1 октября 1906 г.¹⁷⁹ По воспоминаниям, Клюкин уехал в Казань, но через полтора года был арестован и провел в ссылке два года¹⁸⁰.

Новый эконом, мещанин г. Чистополь И.М. Антонов с первых дней вступил в конфликт с обитателями общежития. Он уволил кухарку Е. Фёдорову и нанял новую. С 11 октября ученики стали требовать его увольнения. Днём 15 октября они выгнали из общежития эконома с новой кухаркой. На следующий день объявили бойкот занятиям и прогнали из мастерской приходящих учеников, которые присоединились к их требованиям¹⁸¹.

Для разбирательства прибыли председатель земской управы И.И. Есипов и её член В.В. Макарычев. Ученики были «взвинчены» до такой степени, что при их появлении «стали кричать, поднимать кулаки и топать ногами»¹⁸². И.И. Есипов тоже топал ногами и кричал, угрожая выгнать учеников из мастерской, что подлило масла в огонь: при уходе вслед ему бросили камень, а затем выбили стёкла в комнате эконома. На усмирение бунта прибыл помощник земского исправника с приставом и стражниками. Учеников

построили во дворе, где они подали петицию, в которой повторили часть прежних требований. Усмирив бунт, полиция удалилась, оставив в общежитии двух стражников на ночь для охраны порядка¹⁸³.

16 октября общежитие было закрыто, его обитатели распущены по домам. Им дали месяц на раздумье и явку с повинной в земскую управу, пригрозив увольнением, занятия с приходящими учениками были продолжены¹⁸⁴. По итогам расследования был уволен ученик В. Павлов из д. Аркамбалы Чебоксарского уезда с возмещением земству средств, потраченных на его обучение в течение двух лет¹⁸⁵. Его обвинили в подстрекательстве к неповиновению, а также в том, что он показывал и читал прокламации и пел «Марсельезу».

В ноябре П.Ф. Конькин был на время отстранён от заведования за то, что распустил дисциплину среди учеников (по доносу, он составил черновик петиции и дал переписать её ученикам)¹⁸⁶. До марта 1907 г. его замещал агроном В.А. Душин, затем Конькин был восстановлен в должности и руководил мастерскими до 1909 г.¹⁸⁷ Не подтверждаются слова мемуариста об увольнении в результате забастовки эконома И.М. Антонова – он работал до 5 февраля 1907 г.¹⁸⁸

Аналогичные события произошли в 4-классном городском училище, при котором действовали годичные педагогические курсы и приходское училище. С марта 1906 г. на должность помощника учителя был принят уроженец с. Ноговицыно Нижегородской губернии П.К. Староверов (1884–1959). В 1905 г. он окончил Казанский учительский институт, затем преподавал в училище с. Ханская Ставка Астраханской губернии, откуда переехал в Чебоксары¹⁸⁹. Одни современники называют его эсером, другие – марксистом (социал-демократом)¹⁹⁰. У Староверова сложились доверительные отношения со старшеклассниками и курсантами. А.П. Лбов вспоминал, что интерес к политике ему привили школьные учителя П.К. Староверов, И.И. Малахов, Г.Н. Горшков¹⁹¹. В действиях учителя была усмотрена крамола, и 28 августа 1906 г. попечителем Казанского учебного округа он был уволен без права поступления на службу (письменно проинформирован 4 сентября¹⁹²).

Обстоятельства увольнения были настолько «сложны и серьёзны», что в них не был посвящён даже директор училищ Казанской губернии. В условиях секретности родился слух об увольнении учителя по доносу учителя-инспектора (заведующего) К.М. Корнилова, о чём И.И. Малахов сообщил ученикам после встречи со Староверовым¹⁹³. 5 сентября 1906 г. после утренней молитвы ученики с криком: «Долой инспектора Корнилова!» покинули школу и несколько дней бойкотировали учёбу. Они направили петицию попечителю Казанского учебного округа с требованием вернуть опального учителя в школу, а К.М. Корнилова уволить. Горожане организовали подписку в пользу учителя, оставшегося без средств к существованию¹⁹⁴. По воспоминаниям, опасаясь ареста, 7 сентября он спешно покинул Чебоксары¹⁹⁵.

По итогам беспорядков восемь учеников 3–4 классов на полтора месяца были отстранены от учёбы, остальные предупреждены, что за повторное участие в беспорядках будут исключены. Это их не успокоило. 18 сентября 1906 г. ученики 4 класса сбежали после утренней молитвы и прогуляли первый урок. В ответ 25 сентября педагогический совет ввёл должности классных наставников. Ещё несколько месяцев спустя ученики 3 класса вели себя вызывающе по отношению к отдельным педагогам, на уроках и переменах распевали революционные песни, за что семерым из них была снижена оценка по поведению¹⁹⁶.

События лета 1906 г. 1 июля 1906 г. Т.Н. Николаев был выпущен из губернской тюрьмы и сразу направился в Чебоксарский уезд, где продолжил революционную агитацию, распространив её на смежные уезды¹⁹⁷. С собой он привез из Казани трех агитаторов, наладил сотрудничество с известным властям своей «противоправительственной деятельностью» звениговским лесничим Х.А. Саулитом и его помощниками¹⁹⁸.

По воспоминаниям, в 1906 г. Т.Н. Николаев выступил на митинге в Чебоксарах¹⁹⁹. Он вёл себя дерзко: по данным В.В. Тюмерова, 17 июля 1906 г. потребовал у чебоксарского исправника Г.Т. Афанасьева вернуть револьвер, отобранный у него при аресте²⁰⁰.

Освобождение Т.Н. Николаева встревожило местных помещиков и земских начальников. 24 июля 1906 г. в Чебоксарах на совещании об обсеменении полей они обсудили политическую ситуацию в уезде и меры по усмирению чувашских и марийских крестьян, назвав эсеровского лидера «мерзейшим и вреднейшим чувашлёнком», что слышал сам Т.Н. Николаев, находившийся по делам в соседней комнате²⁰¹.

В воскресенье 6 августа 1906 г. в разных пунктах Чебоксарского уезда (г. Мариинский Посад, Звениговский Затон, д. Козловка, г. Чебоксары) произошли беспорядки, подавленные «силой оружия»²⁰². В Чебоксарах события развивались стихийно. По случаю церковного праздника Преображения Господня (Яблочный Спас) в город приехало много крестьян. В трактире Ф.М. Дряблова на Базарной площади около 150 крестьян отмечали заключение лесных и других сделок. Около половины пятого вечера произошла ссора между участником русско-японской войны и солдатом-дневальным, наведавшимся в трактир за водкой. Она переросла в драку, а затем её участники погнались за побежавшим в казарму солдатом. Двое солдат с винтовками загородили им вход, после чего между часовыми и преследователями возникла перепалка. К крестьянам присоединились горожане, среди которых было много молодежи. Образовалась тысячная толпа. Один мещанин стал призывать солдат разоружиться и присоединиться к крестьянам в борьбе за землю. Солдаты заняли оборону у окон, предупредив, что откроют огонь, если толпа не разойдётся. Это разозлило людей: они стали ломать забор, чтобы вооружиться кольями, били стёкла в окнах казармы, кто-то из толпы несколько раз выстрелил из револьвера. В ответ было дано несколько залпов (ок. 100 выстрелов), ранен пожарный – мещанин Н. Брон-

ников, после чего люди стали разбегаться. Прибывшая полицейская стража во главе с исправником окончательно рассеяла толпу и взяла под охрану казначейство, цейхгауз, полицейское управление и др.

В это время часть толпы вновь соединилась и двинулась по улице, громя всё на своём пути: камнями и поленьями разбила окна в домах городского головы И.С. Лаптева, купцов А.П. Астраханцева, Д.Я. Маркелова, наследников Е.Ф. Кушева и в казённой винной лавке № 329. Пострадавшие заявили об убытках на 526 руб.; купец С.И. Хлебников откупился от погромщиков, дав им 9 руб. на водку²⁰³. Полицейская стража и городовые без применения оружия разогнали хулиганов²⁰⁴. Для восстановления порядка исправник назначил конный разъезд и пешее патрулирование улиц силами полицейской стражи с 8 часов вечера до утра²⁰⁵. В тот же день городской голова И.С. Лаптев направил казанскому губернатору телеграмму о погроме с просьбой усилить охрану²⁰⁶. По сообщению одной из газет, провокаторы повредили стены казармы, чтобы представить происшествие как попытку завладения оружием или даже вооружённое восстание²⁰⁷.

На следующий день из Казани прибыла 2-я рота 229-го Свияжского резервного батальона во главе с вице-губернатором Д.Д. Кобеко, усилившая силы местной полиции (с 4 августа в городе квартировали 14 чел. конно-полицейской стражи из Цивильска, с 18 августа – 7 чел.)²⁰⁸. Полиция арестовала четырёх зачинщиков беспорядков – мещанина А.М. Шапошникова за подстрекательство к нападению на управление воинского начальника²⁰⁹ и крестьян: д. Кошкино М.П. Хабарова²¹⁰, д. Протопопиха Чебоксарского уезда А. Игнатьева (Игонина), д. Нагорная (Шумшевавши) Ядринского уезда П. Петрова. Игнатьев был отпущен под надзор полиции, остальные по суду сосланы на два-три года в Архангельскую и Вологодскую губернии²¹¹.

Расквартированные в городе «стражи порядка» вели себя разнозданно: в газетной заметке сообщалось, что пьяный стражник, проезжая по Базарной площади, врезался в толпу мирно беседовавших чувашских крестьян и стал хлестать их нагайкой, при этом едва не задавил женщину. После того как из его рук вырвали нагайку, он стал размахивать шашкой, чудом никого не задев. Один пострадавший был отправлен в больницу²¹².

В августе 1906 г. предводитель дворянства Л.В. Эннатский докладывал губернатору о росте аграрных волнений в уезде, указывая, что местная администрация неспособна оказать противодействие революционерам и даже обеспечить собственную безопасность, просил направить в уезд казаков и задержать в городе карательный отряд для предупреждения рецидива беспорядков²¹³. Последний оставался в Чебоксарах до 13 сентября 1906 г.²¹⁴

Августовские события ускорили перевооружение городской полиции: еще в марте 1906 г. ее штаты были увеличены с 9 до 12 городовых, но только в сентябре городская дума приобрела 12 револьверов системы Смита – Вессона и столько же драгунских шашек (патроны закупили только в августе 1907 г.)²¹⁵.

Вопреки фактам в советской историографии утверждалось, что крестьяне приехали в город на митинг. Неудача же выступления объяснялась недостаточной организованностью из-за арестов членов социал-демократического кружка и активных рабочих, слабой работой социал-демократов среди солдат²¹⁶. Между тем ещё казанский губернатор отмечал, что при наличии руководства восставшим было проще захватить охранявшийся одним часовым цейхгауз с 300 винтовками и патронами, чем нападать на казарму ради 17 винтовок²¹⁷.

С деятельностью Т.Н. Николаева и его многочисленных помощников, в том числе А.Р. Заленского, В.В. Пятницкого, Копеца, В.Ф. Громова, А.Н. Бочарова, К.А. Покровского и др., власти связывали подъём крестьянского движения в Чебоксарском уезде, которое было поутихло после ареста главных агитаторов в конце 1905 – начале 1906 г. В сентябре 1906 г. премьер-министр П.А. Столыпин в ответ на рапорт кандидата в предводители дворянства Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов С.А. Бекетова обратил внимание Департамента полиции на ситуацию в Чебоксарском уезде, указав: «При такой бездеятельности власти нам революционируют и Казанскую губернию»²¹⁸.

Преследования участников революции. В ходе революции и в период реакции многие её активные участники подверглись арестам. В.И. Вишневский был арестован 4 декабря 1905 г. на ст. Тюрлема (по другим данным – на ст. Шихраны²¹⁹) и заключён в губернскую тюрьму. При обыске у него было изъято 27 крестьянских приговоров, которые он вёз в Казань для отправки в Петербург²²⁰. 7 января 1906 г. в административном порядке агроном был уволен со службы без предупреждения²²¹. В знак протesta его товарищи призвали агрономов бойкотировать вакансию агронома, после чего несколько соискателей забрали свои заявления. Однако в апреле 1906 г. её занял приглашённый И.И. Есиповым бывший агроном Спасского уезда В.А. Душин²²². В июне 1906 г. В.И. Вишневский был оправдан судом и выбыл в Чебоксары под негласный надзор полиции²²³. После неудачной попытки вернуться на земскую службу (сентябрь 1906 г.) он уехал в Козьмодемьянск (И.Д. Никитин писал о Ветлужском kraе)²²⁴.

Осенью прокатилась новая волна арестов. В сентябре прошли обыски у братьев Н.А. и М.А. Бочаровых и К.С. Капустина, у второго и третьего найдены Выборгское воззвание, эсеровская и социал-демократическая литература, оружие, после чего они арестованы²²⁵ (уже 16 сентября они были освобождены, М.А. Бочаров выехал на учебу в Казань под наблюдение полиции)²²⁶. Тогда же у А.Р. Заленского и его квартиранта В.Д. Сперанского была изъята революционная литература. Заленский скрылся до обыска, но был арестован в декабре 1906 г. в Казани и в феврале 1907 г. приговорён к тюремному заключению на два месяца и три недели²²⁷.

По воспоминаниям А.П. Лбова, в мае 1907 г. прошли обыски у К.А. Покровского, В.Ф. Громова и В.Д. Сперанского, после чего они в административном порядке были высланы из Чебоксар²²⁸. В октябре 1907 г. В.Д. Спе-

ранский проживал в Чебоксарах «без определенных занятий»²²⁹. По воспоминаниям, в начале 1907 г. К.А. Покровский был переведен в Царевококшайск, но по дороге арестован и сослан в Енисейскую губернию²³⁰. Тогда же И.Д. Никитин попал под подозрение полиции и училищного начальства; опасаясь ареста, в сентябре 1907 г. уволился и уехал в Казань²³¹.

По воспоминаниям, после наступления реакции супруги Гаврилины были уволены со службы и уехали из города²³². Действительно, С.Ф. Гаврилин и его жена по предложению учебного начальства написали заявления и в августе 1907 г. были уволены (С.Ф. Гаврилин – за нетрезвое поведение и политическую неблагонадежность, его жена – ввиду отсутствия педагогического опыта и занятости воспитанием ребёнка)²³³. После этого С.Ф. Гаврилин проживал в городе «без определённых занятий» (в сентябре 1908 г. являлся председателем правления городской публичной библиотеки, в 1909 г. получил деньги за составление её карточного каталога)²³⁴.

В марте 1907 г. писец городской управы А.Г. Иевлев (ок. 1878–?), как политически неблагонадёжный, по требованию казанского губернатора общим собранием читателей городской публичной библиотеки был освобождён от должности помощника библиотекаря, которую занимал около 12 лет²³⁵. По воспоминаниям, А.Г. Иевлев разделял программу социал-демократов, был известен тем, что тайком выдавал читателям запрещённые цензурой книги из опечатанного шкафа²³⁶.

О масштабе арестов говорит такой факт: в декабре 1905 г. чебоксарская тюрьма была переполнена, вновь арестованных отправляли в г. Цивильск²³⁷. В 1906 г. через тюрьму Чебоксар прошло 158 чел. В отдельные дни в ней одновременно содержались 44 чел.²³⁸ В начале апреля 1907 г. в тюрьме томилось до 14 крестьян – участников выступлений в д. Козловка, с. Бичурино и др.²³⁹ В 1906 г. жители Чебоксар, проявляя солидарность с томившимися в губернской тюрьме чувашскими крестьянами Чебоксарского уезда, собрали для них пожертвования деньгами и продуктами²⁴⁰.

Подытожим: общественно-политическая жизнь Чебоксар ожила в октябре 1905 г. Активную роль в ней играли интеллигенция (земские служащие, медики, учителя) и учащаяся молодёжь (студенты, школьники), освоившие разные формы революционной пропаганды (устной и печатной). Многие из общественных лидеров принадлежали к культурному активу города – театралам-любителям, подписчикам публичной библиотеки. Рабочее движение было плохо организованным, отметилось отдельными эпизодами. Политическая поляризация общества привела к возникновению кружков либерального и революционного толка, в т.ч. чувашских эсеров. Политические кружки Чебоксар были тесно связаны с региональными партийными центрами. Либералы и революционеры придерживались тактики сотрудничества, распространяли своё влияние на сельское население. Наиболее активно с последним работали молодёжь и чувашские эсеры, тесно связанные с Т.Н. Николаевым. На думских выборах в Чебоксарах побеждали сторонники партии кадетов. Активные участники революционного движения

Лбов А.П.

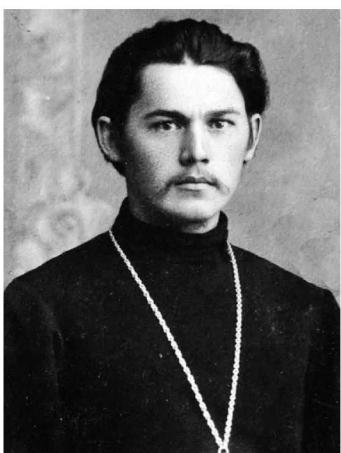
Эппенатский Л.В.

Бочаров А.Н.

Ветошкина Е.А.

Никитин И.Д.

Ефремов Н.П.

Петров Н.С.

Дряблов Ф.М.

Черняков Р.Е.

подверглись полицейскому и административному преследованию, в ходе которых были арестованы или лишились работы и вынуждены были покинуть город. Пройдя в 1905–1907 гг. школу политической борьбы, некоторые из них приняли активное участие в революциях 1917 г.

Источники, литература и комментарии

¹ Кузнецов И.Д. 1905–07 çç. революцин малтанхи тапхăрĕ [Начальный этап революции 1905–1907 гг. в Чувашии] // Ялав. 1965. 2 №. С. 24–25; Его же. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963; Григорьев П.Г. Рабочее движение в годы первой русской революции 1905–1907 гг. // Чувашия в период первой русской революции: [сб. статей]. Чебоксары, 1956. С. 59–103. (УЗ / ЧНИИ; вып. 13); Григорьев П.Г., Николаев П.Н. Рабочее и крестьянское движение в Чувашии в конце XIX – начале XX в. // Там же. С. 24–58; Ермолов П.Ф. Маевки в Чувашии в период революции 1905–1907 гг. // Там же. С. 165–174; Любимов В.Н. Чувашия в революции 1905–1907 годов // Там же. С. 3–23; Его же. Некоторые факты из социал-демократического движения в Чувашии // Блокнот агитатора. 1963. № 13. С. 17–26; Григорьев П.Г. 1905–1907 çулсенчи революци чăвашсем хушшинче: кëске очерк [Революция 1905–1907 гг. в Чувашии: краткий очерк]. Шупашкар, 1952. 103 с.; Николаев П.Н. Революционное движение в Чувашии в 1905–1907 гг. Чебоксары, 1956. 215 с.; Его же. Активный деятель окружной группы Казанского комитета РСДРП в 1906–1907 гг. // История, этнография и социология. Чебоксары, 1967. С. 216–239. (УЗ / ЧНИИ; вып. 36); Его же. Чувашия в годы первой русской революции 1905–1907 гг. // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 2. Чебоксары, 1956. С. 137–196; Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. Чебоксары, 1974. С. 21–42; Румянцев М.В. Революционные выступления рабочих и крестьян Чувашии в 1905–1907 годах // Блокнот агитатора. 1985. № 11. С. 15–18; Чебоксары: исторический очерк / И.И. Бойко [и др.]. Чебоксары, 2014. С. 194–197. В книгу вошла часть подготовленных нами материалов, в полном виде они представлены в данной статье. – Ю.Г.

² Любимов В.Н. Некоторые факты из социал-демократического движения в Чувашии. С. 24; Николаев П.Н. Революционное движение в Чувашии в 1905–1907 гг. С. 157–158.

³ Любимов В.Н. Некоторые факты из социал-демократического движения в Чувашии. С. 18, 20, 22–24.

⁴ Кузнецов И.Д. Пёрремĕш революци Чăвашенре [Первая революция в Чувашии] // Ялав. 1987. 4 №. С. 25; Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. С. 35; Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1969. С. 287.

⁵ Румянцев М.В. Революционные выступления рабочих и крестьян Чувашии в 1905–1907 годах. С. 17; Кузнецов И.Д. Пёрремĕш революци Чăвашенре. С. 25.

⁶ Юман М. [Петров Д.П.] 1905-мĕш çул. Чăвашсен хушшинче пулнă ёçсene асăнни. [1905-й год. Воспоминания о событиях среди чувашей]. Шупашкар, 1925. 118 с.; Йуркки И. [Никитин И.Д.] 1905-мĕшпе ун хыççайнхи çулсем (Аса илнисем) [1905-й и последующие годы (Воспоминания)] // Сунтал. 1931. 2 №. С. 19–20; 3–4 №. С. 38–40.

⁷ Национальные движения в период первой революции в России: сб. документов из архива бывшего Департамента полиции / сост. И.Д. Кузнецов. Чебоксары, 1935; Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905–1907 гг.: документы и материалы. Чебоксары, 1956; Тюмер В. [Тюмеров В.В.] Чăвашсем хушшинче 1905–1907-мĕш çулсенче пулнă революциlle пăлхавсем: (Документсем тăрах кëскен пăхса тухни) [Революционное движение среди чувашей в 1905–1907 годах: краткий обзор документальных материалов]. Чебоксары, 1926.

⁸ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 783. Инв. № 2453 (Лбов А.П. Воспоминания); Отд. II. Д. 1357 (Лбов А.П. Воспоминания о давно прошедшем); Отд. I. Д. 425. Л. 218–220 (Гагарин И.В. Воспоминания о 1905–1907 гг.); Отд. I. Ед. хр. 380, 381 (Никитин И.Д. Дневник 1904–1930 гг.); Отд. I. Ед. хр. 526 (Никитин И.Д. 1905 год в Чувашии).

⁹Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Казанская губерния. СПб., 1904. С. 100–103.

¹⁰Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 82. Оп. 1. Д. 1170. Л. 16.

¹¹Никитин Иван Дмитриевич (псевд. Юркки) (1881–1948) – фольклорист, этнограф, переводчик. В 1898 г. окончил Чебоксарское духовное училище, в 1904 г. – Казанскую духовную семинарию. В 1904–1907 гг. работал надзирателем Чебоксарского духовного училища. В 1907–1908 гг. обучался в Казанском университете. Затем работал священником, преподавателем и др. В 1932–1945 гг. работал корректором Книжной палаты Чувашской АССР, в 1945–1948 гг. – сотрудником ЧНИИ при Совете министров Чувашской АССР. Доводился двоюродным братом историку Н.В. Никольскому, был связан с чувашской интеллигенцией Казани.

¹²НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 328.

¹³Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905–1907 гг. С. 84.

¹⁴НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 526. Л. 337; *Йуркки И.* 1905-мёшпе ун хыççанхи çулсем // Сунтал. 1931. 2 №. С. 20.

¹⁵Регистрация Общества (председатель правления – Н.С. Петров, заместитель – попечительница Мариинского детского приюта в Чебоксарах Е.А. Ветошкина, секретарь – С.Ф. Гаврилин) была начата 3 декабря 1905 г., но из-за формальных проволочек тянулась, по крайней мере, до лета 1906 г. (см.: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 1808. Л. 1–7). Устав Общества был издан в Казани в 1908 г. (см.: ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1680. Л. 37).

¹⁶НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 329. Л. 4, 5 об.; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 338.

¹⁷Дворянский клуб располагался на втором этаже городского общественного дома на Базарной площади. На первом этаже дома размещалась чайная-читальня местного отделения ПНТ, у которого Дворянское собрание арендовало второй этаж (ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1259. Л. 14, 70).

¹⁸ГИА ЧР. Ф. 216. Оп. 1. Д. 384. Л. 21; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 490. Л. 5а. По воспоминаниям, общесословный клуб функционировал в годы революции, однако его устав был утвержден лишь 14 декабря 1907 г. (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 539; Устав общественного собрания в городе Чебоксарах Казанской губернии. Козьмодемьянск, 1908. С. 1).

¹⁹НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 523. Инв. № 5769; Инв. № 6024. Л. 58; Ед. хр. 526. Л. 354; Ед. хр. 542. Л. 107.

²⁰ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 911. Л. 34 об., 155, 197 об.; Сергеев Т.С. Храм мой – библиотека: История становления и развития Национальной библиотеки Чувашской Республики. Чебоксары, 1997. С. 25.

²¹НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 550. Л. 131.

²²29 января 1905 г. – 18 марта 1906 г. К.А. Покровский временно заведовал Беловолжским медицинским участком (ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1699. Л. 16 об.).

²³НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 425. Л. 220; Ед. хр. 526. Л. 339; Ед. хр. 381. Л. 304, 526; НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6874. Л. 1.

²⁴НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 7–8.

²⁵В 1905 г. Т.Н. Николаев руководил Симбирским областным комитетом партии социалистов-революционеров (ПСР), в 1907 г. – Казанским, в том же году избран в члены ЦК ПСР. Примкнул к эсерам-максималистам.

²⁶Национальные движения в период первой революции в России. С. 291; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 149.

²⁷НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 280. Л. 42–43; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 381. Л. 304.

²⁸НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 338–339, 381; Ед. хр. 381. Л. 521; *Йуркки И.* 1905-мёшпе ун хыççанхи çулсем // Сунтал. 1931. 2 №. С. 20.

²⁹НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 380. Л. 125; Ед. хр. 381. Л. 304.

³⁰ГИА ЧР. Ф. 2452. Оп. 1. Д. 77. Л. 16.

³¹НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 425. Л. 220; Ед. хр. 526. Л. 223.

³²Там же. Отд. II. Ед. хр. 116. С. 311.

³³ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 411. Л. 2.

³⁴ НА ЧГИГН. Отд. П. Ед. хр. 2201. Л. 72.

³⁵ Кузнецов И.Д. Пэрремэш революци Чăвашенре. С. 25.

³⁶ Есипов Иларий Иванович (1865–1918) – помещик д. Крестниково Цивильского уезда (имел 2100 дес. земли). Обучался в Симбирском кадетском корпусе, в 1883–1885 гг. – в Николаевском кавалерийском училище. С 1885 г. служил в 39-м драгунском Нарвском полку. В 1888 г. уволился в запас. В 1891–1900 гг. служил земским начальником 5-го, в 1900–1905 гг. – 2-го участка Цивильского уезда, получив репутацию чиновника, равнодушного к нуждам народа. В январе 1905 г. избран предводителем дворянства Цивильского и Ядринского уездов, в марте того же года министром МВД назначен председателем земской управы с сохранением должности предводителя дворянства (являлся председателем управы до 1907 г.). В 1918 г. расстрелян ВЧК вместе с группой интеллигенции г. Чебоксары (НА РТ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 399. Л. 2 об.–5 об.; Чебоксары: исторический очерк. С. 212; НА РТ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 399. Л. 1–5; Гусаров Ю.В., Герасимова Н.В. Дмитрий Алексеевич Кушников // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 156).

³⁷ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6874. Л. 1 об., 10; ГИА ЧР. Ф. 2452. Оп. 1. Д. 77. Л. 16.

³⁸ НА ЧГИГН. Отд. П. Ед. хр. 116. Л. 332.

³⁹ Там же. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 444.

⁴⁰ Гусаров Ю.В., Герасимова Н.В. Указ. соч. С. 156–158; НА ЧГИГН. Отд. П. Ед. хр. 116.

Л. 332.

⁴¹ ГИА ЧР. Ф. 164. Оп. 1. Д. 4. Л. 54.

⁴² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 523. Л. 57–59.

⁴³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6874. Л. 1; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 381.

⁴⁴ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 445. Л. 7, 8.

⁴⁵ Николаев П.Н. Чувашия в годы первой русской революции 1905–1907 гг. С. 162.

⁴⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 360; Ед. хр. 380. Л. 256.

⁴⁷ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1706. Л. 21; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 380. Л. 143; Ед. хр. 526.

Л. 370.

⁴⁸ НА ЧГИГН. Отд. П. Ед. хр. 2201. Л. 73.

⁴⁹ Там же. Отд. П. Ед. хр. 116. Л. 209–210.

⁵⁰ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 445. Л. 7; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 2201. Л. 73.

⁵¹ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 411. Л. 32.

⁵² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 525. Л. 336–338.

⁵³ Там же. Ед. хр. 526. Л. 301.

⁵⁴ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6874. Л. 1 об., 14.

⁵⁵ Гусаров Ю.В., Герасимова Н.В. Указ. соч. С. 152, 156.

⁵⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 381. Л. 526 об.

⁵⁷ Винокуров Петр Львович (1886–1920) – мещанин Чебоксар. Выпускник Чебоксарского городского 4-классного училища (1905), учащийся педагогических курсов при нем. После женитьбы уехал в Сибирь, где работал сельским учителем. Его сын В.П. Винокуров в годы Великой Отечественной войны стал Героем Советского Союза (ГИА ЧР. Ф. 216. Оп. 1. Д. 375. Л. 13).

⁵⁸ НА ЧГИГН. Отд. П. Ед. хр. 116. Л. 246–247; Отд. I. Ед. хр. 523. Инв. № 5776. Л. не нум.; Национальные движения ... С. 291–292.

⁵⁹ НА ЧГИГН. Отд. П. Ед. хр. 116. Л. 85, 128.

⁶⁰ Национальные движения ... С. 293; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 554. Л. 5–5 об.

⁶¹ Николаев П.Н. Революционное движение в Чувашии в 1905–1907 гг. С. 188.

⁶² НА ЧГИГН. Отд. П. Ед. хр. 116. Л. 85, 86; Национальные движения ... С. 293–294.

⁶³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 554. Л. 5 об.

⁶⁴ Там же. Отд. П. Ед. хр. 116. Л. 291; НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 329. Л. 6.

⁶⁵ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1614. Л. 1–3.

⁶⁶ Там же. Л. 12–13 об.

⁶⁷ Там же. Л. 14–14 об.

- ⁶⁸ Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905–1907 гг.: документы и материалы. С. 98, 218, 222.
- ⁶⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 347–348.
- ⁷⁰ Йуркки И. 1905-мĕшпе ун хысçанхи çулсем // Сунтал. 1931. 2 №. С. 20; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 783. Л. 5.
- ⁷¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 348.
- ⁷² Национальные движения ... С. 308; НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 411. Л. 32.
- ⁷³ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 783. Л. 9.
- ⁷⁴ Там же. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 346.
- ⁷⁵ [Подпись под фото] // Труд. 1957. 31 мая; Кузнецов И.Д. Пёрремĕш революци Чăвашенре. С. 25.
- ⁷⁶ Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. С. 25–26.
- ⁷⁷ Гусаров Ю.В. О книжной торговле в Чувашском крае во второй половине XIX – начале XX века // Поволжье в системе всероссийского рынка: история и современность. Чебоксары, 2000. С. 146; Йуркки И. 1905-мĕшпе ун хысçанхи çулсем // Сунтал. 1931. 3–4 №. С. 39; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 381. Л. 459 об.
- ⁷⁸ Чăваш хушшинче [Среди чуваший] // Хыпар. 1907. 25 февраля; НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2716. Л. 9, 10.
- ⁷⁹ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 499. Л. 3–4.
- ⁸⁰ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 112.
- ⁸¹ ГИА ЧР. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–23 об.; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 128.
- ⁸² Гусаров Ю.В., Герасимова Н.В. Указ. соч. С. 157–158.
- ⁸³ ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1170. Л. 8.
- ⁸⁴ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1152. Л. 250.
- ⁸⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 380. Л. 176 об.
- ⁸⁶ Там же. Ед. хр. 380. Л. 245 об.; Ед. хр. 381. Л. 527.
- ⁸⁷ ГИА ЧР. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3. Л. 81 об. Утверждение о том, что Н.П. Ефремов прошел в губернские выборщики от съезда мелких землевладельцев Чебоксарского уезда (Орлов В.В. П.Е. Ефремов: легенды и действительность. Чебоксары, 1997. С. 129), является ошибочным. Также и в депутатской анкете Ефремова отмечено, что он был избран как обладатель имущественного ценза в 14 595 руб. (Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России, 1906–1917. Казань, 2006. С. 334).
- ⁸⁸ ГИА ЧР. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3. Л. 87.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1753. Л. 268, 268 об.
- ⁹⁰ Там же. Д. 1686. Л. 332; Государственная дума России: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М., 2006. С. 199. К слову, в январе 1910 г. Н.П. Ефремов был избран городским головой, но в августе 1913 г. досрочно сложил полномочия, сославшись на домашние обстоятельства и болезнь печени (ГИА ЧР. Ф. 81. Оп. 1. Д. 3509. Л. 51 об., 103, 106 об.).
- ⁹¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 336–337; НА РТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1343. Л. 59 об.
- ⁹² Национальные движения ... С. 308.
- ⁹³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 337.
- ⁹⁴ Йуркки И. 1905-мĕшпе ун хысçанхи çулсем // Сунтал. 1931. 3–4 №. С. 39.
- ⁹⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 338–339; Ед. хр. 381. Л. 304.
- ⁹⁶ Кушников Степан Кузьмич (1876–1940) – уроженец д. Мадикасы Козьмодемьянского уезда. В 1890 г. был отдан в услужение торговцу железом в Чебоксарах. В 1895–1896 гг. работал на строительстве павильонов Нижегородской промышленной выставки, в 1896–1898 гг. – на Сормовском заводе в Нижнем Новгороде, затем служил на Балтийском флоте, ходил в заграничные плавания. В 1904–1909 гг. работал слесарем на казенном винном складе в Чебоксарах, затем на строительстве скрипидарного завода там же. В 1911–1912 гг. работал на разных предприятиях в Коломне и Нижнем Новгороде, в 1912–1917 гг. – в Казани, в 1917–1920 гг. – в Симбирске. В 1920 г. переехал в Чебоксары и до выхода на пенсию (1935) трудился в областном совнархозе, на спиртоводочном заводе, в типографии № 1 (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 335–336; Ед. хр. 417. Л. 391–400).

⁹⁷ Лбов Александр Петрович (1886–1975) – государственный деятель. В 1906 г. окончил Чебоксарское городское училище и стал работать в канцелярии Чебоксарского лесничества. Осенью 1907 г. перешёл в канцелярию судебного следователя г. Чебоксары. В 1908–1917 гг. отбывал наказание в тюрьмах Чебоксар, Ядрин и Казани. В советское время – журналист, хозяйственный работник, первый прокурор Чувашской АССР. Подвергся репрессиям (НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 783. Л. 7, 9 и др.).

⁹⁸ Гаврилин Семен Федорович (1880–?) происходил из крестьян с. Должниково Карсунского уезда Симбирской губернии. В 1896–1898 гг. обучался в Карсунском ремесленном училище, затем – в Порецкой учительской семинарии, которую окончил в 1901 г. В августе 1904 г. прибыл в Чебоксары из с. Новодевичье Симбирской губернии. Е.П. Гаврилина (урожд. Маркова) преподавала вместе с мужем в городском приходском училище (НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 329. Л. 11, 13; Оп. 1. Д. 499. Л. 3 об.; Ф. 1. Оп. 4. Д. 1636. Л. 18 об.).

⁹⁹ Кадыков Дмитрий Герасимович (1885–?) окончил Ишаковскую 2-классную школу Братства св. Гурия, работал учителем братской школы в д. Сиктерма Спасского уезда Казанской губернии, затем вернулся на родину (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 380. Л. 202; НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 480. Л. 6–7).

¹⁰⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 380. Л. 202, 203 об.

¹⁰¹ Там же. Ед. хр. 417. Л. 400 об.

¹⁰² ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 2722. Л. 66; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 783. Л. 4–5.

¹⁰³ Йүркки И. 1905-мëшпе ун хыççанхи çулсем // Сунтал. 1931. 2 №. С. 20; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 380. Л. 202; Изоркин А.В. О деятельности Чувашской организации партии социалистов-революционеров в 1903–1910 гг. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Вып. 2. Чебоксары, 2001. С. 108.

¹⁰⁴ НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 480. Л. 1–2 об., 6–7, 14; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2201. Л. 159.

¹⁰⁵ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 783. Л. 4–7.

¹⁰⁶ Там же. Отд. I. Ед. хр. 381. Л. 313, 314.

¹⁰⁷ Там же. Ед. хр. 526. Л. 345; Йүркки И. 1905-мëшпе ун хыççанхи çулсем // Сунтал. 1931. 3–4 №. С. 39.

¹⁰⁸ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 411. Л. 121 об.–122.

¹⁰⁹ Йүркки И. 1905-мëшпе ун хыççанхи çулсем // Сунтал. 1931. 3–4 №. С. 38.

¹¹⁰ НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 329. Л. 3–4, 13, 15; ГИА ЧР. Ф. 216. Оп. 1. Д. 374. Л. 25, 26 об.

¹¹¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1636. Л. 18.

¹¹² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 347; Йүркки И. 1905-мëшпе ун хыççанхи çулсем // Сунтал. 1931. 3–4 №. С. 38.

¹¹³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 347.

¹¹⁴ Там же. Ед. хр. 381. Л. 523.

¹¹⁵ Там же. Ед. хр. 526. Л. 356, 357.

¹¹⁶ Йүркки И. 1905-мëшпе ун хыççанхи çулсем // Сунтал. 1931. 3–4 №. С. 39.

¹¹⁷ Петров (Воскресенский) Александр Алексеевич (1882–1911) – уроженец Казанской губернии, работал сельским учителем. В 1902 г. примкнул к эсерам. В 1906 г. арестован в Казани и приговорен к ссылке в Нарымский край. В 1906 г. бежал и стал видным членом Поволжской областной организации эсеров (входил в её окружной комитет). Принял косвенное участие в организованном Т.Н. Николаевым покушении на вице-губернатора Казанской губернии Д.Д. Кобеко. В 1907 г. приговорен к каторге на 4 года. В ночь на 19 февраля 1908 г. А.А. Петров бежал из тюрьмы г. Вятка и эмигрировал в Париж. В конце 1908 г. вернулся в Россию и в 1909 г. был арестован в г. Саратов. Был завербован охранкой, но признался в этом руководству своей партии и для искупления вины совершил громкий террористический акт: в ночь с 8 на 9 декабря 1909 г. произвёл взрыв на конспиративной квартире полиции в Петербурге, убив начальника столичного охранного отделения полковника С.Г. Карпова. После этого был арестован и повешен. URL: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/190912karp.html (дата обращения: 20.11.2011).

¹¹⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 357–359; Йүркки И. 1905-мëшпе ун хыççанхи çулсем // Сунтал. 1931. 3–4 №. С. 39; А.П. Лбов датирует этот приезд 1907 г. (НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 783. Л. 11).

- ¹¹⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 380. Л. 222 об.
- ¹²⁰ Изоркин А.В. Указ. соч. С. 117.
- ¹²¹ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 783. Л. 11; ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 2722. Л. 66; В.В. Тюмеров участником первой экспроприации называет также Я.И. Кадыкова, второй – К.Г. Кадыкова (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 554. Л. 15).
- ¹²² Черняков Р.Е. Совет влаштён 1917–18-мёш çç. Шупашкарта кёрешни [О том, как боролись за установление советской власти в Чебоксарах в 1917–1918 гг.] // Сунтал. 1933. 2 №. С. 25.
- ¹²³ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 2722. Л. 67.
- ¹²⁴ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 734. Инв. № 2138. Л. 6.
- ¹²⁵ Там же. Ед. хр. 2201. Л. 69, 89.
- ¹²⁶ Там же. Л. 86.
- ¹²⁷ Там же. Ед. хр. 734. Инв. № 2138. Л. 7–8.
- ¹²⁸ Там же. Л. 8, 27; Очерк истории областной организации ... С. 41.
- ¹²⁹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3085. Л. 32–34, 43; Ф. 199. Оп. 1. Д. 499. Л. 3 об.
- ¹³⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 336.
- ¹³¹ Революционное движение в Чувашии ... С. 165; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 356.
- ¹³² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 343; Йуркки И. 1905-мёште ун хыççанхи çүлсем // Сунтал. 1931. 3–4 №. С. 38.
- ¹³³ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 783. Л. 7.
- ¹³⁴ Григорьев П.Г. Рабочее движение в Чувашии в период первой русской революции 1905–1907 годов. С. 72.
- ¹³⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 379.
- ¹³⁶ Кузнецов И.Д. 1905–07 çç. революцин малтанхи тапхäрэ. С. 25; Николаев П.Н. Революционное движение в Чувашии в 1905–1907 гг. С. 162; Григорьев П.Г. Рабочее движение в Чувашии в период первой русской революции 1905–1907 годов. С. 82, 83; Николаев П.Н. Революционное движение в Чувашии в 1905–1907 гг. С. 132.
- ¹³⁷ Орлов В.В. П.Е. Ефремов: легенды и действительность. Чебоксары, 1997. С. 104.
- ¹³⁸ Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905–1907 гг. С. 106–107.
- ¹³⁹ Григорьев П.Г. Рабочее движение в Чувашии в период первой русской революции 1905–1907 годов. С. 83.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 89, 99.
- ¹⁴¹ Григорьев П.Г. Рабочее движение в Чувашии в период первой русской революции 1905–1907 годов. С. 74, 91; Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. С. 42; Любимов В.Н. Чувашия в революции 1905–1907 годов. С. 22.
- ¹⁴² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 425. Л. 221.
- ¹⁴³ Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. Чебоксары, 1974. С. 21.
- ¹⁴⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 425. Л. 219–220.
- ¹⁴⁵ Подмастерьями и поденщиками принимались бывшие выпускники мастерской для выполнения производственных заказов (ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1700. Л. 66, 66 об.).
- ¹⁴⁶ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1700. Л. 24 об.; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 425. Л. 219.
- ¹⁴⁷ Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. С. 31; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 425. Л. 219.
- ¹⁴⁸ Гагарин Иосиф Васильевич – в 1901 г. после службы в царской армии поступил на работу в Чебоксарскую кузнечно-слесарную мастерскую помощником мастера. После 1907 г. уехал из Чебоксар. В 1910-е гг. проживал в с. Шихазаны Цивильского уезда.
- ¹⁴⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 425. Л. 218.
- ¹⁵⁰ Там же. Л. 221.
- ¹⁵¹ Йуркки И. 1905-мёште ун хыççанхи çүлсем // Сунтал. 1931. 3–4 №. С. 38.
- ¹⁵² Григорьев П.Г. Указ. соч. С. 83. П.Г. Григорьев писал о двух приездах в 1905–1906 гг. в Чебоксары рабочих Алафузовского завода для установления связей (НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 550. Л. 131).
- ¹⁵³ Николаев П.Н. Чувашия в годы первой русской революции 1905–1907 гг. С. 162.

- ¹⁵⁴ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 400. Л. 2–2 об., 4.
- ¹⁵⁵ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 4. Д. 3. Л. 26.
- ¹⁵⁶ Алексеев Г.А., Галкина Н.Д. Медики Чувашии в общественном движении (К истории Чувашского края досоветской эпохи). Чебоксары, 2003. С. 87; НА ЧГИГН. Отд. II. 783. Л. 8.
- ¹⁵⁷ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1831. Л. 22, 22 об.
- ¹⁵⁸ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 499. Л. 17, 19.
- ¹⁵⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 380. Л. 189 об.–190.
- ¹⁶⁰ Там же. Л. 179.
- ¹⁶¹ Там же. Отд. II. Ед. хр. 2201. Л. 104.
- ¹⁶² Там же. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 354–355; Ед. хр. 380. Л. 195; Ед. хр. 381. Л. 522 об.–523; Йуркки И. 1905-мёшпе ун хыççänхи çулсем // Сунтал. 1931. 3–4 №. С. 39.
- ¹⁶³ ГИА ЧР. Ф. 216. Оп. 1. Д. 372. Л. 134–135, Д. 375. Л. 44.
- ¹⁶⁴ Там же. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 2722. Л. 65; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2201. Л. 83.
- ¹⁶⁵ Горшкова Александра Николаевна (1882–1938) – уроженка г. Галич Костромской губернии, с 1903 г. состояла в РСДРП, несколько раз сидела в тюрьмах (Партийная кличка «Лена» / А.В. Изоркин, М.П. Романова [и др.]. // Они боролись за счастье народное. Вып. 4. Чебоксары, 1988. С. 31, 34).
- ¹⁶⁶ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2201. Л. 83, 103.
- ¹⁶⁷ Там же. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 343–344; ГИА ЧР. Ф. 216. Оп. 1. Д. 372. Л. 134–135; Д. 377. Л. 4.
- ¹⁶⁸ ГИА ЧР. Ф. 216. Оп. 1. Д. 377. Л. 22, 22 об.
- ¹⁶⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 345; Йуркки И. 1905-мёшпе ун хыççänхи çулсем // Сунтал. 1931. № 3–4. С. 38.
- ¹⁷⁰ ГИА ЧР. Ф. 227. Оп. 1. Д. 2907. Л. 80 об.–81 об.
- ¹⁷¹ Там же. Д. 2847. Л. 5.
- ¹⁷² НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 85.
- ¹⁷³ Там же. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 333; Ед. хр. 380. Л. 141–141 об.; Йуркки И. 1905-мёшпе ун хыççänхи çулсем // Сунтал. 1931. 3–4 №. С. 39.
- ¹⁷⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 341.
- ¹⁷⁵ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 329. Л. 7. В 1910-е гг. известен священник с. Русские Азелей Свияжского уезда Казанской губернии Нестор Ячин, возможно – бывший надзиратель чебоксарской буры (Известия по Казанской епархии. 1912. 1 июля. С. 762; Адрес-календарь и справочная книга Казанской губернии на 1915 год. Казань, 1914. С. 417).
- ¹⁷⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 380. Л. 194.
- ¹⁷⁷ Там же. Ед. хр. 526. Л. 334; Ед. хр. 380. Л. 202–203 об.; Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 446.
- ¹⁷⁸ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1678. Л. 188 об.
- ¹⁷⁹ Там же. Л. 152; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 449.
- ¹⁸⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 425. Л. 220–221.
- ¹⁸¹ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1688. Л. 245–245 об.
- ¹⁸² Там же. Д. 1678. Л. 174.
- ¹⁸³ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 450;
- ¹⁸⁴ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1678. Л. 174; Д. 1688. Л. 244.
- ¹⁸⁵ Там же. Д. 1676. Л. 182.
- ¹⁸⁶ Там же. Д. 1688. Л. 182, 189. Д. 1678. Л. 186 об.
- ¹⁸⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 425. Л. 223.
- ¹⁸⁸ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1700. Л. 66 об.
- ¹⁸⁹ Там же. Ф. 216. Оп. 1. Д. 372. Л. 191 об.–193; Староверов П.К. URL: <http://www.mke.su/doc/STAROVEROV.html> (дата обращения: 8.12.2011).
- ¹⁹⁰ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 2722. Л. 65; НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 526. Л. 343.
- ¹⁹¹ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 783. Л. 3; ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 2722. Л. 65.
- ¹⁹² ГИА ЧР. Ф. 216. Оп. 1. Д. 372. Л. 191 об.–193; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 349.
- ¹⁹³ ГИА ЧР. Ф. 216. Оп. 1. Д. 375. Л. 36.
- ¹⁹⁴ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 349; Там же. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 343.

- ¹⁹⁵ Йүрккى И. 1905-мëшпë ун хыссэнхи сүлсем // Сунтал. 1931. 3-4 №. С. 38; НА ЧГИГН. Отд. I. Д. 381. Л. 523. Из дальнейшей биографии Староверова известно, что в 1907 г. он преподавал в Вышневолоцком городском училище (ГИА ЧР. Ф. 216. Оп. 1. Д. 377. Л. 9), в советское время работал в Курской области, был удостоен звания заслуженного учителя РСФСР, награжден орденом Ленина (Староверов П.К. URL: <http://www.mke.su/doc/STAROVEROV.html> (дата обращения: 8.12.2011)).
- ¹⁹⁶ ГИА ЧР. Ф. 216. Оп. 1. Д. 375. Л. 36–38 об., 41–41 об., 45 об.–46.
- ¹⁹⁷ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 539. Л. 60.
- ¹⁹⁸ Национальные движения ... С. 299, 300; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 523. И nv. № 5767. Л. 6–7; Ед. хр. 554. Л. 7 об.
- ¹⁹⁹ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 783. Л. 5.
- ²⁰⁰ Там же. Отд. I. Ед. хр. 554. Л. 7.
- ²⁰¹ Там же. Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 243.
- ²⁰² Григорьев П.Г. Указ. соч. С. 94.
- ²⁰³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2508. Л. 30; Д. 554. Л. 10–10 об.; Национальные движения ... С. 296–297.
- ²⁰⁴ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 460. Л. 255 об.
- ²⁰⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2508. Л. 30 об.
- ²⁰⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 123.
- ²⁰⁷ Там же. Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 273.
- ²⁰⁸ Национальные движения ... С. 296, 297; НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2508. Л. 81; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 136.
- ²⁰⁹ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 411. Л. 11.
- ²¹⁰ Хабаров Михаил Петрович (ок. 1876–1918) – участник Русско-японской и Первой мировой войн. Пропорщик, полный георгиевский кавалер. В 1917 г. по возвращении в Чебоксары поступил на лесопильный завод Ефремовых. Как председатель профсоюза рабочих вошел в Чебоксарский совет. 1 апреля 1917 г. арестован с соратниками К.Я. Грасиса. В 1918 г. работал в агитотделе в Казани по формированию Красной армии. Участник обороны Казани от белочехов и её освобождения Красной армией. В 1918 г. пропал без вести (НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 734. И nv. № 2141).
- ²¹¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 554. Л. 10 об.; НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2529. Л. 9, 10, 28, 55, 74.
- ²¹² НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 292, 311.
- ²¹³ Там же. Отд. I. Д. 526. Л. 137, 138; ГИА ЧР. Ф. 2452. Оп. 1. Д. 77. Л. 30.
- ²¹⁴ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2508. Л. 83, 90.
- ²¹⁵ ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1170. Л. 33, 37, 47.
- ²¹⁶ Николаев П.Н. Революционное движение в Чувашии в 1905–1907 гг. С. 167; Григорьев П.Г. Рабочее движение в Чувашии в период первой русской революции 1905–1907 годов. С. 97.
- ²¹⁷ Национальные движения ... С. 297.
- ²¹⁸ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2529. Л. 21; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 523. И nv. № 5767. Л. 6–7.
- ²¹⁹ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 8.
- ²²⁰ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6874. Л. 16, 26; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 365; Д. 523. Л. не нум.
- ²²¹ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1684. Л. 289 об.
- ²²² НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 87–88, 331–332.
- ²²³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6874. Л. 37; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 184–185.
- ²²⁴ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 359; ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1688. Л. 314.
- ²²⁵ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 344; НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 411. Л. 16, 17.
- ²²⁶ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 411. Л. 21, 32 об., 36.
- ²²⁷ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2201. Л. 73, 74; НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 400. Л. 12 об.
- ²²⁸ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 783. Л. 9.

²²⁹ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 499. Л. 3 об.

²³⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 425. Л. 222; Д. 526. Л. 359.

²³¹ Там же. Ед. хр. 381. Л. 523 об.

²³² Там же. Л. 360. *Йуркки И.* 1905-мĕшпе ун хыççанхи çулсем // Сунтал. 1931. 3—4 №.

С. 38.

²³³ ГИА ЧР. Ф. 215. Оп. 1. Д. 45. Л. 19; НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 499. Л. 3 об.

²³⁴ Постановления Чебоксарского уездного земского собрания чрезвычайного 8 мая 1908 года и 44-го очередного. Козьмодемьянск, 1909. С. 388; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 542. Л. 118.

²³⁵ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1636. Л. 12, 22.

²³⁶ ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1447. Л. 287 об.; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 336.

²³⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 223.

²³⁸ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1700. Л. 28, 28 об.

²³⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 526. Л. 344.

²⁴⁰ Там же. Отд. II. Ед. хр. 116. Л. 313—314.

YU.V. Gusarov

SOCIO-POLITICAL LIFE OF THE TOWN OF CHEBOKSARY DURING THE YEARS OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION

The social and political life of the town of Cheboksary in the years of the revolution of 1905–1907 is reported. The revolutionary activity of intellectuals, student youth, working movement is considered. The entire spectrum of political parties was represented in the public life of the town. The most numerous were groups of Socialists-Revolutionaries and Social Democrats, connected with regional party centers. During the revolution and during the years of reaction many prominent participants of social and political events were arrested or subjected to administrative persecution.

Keywords: revolution of 1905–1907, Socialists-Revolutionaries, Social Democrats, Constitutional Democrats, the State Duma, illegal literature, strikes, political meetings, political reaction.

**ПОПЫТКИ КОНСОЛИДАЦИИ
НАУЧНЫХ СИЛ В ЧУВАШИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х годов**
(к предыстории создания Чувашского
государственного института
гуманитарных наук)

ЧГВ, 2017 г., № 12

© Е.В. Касимов

В статье рассматривается деятельность во второй половине 1920-х гг. Академического центра Наркомата просвещения Чувашской АССР и Чувашского совета науки и культуры при Совнаркоме Чувашской АССР, направленная на консолидацию всех научных сил в области чувашеведения и на всестороннее изучение истории, культуры и производительных сил республики.

Ключевые слова: Академический центр, Чувашский совет науки и культуры, Народный комиссариат просвещения Чувашской АССР, чувашеведение, гуманитарные науки.

Старейшее научное учреждение Чувашии – Чувашский государственный институт гуманитарных наук – приближается к 90-летнему юбилею. Оно немногим младше самой Чувашской Республики, образованной как Чувашская автономная область в 1920 г. и отмечающей в 2020 г. 100-летие со дня создания. За столь серьезный промежуток времени Институтом гуманитарных наук проделана огромная работа по изучению истории, экономики и культуры Чувашии и чувашского народа. Вклад института в развитие гуманитарных наук довольно хорошо отражен в региональной историографии. Однако предыстория его, в виде деятельности Академического центра Народного комиссариата просвещения Чувашской АССР (далее – Наркомпрос) и Чувашского совета науки и культуры, практически не изучена. Лишь о последнем более-менее подробную информацию можно найти в книге А.В. Изоркина и А.Е. Горшкова, увидевшей свет к 50-летию ЧГИГН (в то время Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР)¹. В настоящей работе ставится цель ликвидировать данный пробел – проследить, как осуществлялся поиск организационных форм по научному изучению истории, культуры и производительных сил Чувашии и чувашского народа.

Евгений Витальевич Касимов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: kasimov-evg@yandex.ru.

Как известно, в середине 1920-х гг. на территории Чувашии действовали такие научные организации, как Чувашский центральный музей и Общество изучения местного края, образованные еще в 1921 г. Их деятельность была довольно скромной, тогда как для успешного решения задач хозяйственно-культурного строительства Чувашии необходимы были широкие исследования ее природных условий и экономического потенциала. В этой связи с середины 1920-х гг. территория республики стала полем изучения для многочисленных экспедиций, проводимых при помощи различных учреждений Академии наук СССР, Казанского университета и др.² Это, в свою очередь, потребовало новой организации научной работы. Для консолидации научных сил, всестороннего изучения местных производительных сил, а также содействия делу образования в конце 1925 г. было решено создать при Наркомате просвещения Чувашской АССР Академический центр (далее – Акцентр). Согласно источникам, он организовался 31 марта 1926 г., когда Положение о нем было утверждено на заседании Коллегии Наркомата просвещения и определен состав в количестве 16 человек³. 14 апреля Коллегия утвердила производственный план Акцентра⁴. Но первые заседания его были проведены лишь летом 1926 г. На новый орган возлагалась методическая и программная работа по вопросам социального воспитания, профессионально-технического образования, политico-просветительной, научно-краеведческой и редакционно-издательской деятельности⁵.

Акцентр состоял из трех секций. По первоначально утвержденному Положению предусматривалось создание научно-методической, редакционной и краеведческой секций⁶. Однако в итоге было принято решение создать секции социального воспитания, профессионально-технического образования и научно-политическую – в соответствии с имевшимися в то время одноименными управлениями Наркомпроса. Именно последняя секция отвечала за организацию научных исследований в республике. Текущую работу секций Акцентра вел Президиум, куда входили нарком, его заместители, заведующие управлениями и представитель агитационно-пропагандистского отдела Чувашского обкома ВКП(б)⁷. В состав членов Акцентра включались руководители культурно-образовательных учреждений республики, представители разных наркоматов и общественных организаций, а также преподаватели и научные работники, проживающие как в Чувашии, так и за ее пределами. Количество членов варьировалось каждый год.

Так, согласно постановлению Коллегии Наркомата просвещения от 13 октября 1926 г., членами Акцентра были избраны 32 чел., среди них 13 – представители от организаций, 11 – так называемые «персональные члены» и 8 – научные работники, проживающие за пределами Чувашии. В частности, в состав Акцентра вошли председатель ЦИК Чувашской АССР И.И. Илларионов, председатель ЦСНХ А.М. Михайлов, член Чувашского обкома ВКП(б) В.И. Токсин, заведующий совпартшколой М.А. Ананьев, заведующий Чувашским центральным музеем М.П. Петров, заведующий Чебоксарским педагогическим техникумом Д.Г. Сергеев, заведующий музыкаль-

ной школой С.М. Максимов, редактор газеты «Канаш» А.И. Золотов, студент Института красной профессуры Д.С. Эльмень, аспиранты Яфетического института Т.М. Матвеев, Ф.Т. Тимофеев и Н.Я. Золотов, заведующий Чувашским центральным бюро при Совете национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР М.С. Сергеев, заведующий чувашским отделением Восточного педагогического института Н.В. Никольский (г. Казань), редактор «Ё-лекенсен сасси» А.И. Иванов (г. Москва), заведующий Чувашским педагогическим техникумом О.А. Андреев (г. Ульяновск) и др. В Президиум вошли 7 чел. (председатель – нарком просвещения Чувашской АССР А.Н. Никитин), состав представителей научно-политической секции (председатель – заместитель наркома просвещения И.С. Степанов) устанавливался в 21 чел., секции социального воспитания (председатель – заместитель заведующего Главсоцвосом А.Г. Григорьева) – 11 чел., секции профтехнического образования (председатель – заместитель наркома просвещения П.И. Иванов) – 12 чел., и комиссии по разработке чувашских терминов (председатель – редактор газеты «Канаш» А.И. Золотов) – 7 чел.⁸ Кроме того, чтобы обеспечить переезд профессора Н.И. Ашмарина из Баку в Казань, было решено назначить его сверхштатным членом Акцентра с установлением ежемесячного оклада 200 руб.⁹

Такой же принцип избрания членов Акцентра сохранился и в дальнейшем. Например, в октябре 1928 г. членами Акцентра были избраны 49 чел. Из них в состав научно-политической секции включались 28 чел., в состав секций по социальному воспитанию – 11 чел., в секцию профтехнического образования – 16 чел., в терминологическую комиссию – 8 чел.¹⁰ Однако изучение протоколов заседаний Президиума и секций Акцентра за 1926–1928 гг. показывает, что многие из его членов (в первую очередь относящиеся к руководству республики) не принимали реального участия в работе центра.

Долгое время Акцентр функционировал без постоянного рабочего аппарата, состоя в лице одного лишь работника – ученого секретаря (П.И. Иванов, одновременно являлся заместителем наркома просвещения), что, естественно, негативно сказывалось на деятельности нового органа¹¹. В связи с отсутствием постоянных работников, специально занятых только этим делом, о планомерной и беспрерывной работе Акцентра не могло быть и речи. Тем не менее назначение специального работника для Акцентра и, главное, выделение особых средств по смете Наркомпроса дали возможность привлечь ряд лиц и расширить во второй половине 1920-х гг. научно-исследовательские работы.

Большая часть времени Акцентра уходила на рассмотрение вопросов, связанных с изданием школьных учебников на чувашском языке для разных годов обучения. Что же касается развития науки в республике, то Акцентром как особым экспертным сообществом проводились следующие мероприятия: обсуждение вопросов проведения экспедиций на территории Чувашии и обращение с соответствующими ходатайствами в Академию

наук СССР и органы власти автономии (к примеру, только летом 1927 г. на территории Чувашии действовало 8 экспедиций¹²), организация рецензирования научных трудов с целью их последующего издания, обоснование создания Научной библиотеки, утверждение планов Чувашиздата по изда-тельской деятельности и производственных планов Чувашского централь-ного музея, обеспечение издания первых выпусков «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина, подготовка к изданию материалов Всечувашского съезда по краеведению, рассмотрение вопросов создания «Чувашской эн-циклопедии», содействие подготовке научных работников из чувашей, фор-мирование состава Совета науки и культуры и др.¹³

Например, в одном из отчетов Акцентра о деятельности в 1927–1928 гг. отмечалось, что «вся научная литература, отпечатанная Чувашиздатом, за исключением книг, составленных выдающимися учеными, и изданий Гос-плана, Статуправления и других ведомств, прошла через обсуждение в Ак-центре. В результате такого обсуждения авторами книги дополнялись и исправлялись». В частности, через Акцентр прошли труды Н.В. Никольско-го, В.Ф. Смолина, М.П. Петрова, Ф.Т. Тимофеева и др.¹⁴ Подчеркнем, что на рубеже 1920–1930-х гг. рецензировать работы было очень трудно, посколь-ку из-за отсутствия у авторов средств на перепечатывание рукописей по-следние представлялись в довольно безобразном виде. Так, недовольство ре-цензента Е.З. Захарова вызвал внешний вид рукописи труда Н.В. Николь-ского «Этнография чуваш», он предлагал Акцентру унифицировать порядок представления рукописей на рецензирование¹⁵. А.М. Матвеев, ознакомив-шись с рукописью грамматики чувашского языка Ф.Т. Тимофеева, дал о ней следующее заключение: «Материал представлен частью в выданных печат-ных листках из первого издания этой грамматики, со многими исправлени-ями, вставками, сносками и проч. и частью с вновь написанными листами. В таком виде он для чтения постороннему лицу крайне труден, подчас даже совершенно невозможен. Поэтому нам пришлось ознакомиться с трудом Ф.Т. Тимофеева только в общих чертах... причем ввиду неразборчивости рукописи пришлось прибегнуть к заслушиванию объяснений по разным от-делам и пунктам самого автора»¹⁶. Акцентром в этом отношении действи-тельно была проделана значительная работа.

При Акцентре действовала также особая терминологическая комис-сия, в задачи которой входило, с одной стороны, собирание и согласование уже употребляющихся терминов, а с другой – составление и утверждение в качестве общеупотребительных новых терминов¹⁷.

С организацией Совета науки и культуры деятельность Акцентра не прекратилась, как утверждается в историографии¹⁸, а продолжалась вплоть до сентября 1930 г., когда Акцентр был реорганизован в Учебно-методи-ческий сектор Наркомата просвещения Чувашской АССР¹⁹. Более того, и в 1929–1930 гг. Акцентр рассматривал вопросы, связанные с развитием науки в Чувашии: утверждение плана педагогической экспедиции, продолжение печатания словаря Н.И. Ашмарина, утверждение проектов Положения

о кабинете изобразительных искусств при Совете науки и культуры и Положения о Чувашском центральном музее, объявление конкурса на лучшие научные сочинения к 10-летию Чувашской автономии, рассмотрение и рекомендация к печати рукописи Ф.П. Петрова «Материалы антропометрических исследований чувашских детей», рассмотрение заявлений на научные командировки педагогических работников²⁰.

Академический центр, который должен был руководить всей научно-исследовательской работой в республике и заботиться о вовлечении в нее местных деятелей, в силу малочисленности своего штата не имел возможности проводить эту работу. Поэтому во второй половине 1927 г. на повестку дня встал вопрос о создании специального постоянного органа с правами государственного учреждения для координирования научной работы и для ведения ее наподобие существовавших в некоторых местах РСФСР краеведческих институтов. Тем более что состоявшийся в феврале 1927 г. в Москве II Всесоюзный съезд научных работников высказался за замену экспедиционных исследований стационарными научными учреждениями на местах.

В историографии отмечается, что вопрос о создании в Чебоксарах центра для координации всей научной работы в республике был поднят на совещании в сентябре 1927 г. в присутствии академика А.Е. Ферсмана председателем Госплана Чувашской АССР Г.И. Ивановым и Наркомпрос Чувашской АССР поддержал это предложение²¹. Но еще раньше, 25 августа 1927 г., этот вопрос, видно, уже не в первый раз обсуждался на совещании в Наркомпросе: разговор шел о причинах организации научного учреждения, предпосылках для его открытия, возможных названиях. Так, М.С. Сергеев отмечал, что были варианты: «Институтом назвать, Академией, Главным комитетом... выбрали: Чувашский совет науки и культуры». Со стороны присутствующих были также предложения: «Совет науки и культуры чуваши», «Совет науки и культуры», ЧНУС²², НУС, «Совет культуры Чувашии», «Совет науки и культуры ЧАССР». Присутствовавший на совещании Н.И. Ашмарин в ходе обсуждения отмечал, что «научные учреждения не назывались советами»²³. Но в конечном счете было решено оставить название «Чувашский совет науки и культуры». Среди важнейших условий для образования Совета называлось наличие Общества изучения Чувашского края и Чувашского центрального музея, а также возможность привлечь к его организации бывших аспирантов Яфетического института Ф.Т. Тимофеева и Т.М. Матвеева, которым Н.Я. Марр дал высокую оценку²⁴. Рассматривались и варианты перевода чувашского отделения Восточно-педагогического института в Чебоксары и организации курсов.

В ноябре 1927 г. за подписью наркома просвещения М.С. Сергеева в Чувашский обком ВКП(б) под грифом «секретно» было направлено Положение о Чувашском совете науки и культуры. Оно было разработано на основе Положения об областном Бюро краеведения, Устава Института белорусской культуры и Устава Академии наук СССР и должно было дейст-

вовать до принятия устава, выработанного с широким привлечением всех заинтересованных научных деятелей и краеведческих обществ. В качестве основного работника предлагалась кандидатура Г.И. Иванова²⁵.

В декабре 1927 г. во все наркоматы и районные исполкомы Советов Чувашской АССР, а также в краеведческие организации и чувашские отделы народного образования при губернских и краевых отделах народного образования было направлено письмо Наркомата просвещения Чувашской АССР с просьбой в связи с планируемой организацией Совета науки и культуры при правительстве Чувашской республики «прислать... существенные сведения по прилагаемой при сем анкете о всех имеющихся в районе, ведомстве научных и краеведческих обществах, а также отдельных деятелей, посвятивших себя научной работе по изучению Чувашского края»²⁶.

26 января 1928 г. было издано постановление президиума ЦИК Чувашской АССР, в котором признавалась необходимой организация при Совнаркоме Чувашской АССР Чувашского совета науки и культуры с целью координирования и регулирования научно-исследовательских работ в республике, изучения Чувашского края и жизни его народа. Соответственно, правительству автономии поручалось «проводить окончательное оформление Совета науки и культуры»²⁷.

В последующие десять месяцев проходило обсуждение организационной формы и штатов нового учреждения, вносились изменения в Положение, подыскивались научные сотрудники на штатные должности, велись переговоры с Народным комиссариатом финансов Чувашской АССР по поводу выделения средств и т.д. В частности, можно отметить совместное заседание Наркомпроса ЧАССР и Общества изучения местного края, состоявшееся 10 июля 1928 г., а также совещание от 13 июля с участием видных чувашских ученых – Н.И. Ашмарина и Н.В. Никольского²⁸. В ходе июльских совещаний было решено, что функционирование Совета целесообразно с начала 1928/29 бюджетного года в составе 10 чел. (ученый секретарь, технический секретарь, пять научных сотрудников и три сотрудника-практиканта), часть которых будет работать по совместительству из-за невозможности привлечения квалифицированных кадров²⁹. Однако «наполеоновские планы» чувашских ученых не встретили поддержки Наркомфина Чувашской АССР, который в начале августа 1928 г. вместо рассматриваемых по смете 18 тыс. руб. предложил финансирование организации в форме субсидирования в размере не более 5 тыс. руб., не выходя из общей контрольной цифры по народному просвещению³⁰.

В историографии довольно широко представлена точка зрения об организации Чувашского совета науки и культуры при Совнаркоме Чувашской АССР (далее – СНиК) в апреле 1928 г.³¹ На самом деле в документах тех лет официальной датой его образования принято считать 8 октября 1928 г., когда Совнаркомом Чувашской АССР было утверждено Временное положение о Чувашском совете науки и культуры. На этом же заседании правительства ученым секретарем Совета с 1 октября 1928 г. был назначен Ф.Т. Ти-

мофеев, а научными сотрудниками по отделу гуманитарных наук – языковед Т.М. Матвеев и художник М.С. Спиридовон³². Состав аппарата Совета науки и культуры показывает тесную связь последнего с Акцентром, поскольку и Т.М. Матвеев, и Ф.Т. Тимофеев являлись с 1 июня научными сотрудниками Акцентра. При этом еще 6 сентября 1928 г. Президиум Акцентра постановил «считать необходимым Т.М. Матвеева с 1 октября назначить научным сотрудником Совета науки и культуры»³³.

Согласно утвержденному Временному положению, Чувашский совет науки и культуры определялся как «высшее учреждение по изучению чуваш и Чувашского края, состоящее при Совете народных комиссаров Чувашской АССР». Его задачами были: а) развитие и конкретизация научной и краеведческой работы, связанной с культурным и экономическим строительством Чувашской республики; б) рассмотрение вопросов о практическом применении результатов научных исследований в деле культурного и экономического развития Чувашского края. В составе СНиК образовались два отдела: а) природы и хозяйства и б) гуманитарных наук³⁴. Интересно, что в конечном счете названия отделов были скопированы с Устава Института белорусской культуры, хотя в первоначальном варианте Положения и на совещаниях звучали иные варианты³⁵.

Чувашский совет науки и культуры возглавлял ученый секретарь. С 1 октября 1928 г.³⁶ по 24 сентября 1929 г. в данной должности состоял Ф.Т. Тимофеев, с 24 сентября 1929 г. по 15 января 1930 г. – Н.Я. Золотов, с 16 марта по 18 августа 1930 г. – М.С. Евграфов³⁷.

СНиК состоял из действительных членов Совета, почетных членов, членов-корреспондентов и персонала, работающего в учреждениях Совета. Поэтому первым крупным мероприятием стала организация выборов действительных членов. Для этого Совнаркомом Чувашской АССР 8 октября 1928 г. была создана специальная комиссия в составе Г.И. Иванова, А.Н. Никитина, М.С. Сергеева, Ф.Т. Тимофеева и М.С. Евграфова³⁸. Кампания по выдвижению и избранию кандидатов прошла с большим размахом. В правительственные учреждения, образовательные и общественные организации были направлены приглашения выдвинуть достойных кандидатов в действительные члены СНиК. Газеты «Канаш» и «Трудовая газета» опубликовали Положение о Чувашском совете науки и культуры и статьи о планах его дальнейшей работы, извещение от комиссии по выборам о сроках и правилах выборной кампании, биографии и характеристики трудов ряда ученых: Н.И. Ашмарина, Т.М. Матвеева, Ф.Т. Тимофеева, Е.З. Захарова, Д.П. Петрова, С.М. Максимова, М.П. Петрова и др., а также списки кандидатов, поступившие от отдельных учреждений.

Свои списки кандидатов представили Наркоматы просвещения и здравоохранения Чувашской АССР, Общество изучения Чувашского края, Чувашский рабфак, чувашское отделение Восточно-педагогического института, казанское и самарское отделения Общества изучения чувашской культуры, Чебоксарский и Канашский педагогические техникумы, Вур-

нарский сельскохозяйственный техникум, казанское и ленинградское чувашские землячества и др. Из-за более позднего представления списков и проведения в Чебоксарах партийной конференции и сессии ЦИК сроки кампании затянулись и вышли за пределы 1 января 1929 г., как первоначально планировалось. Всего оказалось выдвинуто 49 кандидатур, из которых 30 чел. состояли в секции научных работников. По кандидатуре М.П. Петрова был предъявлен отвод со стороны Чебоксарского педагогического техникума, как бывшему церковнослужителю, и со стороны Чувашского рабфака – как не имеющему «достаточной научной подготовки, за исключением миссионерской»³⁹.

3 апреля 1929 г. состоялось заседание комиссии по выборам действительных членов СНиК, определившее 17 кандидатур. 16 апреля Совнарком Чувашской АССР утвердил список действительных членов из 17 чел., из которого были исключены кандидатуры председателя Совнаркома Чувашской АССР А.М. Михайлова и заведующего Чувашской сельскохозяйственной опытной станции П.П. Заева. Были добавлены кандидатуры Ф.П. Павлова (по искусству) и представителя от Наркомпроса. Также в состав действительных членов вошли: Г.И. Иванов и Д.П. Петров (экономика), К.В. Волков и И.К. Лукоянов (народное здравоохранение), П.И. Иванов и Ф.П. Петров (педагогические дисциплины), Т.М. Матвеев, Ф.Т. Тимофеев и Н.И. Ванеркке (язык), Е.З. Захаров (язык и словесность), Н.Я. Золотов (словесность), Н.В. Васильев (изящная литература), С.М. Максимов (искусство), М.С. Евграфов (статистика), И.К. Илларионов (полезные ископаемые). При этом из 17 действительных членов в Чебоксарах в апреле 1929 г. работали только 8 чел. Почетными членами СНиК были избраны академик Н.Я. Марр и профессор Н.И. Ашмарин⁴⁰.

Дальше началась подготовка к пленуму, созыв которого первоначально намечался на 22 июня. Однако из-за занятости действительных членов СНиК и невозможности их приехать в Чебоксары в назначенное время пленум пришлось отложить на сентябрь. Он прошел в торжественной обстановке с 20 по 23 сентября 1929 г. На нем обсуждались вопросы об организационных формах и планировании работы Совета науки и культуры, о Чувашской научной библиотеке и др. Были избраны Президиум СНиК в составе Н.Я. Золотова, Ф.Т. Тимофеева и М.С. Сергеева, а также 51 член-корреспондент, в том числе: по языку и литературе – В.Г. Егоров и И.С. Семенов; по истории – М.П. Петров, П.В. Озеров и И.Д. Кузнецов; по археологии – К.В. Элле, В.Ф. Смолин и П.П. Ефименко; по этнографии – Н.В. Никольский, Н.Р. Романов и А.П. Милли; по литературе – Г.И. Комиссаров, П.Н. Осипов, Н.К. Кириллов, Васянка, Алendez, А.И. Золотов и т.д.⁴¹ На заседании Президиума Совета науки и культуры, состоявшемся 24 сентября 1929 г., ученым секретарем СНиК был избран Н.Я. Золотов, а на Ф.Т. Тимофеева возложено руководство отделом гуманитарных наук⁴².

Как видно по приведенным выше фамилиям, Совет науки и культуры постарался привлечь к своей деятельности всех наиболее известных уче-

ных, работавших по истории и культуре чувашей и Чувашского края, изучавших производительные силы Чувашской республики. При Совете были организованы антропологический, педагогический кабинеты и кабинет изобразительных искусств, терминологическая, орфографическая и библиографическая комиссии, яфтидологический кружок и комитет по латинизации чувашского алфавита⁴³.

Однако благие чаяния разбились о суровую действительность. СНиК в силу целого ряда причин остался малоэффективной организацией с небольшим числом штатных работников: сказывались прежде всего отсутствие квалифицированных кадров, низкая заработная плата, крайне скромное финансирование с постоянным урезанием сметы. Так, долгое время в Совете на постоянной основе работали, как отмечалось выше, всего три человека: Ф.Т. Тимофеев, А.М. Матвеев и М.С. Спиридовонов. 1 июня 1929 г. в штат был принят почтовед С.И. Андреев, но проработал он лишь до 1 октября. 10 июля того же года в состав Совета вошел литературовед Е.З. Захаров, причем, что интересно, он сразу стал исполнять обязанности ученого секретаря, ввиду ухода других сотрудников в отпуск. Наконец с 18 февраля 1930 г. к работе приступил антрополог Л.К. Корнилов⁴⁴.

Особо следует отметить проблему с руководством организации. Избранный 24 сентября 1929 г. ученым секретарем Н.Я. Золотов с 1 октября 1929 г. по 5 января 1930 г. находился в Ленинграде, после чего в течение двух месяцев, с середины января до середины марта, должность ученого секретаря оставалась вакантной. Вновь назначенный ученый секретарь М.С. Евграфов вместо 16 марта 1930 г. к работе приступил только в мае⁴⁵.

Даже эти немногочисленные кадры постоянно отвлекались другими делами, не имеющими прямого отношения к их основной работе: Т.М. Матвеев с ноября 1929 г. по конец июля 1930 г. являлся членом временного организационного комитета по открытию в Чебоксарах педагогического вуза. Е.З. Захаров на полтора месяца был освобожден от работы в СНиК для участия в комиссии по составлению отчета по случаю юбилея Чувашской АССР. Ученый секретарь М.С. Евграфов одновременно исполнял обязанности председателя и экономиста Госплана. Кроме того, из-за неналаженности канцелярского аппарата одному из научных сотрудников приходилось вести всю канцелярскую работу⁴⁶.

В связи с отсутствием подходящих кандидатур не удалось заполнить предусмотренные штатным расписанием вакансии геолога и экономиста. Немаловажную роль в этом сыграла низкая заработная плата. Так, в 1929 г. ставка ученого секретаря составляла 180 руб. в месяц, научного сотрудника – 135 руб. Руководство СНиК отмечало: «...такие ставки являются крайне недостаточными для приглашения квалифицированных специалистов. Они не выдерживают никакого сравнения со ставками для научных сотрудников Госплана ЧАССР, ЦСНХ, НКЗема и пр. При таких ставках нет никакой возможности заполнить штат научных сотрудников, утвержденный соответствующими инстанциями»⁴⁷.

Да и в целом на функционирование Совета науки и культуры выделялись крайне скромные средства, хотя и в несколько большем объеме, чем на другие научные учреждения и общества республики. Так, в 1928/29 финансовом году⁴⁸ на научно-исследовательские работы было отпущено 76,0 руб., в том числе Совету науки и культуры – 8,5 тыс. руб., Обществу изучения Чувашского края – 6,0 тыс. руб., Чувашскомуциальному музею – 6,9 тыс. руб., Чувашской научной библиотеке – 6,2 тыс. руб. Большая часть расходов пришлась на финансирование экспедиций (35,8 тыс. руб.) и издание словаря Н.И. Ашмарина (11,3 тыс. руб.).⁴⁹ В августе 1929 г. Н.Я. Золотов, еще не будучи ученым секретарем Совета, писал: «Мне лично думается, что без подведения материальной базы под это учреждение оно обречено на бесславное существование»⁵⁰.

Совет науки и культуры не имел не только собственного помещения, но даже отдельной, изолированной комнаты. До 10 декабря 1929 г. он размещался в здании Наркомпроса Чувашской АССР в одной комнате с Политпросветом, Обществом «Долой неграмотность» и Обществом изучения Чувашского края. Ученый секретарь Ф.Т. Тимофеев писал об этой ситуации: «Трудно вести здесь даже канцелярскую работу, научную же совсем невозможно»⁵¹. С 10 декабря СНиК работал в помещении Госплана в вечернюю смену, начиная с 16 часов. Педологический кабинет и яфетидологический кружок размещались при Чебоксарском педагогическом техникуме, кабинет изобразительных искусств – в наемной квартире, орфографическая и терминологическая комиссии находились в помещении Наркомпроса⁵².

Бывший научный сотрудник СНиК Т.М. Матвеев, отчитываясь о своей научной работе на рубеже 1920–1930-х гг., впоследствии писал, что круг обязанностей его как штатного сотрудника не был строго определен, в работе отсутствовала плановость. По его словам, вся работа «вначале сводилась в общем к исполнению ряда поручений как со стороны ученого секретаря Совета, так и Наркомпроса, который фактически руководил и двигал само дело организации СНиК». Он пишет: «По этой причине работа моя шла частично по линии НКП, частично по линии СНиК, но в том и другом случае – по линии научной работы»⁵³. Что касается действительных членов и членов-корреспондентов, то их полномочия, привилегии, обязанности так и не были конкретно определены, не удалось составить и пятилетний производственный план работы Совета.

Вплоть до окончательной реорганизации Совета науки и культуры в августе 1930 г. так и не были четко установлены его организационные формы и функции, хотя в документах, относящихся к 1929 г. и первой половине 1930 г., Чувашский совет науки и культуры не раз прямо называется научно-исследовательским институтом⁵⁴. Вопрос о статусе и полномочиях Совета широко обсуждался в ходе его Пленума, прошедшего в сентябре 1929 г. В докладе Пленуму ученый секретарь СНиК Ф.Т. Тимофеев так обозначил место нового научного учреждения: «Что представляет из себя по своим организационным формам Совет науки и культуры? Некоторые товарищи в нем

хотят видеть Главнауку⁵⁵ в чувашском масштабе⁵⁶, другие – Академию наук⁵⁷, третьи – научно-исследовательский институт. Но Чувашский совет науки и культуры не есть ни тот, ни другой, ни третий. Он не Главнаука, потому что ведет и научно-исследовательскую работу, и не Академия наук, потому что объединяется и планирует научно-исследовательскую работу других учреждений, и не научно-исследовательский институт, ибо в нем имеются секции друг другу совсем не сродные, а научно-исследовательские институты обычно занимаются вопросами только одной специальности: математики, языка и литературы, прикладной ботаники и т.д. Совет науки и культуры по своему типу относится к тем новым научным учреждениям, которые представитель Главнауки на III съезде научных работников СССР назвал краевыми комплексными научно-исследовательскими институтами. Итак, Совет науки и культуры – это один из типов краевого или местного комплексного научно-исследовательского института. Мы свое учреждение не называем еще институтом; оно только преддверие его. Когда же при нем будут успешно функционировать все его секции со своими кабинетами, лабораториями и т.п., то и его тогда можно будет назвать Чувашским научно-исследовательским институтом, хотя последнее название, конечно, и не обязательно. Совет науки и культуры мы рассматриваем как высшее центральное научное учреждение, которое, с одной стороны, объединяет и планирует всю научно-исследовательскую работу в пределах ЧАССР, с другой стороны, и сам активно участвует в этой работе. Этими двумя основными установками определяются все его организационные формы»⁵⁸.

Ф.Т. Тимофеева на Пленуме поддержал нарком просвещения М.С. Сергеев, который отметил: «...называя наше учреждение Советом науки и культуры, мы тем самым поставили перед собой задачу организации нового типа научно-исследовательского учреждения»; «переименовать СНиК в Академию наук мы пока не думаем»⁵⁹. Позиция наркома наглядно представлена в его письме от 23 ноября 1927 г. (когда еще только решался вопрос о создании СНиК) ученому секретарю Общества изучения чувашской культуры А.П. Милли по вопросу принятия правил, определяющих внутреннюю жизнь Общества. М.С. Сергеев писал: «Ваша идея иметь чисто научно-исследовательский институт очень хороша. Однако я думаю, что выдержать эту линию в данное время совершенно невозможно по мотивам отсутствия достаточных научных сил, специально занимающихся изучением чувашской культуры. Поэтому на эти один-два года нам придется, вероятно, заняться созданием условий для выдвижения из чуваш и из других национальностей интересующихся чувашской культурой в научные работники, а также заняться собиранием их. Такую установку мы даем всем научным обществам среди чуваш, такую же в основном задачу имеет Совет науки и культуры»⁶⁰.

По итогам обсуждения Пленум принял резолюцию «поручить Президиуму Совета взамен действующего Временного положения составить Устав Совета науки и культуры и внести его на утверждение следующего пленума, созываемого не позже февраля 1930 г.»⁶¹. Проект Устава был разра-

ботан, он сохранился в документах СНиК⁶², но новый пленум так и не был созван.

Естественно, что в подобных условиях просуществовавшему менее двух лет Чувашскому совету науки и культуры удалось сделать немногое. Тем не менее нельзя не отметить определенные успехи, достигнутые в это время на ниве науки. При непосредственном участии СНиК были организованы и проведены многочисленные экспедиции по изучению Чувашской республики (геологическая, зоологическая, ботаническая, педологическая, почвенная, по разведке полезных ископаемых и др.), успешно продолжено издание «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина, в итоге в 1928–1930 гг. увидели свет первые пять выпусков словаря, которые включали 13 241 слово (24,2 % от общего количества слов)⁶³. Терминологической комиссией было рассмотрено и принято около 3000 терминов по разным научным дисциплинам и отраслям народного хозяйства (языкознание, математика, анатомия, химия, география, садоводство, огородничество, пчеловодство, дело-производство и т.д.). Орфографической комиссией составлен проект о чувашском правописании. Ф.Т. Тимофеев подготовил позднее напечатанные методические указания по преподаванию чувашского языка в школах 1-й ступени и пособие по русскому языку для школы повышенного типа и техникумов финно-турецких народностей. Т.М. Матвеевым в «Яфетическом сборнике» (вып. 6), издаваемом при Академии наук СССР, была опубликована статья о диалектах чувашского языка. С.И. Андреевым на основе проведенных обследований почвы был подготовлен труд о почвах Чувашской АССР, опубликованный в 1932 г.⁶⁴

Определенная работа была проделана и другими кабинетами и комиссиями Совета. Кроме того, выдавались небольшие пособия действительным членам и членам-корреспондентам на поддержку их исследований, в том числе: И.Д. Кузнецова – на сбор материалов по истории чувашей XVII–XVIII вв., Г.И. Иванову – на изучение вопроса о сельскохозяйственном районировании Чувашской АССР, Т.Т. Трофимову – на сбор материалов об экономическом состоянии чувашей в XVIII–XIX вв., К.В. Элле – на сбор материалов о чувашском жилище⁶⁵.

На рубеже 1920–1930-х гг. во внутренней политике Советского государства произошел «коренной перелом». Идеи нэпа оказались окончательно отброшены, началось осуществление форсированной индустриализации и сплошной коллективизации. Наука должна была встать на рельсы решения задач «социалистического строительства», всемерно способствуя радикальным преобразованиям как в промышленности и сельском хозяйстве, так и в духовной сфере (борьба с религиозным влиянием и т.п.). В этих условиях, отмечая, что «Совет науки и культуры по своему строению и проделанной работе не отвечает требованиям народного хозяйства ЧАССР», Совнарком Чувашской АССР 18 августа 1930 г. реорганизовал его в Чувашский научно-исследовательский институт (ЧНИИ)⁶⁶.

Таким образом, развитие исследовательской работы в Чувашии во второй половине 1920-х гг. вызвало необходимость изменения организационной структуры руководства научными изысканиями. Разные формы данного руководства обусловливались конкретно-историческими обстоятельствами, наличием или отсутствием определенных предпосылок для перехода на более высокий уровень организации. Сначала было экспертное сообщество в виде Академического центра, затем карликовое научно-исследовательское учреждение в лице Чувашского совета науки и культуры, которое в последующем вырастет в большой комплексный научно-исследовательский институт, но настолько громоздкий, что уже через несколько лет придется переходить от комплексного принципа организации науки к отраслевому. За время своего существования все эти учреждения провели определенную работу по изучению истории, культуры и хозяйства Чувашской республики. Множество трудностей пришлось преодолеть на своем пути организаторам науки тех лет. И тем печальнее, что большинство подвижников науки второй половины 1920-х гг. (М.С. Сергеев, Ф.Т. Тимофеев, Т.М. Матвеев, М.С. Евграфов, Н.Я. Золотов, Е.З. Захаров и др.) вскоре были репрессированы…

Источники, литература и примечания

¹ Изоркин А.В., Горшков А.Е. Центр гуманитарных наук Чувашии. Чебоксары, 1980. С. 16–19.

² Подробнее см.: Григорьев П.Г. Научно-исследовательская работа в Чувашии за 30 лет (краткий обзор) // Записки ЧНИИЯЛИЭ. Вып. 5. Чебоксары, 1950. С. 152–156; Изоркин А.В., Горшков А.Е. Указ. соч. С. 13–16; История Чувашии Новейшего времени. Кн. 1. Чебоксары, 2001. С. 125.

³ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 137. Л. 22.

⁴ Там же. Л. 35 об.

⁵ Там же. Д. 161. Л. 155.

⁶ Там же. Д. 137. Л. 28.

⁷ Там же. Д. 149. Л. 78.

⁸ Там же. Д. 137. Л. 54; Д. 162. Л. 392–392 об.

⁹ Там же. Д. 162. Л. 160.

¹⁰ Там же. Д. 320. Л. 5–6. Суммарное количество членов по секциям выходит большие, чем общее количество членов Акцентра, так как отдельные представители от организаций включались в несколько секций. Например, в работе всех секций должен был принимать участие представитель ВЛКСМ.

¹¹ ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 325. Л. 569.

¹² Там же. Д. 311. Л. 224.

¹³ Там же. Д. 149. Л. 78–78 об.; Д. 162. Л. 485; Д. 319. Л. 28, 62–64; Д. 320. Л. 14; Д. 321. Л. 62, 73, 101; Д. 434. Л. 42, 47; Д. 435. Л. 40–41, 63; Д. 436. Л. 97–98, 164.

¹⁴ Там же. Д. 312. Л. 32.

¹⁵ Там же. Д. 324. Л. 76.

¹⁶ Там же. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

¹⁷ Там же. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 161. Л. 152.

¹⁸ Чувашская энциклопедия. Т. 1. Чебоксары, 2006. С. 40.

¹⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 533. Л. 1052.

²⁰ Там же. Д. 529. Л. 28–395; Д. 532. Л. 196–214.

²¹ Изоркин А.В., Горшков А.Е. Указ. соч. С. 17.

²² Здесь и далее такие названия даны в тексте документа, без расшифровки.

²³ ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 161. Л. 37–40.

²⁴ Данное письмо Н.Я. Марра см.: ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 161. Л. 19–19 об.

²⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

²⁶ Там же. Л. 38.

²⁷ Там же. Л. 78, 82.

²⁸ Там же. Л. 84.

²⁹ Там же. Л. 84–84 об.

³⁰ Там же. Л. 91.

³¹ Изоркин А.В., Горшков А.Е. Указ. соч. С. 18; История Чувашии Новейшего времени.

С. 126; Чувашская энциклопедия. Т. 4. Чебоксары, 2011. С. 60.

³² ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 1. Л. 136; Д. 2. Л. 43.

³³ Там же. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 321. Л. 62; Д. 322. Л. 5.

³⁴ Там же. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 2. Л. 37–38.

³⁵ Там же. Д. 1. Л. 2 об, 30, 84.

³⁶ В действительности, как отмечалось выше, назначение на эту должность произошло 8 октября 1928 г.

³⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

³⁸ Там же. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

³⁹ Там же. Д. 7. Л. 146–147, 151.

⁴⁰ Там же. Д. 7. Л. 141; Д. 12. Л. 56.

⁴¹ Там же. Д. 12. Л. 81–81 об.

⁴² Там же. Л. 21.

⁴³ Там же. Д. 15. Л. 15; Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 1. Л. 139.

⁴⁴ Там же. Д. 3. Л. 3–4; Д. 12. Л. 12, 16, 21.

⁴⁵ Там же. Д. 15. Л. 15; Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 1. Л. 140.

⁴⁶ Там же. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 1. Л. 140, 176 об.

⁴⁷ Там же. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 2. Л. 51.

⁴⁸ Финансовый год, в отличие от календарного, начинался 1 октября.

⁴⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 14. Л. 37 об.

⁵⁰ Там же. Д. 21. Л. 14.

⁵¹ Там же. Д. 19. Л. 53.

⁵² Там же. Д. 15. Л. 15.

⁵³ Там же. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 1. Л. 174.

⁵⁴ См., к примеру: ГИА ЧР. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 8. Л. 48; Д. 11. Л. 89.

⁵⁵ Главнаука (Главное управление научными, научно-художественными и музеиними учреждениями) – государственный орган координации научных исследований теоретического профиля и пропаганда науки и культуры в РСФСР в 1921–1930 гг. В 1930 г. Главнаука была преобразована в сектор науки Наркомпроса РСФСР, который действовал до 1933 г.

⁵⁶ Так, во время обсуждений на пленуме данного вопроса М.П. Петров высказывался в том смысле, что «СНИК должен быть Госпланом науки. Научные учреждения составляют производственные планы, СНИК утверждает эти планы и контролирует их выполнение» (ГИА ЧР. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 12. Л. 75).

⁵⁷ В частности, Д.П. Петров говорил о том, что «СНИК представляет из себя зародыш Чувашской национальной академии и должен координировать работу всех существующих организаций и учреждений по изучению чувашского хозяйства и культуры» (ГИА ЧР. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 12. Л. 79).

⁵⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 12. Л. 84–84 об.

⁵⁹ Там же. Л. 84–84 об.

⁶⁰ Там же. Д. 1. Л. 18.

⁶¹ Там же. Д. 12. Л. 85.

⁶² Там же. Д. 2. Л. 1–5.

⁶³ Иванова А.М., Фомин Э.В. Об индексе слова «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 150.

⁶⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 1. Л. 140.

⁶⁵ Там же. Л. 140.

⁶⁶ Там же. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 97. Л. 224.

E.V. Kasimov

ATTEMPTS TO CONSOLIDATE SCIENTIFIC FORCES IN CHUVASHIA DURING THE SECOND HALF OF THE 1920-IES (to the origins of founding the Chuvash State Institute of Humanities)

The article deals with activities of the Academic Center of the Chuvash ASSR People's Commissariat of Education and the Chuvash Council of Science and Culture at the Chuvash ASSR Council of People's Commissars in the second half of the 1920s, aimed at consolidating all scientific forces in the field of the Chuvash studies and at a comprehensive study of history, culture and productive forces of the republic.

Keywords: Academic Center, the Chuvash ASSR People's Commissariat of Education, the Chuvash studies, Humanities.

ЧГВ, 2017 г., № 12
© А.А. Антипина

КУЛЬТОВЫЙ ПАМЯТНИК *ЭЛЬ КҮЛЛИ* (ОЗЕРО АЛЬ)

Статья посвящена характеристике культового памятника *Эль күлли* (озеро Аль) в системе традиционных религиозных верований чувашей. Она имеет своей основой архивные, литературные, фольклорно-этнографические и полевые материалы. Автором предпринята попытка реконструкции обрядовой практики у данного культового памятника.

Ключевые слова: культовое место, святилище *Эль күлли*, жертвоприношение, божества и духи, традиционная народная религия.

Под «культурным памятником» подразумевается священное место, функционировавшее в течение долгого времени, на котором систематически совершались обрядовые церемонии. В обыденном религиозном сознании чувашей такие места наделялись наибольшей сакральностью. В отечественной историографии культовые памятники многих народов страны, в том числе и Волго-Уралья, изучены достаточно полно. Менее преуспели в данном плане чувашские исследователи. В настоящей статье предпринята попытка научного анализа места, роли и значения известного культового памятника *Эль күлли* (озеро Аль) в системе традиционных религиозных верований чувашей. Источниковой основой служат архивные, литературные и фольклорно-этнографические материалы, а также сведения, собранные автором в ходе полевых экспедиционных исследований.

Эль күлли особо почиталось средненизовыми чувашами и являлось, по некоторым предположениям, местом окружного моления. После совершения весенних полевых работ на его берег стекались чуваши со многих населенных мест Цивильского, Чебоксарского и Свияжского уездов (территории современных Янтиковского, Урмарского, Канашского и Козловского

Анина Анатольевна Антипина – младший научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: anna-aleksandrova1792@yandex.ru.

районов). Озеро расположено в 2 км к северо-западу от с. Алдиарово (*Элтус*) Янтиковского района Чувашской Республики, на левобережье р. Аль – левого притока р. Кубня, впадающей в Волгу. Эль *күлли* имеет карстовое происхождение, входит в число трех самых прозрачных озер республики (при площади 4 га прозрачность воды достигает 2 м). Озеро представляет собой провальную чашу (средняя глубина – 8 м, местами – более 10 м, максимальная глубина – 11,3 м), имеет правильную овальную форму (длина – 292,15 м, ширина – 232,25 м). Водоем окружен холмами; на северо-восточной стороне произрастают сосны и тополя, образуя лесную зону вокруг него на площади 33 га¹.

По известным фольклорно-этнографическим и историческим данным, а также нашим полевым материалам можно предположить, что озеро в прошлом имело больший объем, ибо в воображении чувашей оно рисовалось бездонным², имеющим сообщение с морями. В одном из преданий говорится о нахождении в нем остатков кораблей, потерпевших крушение³.

Наиболее ранние сведения о культовом памятнике Эль *күлли* содержатся в работах В.К. Магницкого⁴, Г.Т. Тимофеева⁵, рукописных фондах Н.В. Никольского и К.В. Элле и др. Ряд кратких сообщений об обрядах, проходившихся на берегах озера Аль, и связанных с ним поверьях зафиксирован в трудах Н.И. Ашмарина⁶. Некоторые фрагментарные данные об этом культовом памятнике приводятся в работах В.Г. Родионова⁷, В.Д. Димитриева⁸, П.В. Денисова⁹, А.К. Салмина¹⁰, а также Т.С. Пассек¹¹. Последняя посетила озеро в 1925 г. в ходе экспедиции в Янтиковский район. Немало интересных сведений, связанных с мифологическими представлениями чувашей об озере Аль, собрано филологом Н.И. Егоровым¹², который любезно предоставил их автору. Наиболее ценными источниками по данной теме являются: этнографическое описание Эль *күлли*, составленное уроженцем, жителем д. Нуошкасы И.Е. Ефимовым (Тхти)¹³; материалы по чувашскому фольклору, изданные Чувашским государственным институтом гуманитарных наук (ЧГИГН)¹⁴; этнографические и фольклорные рукописи, хранящиеся в научном архиве ЧГИГН и Государственном историческом архиве Чувашской Республики. Вышеперечисленные источники содержат конкретные сведения об особенностях ритуальных церемоний у озера Аль, дают возможность оценить их как уникальное явление духовной жизни чувашских крестьян.

«Священный» характер озера Аль подтверждается целым комплексом легенд, преданий и этнографических сведений, в которых особо подчеркивается его значимость как культового объекта. Например, в рукописном фонде этнографа К.В. Элле сохранилось предание о появлении Эль *күлли* на данной территории. Согласно ему, раньше каждый жених, следя обычаю предков, во время свадьбы троекратно объезжал верхом на лошади бездонное озеро, находившееся близ д. Сиделево (ныне в Канашском районе Чувашской Республики). Но сын одного чувашского богача во время совершения этого обряда упал в воду и утонул. Предание гласит, что из-за утоп-

ленника озеро оказалось оскверненным, оно в течение трех дней в виде тумана переместилось туда, где в настоящее время и находится Эль күлли (близ д. Алдиарово)¹⁵.

Таких преданий множество. В одном из них говорится, что участники богатой свадьбы провалились сквозь землю, в образовавшемся углублении впоследствии появилась вода и возникло озеро¹⁶. Согласно преданию, жених и невеста были кровными родственниками и в наказание за греховную брачную связь земля поглотила всех участников свадебного поезда. Как повествует другая легенда, в прошлом на всей Чувашской земле было семь братьев-озер и они ходили друг к другу в гости. И когда бывал сильный и продолжительный дождь с ветром, жители д. Большое Аккозино Мариинско-Посадского района говорили: «Видно, озеро Аль с озером Таир начали по гостямходить»¹⁷. По верованиям чувашей, если идти в направлении перемещения озер, можно найти рыбу, которую они «разбросали».

Следующее предание, сохранившееся в записях тюрколога Н.И. Ашмарина, гласит, что на месте озера провалился вместе с тремя запряженными конями чувашский атаман (*утаман*), который незаконно захватил у местных чувашей сенокосные угодья¹⁸. Данный сюжет встречается и в этнографическом источнике 1907 г., находящемся в рукописном фонде Н.В. Никольского¹⁹. По поверьям некрещеных чувашей, согрешивших перед Богом (*Турә*) людей земля поглощает (*сёр çätäť*). Образовавшееся на месте провала озеро считалось чистым и выбиралось для совершения обряда жертвоприношения (*чүк*).

По предположениям, слово «эль» в древнечувашском языке означало «народ», «государство»²⁰. Буквально название Эль күлли, таким образом, переводится «озеро народа». Согласно сохранившемуся преданию, первые поселенцы появились здесь в первой половине XIII в., и это были болгары-чуваши, бежавшие во время нашествия монголо-татар на Волжскую Болгарию²¹. По мнению В.Д. Димитриева, с этой эпохой связано одно интересное предание об озере Аль с ясно выраженной исторической основой: «Однажды началась засуха, и в ту пору пробралось в район озера Эль-кюль татарское войско, разоряя и выжигая селения, захватывая имущество, угнав скот, забирая женщин и девушек и убивая сельчан. Некоторые жители спасались, убегая в леса. И вот старик Суваш, собрав в лесу людей, привел их к Эль-кюлю. Они принесли в жертву жеребенка и стали молить Эль-кюля послать дождь и оградить от нашествия злых врагов. И вдруг, откуда ни возьмись, ударили гром, завертела, зашумела буря, взвилась вихрем вода из озера в черные тучи, хлынул страшный, небывалый ливень, и он, затопляя дороги и болота, шел трое суток день и ночь. В это время татарское войско с награбленным добром, со стадами пробиралось к своим становищам сквозь дремучие леса. Настигнутое страшной бурей с ливнем, оно, увязнув в болотах, погибло. После этого случая старик Суваш завещал своим потомкам беречь и охранять леса, каждую весну приносить жертву озеру Эль-кюль, прося изобилия земных плодов и всякое благополучие людям»²². Несомнен-

но, в данном предании сохранилась память о событии, лицах и местности, которые были исторически важными и существенными для народа. Исходя из этого можно считать, что Эль күлли стало священным местом, своеобразным культурно-идеологическим фактором этноконсолидационных процессов ещё с золотоордынских времен.

После завершения весенних полевых работ крестьяне собирались около Эль күлли для совершения главного жертвоприношения – Аслă чўк, проводившегося одновременно несколькими общинами²³. Чуваши просили у божеств озера благодатных дождей для получения обильного урожая. Сакральность данного места требовала соблюдения особого регламента при проведении обряда жертвоприношения. Сохранилось этнографическое сочинение об Эль күлли, составленное воспитанником Симбирской чувашской училищной школы Михаилом Алексеевым²⁴, уроженцем с. Аттиково Чебоксарского уезда Казанской губернии (ныне в Козловском районе Чувашской Республики). Его воспоминание о церемонии проведения учук у Эль күлли представляет большую научную ценность.

По описанию информанта, сначала выбирали руководителя моления (*мăчавăр*) для организации обряда. Избирали его люди, участвовавшие в прошлых жертвоприношениях, из числа тех, кто знал нужную молитву и порядок проведения обряда у Эль күлли. Обязанности жреца при общественном молении мог исполнить любой человек, пользующийся наибольшим авторитетом и слывущий хранителем обычая старины²⁵. Перед началом обряда жертвоприношения *мăчавăр* обращался к его участникам с призывом: Эй, халăх, эсир чўк тăвас тетри? Чўк тума вăхăт çитнë..²⁶ «Эй, народ, хотите ли вы провести чўк? Пришло время делать чўк...». Опираясь на имеющиеся источники, можно сделать вывод, что традиция совещания *мăчавăр* с народом уходит своими корнями в глубокую древность. На общем собрании обсуждали организационные вопросы – количество и виды жертвенных животных и птиц, условия их приобретения, время проведения обряда и т.д. Обычно кто-либо из состоятельных односельчан на свои деньги покупал белую корову – шур ёне, так как, согласно поверью, божества Эль күлли принимали жертву животными только белой масти. По утверждению А.К. Салмина, божеству Эль күлли, от которого зависел «выход» теплого дождя из озера после посевной кампании, в дар приносили белую корову²⁷. В качестве животного для пожертвования в честь этого божества обязательно выбирался жеребенок белой масти, иногда допускался желтый. В иных ситуациях позволялось приносить в жертву овцу.

Местом обрядовых действий выбирали *Хуран вар* («Овраг котла»), пролегающий рядом с *Ыраш сырми* («Ржаной овраг»)²⁸. Использовалась и другая площадка для проведения моления – Эль күль сăрчё («горка озера Аль»). Как утверждает чувашский писатель и фольклорист И.Е. Ефимов (Тхти), наши деды в богатые годы, когда домашних животных много, на Эль күль сăрчё дважды в год совершали чўк²⁹. В ходе нашей экспедиции в 2016 г. удалось выяснить, что местом проведения жертвоприношения служил так-

же Ҫакәр ҫырми («Хлебный овраг»)³⁰, о нем упоминалось у И.Е. Ефимова (Тхти)³¹. Таким образом, как свидетельствуют источники, местом проведения моления служила северо-западная сторона озера Аль. В ночь с понедельника на вторник сюда доставляли необходимые ритуальные атрибуты обряда: котлы, другую посуду, дрова и др.

Обрядовая церемония состояла из нескольких этапов в зависимости от жертвенного дара животного происхождения. По воспоминаниям М. Алексеева (1886), выбранный мачавәр Ҫёнә Макәм («Новый Максим») из д. Аттиково и несколько человек пожилого возраста приносили в жертву гуся. В действе участвовало ограниченное число людей. В качестве молельщиков выступали самые старые люди – по одному человеку из каждой деревни. Присутствие детей на данном этапе строго запрещалось: оно было связано с представлением, что ребенок, испробовав жертвенного мяса птицы, может остаться немым. Затем выбирали овец. В данном случае животных не покупали, они приносились в дар тем или иным участником священодейства либо несколькими из них из соображений благотворительности. Жертву выбирали особенно тщательно. Из всех пригнанных овец оставляли только 12 – тех, которые после обливания холодной водой встряхивались, что, по народному поверью, означало «согласие» животного быть жертвой³².

На следующем этапе на месте обрядовой церемонии собирались все его участники с принесенными с собой жертвенными кушаньями растительного происхождения. При всех собравшихся производили обряд обливания белой коровы, который сопровождался следующей молитвой: Эй, Эль күlli, чүк ҫырлах! Хура халәхпа витәннетпәр, түлек ҫамәрна пар, акә ҫамәр ҫүретме шур ёне паратпәр³³ «Эй, Эль күlli, довольствуясь чүк! Всем народом молимся, дай нам обильного дождя, ради дождя жертвуем тебе белую корову!». Во время закалывания жертвенной коровы все участники обря-

Озеро Аль. Сентябрь 2016 г. Фото автора

да поклонялись, становясь на колени. По их представлениям, жертвенное животное, доставляемое в иной мир в дар Эль күли, способно донести сканную молитву до адресата. По завершении торжественной части мужчины снимали шкуру животного, а женщины очищали его внутренности. Все жертвенное мясо готовилось в трех котлах. Между тем люди старшего и пожилого возраста ложились отдохнуть, спали, а дети играли на берегу озера Аль³⁴. Судя по данным источника, все действие происходило ночью. Сварив мяса, приступали к приготовлению каши на мясном бульоне в тех же котлах, где готовилось ритуальное мясо. По призыву *мächtawär* начать моленые все присутствующие вставали на колени лицом на восток. В качестве главных молельщиков впереди находились трое самых старших участников обряда, держа справа под мышкой шапки³⁵, посередине стоял руководитель *Çené Makçäm*, который произносил молитву: Эй, Эль күли, Эль күли амашё! Сана шурă ёнепе, виçे хуран пăтăна асăнатпăr, витёнетпёр. Түлек çämärna пăr, акă Сана çämär çûретме шурă ёне паратпăr, савса паратпăr, савса ил, чўк, сырлах, ан пăрах. Эсё сумăра сехечё-сехечёпе кăларса илсе çуре, çёре çämärсär тиpётсе хăртса ан яр. Акнă тыррапулла пăr кăларса ан çантар...³⁶ «Эй, Эль күли, мать Эль күли. Поминаем Тебя белой коровой и тремя котлами каши, молим. Дай нам тихого дождя, для этого жертвуем Тебе белую корову, жертвуем с любовью, прими с любовью, чўк, довольствуйся, не оставь. Веди дождь по земле часами, не дай засохнуть земле без дождя. Не давай граду побить хлеб...» После молитвы все участники вставали на колени и совершали троекратно поклоны до земли. Следующим ритуальным действием являлась раздача каши и мяса всем молящимся.

На третьем этапе глава обряда, *мächtawär* *Çené Makçäm*, сам закалывал 9 из 12 овец, так как только человеку, знающему молитву, разрешалось ритуальное умерщвление жертвенного животного; остальным можно было прикасаться к нему только после закалывания³⁷. В любом другом случае, как считалось, при нарушении установленной процедуры молитва не будет иметь должной силы. В последующем совершались те же ритуальные действия, как и при молении, посвященном Эль күли и матери Эль күли. Особенностью было то, что на этот раз молитву читал только руководитель *Çené Makçäm*, а мясо девяти овец предназначалось божествам: *Tură* (Бог), *Tură amashë* (Мать Бога), *Xëzel amashë* (Мать солнца), *Çıl amashë* (Мать ветра), *Pıxampar*, *Pülëhxçë*, *Xërlë çыр*, *Чарту киремечё*. Также обязательно упоминали *Kiv masar* («старое кладбище»), то есть обращались к месту захоронения предков, когда-то живших в деревне. Моление завершалось троекратным земным поклоном с просьбой: Чўк, сырлах, ан пăрах «Чўк, довольствуйся, не оставляй». Ближе к полудню, после молений и обрядовых кушаний, у озера Аль оставались только старики, остальные покидали сакральное место.

На последнем этапе обряда жертвоприношений старики закалывали оставшихся трех овец для умилостивления божества *Vutkän*. Согласно по-

верьям крестьян, это божество могло навредить домашним животным, посыпая на них губительные эпизоотии. По сообщению В.К. Магницкого, чуваши оно чаще всего представлялось в облике черной собаки и для его умилостивления приносили в жертву трех баранов или овец. Первый жертвовался для самого духа *Вупкайн*, второй – для отца *Вупкайн* (*Вупкайн аишё*), третий – для матери *Вупкайн* (*Вупкайн амайшё*)³⁸. После совершения обряда его руководитель *Сёнё Максам* вместе с другими участниками возвращался домой. Остатки ритуального мяса поровну распределялись между участниками обряда. По другим источникам, после всех молитвословий делалось жертвоприношение в виде овечки для предотвращения порчи от злого гнева *йнишарт* с молитвой: *Тунă кёллём кёлле кётёр, тунă кёллём пахаллă пултăr, вырэнлă пултăr, асамёнчен, ысёмэнчен, ыывăr тăвăлтан, ыывăr пăртан, ыывăr силёнчен, тишар килесрен, килес инкексенчен, вăрэнчен-хурахёнчен аякка сир, курайман тайшмансенчен аякка сир*³⁹ «Пусть наша молитва войдет в силу, пусть будет полезной и уместной; от грома и молнии, тяжелой бури, сильного града, сильного ветра, напасти, возможных бед, воров-разбойников избави, от ненавидящих врагов избави».

В публикации И.Е. Ефимова (Тхти) (1927 г.) рассказывается о проведении на озере Аль «каждый год в любое удобное время» *Аслă чўк* (главное жертвоприношение) с принесением в жертву белого и черного баранов, семи черных быков и трех сивых жеребцов. В обряде участвовало, судя по количеству жертв, множество людей⁴⁰.

Сведения о проведении жертвоприношений у озера Аль встречаются и в источниках. Так, в церковно-приходской летописи прихода Николаевской церкви с. Карабево Чебоксарского уезда (ныне в Козловском районе Чувашской Республики) указывается на факт его осуществления в 1882 г.⁴¹ И летопись прихода Тихвинской церкви с. Мусирма⁴² (ныне в Урмарском районе Чувашской Республики) подтверждает данное событие⁴³. В последней отмечается, что моление учўк на озере Аль чуваши совершали ежегодно после завершения весенне-полевых работ до наступления страды. В источнике зафиксировано *Ырă Эль күlli* – доброе божество озера Аль – главное божество, покровительствующее озеру⁴⁴.

Примечательно также, что в этнографических источниках зафиксированы и родители *Ырă Эль күlli*: Эль *күlli аишё* (отец доброго божества озера Аль) и Эль *күlli амайшё* (мать доброго божества озера Аль), которым преподносились в качестве жертвенного кушанья *юсман* (блины из пресного полбенного или сдобного теста)⁴⁵. В творческом наследии Н.И. Ашмарина имеется мифологическое описание *Күлë аишё* и *Күлë амайшё*. *Күлë аишё* (отец озера) имел 12 голов, у каждой головы было 12 ртов, а в каждом рту – 12 языков, на каждом языке – 12 озер, в этих озерах находилось 12 яиц, а в каждом яйце – 12 цыплят, у каждого из них было по 12 крыльев. *Күлë амайшё* (мать озера) представлялась с 12 рогами, на которых располагалось 12 озер, в 12 озерах плавало 12 уток, издававших 12 разных зву-

ков⁴⁶. Интересны представления об обитавших в этом озере волшебных быках с двенадцатью рогами (*вун ик пүслә күлә вәкәрә*), двенадцатирогих оленях (*вун икә мәйракалә күлә пәланә*), белых или сивых конях (*сунатлә пәвэрлә урхамах*), лунными ночами пасущихся на лугах вдоль озера Аль⁴⁷. В описаниях ритуалов жертвоприношений также подтверждается факт принесения в дар Эль *кулли* именно 12 жертвенных животных; данное сакральное число встречается и в зафиксированных представлениях о волшебных мифических обитателях озера (духах и т.п.).

Как отмечает А.К. Салмин, у Эль *кулли* – длинный список божеств и духов⁴⁸. Помимо вышеперечисленных, около озера Аль обитали следующие второстепенные духи – силы зла: Эл *кулли усалә*, Эл *кулли хаярә*, Эл *кулли инкекә*, Эл *кулли синкерә*, Эл *кулли тилперә*, Эл *кулли йәрәхә*⁴⁹. На северном пригорке располагался Киреметь, на котором стоял Эл *кулли кайвак юманә* (Серый дуб озера Аль)⁵⁰. Для умилостивления этих злых духов во время моления жертвовали цыпленка, исключением был Эль *кулли усалә* – ему давалась одна копейка.

По сведениям Т.С. Пассек, побывавшей в Янтиковском районе Чувашии во время экспедиции 1925 г., после усердного моления у Эл *кулли* о даровании дождя озерный дух выезжал на вороных конях. В таких случаях считалось, что молитва услышана и в скором времени будет дождь⁵¹.

Согласно фольклорным данным, после совершения моления весь участвовавший в нем народ купался в священной воде Эль *кулли*⁵². Семантика обряда купания и обливания, по утверждению В.Г. Родионова, имеет связь с культом женского божества⁵³, на которую ещё ранее указывала и Т.С. Пассек⁵⁴. Ещё в начале X в. арабский писатель-путешественник Ибн Фадлан оказался свидетелем обряда вызывания дождя у волжских булгар – участники купались в реке⁵⁵. В рукописном фонде Н.В. Никольского сохранилось предание, записанное в 1908 г., в котором говорится: «Купаться в этом озере временами полезно, а иногда и вредно, нужно знать время»⁵⁶.

В ходе нашей экспедиции в 2016 г. в район озера Аль удалось встретиться с участницей последнего обряда *чүк* на Эль *кулли*, которая сообщила, что после проведенного моления жители д. Кибечи Канашского района увозили воду из озера в больших емкостях, считая ее святой⁵⁷. Другой информатор рассказал, что некоторые люди купались в озере Аль, полагая, что таким образом они обретают крепкое здоровье⁵⁸.

По сообщению И.Е. Ефимова (Тхти), среди жителей этой местности бытует поверье, что оно не принимает утопленников, и потому нет и упоминаний о том, что в озере кто-то из людей или животных утонул⁵⁹. В материалах, записанных в с. Янтиково и опубликованных Н.И. Ашмариным, отмечается, что озеро Аль не принимает людей⁶⁰. Наши информаторы также утверждают, что до определенного времени не было случая утопления в Эль *кулли*. По их сообщению, впервые только в начале XXI в. в озере трагически умер житель с. Шоркистры (*Энёштуç*) Урмарского района⁶¹. С этого времени, по рассказам старожилов, озеро Аль стало злым и каждый год просит чью-то жизнь⁶².

Бытует мнение, что озеро Аль наделено оплодотворяющей силой и влияет на урожайность полей. Говорят, что во время моления молодежь брачного возраста – женихи и невесты – пили святую воду Эль *ку́лли*, взаимно обязываясь тем самым быть всю жизнь верными друг другу⁶³. Такие факты сохранились в воспоминаниях жителя д. Уразкасы Янтиковского района Григория Любимова (1885 г.р.)⁶⁴.

Пристальное внимание чувашских крестьян к озеру было связано со стойко бытовавшим поверью о «выходе» дождя из этого озера⁶⁵. По утверждению П.В. Денисова, обряд принесения жертвы водоемам и источникам указывает на существование представлений у чувашей о связи земной воды с небесной, то есть с дождем⁶⁶. У венгерского этнографа Дюлы Месароша отмечается, что чуваши представляют облако в виде сосуда, который впитывает в себя воду, необходимую для дождя, из чистых источников⁶⁷. По сообщению В.К. Магницкого, Эль *ку́лли* считалось источником дождя во время засухи⁶⁸. Таким образом, рассматриваемый нами культовый памятник Эль *ку́лли* в определенные периоды жизни чувашских крестьян, особенно в засушливые годы, играл значимую роль, так как в их традиционных религиозных воззрениях явственно преобладал земледельческий культ.

Как известно, во всех традиционных религиях окружающая природа – деревья, озера, родники и т.д. – представлялась живой, одухотворенной и составляла так называемое сакральное пространство. В этноконфессиональной картине мира некрещеных чувашей природа играла ведущую роль. В конечном счете, их система верований дохристианского времени определялась исторической принадлежностью к хозяйственно-культурному типу, в котором решающее значение имели земледельческие культуры.

Итак, можно сделать вывод о том, что общение чувашских крестьян с божествами озера Аль через жертвоприношения, молитвы продолжалось в течение столетий, в результате чего сложились свои определенные способы их задабривания. С точки зрения бытовавших верований, она помогала сохранить урожай; более того, в случае военных действий при правильном обращении к божествам те могли помочь, направив врагов в непроходимые болота. Уверенность в силе сакрального пространства была доказанным фактом, подкрепленным опытом поколений.

Недостаточное количество материалов влияет на возможность воссоздания всей подробной истории поклонения озеру Аль до крещения чувашей, однако тщательное изучение и сравнительный анализ имеющихся на данный момент различных источников показывают достаточно полную картину роли культового памятника Эль *ку́лли* в духовной жизни этноса, эволюции веры и культа до настоящего времени.

Как говорилось выше, еще в языческую эпоху культовый памятник Эль *ку́лли* стал чуть ли не общенародным местом жертвоприношений, проводившихся одновременно несколькими общинами. Так, в этнографической литературе упоминается об известности данного святилища также среди чувашей Уфимской, Самарской и Саратовской губерний⁶⁹. Весьма вероят-

но, что переселившиеся в другие края чуваши из поколения в поколение продолжали почитать духов озера Аль и упоминали их в своих молитвах⁷⁰. Чувашские мигранты переносили на новые места и названия прежних мест молений. По предположению В.Г. Родионова, указанные К.С. Мильковичем «Выляри Ирзам (название божеств и кирметей)... пребывание имеет он Цивильской округи близ деревни Выли в лесу и при озере от них, ему посвященных», подразумевается, что вышеупомянутая д. Выла находилась рядом с озером Аль и это название носила современная д. Алдиарово⁷¹.

В процессе христианизации чувашей, проводившейся в Среднем Поволжье во второй половине XVIII–XIX в., культовое озеро Эль *ку́лли* стало центром внимания миссионеров как место проведения массовых молений и паломничества чувашских крестьян. Этнографом Г.Т. Тимофеевым приводятся сведения о том, что просветитель И.Я. Яковлев специально ездил на Эль *ку́лли*, зная, как множество чувашей совершает на этом месте торжественное жертвоприношение⁷². Однако в его воспоминаниях нет сведений о его приезде в Алдиаровский край. Известно, что после назначения на должность инспектора чувашских школ Казанского учебного округа в 1879 г. он впервые посещает с. Яншихово-Норваши Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Янтиковского района Чувашской Республики). Впоследствии почти ежегодно туда приезжает. Вероятно, И.Я. Яковлев в те годы был проездом и на озере Аль.

Для ослабления влияния Эль *ку́лли* на чувашей православная церковь прилагала большие усилия. Особенно преуспел в этом деле священник Троицкой церкви из с. Норваши Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Русские Норваши Янтиковского района ЧР) Николай Сидоров⁷³. Именно из-за его активной проповеднической деятельности чувashi с. Алдиарово и близлежащих деревень стали забывать о сакральном значении озера Аль и постепенно перестали проводить общественные моления. Священнослужитель читал проповеди о невежественном характере дохристианских обрядов и старался укрепить своих прихожан в православной вере. Например, совершение жертвоприношения у Эль *ку́лли* он считал бессмысленной тратой денег. Его проповеди сопровождались толкованием текстов из Священного Писания, в которых опровергается многобожие⁷⁴.

Как известно, приняв православие формально, чувashi в конфессиональном отношении в течение длительного времени придерживались своих традиционных взглядов. Это подтверждается и фактом проведения обряда жертвоприношения духам озера Аль с участием множества деревень в конце XIX в. Сведения об этом событии, в частности, сохранились в рукописном фонде Н.И. Ильминского. Информация о данном молении нашла отражение в письме, которое под условным названием «Заметка о религиозно-нравственном положении чувашей Норвашского прихода Цивильского уезда Казанской губернии» увидело свет в сборнике документов, подготовленном казанскими исследователями Р.Р. Исхаковым и Х.З. Багаутдиновой⁷⁵. Автор письма некий Лука⁷⁶, оказавшийся свидетелем массового культового

действа, скорее всего, являлся выпускником Казанской учительской семинарии⁷⁷. Датировка письма отсутствует. Однако, судя по публикации в церковной периодике «Из быта инородцев-чуваши (Рассказ учителя)»⁷⁸, любезно предоставленной нам Д.В. Егоровым, можно с уверенностью сказать, что данное крупное жертвоприношение произошло в 1891 г.⁷⁹

Следует отметить, что в конце XIX в., как явствует из клировой ведомости Троицкой церкви с. Норваши Цивильского уезда, находившиеся в составе ее прихода чувашские деревни в конфессиональном плане были неоднородными и включали в свой состав наряду с христианами и язычников⁸⁰. (Большинство местных чувашей официально было христианизировано еще во второй половине XVIII в., однако многие из них продолжали посещать языческие моления.) Согласно клировой ведомости 1896 г., в приходе насчитывалось 4 250 православных и 176 приверженцев «старой веры»⁸¹. Структурообразующее положение в вышеуказанном гнезде населенных мест занимала д. Алдиарово. В засушливые 1890-е гг. именно ее жители стали сомневаться в силе православной веры и изъявили желание принести жертву Эль күlli. Этому поспособствовал некий старик-юмзя, пользовавшийся в среде алдиаровцев особым авторитетом. На сходах жителей села он несколько раз призывал членов сельского общества умилостивить божество Эль күlli жертвами: «Вот наши предки жили не по словам батюшки, и то Бог даровал каждый год хороший урожай, давайте по примеру предков принесем атаману Эль-кулю жертву»⁸².

Как явствует из источника, в жертвоприношении Эль күlli участвовали крестьяне более двадцати селений. В частности, в нем приняли участие жители ряда селений Цивильского уезда, таких как «Яншихова» (ныне Яншихово-Норваши, Янтиковский район), «Турмыш» (с. Турмыши, Янтиковский район), «Лотышева» (д. Яковлево-Латышево, Янтиковский район), «Иваново с Подлесной» (с. Иваново, Янтиковский район; д. Подлесное, Янтиковский район)⁸³. К сожалению, в источнике не даны названия всех деревень – участниц обряда. По фольклорным записям конца XIX в. известно, что в жертвоприношении участвовали жители всех деревень Шигалеевской волости Свияжского уезда (ныне селения Шигалинского, Тегешевского и других сельских поселений Урмарского района Чувашской Республики)⁸⁴.

В письме Луки дано подробное описание сбора православных, отправившихся пресечь «дурачество» молящихся у озера Аль язычников и язычествующих христиан: «Дорога к Эль-кулю лежит через Ураслы (д. Уразкасы. – А.А.) и Беляево, где приходилось нам останавливаться и совершать молебны Владычице и святому Николаю, и притом же в этих деревнях количество людей, идущих на Эль-куль, все возрастало, так что, когда мы вышли из Беляева, нас было, пожалуй, больше и полтысячи. По выходе из Беляева меня охватила такая радость, какую я никогда и не чувствовал. Шли все чинно, все были в нарядных одеждах, и почти до единого восклицали: *Туррэн таса Амайш ё, çäl!*! «Святая Божья Матерь, спаси нас!»... Когда мы дошли до Эль-куля, на некоторое время остановились. Отсюда нам вид-

но было, как все народы вооружились дубинами, нас даже невольно охватил страх». Как свидетельствует письмо Луки, прерванное моление «по примеру предков» вызвало резкую ответную реакцию со стороны язычников: «Жрецы все разом батюшку и нас начали осыпать всевозможными ругательствами, многие из них даже готовы были на нас накинуться, как разъяренные звери, но все-таки никто не выставился зачинщиком драки. После долгой ругани жрецы замолкли. Затем начал батюшка свою проповедь...»⁸⁵

Неблагоприятные погодные условия и угроза уничтожения сельскохозяйственных культур, голода являлись главными причинами возрождения «языческих» традиций и проведения ритуала жертвоприношения Эль *күлли* жителями Алдиарово и близлежащих деревень в 1891 г. Крестьяне стали обращаться к положительному опыту организации молений, умилостивления божеств для получения обильного урожая.

Сакральное озеро стало местом конфронтации двух религиозных миров – «язычества» и православия – в лице верующих и служителей культов: жреца *юмайс* и священника. К счастью, им удалось избежать кровавого сценария и мирно разрешить создавшуюся коллизию. Как ни странно, приверженцы традиционных верований, услышав от настоятеля церкви слова из Священного Писания, «сознались в своих грехах и стали молиться Богу» и после освящения воды и молебного пения о дожде разошлись по домам.

Вместе с тем участие Луки, автора заметки, в процессии православных прихожан к водному источнику не осталось незамеченным. Во-первых, названную акцию резко осудили его родители и соседи, заверив о тяжких последствиях в виде болезни и даже смерти вследствие мести Эль *күлли*. Во-вторых, местные жители погнались за Лукой, как за врагом, считая его виновником продолжающейся засухи. Убегающему от преследователей пришлось переплыть пруд, в результате чего он заболел лихорадкой и долгое время лечился.

Таким образом, основная масса местного населения, несмотря на некоторые успехи в деле христианского просвещения чувашей округи, сохранила традиционные религиозно-мифологические представления о священном озере, грозной и карающей силе божеств и духов Эль *күлли*, способных наслать болезни и неурожай, о необходимости и значимости их умилостивления.

С конца XIX в. окружное моление у Эль *күлли* практически уже не проводилось, что было связано, вне сомнения, все большим утверждением чувашских крестьян в православии. Правда, многие из них все еще продолжали верить, что при прекращении жертвоприношения озеро Аль может направить дождь с градом и уничтожить выращенный урожай⁸⁶. «Язычествующие» крещеные чувашские крестьяне часто упрекали молодых: Эль *күллинчен ڇامىр тухса тырă лайăх пулатчë, чýк тума пăрахнăранта пĕрре тырă лайăх пулмарë...*⁸⁷ «Когда дождь выходил из Эль *күлли*, бывал хороший урожай, с тех пор как перестали делать чук, не было ни разу хорошего урожая». Относительно прекращения жертвоприношений у озера Аль

корреспондент Н.В. Никольского в 1907 г. записал у некоего старожила, придерживавшегося традиционных взглядов, следующее заключение: *А́-а́-х, ёлёк çапла пулнá-çке те вáл, халё пацах начарлантамáр, кáçан та пулсан Эль кўль çилленё те выçлaх мур ярё*⁸⁸ «Ах, раньше-то так было, сейчас вот совсем худо стало, когда-нибудь Эль кўли обидится и пошлет нам голодный мор».

В ходе экспедиции 2016 г. автору настоящей статьи респондентами было сообщено, что последние жертвоприношения на озере имели место после Великой Отечественной войны, в 1948–1950-х гг., но в них участвовало небольшое число жителей населенных мест Алдиарово, Беляево, Нюшкасы, Уразкасы, Новое Буюново Янтиковского, Кибечи Канашского, Шоркистры Урмарского района⁸⁹. В последующий период групповые жертвоприношения уже не совершались⁹⁰.

Оценивая значение сакрального места Эль кўли, современные информаторы придерживаются мнения об озере как об объекте, способном приносить несчастье в виде случайной болезни. По указанной же причине единичные приверженцы дохристианских традиций, являясь при этом православными верующими, в случае болезни продолжают преподносить озеру жертвоприношение в виде пшеничной каши с маслом и хлеба с солью⁹¹.

Таким образом, в характере проведения церемонии жертвоприношения отразилась полифункциональность данного сакрального места. Можно выделить несколько основных функций культового объекта Эль кўли: производственная, которая выражается в обеспечении хорошего урожая; противовес производственной функции – вредоносная: при ненадлежащем почитании озеро могло наказать засухой; защитная, призванная обеспечить защиту от нападений и кризисных ситуаций; репродуктивная, связанная с плодородием земли и увеличением приплода домашних животных; воспитательная и нравственная, которая выражается в соблюдении этикета проведения жертвоприношения; интегративная и коммуникативная, призванная укреплять сотрудничество и тесную взаимную согласованность действий жителей окрестных чувашских селений для поддержания единых принципов в организации жертвоприношений во имя реализации общих целей.

Можно сделать вывод, что святилище Эль кўли до массового крещения пользовалось особым почетом у чувашей, возле него материализовались обрядовая практика, религиозные верования, представления о мире. Христианство оказало сильное воздействие на состояние его восприятия, что обусловило деградацию прежних представлений об этом культовом объекте как о добром божестве. В советское время происходит полная утрата сакрального смысла данного святилища. Оно становится местом проведения различных увеселительных мероприятий. Хочется надеяться, что настоящая статья подтолкнет местную администрацию к паспортизации данного уникального объекта. Это привело бы к более уважительному отношению к рассмотренному сакральному месту. Сохранение, популяризация и охрана объектов культурного наследия чувашского народа сегодня актуальны, как никогда.

Разумеется, дальнейшее изучение культового памятника Эль күлли требует комплексного подхода, привлечения дополнительных источников. Необходимо на их основе провести реконструкцию основных элементов связанного с ним обрядового комплекса, анализ его историко-культурной динамики, что представило бы принципиально новый подход, позволяющий выявить новые глубинные пласты представлений о духовной жизни традиционного чувашского общества.

Литература, источники и примечания

¹ Особо охраняемые природные территории и объекты Чувашской Республики: материалы к Единому пакету кадастровых сведений. Чебоксары, 2004. С. 401.

² Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1929. Вып. 3. С. 8; Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 26. С. 653; Ед. хр. 167. С. 15.

³ Тимофеев Г.Т. Тăхăръял (Сёве тăршиинчи чăвашсем). Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1972. С. 454; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. С. 16.

⁴ Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1881. С. 90–91.

⁵ Тимофеев Г.Т. Указ. соч. С. 454–455.

⁶ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. 3. С. 8; Вып. 7. Чебоксары, 1934. С. 71–72.

⁷ Родионов В.Г. Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 552 с.

⁸ Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. С. 64–65.

⁹ Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. С. 12.

¹⁰ Салмин А.К. Система фольк-религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. С. 503; Его же. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука, 2010. С. 205.

¹¹ Пассек Т.С. Круг чувашских праздников // Сборник статей Академии наук СССР, посвященный академику Н.Я. Марпу. М.; Л., 1935. С. 527–541.

¹² Егоров Н.И. Аль // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. Т. 1. С. 90; Его же. Тăван ялсен кун-çулĕ // Ял ёçченĕ. 1979. 107 (5139) №. С. 4; Личный архив Н.И. Егорова. Папка «Кўл».

¹³ Тăхти И. Поэзия, проза, публицистика. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1979. С. 124–126; П.П. Ел-кўл. Елпүç (Курни-илтни) // Чăваш хресченĕ. 1927. 12 (26) №. С. 4.

¹⁴ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем [Чувашское народное творчество. Мифы, легенды, предания]. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. С. 105–106; Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапсем [Чувашское народное творчество. Топонимические предания] / пухса хаттрлекенĕ, ум сăмахпа ѹнлантарусене çыраканĕ О.Н. Терентьева. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2013. С. 170–171, 324.

¹⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 580. Л. 301.

¹⁶ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем. С. 106.

¹⁷ Личный архив Егорова Н.И. Папка «Кўл». Таир – озеро карстового происхождения в центральной части Звениговского района Республики Марий Эл.

¹⁸ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. 3. С. 7.

¹⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 3.

²⁰ Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 4: Се – Я. С. 669; Егоров Н.И. Тăван ялсен кун-çулĕ // Ял ёçченĕ. 1979. С. 4.

²¹ Одюков И.И. Избранные труды: исследования по фольклору и литературе, методические материалы. Воспоминания и документы. Письма, рецензии, отзывы. Сны / сост., авт. предисл. и коммент. В.А. Ендеров. Чебоксары, 2008. С. 436.

- ²² Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания. Ч. 1. С. 44; Чăваш халăх пултăрлăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 170–171.
- ²³ Родионов В.Г. Этнос. Культура. Слово. С. 47.
- ²⁴ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 152. С. 185.
- ²⁵ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
- ²⁶ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 152. Л. 185 об. Здесь и далее перевод с чувашского языка на русский выполнен автором.
- ²⁷ Салмин А.К. Традиционные обряды и верования чувашей. С. 205.
- ²⁸ Там же. Л. 185 об.
- ²⁹ Тăхти И. Суйласа илнисем: сăвăсем, поэмăсем, калавсем, статьясем, çырусем / пухса ѹйреклекенĕсем тата ѹйлантарусене çыраканĕсем Г.Ю. Юмарт, И.Ю. Кириллова; ум сăмахне çыракан В.Г. Родионов. Шупашкар: ЧПГАИ, 2009. С. 142; Терентьев О.Н. Илле Тăхти пултарулăхĕнче тавралăх халапĕсем сăнланни // Чăваш чĕлхи, литератури, халăх сăмахлăхĕ: статьясем пуххи / пухса хатĕрл. тата ѹслăлăх ред. А.В. Кузнецов. Шупашкар: ЧПГАИ, 2015. С. 172; Чăваш халăх пултарулăхĕ. Тавралăх халапĕсем. С. 324; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. Л. 4.
- ³⁰ Полевые материалы автора (далее – ПМА). Информатор А.М. Симулин, 1932 г. р., уроженец д. Алдиарово Янтиковского района Чувашской Республики.
- ³¹ Тăхти И. Поэзия, проза, публицистика. С. 124.
- ³² Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 27.
- ³³ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Пилсемпе кĕллесем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2005. С. 142; НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 152. Л. 186.
- ³⁴ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 152. Л. 185 об.
- ³⁵ Там же. Ед. хр. 132. С. 3.
- ³⁶ Там же. Л. 187.
- ³⁷ Там же. Л. 188.
- ³⁸ Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 134.
- ³⁹ ГИА ЧР. Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 12 об.
- ⁴⁰ Тăхти И. Поэзия, проза, публицистика. С. 125; Терентьев О.Н. Илле Тăхти пултарулăхĕнче тавралăх халапĕсем сăнланни. С. 173.
- ⁴¹ ГИА ЧР. Ф. 384. Оп. 1. Д. 30. Л. 25.
- ⁴² Приход с. Мусирма открыт в 1883 г., храм выстроен в 1882 г. Чуваши этого прихода приняли христианство в середине XVIII в.
- ⁴³ ГИА ЧР. Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–13; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 638. С. 269–271.
- ⁴⁴ ГИА ЧР. Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 638. С. 269; Егоров Н.И. Аль. С. 90.
- ⁴⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 638. С. 269.
- ⁴⁶ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. 7. С. 71–72; Егоров Н.И. Тăван ялсен кун-çулĕ. С. 4.
- ⁴⁷ Егоров Н.И. Аль. С. 90.
- ⁴⁸ Салмин А.К. Система фольк-религии чувашей. С. 503.
- ⁴⁹ ГИА ЧР. Ф. 493. Л. 12 об.; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 638. С. 269.
- ⁵⁰ Егоров Н.И. Аль. С. 90.
- ⁵¹ Пассек Т.С. Круг чувашских праздников. С. 532; Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. С. 138–139.
- ⁵² Тăхти И. Поэзия, проза, публицистика. С. 125; П.П. Ел-күл. Елпуç (Курни-илтни). С. 4.
- ⁵³ Родионов В.Г. Этнос. Культура. Слово. 2006. С. 134.
- ⁵⁴ Пассек Т.С. Круг чувашских праздников. С. 532.
- ⁵⁵ Родионов В.Г. Указ. соч. С. 134; Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во при Харьк. ун-те, 1956. С. 74.
- ⁵⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. С. 16.
- ⁵⁷ ПМА. Информатор К.Ф. Зайцева, 1932 г.р., уроженка д. Алдиарово Янтиковского района Чувашской Республики.

- ⁵⁸ ПМА. Информатор А.М. Симулин, 1932 г.р., уроженец д. Алдиарово Янтиковского района Чувашской Республики.
- ⁵⁹ Тăхти И. Поэзия, проза, публицистика. С. 125; П.П. Ел-күл ... С. 4.
- ⁶⁰ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. 3. С. 8.
- ⁶¹ ПМА. Информатор К.Ф. Зайцева.
- ⁶² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 408. Запись Н.И. Егорова в 1974 г. у М.В. Васильевой, 1896 г.р., уроженки д. Старое Янситово Урмарского района.
- ⁶³ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 132. С. 3.
- ⁶⁴ Там же. С. 1.
- ⁶⁵ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. 3. С. 8.
- ⁶⁶ Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. С. 12.
- ⁶⁷ Месарош Д. Памятники старой чувашской веры / пер. с венг. Ю. Дмитриевой. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 27.
- ⁶⁸ Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 90–91.
- ⁶⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 580. Л. 301.
- ⁷⁰ Егоров Н.И. Аль. С. 90.
- ⁷¹ Никольский Н.В. Собрание сочинений: Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. Т. 1. С. 499; ПМА. Информатор В.Г. Родионов, 1947 г.р., уроженец д. Хора-Сирма Вурнарского района Чувашской Республики.
- ⁷² Тимофеев Г.Т. Тăхъяръял (Сёве тăршшинчи чăвашсем). С. 455; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 26. Т. 26. С. 655–657.
- ⁷³ Николай Сидоров был рукоположен в сан священника и назначен служить в Троицкой церкви прихода с. Норваши 4 декабря 1886 г., где прослужил до 27 июля 1898 г. Родился в д. Старый Ильмовый Куст Буйинского уезда Симбирской губернии (ныне д. Старое Ильмово Дрожжановского района Республики Татарстан) в чувашской крестьянской семье. В 1878 г. окончил курс в Казанской учительской семинарии. В 1884 г. для изучения богословских наук поступил в 5 класс Казанской духовной семинарии. С 1878 по 1881 г. был учителем в Городищенском одноклассном училище, с 1881 по 1884 г. – учителем в Бичуринском двухклассном училище. Работал законоучителем в Алдиаровской школе Братства святителя Гурия с 1887 по 1897 г., также в Уразлинской школе с 1889 по 1897 г., в Бахтиаровской земской школе с 1887 по 1898 г. С 1894 по 1896 г. числился наблюдателем законоучителя в Турмышской школе грамотности на бесплатной основе. Помимо перечисленных должностей, работал законоучителем в министерском Яншихово-Норвашском училище с октября 1894 г.
- ⁷⁴ Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского: сб. документов и материалов / авт.-сост.: Р.Р. Исхаков, Х.З. Ба-гаутдинова. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Яз», 2015. С. 572.
- ⁷⁵ Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского. С. 571.
- ⁷⁶ Из быта инородцев-чуваш (Рассказ учителя) // Церковные ведомости. 1891. № 21 (год четвертый). СПб.: Синод. тип., 1891. С. 677–680.
- ⁷⁷ Трофимов Лука Трофимович окончил Казанскую учительскую семинарию в 1891 г., родился в с. Яншихово-Норваши Цивильского уезда Казанской губернии (см.: Александров Г.А. Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары, 1997. С. 66).
- ⁷⁸ Автор выражает благодарность Д.В. Егорову за предоставленный материал.
- ⁷⁹ Из быта инородцев-чуваш (Рассказ учителя).
- ⁸⁰ ГИА ЧР. Ф. 283. Оп. 1. Д. 9. С. 23 об.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского. С. 573.
- ⁸³ Там же. С. 572.
- ⁸⁴ Чăваш халăх пултарулăх. Тавралăх халапăсем. С. 260.
- ⁸⁵ Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского. С. 573.

⁸⁶ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. 3. С. 8.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. С. 4.

⁸⁹ ПМА. Информатор К.Ф. Зайцева, 1932 г.р., уроженка д. Алдиарово Янтиковского района Чувашской Республики.

⁹⁰ ПМА. Информатор Ю.С. Колоколов, 1944 г.р., уроженец д. Алдиарово Янтиковского района Чувашской Республики.

⁹¹ ПМА. Информатор К.Ф. Зайцева, 1932 г.р., уроженка д. Алдиарово Янтиковского района Чувашской Республики.

A.A. Antipina

CULT MONUMENT *EL KULLY*(AL LAKE)

The article is devoted to characterization of the cult monument El Kully (Al Lake) in the system of traditional religious beliefs of the Chuvash. It has as its basis archival, literary, folklore-ethnographic and field materials. The author made an attempt to reconstruct the ceremonial practice near this cult monument.

Keywords: cult place, Sanctuary *El Kully*, sacrifice, deities and spirits, traditional folk religion.

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ ГЛАГОЛА В ТУРЕЦКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ

ЧГВ, 2017 г., № 12
© Э.Е. Лебедев

В статье рассматриваются формы наклонений глагола в турецком и чувашском языках в со-поставительном аспекте. В качестве основных наклонений в обоих языках автор рассматривает изъявительное, повелительное, желательное, уступительное, сослагательное, условное и долженствовательное наклонения. Кроме этого, особо им выделены модальные формы, не образующие наклонений. В чувашском языке наблюдается наличие ряда форм, образованных аналитическим способом. В турецком же языке практически все формы с модальными зна-чениями относятся к синтетическому типу.

Ключевые слова: категория наклонения глагола, повелительное наклонение, желательное наклонение, сослагательное наклонение.

Под «категорией наклонения» в тюркских языках традиционно понимают систему форм, объединенных общим значением модальности. Однако само понятие модальности имеет доста-точно размытое содержание и включает в себя весьма разнообразные по семантическому составу частные значения. Тем не менее В.А. Плунгян на основании проведенного анализа данных различных языков мира выводит два главных «полюса», вокруг которых группируются все возможные мо-дальные значения. Это – «отношение говорящего к ситуации (или оценка)» и «статус ситуации по отношению к реальному миру (или ирреальность)»¹. Эти две группы значений можно разделить по признаку субъективности или объективности, так как в первом случае речь идет о взгляде говорящего на совершающее действие, а во втором – о соотношении этого действия с су-ществующей реальностью. Центральным значением оценочной модальности В.А. Плунгян считает *эпистемическую модальность*, или «оценку сте-пени правдоподобности со стороны говорящего»². К основным модальным

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

значениям второй группы В.А. Плунгян относит прежде всего значения *необходимости и возможности*, аргументируя это тем, что в языках мира это наиболее часто встречающиеся, морфологически выраженные значения модальности³. Факты тюркских языков полностью соответствуют этому утверждению.

В.Г. Гузев, исследователь турецкой грамматики, в свою очередь выделяет две группы модальных значений, каждая из которых также имеет подгруппы. В первую группу входят значения, сигнализирующие «об отношении содержания высказывания к действительности, устанавливаемом коммуникантом, и об опосредованном получении коммуникантом знания, информации»⁴. Отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего у В.А. Плунгяна охарактеризовано как *оценка*, что было показано выше. Другая подгруппа относится к понятию *эвиденциальности*, которое весьма активно исследуется в последнее время тюркологами⁵. Вторая группа модальных значений, по В.Г. Гузеву, указывает на «экспликацию волеизъявления субъекта», на «субъективное состояние и субъективное отношение коммуниканта к сообщаемому событию»⁶. Представленные выше классификации модальных значений можно принять за основу в исследовании соответствующих грамматических форм в чувашском и турецком языках, так как они в целом отражают существующее положение дел.

Научное изучение форм, передающих модальные значения в чувашском языке, начинается с трудов Н.И. Ашмарина. Ученый помимо временных форм, относящихся к изъявительному наклонению, выделяет следующие (косвенные) наклонения: повелительное, уступительно-желательное и сослагательное. В его монографии «Материалы для исследования чувашского языка» представлены парадигмы изменения этих форм по лицам и числам. При этом формы сослагательного наклонения разделены автором на две группы. Ко второй группе отнесена форма, образованная аналитическим способом – сочетанием знаменательного глагола в форме причастия прошедшего времени с показателем *-нă/-нĕ* и вспомогательного глагола *пул* «быть, являться» с аффиксами сослагательного наклонения: *пулнă пултăм* «я уже сделался бы»⁷. Во второй части труда «Опыт исследования чувашского синтаксиса» Н.И. Ашмарин дает более подробную характеристику форм наклонений. В частности, он указывает на наличие в чувашском языке двух групп форм уступительно-желательного наклонения. Кроме основной группы форм, образуемых при помощи показателя *-ин*, им выделяется производная форма, которая представляет собой сочетание аффиксов *-ин* и *-ччĕ*: *пулинччĕ*⁸. Ученый подробно описывает значения всех форм косвенных наклонений. Повелительное наклонение, по его мнению, передает значение повеления и наставления. Для смягчения повеления часто используются формы с показателями *-ччĕ*, *-халĕ*, *-ха* и др. Усиление просьбы или требования происходит путем прибавления *-ха*, *-сам/-сем*⁹. В отношении форм повелительного наклонения 1 лица Н.И. Ашмарин справедливо пишет, что они вместо повеления обозначают намерение и желание со-

вершить действие, а в некоторых случаях – уступку и согласие. Во множественном числе эта форма выражает приглашение, призыв к действию. Часто она дополняется такими словами, как *атя*, *тавай*, и частицей -*ха* и др.¹⁰ Отмечено также, что формы повелительного наклонения могут стоять с вопросительной частицей -*и* в тех случаях, когда необходимо передать значение «не совсем решительного намерения»: *Илем-и?* «Взять ли мне?»; *Ярам-и?* «Отпустить ли мне?»¹¹. Среди значений, передаваемых формой повелительного наклонения 3 лица, ученым выделены следующие: приказание или более-менее твердое пожелание, выражение недоумения, невозможности или невероятности предположения, опасение или предупреждение, с отрицательной частицей – боязнь, что действие совершится, и др.¹² Ряд значений выделен Н.И. Ашмариным и у форм уступительно-желательного наклонения. К ним относятся: безразличное отношение к действию, указание на то, что ничего важного не произойдет, с отрицательной частицей – выражение вежливой просьбы, «несоответствие действительно случившегося с тем, чего ожидали», желание, опасение или просьбу и др.¹³

Наклонения чувашского языка представлены В.Г. Егоровым в разделе «Глагол» из «Материалов по грамматике современного чувашского языка». Им описаны формы четырех косвенных наклонений: повелительного, сослагательного, уступительного и желательного¹⁴. В отличие от Н.И. Ашмарина, ученый определил формы с показателями -*ин* и -*инчё* как два разных наклонения. Кроме этого, в качестве формы желательного наклонения им выделена форма, образованная от причастия будущего времени -*асчё/есчё*¹⁵. В отношении форм повелительного наклонения В.Г. Егоров пишет, что в речи они употребляются, как правило, без личных местоимений и что 1 лицо этого наклонения является неким остатком исчезнувшего желательного наклонения. Действительно, форма 1 лица передает значение пожелания, а с вопросительными частицами – значения сомнения и колебания. Кроме этого, для смягчения или усиления просьбы к формам повелительного наклонения 2 и 3 лица могут присоединяться аффиксы -*сам/сем*, -*ччё* и частица -*ха*¹⁶. Ученый определяет значение сослагательного наклонения как предполагаемое действие, выполнение которого желательно, но возможно только при определенных условиях. Отрицательная же форма этого наклонения указывает на то, что действие совершено вынужденно, помимо воли говорящего. По поводу аффикса, передающего упомянутые значения, В.Г. Егоров пишет, что он состоит из аффикса глагола будущего неопределенного времени с показателем -*ä/-ë* и личных аффиксов прошедшего времени древнего глагола *имек*. Автором также выделена форма прошедшего времени сослагательного наклонения, образованная аналитическим путем¹⁷. Аналогичная форма прошедшего времени, по мнению В.Г. Егорова, имеется и у уступительного наклонения: *сырна пултин* «пусть даже я и писал»¹⁸.

Н.А. Андреев рассматривает формы наклонения глагола во второй части своей монографии «Чӑваш чӗлхин стилистики». При этом он оттал-

кивается от семантики этих форм. Им выделены три основные группы модальных значений: приказ или просьба, желание и необходимость. К первой группе, по его мнению, относятся формы повелительного наклонения. Автором подробно представлены все значения и их оттенки, передаваемые при помощи форм повелительного наклонения каждого из трех лиц. Рассмотрены варианты с участием таких дополнительных показателей, как частицы *-ха*, *-и*, аффиксы *-ах/-ех*, *-сам/-сем*, слова *тавай*, *атя* и др. Отдельно отмечено, что семантику повеления можно передавать и формами других наклонений, например уступительного (*анăсăнччĕ* «спустился бы ты»), формой настоящего времени (*паратăр* «вы отадите»), 1 лица множественного числа будущего времени (*тытăнăпăр* «приступим») и др.¹⁹ Для передачи значения желания совершения действия, как пишет Н.А. Андреев, используются формы различных наклонений. К ним относятся: форма сослагательного наклонения (*вëсëттëм* «я улетел бы»), сослагательного наклонения прошедшего времени (*панă пулăттăм* «я дал бы»), уступительного наклонения (*часрах килинччĕ* «пришел бы скорее»), причастия будущего времени с показателем *-ас/-ес* (*сырасчë* «написать бы») и др.²⁰ Значение необходимости совершения действия или долженствования передается также различными способами. В их передаче участвуют аффиксы причастия будущего времени (*васкас пулать* «надо торопиться»), причастия с показателем *-малла/-мелле* (*илмелле* «надо взять»)²¹.

В работе И.П. Павлова «Хальхи чăваш литература чёлхи» описаны три косвенных наклонения: повелительное (*хушу наклоненийĕ*), сослагательное (*ёмёт наклоненийĕ*), уступительное (*килешү наклоненийĕ*). По поводу повелительного наклонения автор отмечает, что каждое лицо в его парадигме имеет свою особую форму. То же самое касается и отрицательного аспекта, который образуется при помощи отрицательных частиц *мар* и *ан*. Формы 1 лица, по мнению ученого, являются остатком древнего желательного наклонения. Несмотря на отличие их значения от форм других лиц, включение форм 1 лица в общую парадигму повелительного наклонения является обоснованным, так как в речи они часто употребляются в одном ряду. Формы 2 лица особенны тем, что могут употребляться окказионально в значении других наклонений, например условного. И.П. Павлов приводит случаи подобных употреблений²². Значение сослагательного наклонения автор определяет как желание совершить действие, которое ограничено каким-либо условием или совершению которого что-то мешает. Для передачи значения уступительного наклонения, по мнению И.П. Павлова, используются аффиксы *-ин* и *-йсă/-ёсë*. Его значением является выражение согласия говорящего с чьим-либо действием или с исполнением какого-либо действия, а также безразличия к совершаемому действию и его результатам²³.

Категорию модальности в чувашском языке М.Р. Федотов рассматривает в самом широком смысле. В монографии «Средства выражения модальности в чувашском языке» он описывает как лексические, так и грамматические средства, передающие модальные значения. Отдельной главой

здесь представлены и модальные частицы *-çke*, *-iç*, *-i*, *-im*, *-ishi*, *-ishim*, *-täk/-täk*, *-täpl/-täp*, *-te* и *-e*²⁴. Среди грамматических средств, по мнению автора, можно выделить группу регулярных синтетических грамматических формантов модальности и группу аналитических модальных конструкций. К первой из них относятся такие показатели, как *-sam/-sem*, *-xa*, *-çë*, *-ax/-ex*, *-ai/-ey*, *-mallal/-мелле*, *-ac/-ec*, *-am/-em*, *-apl/-ep*, *-asian/-есиён*, *-makai/-мекай*, *-çär/-сэр*. Главной причиной включения этих формантов в одну группу стало то, что все они сочетаются с множеством глагольных основ и сохраняют одно и то же значение в независимости от вещественного значения этих основ. Отметим, что, помимо специфических модальных форм, сюда включены и формы, образуемые при помощи аффиксов так называемых причастий *-малла/-мелле*, *-ac/-ес* и *-асиан/-есиён*²⁵. Вторая группа состоит из сочетаний, образованных из нескольких компонентов: *-ac/-ec + кил*, *-ma/-me + түре кил*, *-ma/-me + кирлэ*, *-ni + кирлэ*, *-ma/-me + тив*, *-nä/-нë + кирлэ* в форме повелительного наклонения, *-am/-em*, *-nä/-нë + пек* (*пекки*) или со вспомогательными глаголами *ту*, *пул*: *-анси/-енси + пул* или *-анси/-енси ту, -мäш/-мëш + пул* и *-мäш/-мëш пер*, *-ac/-ec + te* и др.²⁶

В 2002 г. вышла книга В.И. Сергеева «Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке», в которой в соответствующем разделе также идет речь о формах с модальными значениями. Автором выделено три наклонения: повелительное, уступительное и желательное, при этом отмечается, что повелительное наклонение относится одновременно и к словоизменительной, и к формоизменительной морфологии, а уступительное и желательное – к формоизменительной. В отношении изъявительного наклонения В.И. Сергеев придерживается позиции тех тюркологов, которые призывают не считать его в качестве отдельного наклонения по причине того, что у него нет особого формального показателя и оно конституируется только показателями временных форм²⁷. Повелительное наклонение, по мнению ученого, кроме присутствия у него специальных аффиксов, характеризуется еще и особой интонацией, которая является дополнительным указанием на повеление, в связи с чем можно сделать вывод, что без соответствующей интонации повелительного наклонения не существует. В данном случае наблюдаем попытку применения к определению грамматической категории не только морфологического критерия, но и критерия, относящегося к другому, неморфологическому уровню языка. При помощи интонации, как считает автор, можно передать значения «от самого грозного приказа до самой кроткой просьбы»²⁸. К желательному наклонению В.И. Сергеев относит форму, образованную при помощи аффикса *-ai/-ey*. Подобный подход является не совсем обычным, так как традиционно эту форму включают в так называемую категорию аспекта в качестве формы возможности. Ученый предлагает выделить эту форму в состав желательного наклонения, при этом упразднить категорию аспекта, выделив формы отрицания в отдельную категорию²⁹.

В коллективной монографии «Чӑваш чӗлхи», изданной в 2012 г., формы наклонений рассмотрены в разделе, автором которого является Л.П. Сергеев. В данной работе представлен в целом традиционный подход к вопросу о составе наклонений в чувашском языке. Автор выделяет четыре наклонения: изъявительное, которое образуется только посредством временных форм, повелительное, сослагательное и уступительное. Изъявительное наклонение рассматривается обычно в разделе категории времени глагола и по сути не представляет собой какой-либо особой модальности, поэтому остановимся здесь на остальных трех, косвенных наклонениях, описанных Л.П. Сергеевым. В отношении повелительного наклонения автор высказывает интересную мысль о том, что значение повеления совершения действия открыто проявляется лишь в формах 2 лица. Формы же остальных лиц, таким образом, не выражают повеления в полном его смысле. На подобную разницу в значениях форм, относящихся к разным лицам, указывает и разнообразие собственно самих форм³⁰. Значением сослагательного наклонения, по мнению автора, является желание совершить какое-либо действие, которое не может совершиться по причине какого-либо существующего препятствия. Сложный аффикс сослагательного наклонения представлен Л.П. Сергеевым в виде *-ătt-*/*-ĕtt-*. Таким образом, он не выделяет из него компонент *-ă/-ĕ*, что, по нашему мнению, неправильно³¹. В случае с уступительным наклонением автор также указывает на разнообразие аффиксов, при помощи которых оно образуется. Им отмечено, что в повседневной речи аффиксы 1 и 2 лица практически не встречаются, они употребительны лишь в произведениях художественной литературы³².

Из обзора литературы, посвященной формам с модальными значениями в чувашском языке, мы можем сделать вывод, что, как правило, авторами, помимо изъявительного наклонения, выделяются три косвенных наклонения: повелительное, сослагательное и уступительное. Однако это совершенно не означает того, что указанные значения не могут передаваться и формами, которые не входят в традиционный набор категории наклонения. Как показано в монографии М.Р. Федотова, в качестве периферийных морфологических средств передачи значений модальности выступают модальные частицы и аффиксы так называемых причастий, включая и аналитические формы, которые образованы с их участием. По поводу последних добавим, что функции, выполняемые этими формами при передаче модальных значений, значительно более широкие по сравнению с функциями причастий, что, во-первых, наводит на мысль о неправомерности применения к ним термина «причастие», а во-вторых, позволяет рассуждать о возможности перевода некоторых из них из состава категории причастий в состав категории наклонения.

Целью настоящей статьи является сопоставительное исследование значений и форм, определяемых в качестве модальных, в чувашском языке и родственном ему турецком. Подразумевается, что подобное исследование сможет внести свой вклад в теорию грамматики не только двух обозна-

ченных по теме языков, но и тюркских языков в целом. Для анализа форм чувашского языка в качестве теоретической базы мы воспользовались трудами авторов, которые были перечислены выше. В отношении же турецких модальных форм были привлечены работы главным образом отечественных ученых – В.Г. Гузева, А.Н. Кононова и др. Исследования турецких ученых при подготовке настоящей статьи также использованы в той мере, в какой они были доступны автору. Основная часть статьи состоит из отдельных параграфов, каждый из которых посвящен формам того или иного наклонения в обоих исследуемых языках.

1. Индикатив (изъявительное наклонение) и его отношение к другим (косвенным) наклонениям

Изъявительное наклонение характеризуется тем, что в значениях конституирующих его форм имеется указание на полное соответствие содержания высказывания фактам объективной реальности. Это единственное из всех наклонений, которое не имеет своего особого показателя. По этой причине Дж. Лайонз называет его «ненаркированным» наклонением, в отличие от косвенных, «маркированных» наклонений³³. Как в чувашском, так и в турецком языках оно состоит из целого ряда форм времен глагола. К ним относятся: в чувашском языке – формы настоящего-будущего времени, будущего времени, прошедшего категорического времени, прошедшего субъективного времени (выраженного при помощи аффикса причастия на *-нă/-нĕ*), прошедшего постоянного времени I, прошедшего постоянного времени II и несколько форм давнопрошедшего времени³⁴; в турецком языке – формы настоящего времени данного момента, настоящего-будущего времени, настоящего длительного времени, прошедшего категорического времени, прошедшего субъективного времени, будущего категорического времени, ближайшего будущего времени, определенного имперфекта, неопределенного имперфекта, прошедшего длительного времени, перфекта в прошлом, давнопрошедшего времени, будущего в прошлом, ближайшего будущего в прошлом и др.³⁵ Как мы можем видеть, количество временных форм в турецком языке превышает количество чувашских форм времени глагола.

Основным семантическим отличием индикатива от других наклонений является то, что он указывает на *соответствие* содержания высказывания существующему положению дел. Именно это обстоятельство и позволяет изъявительному наклонению объединить все существующие в языке формы категории времени – именно здесь они выражены наиболее полно. Косвенные же наклонения, в силу своей семантики, которая содержит указание на *несоответствие* содержания высказывания реальной ситуации, наоборот, не способны образовывать все временные формы, присутствующие в языке. Категория времени в случае с косвенными наклонениями предстает в сильно усеченном виде. Как правило, речь здесь может идти только о формах прошедшего категорического и прошедшего субъективного времени. Неспособность присоединения тех или иных форм времени является

дополнительным функционально-семантическим фактором, который определяет отнесенность формы к разряду косвенных наклонений.

2. Повелительное наклонение

Формы этого наклонения присутствуют во всех тюркских языках, так как семантика повеления, по-видимому, относится к наиболее распространенным и необходимым для выражения языковым значениям. Однако, как мы уже могли видеть из обзора исследований по чувашскому языку, понятие «повеление» включает в себя достаточно большой ряд значений – от пожелания и просьбы до категорического требования, что заставляет задуматься о не совсем удачном выборе названия для этого наклонения.

По мнению В.Г. Гузева, повелительное наклонение, подобно индикативу, не имеет собственного формального показателя и образуется только при помощи аффиксов лица³⁶. Это объясняет в какой-то степени существование разнообразия форм повелительного наклонения, различающихся в зависимости от представляемого ими лица. Но, с другой стороны, аффиксы, используемые при образовании форм повелительного наклонения, в основном не совпадают с теми аффиксами, которые составляют категорию лица. Поэтому вопрос о статусе форм повелительного наклонения остается открытым.

Некоторые исследователи отрицают наличие форм 1 (иногда и 3) лица повелительного наклонения в тюркских языках, фактически считая их формами желательного наклонения³⁷. Значения, передаваемые этими формами, как будто бы подтверждают это утверждение. Однако точнее все же будет говорить о совпадении форм 1 лица желательного и повелительного наклонения, так как с точки зрения логики вполне естественно, что повеление совершения действия по отношению к себе, как правило, возможно только при условии, если лицо желает его совершить. А в случае с чувашским языком говорить об ошибочном включении форм 1 лица в парадигму повелительного наклонения не приходится вовсе, так как аналогичные формы желательного наклонения в других лицах, по крайней мере на данном этапе развития языка, здесь отсутствуют.

Формы повелительного наклонения практически совершенно не способны принимать временные аффиксы. В этом отношении повелительное наклонение особо выделяется даже среди косвенных наклонений. Присоединение аффиксов прошедшего времени -ччे́ (в чувашском языке) и -dI или -mIş (в турецком языке) в редких случаях возможно лишь в 3 лице. Подобная «нейтрализация» категории времени в повелительном наклонении имеет свои причины в плане семантики. Как справедливо указывает В.Г. Гузев, при необходимости выразить повеление, как правило, отсутствует потребность в передаче временных значений³⁸. Именно в этом заключается основная причина практически полного отсутствия форм времен глагола, которые сочетались бы с формами повелительного наклонения.

К повелительному наклонению относятся формы со следующими показателями:

– в чувашском языке: *-ам/-ем*, *-ар/-ер*, нулевой аффикс (во 2 лице единственного числа), *-är/-ärp*, *-mär/-märp*, *-ччär/-ччärp*³⁹.

– в турецком языке: *-(y) Aylm* (у А.Н. Кононова она отсутствует), *-(y) Alm*, нулевой аффикс (во 2 лице единственного числа), *-InIz*, *-sIn*, *-sInlAr*⁴⁰.

Кам «Таласа» – кунта килëр! Сирён äçta kaimalla? Самантра çitеп-ретën (Збанацкий) «Кто едет в “Талас” – идите сюда! Вам куда надо? Довезу вмиг»;

Пурте Чулхула вырäсёсене, енчен вëсем таса шухäшина чёнеçё пулсан, пулäшима кајр (Юхма) «Все пойдем помочь нижегородским русским, если они приглашают искренне»;

Mëн пäрахучё пултär халё пär ларас умён? (Турхан) «Какой пароход может быть сейчас, перед ледоставом?»;

– *Чим, тäхта, эпё унта-кунта шänkäравласа илем-ха* (Енёш) «Стой, подожди, **позвоню-ка** я кое-куда»;

Пире поезд хäçанччен кëттэр тата? (Краснов) «Сколько еще поезду нас ждать?»;

Пирэн маттурсем коммунистсene çes mar, вëсемне тусланиä араб правительстисене хирëç te ёçлеччэр (Вутлан) «Пусть наши молодцы работают не только против коммунистов, но и против тех правительств арабских стран, которые сдружились с ними»;

Bir kere olsun başını çevirip bulunduğu yönे bakmamıştı (Aysu) «Хоть бы раз было, что она повернулась и посмотрела в мою сторону»;

Göz açıp kapayıncaya kadarki sürede döğüşürüz. Var git söyle, hazırlansınlar (Kemal) «Будем биться с рассвета до ночи (досл.: с момента открытия глаз до того, как глаза закроются). Иди, скажи (им): пусть готовятся»;

Şurackta, yoldan uzak bir yerde ağaçlar altında oturalım, dedi (Karaoğlu) «– **Давайте-ка присядем** здесь под деревьями, подальше от дороги, – сказал он»;

Avrupa müzikisinin incelişini nasıl tarif edeyim, zevkine varamazsınız ki... (Adivar) «Как я тебе **опишу** изящность европейской музыки? Ты ведь не сможешь ее почувствовать...»;

Bakınız şunlara... Sabah akşam demeden, yaz kış demeden çalışıyorlar (Ali) «**Посмотрите** на них... Они работают и днем и ночью, и летом и зимой».

Отрицательный статус повелительного наклонения в турецком языке образуется при помощи стандартного аффикса отрицания *-mA*. В чувашском же языке дело обстоит несколько сложнее. Для передачи отрицания в 1 лице здесь используется отрицательная частица *мар*, а во 2 и 3 лице – препозитивная отрицательная частица *ан*:

– *Тур çыrlахтär, кëрү. Türex паллайманиän an çиллеп, йывäра an ил.* Энир сана пүсёпех сухатнä (Мранькка) «– Помилуй Бог, зятек. Не сердись, что сразу не признала, **не обижайся**. Мы тебя совсем потеряли»;

Апла пулсан эпир те ѣна пулашмăпăr: куланай та, ним те парап мар! (Элкер) «Если так, то и мы не будем ему помогать: **не дадим** ни дани, ни-чего»;

Korkmayın hocam verin, verin, bakin doya doya öpresağım elinizi (Paramuk) «**Не бойтесь**, позвольте, смотрите, я расцелую вам руки».

Формы повелительного наклонения в обоих языках имеют способность также сочетаться и с вопросительными частицами. В чувашском языке в этом случае используется частица *-и*, *-ши*, а в турецком – частица *mi*:

Борис автовокзала կаям-ши, шоссе хĕррине тухам-ши тесе шухайла-ма тытăнчĕ (Гордеев) «Борис начал раздумывать, **идти** ему на автовокзал или **выйти** на шоссе?»;

Yatsın mı, beklesin mi? (Adivar) «**Ложиться** ему или **ждать**?».

Как было сказано выше, в чувашском языке часто при формах повеления, прежде всего, 1 и 2 лица, прибавляются аффиксы и частицы, которые привносят семы неуверенности, смягчения просьбы либо, наоборот, категорического повеления. К ним относятся *-сам/-сем*, *-ччĕ*, *-халĕ*. Наиболее часто встречается в речи частица *-ха*:

Итле-ха, Иванна, çак каç сана тек нухăсан та таерăнас çук пек туй-йнмасть-и? (Афанасьев) «**Послушай**, Иванна, не кажется ли тебе, что этот вечер больше никогда не повторится?»;

Tăxma-ха, Ухтиван. Эсё мĕнишĕн кĕресешĕн мар çав кантура ёçлеме? Унта шалу та нумай түлэççे *тет!* (Уяр) «**Погоди-ка**, Ухтиван. Ты почему не хочешь устроиться на работу в эту контору? Там и зарплата, говорят, большая!»

В турецком языке подобную функцию выполняет аффикс *-sama*:

Haydi baba... Ne bekliyorsun?.. Şapka duasını okusana... (Güntekin) «**Давай, отец...** Чего ты ждешь? **Читай** молитву о шапке...»

Анализ языковых фактов показал, что в целом функции и семантика форм повелительного наклонения в обоих языках совпадают, несмотря на различия части их показателей.

3. Желательное наклонение

В чувашском языкознании обычно не выделяют категорию желательного наклонения. Его описание мы встретили только у трех авторов. В.Г. Егоров в качестве формы желательного наклонения указывает форму с показателем *-ин*, которая фактически передает значения, определяемые большинством авторов как уступительные. Но в этот же раздел им включены и примеры с формой на *-асчĕ/-есчĕ*⁴¹. Несколько необычно к вопросу о наличии категории желательного наклонения в чувашском языке подходят М.Р. Федотов и В.И. Сергеев. В качестве формы, передающей соответствующие значения, они называют оптатив с показателем *-ай/-ей*, который другие авторы традиционно относят к категории статуса⁴². Кроме этого, М.Р. Федотов пишет об отнесенности к желательному наклонению форм с показателями *-ам/-ем*, *-ар/-ер*⁴³. Действительно, в значении этих форм явно

прослеживаются семы желания совершения действия. Но чаще всего в грамматиках чувашского языка эти формы все же включаются в парадигму повелительного наклонения⁴⁴.

Однако в чувашском языке имеются формы, которые обычно не выделяются в качестве желательного наклонения, но, тем не менее, передают соответствующую семантику. Это сложный аффикс *-асиайн/-есиэн* и две аналитические формы, образованные сочетанием формы причастия с показателем *-ac/-ec* со вспомогательными глаголами *кил* (основное лексическое значение «приходить») и *те* (основное лексическое значение «говорить»). По-видимому, сложный состав первого аффикса, аналитический способ образования двух других форм и многообразие форм с указанными значениями послужили препятствием к признанию существования отдельного желательного наклонения в чувашском языке у большинства авторов. Между тем все эти формы подходят к другому общепринятым критерию, применяемому для определения словоизменительных форм и категорий: они могут сочетаться со всеми глагольными основами, то есть обладают признаком тотальности:

Апла эсир корреспондент пулё?.. Пäрахут капитанёнчен интервью илесиэн ёнтë... (Ефимов) «Тогда вы, наверное, корреспондент? Хотите взять интервью у капитана парохода...»;

Анчах вëсем пирён çёрышвра çар базисем тäвасиан, çавайнна çыхланас-шан мар пирён правительство вëсемне (Вутлан) «Но они хотят в нашей стране создать военные базы, поэтому наше правительство не хочет с ними связываться»;

Унан малалла ўпёnné ўт-пёвë çине пäхсанах вай темэн тума татäклän ишишнни, хäть мэн пулсан та çав хäй тävas мене ёсе тумасар пусäрäнас çукки палäрать (Краснов) «По его наклоненному вперед телу видно, что он намерен решительно действовать и, как бы то ни было, не успокоится, пока не осуществит задуманное (то, что хочет сделать)»;

— Акай мэн, тäванäm,— тем генерал хäрушä çынна пäхса,— сана эпë ирёклëх парнелес терэм (Алексеев) «— Вот что, родимый, — говорит генерал, глядя на страшного человека, — я решил тебе подарить свободу»;

Пирён äна, паллах, тата лайäхрах сываттарас килет (Збанацкий) «Конечно, мы хотим его получше вылечить»;

Тепёр чухне пулсан Ксения Гавриловна хäй патёнче çын пуршиэн саёйн-на та пулёччё, анчах кёçёр тем пулчё äна — никамсар, пёччен çес юлас килчё унан хäй хваттерёнче, çапла пёччен юлса, халичен нихсан та шухäшиласа курман шухäши тыткäнне лекес килчё... (Игнатьев) «В другой раз Ксения Гавриловна и радовалась бы, что у нее живет кто-то, но в эту ночь с ней что-то случилось: захотелось остаться в своей квартире наедине с собой, оставшись так одной, предаться мыслям, которые до сих пор никогда её не посещали».

Форма с показателем *-асиайн/-есиэн* способна принимать аффикс прошедшего времени *-ччё*, а также сочетаться со вспомогательным глаголом *пул*:

Елен амашё манна тата калаңасашәнчәп пулас, вайхатмәр չук пулә тесе пахчаналла тухса каять (Илпек) «Мать Елены, кажется, ещё **хотела поговорить** со мной, но, видимо, подумав, что у меня нет времени, ушла в огород»;

Директор тем тусан та фронта ярасшан марччә мана, эпә военкомата кайса заявлени панине пәлсен темиңе хүтчен те хайён кабинетне чөнтерсе ўкётлерә (Агаков) «Директор ни в какую **не хотел отпустить** меня на фронт, когда узнал, что я подал заявление в военкомат, несколько раз вызывал меня в свой кабинет и пытался отговорить».

Мария Никитична сывлайи җавәрнә хүшәра хирәслесе тем каласшан пулчә Вера Васильевна, җакна лешә җиһәнчех сисет те татах пуслать (Гордеев) «Пока Мария Никитична переводила дух, Вера Васильевна **хотела сказать** что-то, но та, чувствуя это, снова продолжает»;

Анчах эпә, телейләскер, ун чухне җакә мәнә пәлтернине шута илесшәп пулмарәм, җәрә valeçme пүсларым, ўна җавәнәслә Наңтука патам (Артемьев) «Но я, счастливый, **не захотел задуматься** о том, что бы это значило, начал “раздавать” колечко, отдал его радостной Настюк».

В турецком языке существует особая форма желательного наклонения с показателем *-a/-e*, который может сочетаться с аффиксами трех лиц:

– *Cin Memet'in kardeşine selâm söyleyeyim mi senden?* (Kemal) «**Передать ли мне привет** от тебя младшему брату Джин Мехмета?»;

Paşaaya saygılarımı söyleyin. Isterse tüm varımı, canımı vereyim. Ne isterse yapayım. Kızına yeryüzünde görülmek bir toy düğün yaptırayım, damadına köyler bağışlayayım, kendide ne isterse başım üstüne... (Yasar) «Передай господину мое уважение. Если он пожелает, **я отдаю** ему все, что у меня есть, свою душу. **Сделаю** все, что он пожелает. **Проведу** свадьбу его дочери, как никто не видел на земле, **подарю** деревни его зятю. Все, что пожелает, к его услугам...»;

Tasarruf hakkında bir iki bilgin olsun Mevlana'yi Yunus'u tanıyasın, dininin kurallarını öğrenesin, istedim, oldu. Tamam artık (İşinsu) «Я хотел, **чтобы ты познакомился** с некоторыми мудрецами, знатоками права, с Мевланой и Юнусом, **чтобы ты усвоил** религиозное учение. Это случилось, этого достаточно»;

Sizler dünyayı göresiniz diye, gece demeyip gündüz demeyip çalış�权 onları milletim. Bu güzellikler sizin içindir (Çoban) «Мой народ должен был трудиться и днем и ночью, **чтобы вы увидели мир**. Эти красоты были для вас»;

Haydi, benim bu dünyaya garip gelmiş şairim. Yolun açık ola! (Kanık) «Вперед, о мой поэт, чудесным образом вошедший в этот мир. Пусть путь открытых **будет твой**»;

– *Gel, dedi, – seninle birdenbire sönen kandilin hikayesini okuyalım* (Ali) «– Идем, – сказал он, – **почитаем** с тобой сказку о потухшей лампаде»;

Ister muvaffak olalım, ister olmayıalım, seninle bütün ömrümüzü Pariste geçirecek kadar para yaptırm, yaşasın milliyetçilik... (Adivar) «Хочешь, будем

преуспевать, хочешь – **не будем**, я, используя тебя, заработал столько денег, что можно всю жизнь жить в Париже, да здравствует национализм!».

Как мы указывали ранее, формы 1 лица здесь полностью совпадают с аналогичными формами повелительного наклонения, что, на наш взгляд, никак не противоречит логике и внутренней структуре языка. О том, что желательное наклонение является «ближайшим семантическим и функциональным родственником повелительного наклонения» по причине передачи семантики волеизъявления, пишет В.Г. Гузев⁴⁵. Турецкий исследователь Бангуоглу указывает на возможность употребления формы желательного наклонения в прошедшем времени с аффиксами *-dI* и *-mIş*: *Bizde kalaydınız* «Остались бы вы у нас»; *Iyi düşüneymişsin* «Подумал бы ты получше»⁴⁶. В этих примерах явно прослеживается семантика сослагательности.

Категория желательного наклонения обладает интересными особенностями как в чувашском языке, так и в турецком. В чувашском языке это выражается, прежде всего, в многообразии форм, передающих указанные значения. В турецком языке в случаях сочетания с аффиксами прошедшего времени семантика желательности пересекается с семантикой сослагательности.

4. Уступительное наклонение

Наиболее точное определение значения уступительного наклонения в чувашском языке, на наш взгляд, принадлежит И.П. Павлову. По его мнению, уступительность выражает согласие говорящего с чьим-либо действием, а также безразличие к совершающему действию и его результатам⁴⁷. Отметим, что семантика уступительности тесным образом связана с представленными нами выше значениями повеления и желания. О способности форм уступительного наклонения передавать значения повеления и желания, в частности, пишет Н.А. Андреев, подтверждая свой вывод примерами из языка⁴⁸. И.П. Павлов указывает на возможность в некоторых контекстах передачи этой формой значения условия, особенно в произведениях устного фольклора⁴⁹.

Категорию уступительного наклонения в чувашском языке составляют формы, образованные при помощи аффиксов *-ин* и *-ăсан* (во 2 лице). Особенностью этих форм является то, что они присоединяются не к основе глагола, а к аффиксам будущего времени, что некоторым образом сближает их с сослагательным наклонением. В.Г. Егоров отдельно описывает и форму уступительного наклонения в прошедшем времени, созданную аналитическим способом, сочетанием формы с показателем *-нă/-нё* и вспомогательного глагола *пул*, присоединяющегося к себе указанные выше аффиксы. Кроме этого, он выделяет еще и форму желательного наклонения, которая включает в себя составной аффикс *-ин + -ччё*⁵⁰. Как мы можем часто наблюдать, участие в образовании форм аффикса прошедшего времени *-ччё* характеризуется добавлением в их значение семантики желания или сослагательности.

В речи современных чувашей формы уступительного наклонения используются относительно редко. Обычно для передачи подобных значений прибегают к другим способам их выражения.

— *Путăпин*. Сан мён ёç? Халех куçран тасал (Афанасьев) «Пусть и утону. Тебе-то какое дело? Убирайся с глаз моих»;

Курăсан-курăсан, пай ача пек çуретчё, халё пусне каçартнă, никама, ни-ме шеллемест (Гордеев) «Вот увидишь-увидишь, был в детстве паинька, а сейчас возгордился и не жалеет никого и ничего»;

Мэн те пулин çÿннине тупса кăларинчё хай (Григорьев) «Хоть бы что-нибудь новое открыл»;

Калăпăрин, ялта çёр хëртен пёри качча тухиччен хай чысне упрама ус-та, чатам та çитереймен иккен (Илпек) «Что бы ни говорили, хоть у одной из ста девушек села, оказывается, не хватило ни ума, ни терпения сберечь свою честь до замужества»;

Вăт, пёрер çёмелне те пулсан, чăхсене йăпанмалăх, çакантă илсе килсе лартма ирёк парëсинчё (Краснов) «Вот, дали бы разрешение принести и поставить сюда хотя бы по одной копне снопов на радость курам».

В турецком языке нет особых форм, передающих значение уступительности. Для их выражения используются, как правило, формы желательного наклонения, рассмотренные нами в предыдущем параграфе.

5. Сослагательное наклонение

Под «сослагательным наклонением» обычно понимаются формы, которые передают значение ирреального условия. Говорящий, применяющий в своей речи эти формы, указывает на то, что действие может (или могло) произойти при определенных условиях, что оно желаемо (или было желаемым), но в силу сложившихся обстоятельств не может произойти (не произошло). Из-за того, что сослагательность тесным образом связана с семантикой будущего времени в прошедшем, в большинстве тюркских языков данное наклонение образуется путем сочетания аффиксов будущего и прошедшего времени. Не являются исключением чувашский и турецкий языки. В турецком языке формами сослагательного наклонения являются составные аффиксы *-ArdI* и *-AcAktI*, которые представляют собой сочетания аффиксов будущего времени *-Ar* и *-AcAk* и аффикса прошедшего категорического времени *-dI*. По поводу образования формы сослагательного наклонения в чувашском языке существуют две точки зрения. В соответствии с первой из них, значение сослагательности передают неразложимые аффиксы *-ättm-/ -ëttm-* и *-äçç-*⁵¹. По мнению других авторов, указанные аффиксы состоят из двух частей: *-ä-*ttm*-/-ë-*ttm*-* и *-ä-äçç-*, при этом первую его часть образует аффикс будущего времени с показателем *-ä/-ë*, а вторую часть – особый показатель прошедшего времени⁵². Учитывая упомянутую выше связь значения сослагательности с семантикой будущего времени в прошедшем, аналогичное образование сослагательного наклонения в других тюркских языках и даже в языках, относящихся к другим языковым семьям (напри-

мер, индоевропейских), мы склоняется ко второму мнению и определяем аффикс, образующий форму данного наклонения, как составной, созданный сочетанием аффиксов будущего и прошедшего времени:

Эпё малашне шăпăрт та лăпкăн, кĕрешиçсер пурăнма пултарăттам-и? (Збанацкий) «Мог бы я дальше жить тихо и спокойно, без борьбы?»;

Хăть каç-каç ресторана кайса ларинчë. Ятламăттам, турăшан та, ятламăттам. Укса та шеллемëттём (Гордеев) «Хоть иногда по вечерам сходил-посидел бы в ресторане. Я бы не стал ругать, ей-богу, не стал. И денег бы не жалел»;

Эпё ѣна сунар хуçалăх çывăхне те ямăттам (Кипек) «Я бы его и близко не подпускал к охотничью хозяйству».

В некоторых случаях к форме сослагательного наклонения присоединяется аффикс -ччё, который придаёт особую стилистическую окраску значению формы:

Варак шывë хëрринчи ман ана чи лайăххиçчё, ѣна аксан выçä лармăттамччё (М. Ухсай) «Мой надел на берегу речки Варак был самым лучшим, если бы засеял его, не сидел бы голодным»;

Асатăттăнччё ёнтë мана та, Мэрие те леш тёнчене (Вутлан) «Отправил бы ты уже и меня, и Мэри на тот свет».

Часто используется аналитическая форма сослагательного наклонения, осложненная вспомогательным глаголом *пул* «быть». Знаменательная часть формы в этом случае принимает аффикс -нă/-нë, что добавляет в семантику сослагательности дополнительное значение прошедшего времени.

Нумай çурерём, нумай куртäm, анчах манран кам та пулин чи манайми кунăмсем çинчен ыйтас пулсан – эпё (пёлмestён, калăттам-и, каламăттам-и), чëремпе хыпса-çунса, хам асăмра малтанхи юратвăма курнă пулăттам (Артемьев) «Много я ездил, многое повидал, но если кто-нибудь спросил бы меня о моих самых памятных днях, то я (не знаю, смог бы сказать или не смог бы), со вспыхнувшим сердцем представил бы в воображении свою первую любовь»;

« – Шел, ахалех комбинатран пăрахса каяшан эсё, – терё пек Гвоздев.
– Хваттерне те лайăхраххине панă пулăттамär» (Григорьев) «– Зря ты хочешь уйти с комбината, – как будто сказал Гвоздев. – Мы бы и квартиру тебе получше дали».

Семантика желания и сослагательности представлена в другой составной форме чувашского языка – с показателем -асчё/-есчё. Ее образование также отражает тесную связь указанных значений со значением будущего времени в прошедшем, так как она состоит из аффиксов причастия будущего времени с показателем -ac/-es и аффикса прошедшего времени:

Хăвăртрах кile çитесчё халь, çак иёп-йёне тумтире хывса пăрахса айă утиял айне чăмасчё (Афанасьев) «Добраться бы сейчас быстрее до дома, скинув с себя промокшую одежду, нырнуть бы под теплое одеяло»;

«Кунта юрличчен аçун пурт-çуртире тирпейлесчё, кёпе-йёмне çуса парасчё» (Емельянов) «Вместо того, чтобы распевать песни, навела бы порядок в доме своего отца, постирала бы ему бельё».

В турецком языке оба используемых для передачи значения сослагательности аффикса представляют собой синонимичные образования.

– *Geleceğinizden haberimiz olsaydı, tören hazırlardık ki...* (Nesin) «Если бы мы знали будущее, мы бы подготовили праздник...»;

Dilerse gaziler bölümüne katılır, Demircan'ın yerine geçer, dilerse kuşak töreni isteyip Ahi yiğitleri arasına girerdi (Tahir) «Захотел бы, присоединился бы к гази, перешел бы на место Демирджана, а захотел бы, потребовав проведения ритуала с поясом, присоединился бы к джигитам Ахи»;

Böyle bir istekle karşılaşması olsaydı Yaban, halkın huzuruna tekrar çöktür lüzumunu duymayacaktı (Karaosmanoğlu) «Если бы Ябан не столкнулся с подобной просьбой, то он бы не чувствовал необходимости вновь выйти перед народом»;

Ne yapayım, burada oturup etrafı bakıyorum. Siz de, şey, sen de gelmesen böyle yapayalnız bu yazı geçirecektim (Ali) «Что же мне делать? Вот так и сижу здесь, смотрю по сторонам. Если бы вы, то есть ты, не прилетела, так бы и провела все лето одна».

На основании приведенных выше примеров мы можем сделать вывод, что как образование форм сослагательного наклонения, так и их семантика в целом являются аналогичными в обоих исследуемых языках.

6. Условное наклонение

В последнее время в работах тюркологов наблюдается некоторая тенденция к отказу от признания форм со значением условия отдельным наклонением⁵³. Заголовок, посвященный описанию условного наклонения, В.Г. Гузев заключает в кавычки, подчеркивая этим, что относит эту форму к разряду наклонений только следуя сложившимся традициям. Причиной этому является то, что семантическое содержание понятия «условие» не соответствует, по его мнению, критериям, применяемым к понятию «модальность». Оно более подходит к значениям, определяемым как обстоятельственные⁵⁴. Интересно, что чувашский язык в этом отношении всегда был как бы особняком, так как соответствующие формы в нем никогда не считались отдельным наклонением, а указывались в качестве деепричастия. Таким образом, признание за формами со значением условия в чувашском языке выполнения обстоятельственных функций изначально считалось у чувашских лингвистов нормой⁵⁵. Дополнительным фактором для этого послужило то, что чувашские формы условия с показателями *-сан/-сен* и *-сассэн/-сессэн* не способны присоединять аффиксы лица, в отличие, например, от аналогичной формы турецкого языка.

– *Пүләхәм сырлахтär, Татьяна... Темён чухлे макарсан та чёртес сүк ёнта вёсene* (Мранька) « – Господь с тобой, Татьяна... Сколько ни плачь (досл.: если даже будешь много плакать), не воскресишь их уже...»;

Илсен те, вайл пирён патра пурáнас сүк... (Терентьев) «Даже если возьмешь, она не станет жить у нас...»;

Мана мён, мана нимён те кирлे мар, эсир телейлे пулсассан эпे те телейлे (Юхма) «Мне-то что, мне ничего не нужно, если вы счастливы, то и я счастлива»;

Хәнтар курас тесессен каң пулттипе күммелле (Емельянов) «Чтобы увидеть бобров, надо приходить под вечер».

В зависимости от контекста, у этой формы может совсем отсутствовать условная семантика. В подобных случаях она передает значение обстоятельства времени:

Сиссессен, хама мён кирлине туйссассан эп кётэм куккасем патне, хам кунтан каясси қинчен пёлтертэм (Краснов) «Почувствовав, поняв, что мне нужно, я зашел к своему дяде и сообщил, что уеду отсюда»;

Каюков вара ҹак юрә вېслепсессенек хүллен-хүллен хырлых еннелле утрө (Алентей) «Как только закончилась эта песня, Каюков медленно зашагал в сторону сосняка».

При присоединении аффикса прошедшего времени -ччे значение этой формы дополняется семантикой сослагательности:

— *Акай мён, ачасем...* Эсир пурсар та ҹак Лаврентий Моисеев тек тэрәшица *вېренсессенччे...* (Элкер) «— Вот что, ребята... Если бы вы все учились так усердно, как этот Лаврентий Моисеев...».

Форма условного наклонения в турецком языке сочетается с аффиксами лица:

Her sözümden, her tavrumdan alıñır; kızsam ona dokunur, sevsem ona acıyormuş gibi gelir, kucaklasam boş olan kolumn yerinde bir sizi duyar... (Ali) «Она обижается на каждое моё слово, на каждый мой поступок. Если рассержуся – это ее задевает, если полюблю – ей кажется, будто ее жалеют, если обниму, то она чувствует боль в том месте, где была рука»;

Ne zaman bir maç teklifi alsak ... mutlaka Hasan Hüseyin de bizimle (Kemal) «Как только (если) мы получаем приглашение на матч... Хасан Хусейн обязательно с нами»;

— *Siz bilmeseniz de ben bilirim Pervane!* (Tahir) «Даже если вы не знаете, я знаю, Перване!»;

Her ne yapsalar, ayakları yorganlarından dışarı çıktıgından, yorganlarını ayaklarına göre uzatmaya, yolları gövdelerine göre açmaya, evlerini de boyularına göre büyütmeye başlamışlar (Nesin) «Что бы они ни делали, из-за того, что их ноги вылезали из-под одеяла, они начинали вытягивать одеяла под длину своих ног, строить дороги по величине их тел и увеличивать дома под их рост».

Часто аффиксы со значением условия в турецком языке присоединяются к формам времени:

Haftada, iki gün oruç tutmazsan, hani on parmağım boğazında olsun, dedi... (Guntekin) «Если не будешь соблюдать пост два раза в неделю, клянусь, я задушу тебя (досл.: десять моих пальцев будут на твоем горле)»;

Yanılmıyorum doktor du, değil mi? (Aysu) «Если не ошибаюсь, он был врачом, не так ли?»;

Su fişek gösterisini kazasız belâsız başarıyla düzenlersek, belki ulke-me dönmeme izin verirler, diye düşünüyor, kendimi tutuyordum (Pamuk) «Если мы организуем фейерверк удачно, без происшествий и несчастных случаев, то, возможно, мне разрешат вернуться на родину – так я думал и воодушевлял себя».

При сравнении функционирования и значений форм со значением условия в чувашском и турецком языках мы можем наблюдать некоторые различия. Во-первых, в чувашском языке эти формы безличные, а в турецком языке они принимают аффиксы лица. Во-вторых, в турецком языке эти формы могут образовываться как непосредственно от глагольных основ, так и от форм времен. Способность упомянутых форм в зависимости от контекста передавать не только значение условия, но и значение обстоятельства времени является одним из доводов в защиту той точки зрения, что в наличии в тюркских языках отдельной категории условного наклонения есть сомнение.

7. Долженствование наклонение

В турецком языке значение долженствования передает форма с показателем *-mAll*. Эта форма присоединяет к себе аффиксы лица и может употребляться в прошедшем времени при помощи аффикса *-dI*. В чувашском языке имеется аналогичная форма с показателем *-малла/-мелле*, которая, в отличие от турецкой формы, не принимает аффиксов лица, при этом личное местоимение, используемое для указания на конкретное лицо, выполняющее действие, выступает в притяжательной форме. В грамматиках форму с показателем *-малла/-мелле* обычно не включают в состав наклонений, признавая за ней статус причастия⁵⁶. Вопрос о возможном единстве происхождения этих форм в двух языках остается открытым, так как факты турецкого языка указывают на относительно позднее возникновение показателя *-mAll*. Л.С. Левитская считает, что здесь речь идет о происхождении двух форм по аналогии, независимо друг от друга⁵⁷. Если принять во внимание гипотезу В.Г. Гузева, в соответствии с которой аффикс *-mAll* прошел тот же путь в своем образовании, что и подобные формы в европейских языках (в семантическом плане) – посредством присоединения к масдарной форме с показателем *-m* аффикса обладания *-lI*⁵⁸, то в чувашском языке он должен был выглядеть как **-малий/-меллэ*. Однако такой формы в чувашском языке нет, поэтому говорить об аналогичном происхождении двух форм в исследуемых языках преждевременно.

Рассмотрим функционирование формы долженствования в чувашском языке:

*Mikulai samaxne çätrë. Çamräk-xa väл. Käçal kärkünné saltaka **kai-malla*** (Алентей) «Мигулай неожиданно замолчал. Молод он ещё. Нынешней осенью **должен идти в армию**»;

Malstan värcsa Raççey tâşmanne çenitermelle, untan patšalaх ёçne tytâñapär (Максимов-Кошкинский) «Сначала нужно воевать и победить врагов России, потом примемся за дела государственные».

Отрицательная форма долженствования с аффиксом *-малла/-мелле* образуется при помощи отрицательной частицы *мар*:

Анлантам: начар ёçлемелле мар манайн (Емельянов) «Я понял: нельзя мне работать плохо».

Форма с показателем *-малла/-мелле* может принимать аффикс прошедшего времени *-ччё* (в этом случае мы наблюдаем семантику ирреальности) и сочетаться со вспомогательным глаголом *пул* «быть, становиться»:

Манай çёрлене юличчен хамар яла тавраныллаччё, анчах кил шухашё-и ун пек чух! (Артемьев) «Не следовало мне оставаться до ночи, надо было вернуться в свое село, но разве думается о доме в такой момент!»;

Майн камалла Сеспелён չакна халхине чикмеллеччё. Кунтан та ытла, унта килешмеллеччё... (Збанацкий) «Гордому Сеспелю надо было прислушаться к этим словам. И более того, надо было согласиться с ними...»;

Валя չитэнчё, ыран-паян качча тухса каять. Иккёneh тэрса юлма тивет пирён. Хамарынах вырансене ашаттылла пулать (Терентьев) «Валя выросла, сегодня-завтра выйдет замуж. Вдвоем нам придётся остаться. Нам самим надо будет греть наше жилище (досл.: наши места)»;

Ку сирён пысак йайнаш, Шихранов юлташ. Еруслановын амайш те ёнесем пыхать. Шута илмелле пулла չавна (Ухли) «Это ваша большая ошибка, товарищ Шихранов. Мать Ерусланова тоже ухаживает за коровами. Надо было это учесть»;

Кашни кайакшын ёёр тенкё штрафласан шапах егерён չур уйах шалавё чухлे түлемелле пулать ёнтё (Кипек) «Если оштрафуют за каждую птицу на сто рублей, то как раз нужно будет выплатить половину месячной зарплаты егеря».

В чувашском языке имеется ряд аналитических форм со значением долженствования. Одна из них образуется посредством сочетания знаменательного глагола в форме причастия будущего времени с показателем *-ас/-ес* и вспомогательного глагола *пул* «быть, становиться» в настоящем-будущем времени:

Пурнара малтанах юратнай ёсе тупас пулать... (Григорьев) «В жизни сначала нужно найти любимое дело...».

— *Кёрес пулать, пани, кёрес пулать!* — янтарарё полицейски сасси (Илпек) «— Надо зайти, пани, надо зайти! — зазвенел голос полицейского».

Для передачи значения долженствования используется форма, обозумевшая сочетанием инфинитива с показателем *-ма/-ме* и вспомогательного глагола *тив* «приходиться на долю»:

Валя չитэнчё, ыран-паян качча тухса каять. Иккёneh тэрса юлма тивет пирён (Терентьев) «Валя выросла, сегодня-завтра выйдет замуж. Придётся нам вдвоём оставаться»;

Кунта килсен хырэм касалса չитнипе мянна ыраши չаныхне хутайштарца չарнай салма яшкine չиме тивет (М. Ухсай) «Когда прибудем сюда, от голода придется есть суп с салмой из ржаной муки и лебеды».

В качестве варианта этой формы встречается сочетание инфинитива со вспомогательным словом *тивэç* «должен, обязан»:

— *Хăвах ўнланма тивэç, атте. Имперализм пусмăрёйчен хăтăлнă ха-лăхсене Совет Союзĕ заводсемпе фабрикăсем тума пулăшать* (Вутлан) «Ты и сам **должен понять**, отец. Народам, освободившимся от гнета империализма, Советский Союз помогает строить заводы и фабрики».

Семантику долженствования имеет форма инфинитива на *-ма/-ме* со вспомогательным глаголом *лек* «попадать»:

— *Сапла вара лагерь хураллама лекрём, — терĕ вăл асаплăн* (Гордеев) «Так вот я **попал охранять** лагерь, — мучительно проговорил он»;

Вëсем Микулана Ваçли пирки хĕрсен умĕнче хĕрелме лекинне ниепле те манаймарëс (Мранькка) «Они никак на могли забыть, как им **пришлось краснеть** перед девушками из-за Миколы с Васлеем».

Отрицательный статус долженствования может выражаться при помощи формы, образованной сочетанием причастия с показателем *-ас/-ес* и отрицательной частицы *мар*:

Ара, мĕнишĕн-ха унăн савăнас мар: çынсен нимĕн те çук, унăн пурте пур! (Краснов) «Отчего же ему **не радоваться**: у других ничего нет, а у него есть **всё!**»;

— *Вырăнишän пăшăрханас мар, — шухăшлатъ вăл. — Вырăн тупса парасси — пуçанан ёçĕ, ман — ертсе пырасси...* (Енёш) — **Не стоит переживать** из-за места, — думает он. — Поиск места — забота свояка, а мое дело — руководить...».

Форма долженствования в турецком языке, как было сказано выше, присоединяет аффиксы лица:

Asıl hükmü ve kararı verecek olan, Faik'tir. Bir defa kendisine sorma-lyız (Karaosmanoğlu) «На самом деле решение будет принимать Фаик. Мы **должны как-нибудь у него спросить**»;

Bre Ince Memed, benim işim var şu karşıki evde. Oraya gitmeliyim (Kemal) «Эй, Индже Мемед, у меня в том доме напротив есть дела. Я **должен сходить туда**»;

Sana her şeyi açıkça söylemeliydim (Güntekin) «Я **должен был тебе обо всем откровенно сказать**»;

Rüşvet yiyen polislerin bir türlü temizlemediği böyle mikropları askero idare Kars'tan temizlemeliydi (Pamuk) «Этих паразитов, которых никак не могли уничтожить (досл.: вычистить) полицейские-взяточники, **должен был убрать** военный переворот в Карсе».

Можно отметить еще одну форму со значением долженствования в турецком языке, которая образуется аналитическим путем — при помощи аффикса имени действия с показателем *-та*, принимающего аффиксы лица, и вспомогательного слова *gerek* (*lazım*) «нужно, необходимо»:

Anlıyorum... benim o gün yola çıkmam gereklidir, arkadaşlarla birlikte gideceğiz... (Nesin) «Я **понимаю... но в тот день мне нужно отправиться** в путь, мы уходим вместе с друзьями»;

– Belki böyle olabilir, genç şair, fakat benim seni sevmem için daha başka şeyler yazabilmen lazımdır (Ali) «Наверно, это и возможно, мой юный поэт, но для того, чтобы я тебя полюбил, тебе **нужно уметь писать** и о другом».

Турецкий язык в сравнении с чувашским относительно беден формами, передающими значения долженствования. Как видим, в чувашском языке в передаче указанных значений участвуют как синтетические, так и аналитические формы. Несмотря на это, категорию долженствовательного наклонения, как правило, в работах по грамматике чувашского языка не выделяют (возможно, за исключением М.Р. Федотова⁵⁹).

8. Модальные формы, не образующие отдельных наклонений

Как в чувашском, так и в турецком языках имеются формы с модальными значениями, которые по тем или иным причинам не принадлежат к какому-либо наклонению. В нашем исследовании представляем их отдельным списком.

Начнем с того, что уже встречавшаяся нам форма так называемого причастия будущего времени с показателем *-ac/-ec* при предикативном использовании часто приобретает семантику долженствования.

Йывăрах пулсан больниçана леçес, Саламби? (Артемьев) «Если так тяжело, то **надо отправить** в больницу, Саламби?»;

Паян тăпăлтарса ывăтас! (Мранькка) «Сегодня же, вырвав с корнем, **отбросить!**»

Отрицательная форма в этом случае передается при помощи слова *сук*:

Кайкăрсене ёмĕр-ёмĕр мухтав! Кайкăрсем нихăсан та вилес сук (Алексеев) «Вечная слава соколам! Соколам никогда **не умереть**».

Следующий ряд модальных форм передаёт значения притворного действия. Обычно в грамматиках тюркских языков не выделяется особая категория притворного наклонения. По-видимому, здесь сыграло свою роль то, что эти формы встречаются в речи достаточно редко. В чувашском языке они представляют собой аналитические образования, что тоже повлияло на отказ от выделения отдельного притворного наклонения.

Форма с показателем *-анçı/-енçı* + вспомогательный глагол *пул* «быть, становиться»:

Виççëмей кунне тин «палатăра пăчă мар-и, таса-и» текелесе, юри тĕр-рĕсленçи пулса пырса кĕçĕ (Збанацкий) «Лишь на третий день он зашел в палату, **как бы проверяя**, не душно ли в палате, чисто ли;

Чипер хĕрарăм, ёна асăрхаманçи пулса, маламла утрĕ (Вутлан) «Милovidная женщина, **будто не заметив** его, зашагала дальше».

Форма с показателем *-анçı/-енçı* + вспомогательный глагол *ту* «делать»:

Тахсанах кастарма вাহът ىىتىھە چۈھە تۆرمالانسا تەنى تە، تەخلان تەسلى كۈچە سىسىھەلەخ يېرەنse پاھنى تە، بالى يورىەخ گۇلانقى تۇنى تە Виктор кامайине каймарә (Кипек) «Виктору не пришлись по нраву ни то, как торчали взъерошенные, давно требующие стрижки волосы, ни то, как смотрели надменно оловянные глаза, ни то, как он притворно улыбался».

Бىت اخالىتن كىنا ۋىتانقى تۈرە: – Сирەنىئەن مېنلە نەك? (Мранькка) «Он спросил просто, для вида: – Как, по-вашему?».

Форма с показателем *-май/-май* + вспомогательный глагол *пул* «быть, становиться»:

Иك-виچە خۇتчен كۇرنەچە پulas тa، بالى مانта كالاçمارە، яланах گۇرمەش پулса пăرىنسا ىرتىسە كايپە (Элкер) «Возможно, два-три раза видел ее, но она не разговаривала со мной, всегда проходила мимо, **делая вид, что не заметила**»;

– *Үçас-и?* – *терە Taryuç, мەن тумаллине пەلمەش пулса* (Артемьев) «– Открыть? – спросила Тарусь, притворившись, что не знает, как поступить».

Значение пробы или попытки совершения действия передается другой аналитической формой, образованной путем сочетания формы инфинитива (или имени действия) с показателем *-ма/-ме* и вспомогательного глагола *пак* «пытаться»:

– *Эпە хам айاپلă، – хۇتەلەمە пاكать* Гришатка Галиене (Алексеев) «– Я сам виноват, – **пытается заступиться** за Галию Гришатку»;

Стаппан чىهلەنمە пاكать... (Илпек) «Степан **пытается схитрить...**».

Значение возможности совершения действия передает форма, которая образуется при помощи инфинитива с показателем *-ма/-ме* и вспомогательного глагола *пул* «быть, становиться»:

Тۇرسەنە ىتتىسەنچە часах үйارما пулать، вەسمىن پىلەكەسەنە خېرلە پىچىخى ىسەنە яна (Илпек) «Чиновников можно отличить от других людей сразу: у них повязаны красные пояса»;

Кимەپە لارسا كايсан ىستە تۇخما пулать? (Уяр) «Если поплыть на лодке, докуда **можно добраться**?».

Эта же форма в случае, когда вспомогательный глагол принимает аффикс прошедшего времени, имеет значение готовности или обещания совершить действие:

Ун хыىçىن ёне ساۋاڭانسەم чىرре كېرсەخ كالاçرەق، хайсен айاپنە ىيىشانچەق، لايىخراх ەسلىمە پۇلچەق (Артемьев) «После этого с жаром говорили доярки, признали свою вину и **обещали работать лучше**»;

Павاڭ вунۇن пин، Элекسەي پىلەك пин пاما пۇلچەق (Мранькка) «Павел **обещал дать** десять тысяч, а Алексей – пять тысяч».

Наконец, семантикой невозможности совершения действия обладает форма инфинитива с показателем *-ма/-ме* в сочетании с отрицательным словом *չuk*:

Икە پىچە تۆرەخ كۈچىلە شەپارتاتسا چەخەتىپەنە (Уяр) «По обеим щекам льются слезы, **невозможно остановить**»;

Te takam makārat, te «пұлайшар» тесе кәшиқарат – уйарса илме үк (Емельянов) «То ли плачет кто-то, то ли зовет на помощь – невозможно разобрать».

В турецком языке модальные формы, не входящие в состав категорий наклонений, образуют три основных вида модальности: утвердительную, условную и субъективную. Они характеризуются прежде всего тем, что аффиксы, передающие соответствующие значения, присоединяются не к основе глагола, а к форме времени или даже к форме лица. А аффиксы утвердительности и субъективности могут присоединяться и к форме долженствовательного наклонения, как бы образуя при этом второй уровень модальности.

Форма утвердительной модальности с показателем *-dIr*. Значениями этой формы являются категорическая уверенность в совершении действия либо предположение об этом:

– *Afyonu da yutmuşlardır avuçla... Dikmişlerdir şarabi... Korkarım ben...* (Tahir) «– Они, похоже, и опиума проглотили целую пригоршню, и вина выпили залпом... Я боюсь...»;

Bir insan vicdan azabı duyması için başından acı bir olay geçmelidir. Bu olaydan pişmanlık duymalıdır (Nesin) «Для того чтобы у человека появились угрызения совести, он должен (обязательно) совершить какой-нибудь плохой поступок. Он должен (обязательно) почувствовать сожаление о том, что совершил этот поступок».

Форма условной модальности с показателем *-sA*:

Inatçılık yaparsam, somurtursam, ilk sütninemin Arnavut olduğundan geliyor, fitnelik edersem Çingene sütünden (Adivar) «Если я буду упрямиться, буду угрюмым, то эти качества у меня от бабушки-албанки, а если буду ябедничать, то это говорит цыганская кровь»;

Doğruyu dosdoğru söylelsen bundan hiçbir zarar görmeyeceksin (Kemal) «Если ты будешь говорить чистую правду, то тебе от этого не будет никакого вреда».

Форма субъективной модальности с показателем *-mIs* сигнализирует о том, что говорящий узнал о событии опосредованным путем или судит о нем в результате своего умозаключения:

Beni bizim mektebin müsamelerinde görmüş, rollerimi beğenmiş, onun için konuşmak istiyormuş (Ali) «Она увидела меня на наших школьных представлениях. Ей понравились мои роли, и она, видимо, хочет об этом поговорить»;

Cesaretimi kanıtlamazsam uiyeceğimi azaltmakla, dahasi, odaya kilitlemekle tehdit etti beni: Düşünüp, ne olduğumu bir kâğıda yazmamışım; bu işin nasıl yapıldığını, ne kadar cesur olduğumu görecemmiş (Pamuk) «Он угрожал мне, что если я не докажу свою смелость, то ограничит меня в еде и, кроме этого, запрет меня в комнате. Как будто я должен был написать на бумаге, что я собой представляю, а он посмотрит, как я выполнил это задание и насколько я смел».

Как видим, все модальные формы, не вошедшие в состав наклонений в чувашском языке, представляют собой аналитические образования. Именно этот фактор повлиял на то, что они обычно не изучаются в разделе морфологии и оттеснены на периферию грамматических исследований. Однако если рассмотреть их в функционально-семантическом аспекте, то не увидим большой разницы между ними и синтетическими формами, так как и те, и другие передают типичные служебные значения, относящиеся к уровню морфологии. Таким образом, считаем целесообразным включать их в раздел морфологии, посвященный косвенным наклонениям.

Что касается турецкого языка, то основным критерием, по которому указанные формы не относят к отдельным наклонениям, является их формальное расположение после аффиксов времени и (в некоторых случаях) лица. Имеются случаи, когда эти формы следуют после форм другого наклонения, создавая второй уровень модальности.

Системы наклонений глагола в чувашском и турецком языках представляют собой сложные образования, которые состоят из ряда разнообразных форм, имеющих различные, но однородные значения. Косвенные наклонения включают в себя формы, передающие значения повеления, желания, уступительности, сослагательности, условия и долженствования. Особо различаются формы, которые не составляют отдельных наклонений, но, тем не менее, должны изучаться в разделе, посвященном модальности. К ним относятся формы со значениями долженствования, притворного действия, пробы и попытки совершения действия, возможности, невозможности и готовности к совершению действия, утвердительности, условия и субъективности.

Что касается структуры модальных форм, то в чувашском языке наблюдается наличие ряда форм, образованных аналитическим способом. В турецком же языке практически все формы с модальными значениями относятся к синтетическому типу. Например, для выражения семантики долженствования в чувашском языке активно используется целая группа аналитических форм: *-ac/-es пул*, *-ма/-ме тив*, *-ма/-ме лек*, *-ac/-ес мар*, а в турецком языке эти значения передаются при помощи аффикса *-mAll* и всего лишь одной аналитической формой *-mA gerek (lazim)*. То же самое можно сказать и о формах желательного наклонения, которые в чувашском языке могут выражаться составным аффиксом *-асшан/-есшэн* и двумя аналитическими формами *-ac/-ес те* и *-ac/-ес кил*. В турецком языке для передачи этих значений используется лишь синтетическая форма с показателем *-a/-e*, которая изменяется по лицам.

Интересные особенности находим у форм отрицательного статуса повелительного наклонения в чувашском языке. В отличие от турецкого языка, он образуется не с помощью общетюркского показателя *-mA*, а посредством специальных частиц – препозитивной *ан* и постпозитивной *мар*.

Сослагательное наклонение в исследуемых языках демонстрирует общие тенденции в образовании. Как в чувашском, так и в турецком данной

форма состоит из аффиксов будущего и прошедшего времени, что, по-видимому, отражает логику, содержащуюся в самом значении формы – представлять действие, которое желаемо говорящим, но не может произойти по каким-либо причинам. Кстати, подобное же образование сослагательного наклонения можем наблюдать и в татарском языке⁶⁰.

Категория уступительного наклонения представлена особой формой только в чувашском языке. Подобная семантика в турецком языке передается формами желательного наклонения⁶¹. Этот факт наглядно подтверждает существование семантического единства на базе значения желания у трех наклонений: желательного, уступительного и сослагательного.

Отсутствие в чувашском языке отдельного условного наклонения дает основание считать правильным мнение некоторых тюркологов о том, что значение условия представляет собой не модальную, а обстоятельственную семантику. В чувашском языке условие выражается при помощи формы особого деепричастия с показателем *-сан/-сен, -сассын/-сессён*. В зависимости от контекста эта форма может передавать только значение обстоятельства времени, без наличия семантики условия.

И наконец, одним из наиболее ярких отличий модальных форм турецкого языка от аналогичных форм чувашского языка является способность некоторых аффиксов со значениями утвердительной, условной и субъективной модальности (*-dIr, -sA, -mIş*) присоединяться не к основе глагола, а к основам форм времени или других наклонений, что для чувашского языка в принципе невозможно.

Литература

- ¹ Плунгян В.А. Общая морфология: введение в общую проблематику. М.: Ленанд, 2016. С. 309.
- ² Там же. С. 311.
- ³ Там же. С. 312.
- ⁴ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. С. 180.
- ⁵ См., напр.: Баджанлы Э. О двойственной семантике аффикса *-mIş* в турецком языке // Вопросы тюркской филологии. Вып. 7. Материалы Дмитриевских чтений. М.: Гуманитарий, 2007. С. 9–21.
- ⁶ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 180.
- ⁷ Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 2. Учение о формах (морфология). Казань, 1898. С. 293–294, 143–171.
- ⁸ Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск, 1923. С. 170.
- ⁹ Там же. С. 143–145.
- ¹⁰ Там же. С. 150.
- ¹¹ Там же. С. 152–153.
- ¹² Там же. С. 154–157.
- ¹³ Там же. С. 160–170.
- ¹⁴ Егоров В.Г. Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. С. 202–212.
- ¹⁵ Там же. С. 208–212.
- ¹⁶ Там же. С. 202–205.

- ¹⁷ Егоров В.Г. Глагол. С. 205–207.
- ¹⁸ Там же. С. 209.
- ¹⁹ Андреев Н.А. Чăваш чĕлхин стилистики. 2-мĕш пайĕ. Морфологи. Шупашкар, 1964. С. 85–89.
- ²⁰ Там же. С. 89–92.
- ²¹ Там же. С. 92–94.
- ²² Павлов И.П. Хальхи чăваш литературă чĕлхи: морфологи. Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1965. С. 249–256.
- ²³ Там же. С. 256–260.
- ²⁴ Федотов М.Р. Средства выражения модальности в чувашском языке. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1963. С. 64–75.
- ²⁵ Там же. С. 76–100.
- ²⁶ Там же. С. 100–115.
- ²⁷ Сергеев В.И. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2002. С. 259.
- ²⁸ Там же. С. 260.
- ²⁹ Там же. С. 265–266.
- ³⁰ Сергеев Л.П. Глагол // Чăваш чĕлхи. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2012. С. 368.
- ³¹ Там же. С. 371–372.
- ³² Там же. С. 374–375.
- ³³ Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. С. 325.
- ³⁴ Лебедев Э.Е. О грамматической категории времени глагола в чувашском языке // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. № 4 (92). 2016. Октябрь – декабрь. С. 60–64.
- ³⁵ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 184–213.
- ³⁶ Там же. С. 214.
- ³⁷ Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. С. 209; Banguoğlu T. Türkçenin grameri. Ankara: TDK, 2011. S. 473.
- ³⁸ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения. Глагол. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 91.
- ³⁹ Сергеев Л.П. Глагол. С. 368.
- ⁴⁰ Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 219.
- ⁴¹ Егоров В.Г. Глагол. С. 210–212.
- ⁴² Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 117; Сергеев В.И. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. С. 265–266.
- ⁴³ Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. С. 118.
- ⁴⁴ Сергеев Л.П. Глагол. С. 368–369.
- ⁴⁵ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 216.
- ⁴⁶ Banguoğlu T. Türkçenin grameri. S. 470–471.
- ⁴⁷ Павлов И.П. Хальхи чăваш литературă чĕлхи: морфологи. С. 259.
- ⁴⁸ Андреев Н.А. Чăваш чĕлхин стилистики. 2-мĕш пайĕ. Морфологи. С. 89–90.
- ⁴⁹ Павлов И.П. Хальхи чăваш литературă чĕлхи: морфологи. С. 259.
- ⁵⁰ Егоров В.Г. Глагол. С. 209–212.
- ⁵¹ Павлов И.П. Хальхи чăваш литературă чĕлхи: морфологи. С. 256.
- ⁵² Егоров В.Г. Глагол. С. 205; Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. С. 116.
- ⁵³ См., напр.: Невская И.А. Состав и функции деепричастий в широком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1990. С. 5; Черемисина М.И. Предложения, осложненные оборотами деепричастного типа // Алтайская филология: сб. научных трудов / под ред. Л.Н. Тыбыковой, Н.Н. Тыбыковой. Горно-Алтайск, 2001. С. 8–40.
- ⁵⁴ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 221.

⁵⁵ См., напр.: *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 2. Учение о формах (морфология). С. 313–315; *Павлов И.П.* Деепричастие // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. С. 248–251.

⁵⁶ См., напр.: *Егоров В.Г.* Глагол. С. 227–229; *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литература ёллхи: морфологи. С. 278–280.

⁵⁷ *Левитская Л.С.* Имеются ли в чувашском языке огузские элементы? // Chuvash Studies. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1982. Р. 98.

⁵⁸ *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 224.

⁵⁹ *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. С. 120–122.

⁶⁰ См., напр.: *Тумашева Д.Г.* Категория наклонения // Татарская грамматика. Т. 2. Морфология. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1997. С. 157–161; *Хисамова Ф.М.* Татар телеморфологиясе. Казан: Татарстан китапнәшрияты, 2015. С. 203–205.

⁶¹ *Ersoy F.* Çuvaş Türkçesi Grameri. Ankara: Gazi Kitabevi, 2010. S. 360.

E. E. Lebedev

CATEGORY OF VERB MOODS IN THE TURKISH AND THE CHUVASH LANGUAGES

This article discusses the forms of verb moods in the Turkish and the Chuvash languages in a comparative perspective. As the basic moods in both languages the author considers indicative, imperative, desirable moods, mood of concession, subjunctive, conditional and obligatory moods. In addition, he specially emphasizes modal forms that do not make moods. In the Chuvash language there are a number of forms, formed analytically. In the Turkish language almost all forms with modal values are of synthetic type.

Keywords: category of verb mood, imperative mood, desirable mood, subjunctive mood.

ЧГВ, 2017 г., № 12
© Н.Г. Ильина

**ГАВРИИЛ КОРЕНЬКОВ:
ШТРИХИ
К ПОРТРЕТУ ПОЭТА**

Прослеживая жизненный и творческий путь талантливого поэта, зacinателя чувашской интимной лирики, переводчика, известного педагога Г. Коренькова, автор статьи попыталась найти истоки и понять причины формирования противоречивого характера этой неординарной личности.

Ключевые слова: Г. Кореньков, поэт, лирический герой, национально-этническая тема, жанр, интимная лирика, басни, поэма-сказка, педагогическая деятельность.

Гавриил Алексеевич Кореньков – известный педагог, деятель культуры, переводчик, но в национальной культуре он больше известен как зacinатель оригинальной чувашской лирики. Его творчество изучено Г.Ф. Юмартом, В.Г. Родионовым, Ю.М. Артемьевым, В.А. Абрамовым и др.¹ В их работах достаточно полно раскрыты своеобразие эстетического мира его поэзии и другие сюжеты. Тем не менее остается много вопросов, требующих ответа, в частности, не до конца понятна научной аудитории весьма сложная и противоречивая натура Г. Коренькова. В нем одновременно уживались такие черты характера, как нежность, доброта, веселый нрав, широта души, умение сострадать и – пессимизм, мелочность, обидчивость и ревность. Особенно интригует отношение поэта к женщине: с одной стороны, он жалеет ее, как никто, понимает, любит и даже обожествляет, с другой – презирает (ставит ниже шайтана), порою в его словах о ней сквозит холод и, кажется, даже ненависть. В настоящей работе, прослеживая жизнь и творчество Г. Коренькова, попытаемся найти и понять истоки, причины формирования такого сложного, противоречивого характера.

Надежда Геннадьевна Ильина – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: ya.efdan05yandex.ru.

Г.А. Кореньков родился 24 марта (по новому стилю – 5 апреля) 1884 г. в с. Старая Тюрлема Богородской волости Чебоксарского уезда Казанской губернии (ныне с. Тюрлема Козловского района Чувашской Республики)² в семье крестьянина. Первые шесть лет жизни провел в родном селе. В 1891 г. отец забрал его на пристань «Самолет», где служил матросом-водоливом, и маленький Гавриил около двух лет жил на Волге: летом – в с. Козловка Чебоксарского уезда Казанской губернии, зимой – в с. Верхние Услоны Свияжского уезда Казанской губернии. Нелегкие 1891–1892 гг., когда в России, в том числе и в Поволжье, свирепствовали голод и эпидемии, оставили неизгладимый след в памяти мальчика: «Я хорошо помню жуткие 1891–92 годы, когда по берегу Волги валялись трупы умерших от холеры; помню также, как в те годы перевелись раки в этой великой реке. До сих пор не могу забыть и того, как отец насильно вливал мне в рот перед обедом рюмку перцовки, чтобы уберечь меня от холеры»³. Видимо, эти ярчайшие моменты впоследствии не последнюю роль сыграли в формировании художественного сознания Г. Коренькова: научили тонко чувствовать людей, принимать близко к сердцу боль народа.

Постигать азы чтения и письма маленький Гавриил начал по особой «методике» отца: тот в свободное от работы время рисовал телегу, соху и т.п. и под ними писал печатными буквами их названия. Мальчик должен был указывать ему, где находится та или иная буква. Такая грамота давалась очень трудно, тем не менее он научился читать. Осенью 1892 г. отец отправил сына учиться в Тюрлеминское начальное народное училище Министерства народного просвещения. Гавриила, как «грамотного», приняли сразу во второе отделение⁴. Через три года он окончил это учебное заведение, но, как сам отмечает, твердых знаний там не получил⁵. В августе 1895 г. Гавриил поступил в Симбирскую чувашскую учительскую школу. Сначала пришлось два года учиться вместе с девочками в женском чувашском училище при ней, которым заведовала супруга И.Я. Яковлева – Екатерина Алексеевна. Думается, это обстоятельство также сыграло определенную роль в формировании мировоззрения будущего поэта. По мнению литератора-роведа В. Абрамова, наблюдения за поведением девочек, знакомство с их психологией и возможные обиды за то, что он чувствовал себя среди них белой вороной, позволили в последующем глубоко раскрыть образ женщины в стихотворениях и поэмах⁶. В 1897 г. Кореньков был переведен в класс мальчиков. Еще в ту юную пору воспитанник Симбирской чувашской учительской школы интересовался поэзией – читал А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Крылова, сам пробовал сочинять стихи, сначала на русском, потом и на родном языке. «Чувашской литературы тогда еще не было, – напишет впоследствии Г. Кореньков, – и мне не так-то легко было складывать стихи. В особенности затруднял размер их. Пробовал писать в тоническом размере, но, в конце концов, остановился на так называемом “песенном” размере, то есть брал 7 слогов в каждой строчке, без определенного чередования ударений в словах. Но при этом придерживался того, чтобы первые две

стопы были двухсложные, а последняя – трехсложная»⁷. Он пытался писать и силлаботоникой, все же выбор был сделан в пользу силлабического стиха.

В Симбирской учительской школе часто проводились литературно-музыкальные вечера. По воспоминаниям Г. Комиссарова (Вандера), его близкий товарищ активно участвовал в школьных постановках: «Скоро из воспитанников нашего класса составилась группа любителей художественной самодеятельности. Душой этой группы был тюреминец Гавриил Кореньков. Он любил сатиристическую и юмористическую литературу»⁸. В 1901 г. Г. Кореньков организовал «компанию юных пиитов». Воспитанники декламировали стихи, выпускали рукописный журнал. В последнем Г. Кореньков опубликовал свое первое стихотворение «Пирён ял» (Наше село, 1901). В нем лирический герой восхваляет благоухающую весной природу родных мест. Все, что он лицезреет, кажется ему сновидением, сказкой. Цепкий и чистый взор юноши выхватывает каждый штрих: Урам варринче чиркү тэрри курэнать (Посреди улицы купола церкви виднеются*); Йүри калча тэррисем вёсен силле хумханаң (В поле на ветру колышутся верхушки всходов); Ешёл калча хысёнче хура вәрман хумханать (За зеленеющими всходами шумит темный лес) и т.д.

В 1903 г. он написал стихотворения «Ҫуркунне» (Весна), «Ҫуркунне-хи çёр» (Весенняя ночь). В них запечатлен момент пробуждения природы после зимней спячки: ярко светит солнце, сияют звезды на небосклоне, заливаются звоном соловьи, молодежь веселится... но на сердце лирического героя тяжесть; он все больше углубляется в себя, задумывается об извечных темах: о связи человека и природы, о своем предназначении в жизни. Очевидно, в нём происходят глубокие внутренние перемены, переоценка ценностей, он начинает осознавать, что причина страданий людей не всегда связана с неразделенностью чувств, что есть другие, более глобальные проблемы. Его начинает волновать судьба родного народа и государства. В творчестве Г. Коренькова своеобразно отражены изменения в жизни общества в начале XX в. Это – и усугубляющийся кризис, сопровождающийся ухудшением положения трудового люда, и классовые распри, и революционные волнения, захлестнувшие страну и т.д. В 1904–1905 гг. Россия потерпела поражение в русско-японской войне. В стихотворении «Хәрушла ҫүмәр» (Страшный ливень, 1905) выражена боль от происходящих в стране событий; здесь образ страшного ливня символизирует тяжелое время, наступившее в результате кровопролитной войны и неурожая⁹:

*Макәр, макәр, ғанталәк,
Макәрмали вәхәт халь!
Үкрә-յүкрә күсүль тәк,
Савәнмали сахал халь!*

* Здесь и далее подстрочный перевод автора.

*Самани те латлай мар,
Кунё[н]-çёрё[н] юн юхать.
Тырри-пули пим начар,
Вайл та пулин хурланатъ.*

(Плачь, плачь, природа, // Время такое сейчас – плакать! // Если льются слезы, // Мало чему есть теперь радоваться! // И время дурное, // Денно и нощно льется кровь. // Урожай очень бедный, // И даже он горюет).

Первые публикации Т. Тайра и М. Акимова в газете «Хыпар» не оставили равнодушным поэта, с детства близко знавшего все тяготы и нужды родного народа. Г. Кореньков всё чаще обращает взор на социальные проблемы. В стихотворении «Тäläх арäm» (Вдова), которое под названием «Хальхи пурнäç» (Нынешняя жизнь, 1906) вышло в свет в 1907 г. в той же газете «Хыпар» (№ 1), лирический герой переживает о судьбе вдовы. Вся надежда у женщины была на новый урожай, но участок в поле урезали, и вынуждена она была пойти по миру, взяв с собою голодных детей. Вдова – собирательный образ. Лирический субъект глубоко сострадает бедным и обездоленным. Детали точно передают колорит того времени: *ани кёскел-се тырать* (надел сокращается), *тырри çиме çитмест* (зерна на прокорм не хватает), *ачисем çётæk тумлай* (дети одеты в отрепья), *чухайнсене кашниех выльях вырэнне хурать, «Эй, эй!» тесе çес çёнет* (бедняков считают за скотину, окликают: «Эй, эй!»). Поэт на стороне тех, с кем обращаются, словно с метелкой, лежащей у порога, и он вопрошаet: когда же народ преодолеет все трудности и наступит долгожданная счастливая пора, когда все будут равноправны:

*Кашни сире, выльях пек,
«Эй, эй!» тесе çес çёнет;
Алák панчи шайлар пек,
Хай алтинче çүретет.
Хäçан Туррэн çыннисем
Пёр пек пулса çитёс-ши?
<...>
Хäçан халых çутлалса
Çёнё çула кёрё-ши?
Хäçан пёр пек пурэнса
Хирте пёр пек ёçтё-ши?*

(Каждый вас, словно скот, // Кличет: «Эй, эй!»; // Словно метелку около порога, // В своих руках вертит. // Когда же люди Божьи // Станут равноправными? // Когда же народ, просвещённый, // Встанет на новый путь? // Когда же все, живя в равноправии, // И в поле будут работать на равных?)

Скорее всего, подобные чаяния Г. Коренькова – это не столь революционные идеи, сколь отражение исконно чувашского мышления, идеи всеобщего равенства. «Идея равноправия, обнаруженная в чувашском языке (речи) и музыке, полностью соответствует представлениям чувашей о со-

циальном мире. Как известно, у чувашей весьма сильно развито чувство социальной справедливости и общинного равноправия», – пишет литературовед В.Г. Родионов¹⁰.

В стихотворениях Г. Коренъкова начала XX в. встречаются и образы угнетателей. Средствами сатиры и сарказма поэт едко высмеивает недостатки «упырей», осуждая их. Но если чувашские поэты того времени (Т. Тайр, М. Акимов и др.) открыто призывали к социальной борьбе, к свержению самодержавия, то Коренъков избегал подобных радикальных мер, предпочитал демократический путь. Это, скорее всего, даже не проявление интеллигентности, а, как было уже подчеркнуто, исконно национальная черта – не противиться злу. О.Н. Терентьева справедливо полагает, что чуваш глубоко понимал природу зла, тщетность борьбы. «Открытой борьбой зло не победить, борющийся сам встает на путь зла, – пишет она. – Борьба сама по себе является злом, его источником, поэтому чуваш поступает по-своему: он сторонится его и не борется против него. При такой ценностной ориентации полностью исключаются насилие, агрессия. Принцип ненасилия лежит в основе традиционного мировоззрения чувашей»¹¹. Путь преодоления и спасения (стало быть, и улучшения качества жизни) Г. Коренъков видит в просвещении народа. Поэт живет мечтой, что появится из чувашской среды хоть один человек «с ярким светильником разума в руке, и мы бы тогда при тихом свете увидели двери, ведущие в цивилизованный мир» («Мэншён пирён маларах...» – Ах, если бы у нас пораньше, 1907). Но с горечью отмечает, что для пишущих на чувашском языке закрыты все дороги в будущее:

Мэн чул тирён Ҫаван пек
Аслă Ҫынсем пăтес пуль?
Хай «талантсем» тенĕ пек,
Мэн чул ёссем сёреç пуль?

(Сколько же у нас так // Умных людей пропадает? // «Талантами» называемых // Умов сколько загнивает?)

В.Г. Родионов отмечает: «...национальной теме посвящено и стихотворение “Чăваш” (Чуваш, 1907), которое сочинено под впечатлением закрытия первой чувашской газеты “Хыпар”. Лирический субъект обращается к сородичу со словами горькой правды: нет у нас ни высших школ, ни театров, ни пароходов, да и книга наша вот-вот пропадет. <...> Опять чувашская книга лежит в навозе, а народ надел темные очки (*хура күçтäх*)»¹². Размышляя о судьбе чувашской нации, поэт утверждает, что без улучшения национально-культурной и экономической жизни народу недолго и исчезнуть с лица земли. Ю.М. Артемьев справедливо считает, «что благодаря напряженному творческому труду Г. Коренъков расширяет свой общественно-политический и интеллектуальный кругозор, задумывается о своем месте и назначении в целостном культурном пространстве родного народа, пытается осмысливать его в мировом контексте»¹³. Так он ищет пути сохране-

ния чувашского этноса. В стихотворениях «Пуçра шухаш нумай та», «Каçхи пёлёт тап-таса», «Чаяш пурнаçё», «Чаяш», «Мёншэн пирён маларах» и др., написанных в 1906–1907 гг., звучит национальная тема и тема проповеди.

В 1908 г. Кореньков постепенно отходит от национально-этнических тем и мотивов, в его поэзии усиливается сатирическая струя. В ряде стихотворений, посвященных знакомым, высмеивая те или иные отрицательные черты характера, кажется, лирический герой Г. Коренькова переходит рамки приличия. При чтении стихотворения «Ёмёр сана манас çук» (Всек тебя не забыть, 1909), где поэт обращается к И. Я. Яковлеву, читатель чувствует смущение, когда в отношении к учителю у лирического субъекта явно выражается злорадство:

<...> Епле манан пуль сана!
Сан пахчуна пёринче
Кёрсе кайсан эс мана
Çүллэ тывабç айенче
Ай-ай! лайäх äс патан!

<...> Ай-ай! лайäх пёринче,
Үкрэн эсё пär çине!
Калтак выртать пёр енче,
Туйу кусать леш енне.

<...> Ну лайäхчё ун чухне
Пäхса тäма сан çине!
Выртан вит çав мäшлатса,
Сухаллuna тäратса! <...>

Эс вилсессён, тупата,
Пёр тенкёлëх сурта та
Кайса лартма шалккä мар.
Епле санишн лартас мар!

(Разве забудешь тебя! // Когда однажды в твой сад // Залез, ты меня // Под высоким деревом // Ай-ай! хорошенко проучил! // Ай-ай! удачно однажды // Упал ты на лед! // Шапка лежит с одной стороны, // Клюка катится в другую. // Как хорошо было тогда // Стоять и смотреть на тебя! // Лежишь и тяжело дышишь, // Бородой торча! // Когда ты умрешь, в самом деле, // И свечку рублёвую // Не жаль пойти поставить. // Как же не поставить за тебя!)

Невозможно понять суть сарказма данного стихотворения, не разобравшись в ситуации, царившей в то время в Симбирской чувашской учительской школе. По мнению В.Г. Родионова, именно недовольство школой и некоторыми консервативными учителями заставило Г. Коренькова написать в таком саркастическом духе о наставниках. Лирический герой жалуется на учителей, которые не дали ученикам «ума ни копейку». Здесь выражено желание выпускников получить более глубокое образование, чем могли дать его в Симбирской чувашской учительской школе. «Пииты» дружно выступали против порядков Симбирской чувашской учительской школы

и ее миссионерской и русификаторской деятельности. По воспоминаниям Г.И. Комиссарова, учебная деятельность в ней выходила далеко за рамки официально утвержденного плана¹⁴. Он также утверждал, что Г. Кореньков «писал не для печати, не для литературной известности, не ради гонорара и не ради общественной пользы. А писал для себя (как он говорил сам), то есть писал из любви к искусству и прибегал к поэтическому творчеству как к средству для излияния своих переживаний и для высказывания своих дум и размышлений. Отсюда же субъективизм и лиризм большинства его произведений»¹⁵. Г.И. Комиссаров подмечает, что лирика главенствует в художественном творчестве поэта, но, по его мнению, лирические стихи «не представляют ценности с общественной и педагогической точек зрения»¹⁶. В том же духе охарактеризовал стихи Коренькова М.Я. Сироткин, обозначив их как «незначительные интимно-лирические произведения»¹⁷.

У Г. Коренькова много романтических стихотворений, где прославляются возвышенные чувства и отношения двух сердец. Часто эти стихотворения имеют своих адресатов. Но не так важно, кому конкретно они посвящены, важнее эмоционально-психологический настрой поэта, отраженный в душевном состоянии лирического субъекта. К примеру, стихотворение, посвященное «А.Н.». Для героя присутствия рядом любимой девушки вполне достаточно, чтобы чувствовать себя как в раю. В следующем произведении «Сантэр киле кайсан» (Когда Сандра уехала домой, 1903) герою светло, радостно даже оттого, что возлюбленная живет с ним в одном городе. С ее отъездом мир тускнеет, лирический герой впадает в уныние, никого не замечает вокруг, город кажется ему пустынной степью. Наряду с такими трогательными, романтическими, возвышенными отношениями часто изображаются интимные сцены, где довольно открыто предстают перед читателем эротические и натуралистические картины, где лирические объекты особой целомудренностью не отличаются: *Ху ман ڇумма ڪئچلے لارامتَن.* // *Ним پىتماستَن мانран.* // *Ним یوشَنماستَن,* *тармасстан манран* (Сама же близко ко мне подсаживалась с прялкой в руке. // Ничего не скрывала от меня. // Не чуждалась, не отстранялась от меня). Или же: *Манни, اچا* // *Хېلле. مونча. <...>* // *Этир тулта, алкумئنче.* // *Аллусем сан ман ڇинче* // *Ху ман ڇине کارماشان.* // *کوسران پاھان: کولکالان* (Забыла, подруга? // Зима. Баня. // Мы снаружи, в сенях. // Руки твои на мне. // Сама тянешься ко мне. // Смотришь в глаза, улыбаясь).

Г. Кореньковым нарисован совершенно необычный образ чувашской женщины – той, которая не стесняется своих чувств, кокетлива, простодушна, порою раскрепощена до неприличия. Создается впечатление, что лирический герой любвеобилен, несерьезен, неразборчив, что даже в большей степени его привлекают легкомысленные женщины: *Пурна киле, тен, санран* // *Эпѣ ҳамах сивәнән.* // *Санран чипер хېр курсан* // *Ют хېр ҳыىççән вирхәнәن. <...>* // *Ху та куран, эп сана* // *Пит юратса пурнас ڇuk.* // *Вайлук енчен эс мана* // *Пит нумаях шанас ڇuk* (Со временем, возможно, // Я сам

к тебе остыну. // Увижу краше девушку // И помчусь за ней. // Сама видишь, тебя я // Долго любить не буду // Потому в этом // Не слишком доверяй мне).

Тем не менее это не есть истинное лицо Г. Коренькова. Будучи натурой артистичной¹⁸ (вспомним, в Симбирской учительской школе Г. Кореньков был душой группы любителей художественной самодеятельности), он иногда, возможно на подсознательном уровне, как бы примеривает на себе чужую роль – ловеласа и повесы. В глубине же души он не приемлет непостоянства, лжи и измены: *Анчах эсё ман չумрах // Тепри չине ху күсна // Ярса пёр-ик минутрах // Хайвантан пистеретён мана* (Но ты, будучи рядом со мной, // Как только на другого глаз // Положишь, и уже тотчас // От себя меня отвадишь).

Несомненно, лирическому герою по нраву девушки скромные, целомудренные, он ищет встречи именно с такой, но с горечью констатирует:

*Ծук, пулмасть пуль ман тупса
Ылтайн чунлай сар хёре!
Ҫакән пекех сулланса
Ирттереп пуль ёмёре...*

<...> Эс тухатайн ратланса,
Никам тивмен пуль тесе.
Тепри չитнё те чупса!
Выратъ, сыхать уш хёрсе (1908).

(Нет, видно, не судьба мне встретить // Красавицу с золотым сердцем! // Так, в похождениях, // И проведу, видно, свой век. <...> // Идёшь с воодушевлением, // Думаешь: нетронутая. // А другой уже успел прибежать! // «Жнет», «вяжет» [спон] уже с жаром).

Порой лирического героя охватывает отчаяние: ему кажется, что в его окружении одни корыстные, мелочные, нечистоплотные в отношениях женщины: *Мён чул тачка кармана // Улталаса չинչетрёс* (Сколько раз толстый мой карман, // Обманывая, делали тощим); *Сана чунтан юратсан // Пущиҳең манран сивёնтён* (Как полюбил тебя от души, // Ты ещё больше охладела ко мне); *Aхәр, չёрле, эп каисан, // Тепри хаймасть сан չумран* (Скорее всего, ночью, как я уйду, // Другой не отстанет от тебя); *Кашни сана ачашлатъ, // «Ача!» – тесе чуттавать* (Каждый ласкает тебя, // Деточкой называет, целует); *Хён вёсемите пурнаssi, // Пит час турти тапатъ-мён. // Чипер ларас вырэнне // Пёрне-пёри չուչչё* (Тяжело с ними жить: // Очень быстро обзываются. // Вместо того, чтобы спокойно сидеть // Сплетничают друг о друге).

Он обвиняет девушек в лукавстве, непостоянстве, хитрости, легко-мыслии, склонности к сплетням, упрямстве. В некоторых стихах пропадает едва скрываемая злость на женщин легкого поведения. Лирический герой с сарказмом подмечает:

<...> Упайкуна ачаалан,
Пёрле вырттан, чуптаван;
А вайл партик пайдынсан –
Тусна та эс пай паран.
Енле сана савас мар!

Пёри тухса ёлкёрмөс –
Тепри пыратъ сан патна;
Килне сүтсе ўкеймөс –
Тата шаккац алакна.
Енле сана ырлас мар,
Енле сана савас мар!
(1908)

(Мужа ласкаешь // Рядом лежишь, целуешь; // Не успеет он отойти – // Другу отдашь долю. // Как же тебя не любить! // Один не успеет выйти за порог – // Другой приходит к тебе; // Не успеет до дома дойти – // Уже стучатся в дверь к тебе. // Как же не хвалить тебя, // Как же не любить тебя!)

Здесь нужно подчеркнуть одну важную деталь: лирический герой всегда готов понять и пожалеть женщину: кого-то из них неимоверные жизненные трудности вынуждают зарабатывать на хлеб непристойным, а иногда и преступным способом. Об этом отчетливо говорится в стихотворении «Вэрэй арэм юрри». Но он открыто презирает тех, кто ищет удовольствие ради удовольствия. Анализируя творчество своего школьного товарища и друга, Г. Комиссаров приходит к выводу: «Поэту хочется, чтобы ему платила взаимностью девушка, которой он сам симпатизирует. Были, по-видимому, такие, которые сами искали сближения с ним. Одна девушка написала ему письмо, приглашала его, видимо, в гости на пасеку. Поэт отвечает ей стихотворением: *An кёт мана, ан сыхлан!* // *Атто кулё Тёрлемес* (Не жди меня, не связывайся! // А то засмеёт Тюрлема). Отношения с женщинами у поэта не всегда складывались благополучно. Ему доставляли неприятности сплетни, приписываемые небылицы. Это видно из разных произведений, в частности из стихотворения “Л-вым”. В нем говорится, что когда-то взаимоотношения поэта с Л-выми были неплохие, но потом начали клеветать на него, насмехаться над ним, унижать незаслуженно. В заключение он с обидой отмечает:

Энэ сиртэн түснине
Тепэр йытэй ан түстэр!
Энэ сиртэн илтнине
Тепэр вэрэй ан илттэр!¹⁹

(Все, что от вас я вытерпел // Пусть даже собака не терпит! // Все, что от вас я выслушал // Пусть даже вор не услышит!)

Содержащийся в литературном творении резкий выпад в отношении женщин, разумеется, несправедлив. Но жизнь полна неожиданностей. В ней прекрасный пол не всегда представлен “ангелами во плоти”. От таких пер-

сон, по-видимому, поэт терпел немало неприятностей. Не исключено, что именно им он обязан тем, что в данный отрезок жизни стал «женофобом»²⁰.

Не исключено, что истинные причины «женофобии» кроются в весьма непростых отношениях Г. Коренькова с матерью. Строки из его дневника задевают за живое, содрогают. (Дневник велся на «тайном» языке, то есть в словах слоги и буквы переставлены местами так, что без определенного навыка трудно понять написанное.) Вот что он с горечью отмечает: *Хамär анне тата! Ҫупах сёрчё чёрене! Тенёр ухмах! Мён тума ҫуратса янä-ши ѣна Турнай тёңчене? Пурнаты только ачатчи чунне йүçтерсе, хай ҫуратнä чунан кунне кёситетсе, пётэм кил-йыша пулхатса! Ним ваты сын вести ҫук; кил-ҫурт тытма ним асё ҫук! Ним нирке пёлес ҫук, ним тулккä! Сäмахлани-лоркани анчах; ас пани – тулашни ҫиң! Вутта сүнтерме крассин анчах сапать!.. <...> Вообще вайл; анне пулмарё ман – ташман анчах пулчё! Питё хён «анне» тесе чёнме те. <...> Миңе хутчен эп кайсал чуна сая яма тапантам. Ҫук, ҫатах хама хам чартам. Мён тума? Пёлместэн! Ырри ҫук – терт анчах!*²¹ (А мать наша какова! Бальзам на сердце! Дура еще та! Зачем Бог породил её на свет? Живет, у своих же детей душу раздирая, сокращая своим детям жизнь, внося раздор в семью! Нет ничего от мудрости старого человека, нет никакого ума, чтобы дом вести! Никакого порядка, толку никакого! Только ругань и ворчание, вместо наставления – только скандал! Огонь тушит керосином! Вообще она, не матерью мне была – только врагом была! Очень тяжело даже называть ее матерью. <...> Сколько раз я в этом году замышлял свою душу погубить. Нет, все же сам себя остановил. Зачем? Не знаю! Нет ничего хорошего – одно мучение!). Кажется, не лучшим образом складывались отношения и с родной сестрой, о чем свидетельствуют опять же строки из этой записной тетради, где Г. Кореньков сокрушается над лживостью, черствостью, бездушием родственницы²².

Душевные страдания сделали Г. Коренькова чутким и проницательным: он видел то, чего не замечали другие, тонко чувствовал эпоху. Это не могло не отразиться в его творчестве. Возможно, поэтому он сумел запечатлеть в своих стихотворениях глубинные процессы, происходящие в жизни общества в конце XIX – начале XX в. Изменения затронули и чувашскую крестьянскую общину. Не отличавшаяся гармоничностью изначально, в эпоху рыночных отношений она подверглась существенной ломке. Как пишет Г.А. Николаев, с отменой крепостного права сельский житель все чаще стал закладывать за воротник, переступать закон. На сельских сходах обычным становилось выяснение истины путем рукоприкладства. Пал авторитет отцов. Дети все меньше считаются с их мнением, наметился рост числа внебрачных сожительств. Побывавшие в отходе молодые люди занесли в деревню венерические болезни. В отдельных населенных местах расцвело пышным цветом хулиганство²³.

Начавшееся моральное разложение общества не могло не волновать Г. Коренькова. Вот почему, на наш взгляд, в его творчестве появился совер-

шенно новый образ чувашской женщины – ветреной, вульгарной, лицемерной, корыстной. Лирический герой осуждает и презирает таких девушек.

Таким образом, лирический субъект Г. Коренькова – личность многогранная: он то боготворит женщину, то презирает ее за непристойное поведение; ищет свой идеал, находит и снова испытывает разочарование; если разрыв отношений происходит по его вине, он имеет в себе достаточно мужества признаться в этом и просит прощения у любимой девушки и т.д. Нельзя не согласиться с мнением В.Г. Родионова: «Г. Кореньков, как никто другой из поэтов того времени, сумел своей эстетикой эротической красоты и безобразно-пошлого возвысить в поэзии человеческие чувства, показать настоящую границу их разделения»²⁴.

Г. Кореньков был убежден, что у настоящего поэта каждое стихотворение должно взвывать к высокому, благородному в человеке, чтобы он не очерствел и не ожесточился. Но в те тяжелые времена: в годы столыпинской реакции, Первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны – трудно было публиковаться. Наверное, поэтому для того, чтобы сеять разумное, доброе, вечное в сердцах людей, Г. Кореньков выбирает единственно верный путь – посвящает свои знания и навыки делу просвещения и образования. (Конечно же, не переставал писать стихи.) Работая в школе, поэт замечает, что чувашские дети очень любят читать стихи на родном языке (а в букварях, кроме «Чи-чи кăсая» и «Чёкес юрри», ничего не было). Тогда он задумал помочь ученикам: стал переводить стихи с русского из книги для чтения. Когда об этом узнал редактор чувашской газеты «Хыпар» Н.В. Никольский, он предложил прислать ему переводы стихов и басен²⁵. В 1906 г. в «Хыпаре» (№ 8) было напечатано его стихотворение «Ёçлеме чённи» (Призыв к труду). В следующем же номере вышла басня И. Крылова в переводе Г. Коренькова «Тирëс купи патёнче автан çўп-çап салатнä» («Петух и жемчужное зерно»). В этом же издании через некоторое время опубликовали еще несколько басен в его же переводе: «Акайш, Рак, Çäрттан» («Лебедь, Рак и Щука»), «Тилёпе исём çырли» («Лиса и виноград») и «Юман айёнчи сысна» («Свинья под дубом»), «Упätепе куçлых» («Мартышка и очки»). В самом начале переводческой деятельности Г. Кореньков не всегда придерживался текста оригинала, местами его сокращал, видоизменял. Но в последующих работах автор старается не отходить от сюжетной линии, язык тоже максимально приближен к оригиналу – басни легко читаются. Таким образом, Г. Кореньков первым из чувашских поэтов начал переводить и распространять среди чувашей басни И. Крылова²⁶.

В начале же своей педагогической деятельности он увлекся стихотворными сказками. В 1905 г. написал такие произведения, как «Чавашпа тутар» (Чуваш и татарин), «Хёре уйäх илни» (Как месяц девушку забрал, 1907), «Эсрелё»²⁷ (Эсрель, 1907), «Хёрапäm çинчен» (Про женщину, 1916), «Ашиш пилё» (Завет отца, 1919). В поэме-сказке «Чавашпа тутар» Г. Кореньков в шутливой форме передает содержание общенациональной присказки: «Кто насмехается над чувашом, к тому самому пристанет». В жи-

тейско-бытовых ситуациях смекалистый чуваш постоянно одерживает верх над своим приятелем-татарином. Вывод автора таков: чуваш на первый взгляд смиренный, но тому, кто захочет потешаться над ним, он спуску не даст. В произведении «Эсрелё» автор не просто пересказывает известный народный сюжет, а как настоящий художник слова пропускает текст через свое миросозерцание, вносит в него изменения (здесь Бог выступает в роли врага героя-солдата и всего человечества), удачно использует искрометный юмор.

С 1906 г. по 1914 г. Кореньков работал над стихотворной сказкой «Пёр пек пултэр» (Пусть будет одинаково). Здесь удивляет глубина понимания им психологии чувашей, а именно такой черты, как стремление не выделяться, боязнь быть осужденным другими (односельчанами, средой). Стремясь наглядней показать особенность чувашей, поэт снова прибегает к юмору и гиперболизации. Два брата, поверив младшему брату Петрушке, последовали его совету – закрыли на ночь волка в хлеву, чтобы тот постриг овец. С утра, увидев страшную картину, старший брат больше всего сокрушаётся не над тем, что погубил полсотни овец, а над тем, что пойдёт худая молва про него. Позор перед односельчанами хуже собственного благополучия и благополучия близкой родни: *Сүрәх пётни шалккә мар – ын күлнинчен хайтласчё* (Не жаль потерянных овец – избежать бы людских насмешек). Пришедшему родственнику он так и не раскрыл всей правды, хвастается, что волк действительно хорошо стрижет, и отдаёт зверя старшему брату. На следующий день возмущенному братцу говорит:

*Санайн юлтэр, ман пёттэр –
Вара ыңсем мэн калёç?
Атия, тулна тэк – ирттэр,
Луччай ыңсем хурламёç?*

(Как же?! Чтоб твои остались, а у меня пропали? // Что сказали бы тогда люди? // Айда, что было, то прошло, // Зато люди не осудят).

В 1914 г. также работает над стихотворениями, написанными по мотивам пушкинских: «Чурече» (Окно, 1906–1914), «Юлташсене» (Друзьям, 1906–1914). Эти и еще несколько произведений, сочиненные в последующие два-три года, насквозь пронизаны внутренней болью: лирический герой чувствует себя лишним среди окружающих. Его речь наполнена горечью, полной разочарованностью. Видимо, появлению такого депрессивно-упаднического настроения способствовали не только неудачи в личной жизни: атмосфера жизни (страшные годы Первой мировой, кровавые революционные события), внутренний конфликт (переоценка ценностей), крушение идеалов оказывали воздействие.

Неожиданно Г. Кореньков, который ранее, в годы первой русской революции, не участвовал в народных волнениях, с 1917 г. активно включается в борьбу за советскую власть. В своей автобиографии он пишет: «В 1917

–18 гг. я работал членом-секретарем сельского комитета. При нападении белых банд на станцию Тюрлема мы с комиссаром сельского комитета оказывали помощь частям Красной армии (пекли хлеб, снаряжали подводы). <...> При организации колхоза я был одним из первых членов инициативной группы. С 1930 г. по 1939 г. я работаю агитатором в колхозной бригаде № 1 и председателем ячейки Союза воинствующих безбожников²⁸. Тем не менее такая насыщенная общественная деятельность не была главной заботой в его жизни – в эти годы он целиком и полностью погружается в педагогическую деятельность. В 1924 г. ему снова поручили заведование школой, затем (в 1930 г.) школой крестьянской молодежи и, наконец, неполной средней школой (в 1934 г.). С 1 сентября 1934 г. нес обязанности директора Тюрлеминской средней школы. За период работы в с. Тюрлема им написаны и вышли в печати: «Санитарипе гигиена хайнхайвёсем» (Санитарно-гигиенические навыки: методическое письмо, 1929); «Пэрремёш сыпäкль шкулсенче тайваттамёш класра математика вёрэнмелли ёс кёнеки» (Рабочая книга по математике для четвертого класса школы первой ступени, 1932); в 1939 г. выпустил «Учебник русского языка для III класса чувашской начальной школы». Этим учебником в чувашских школах пользовались около десяти лет. При издании учебников перевел «Задачи и упражнения по арифметике для пятого года обучения» Е. Березанской. Немало статей методического характера помещены им в журнале Народного комисариата просвещения «Халайха вёрентес ёс». Регулярно выступал на учительских конференциях²⁹, активно участвовал в ликвидации неграмотности среди чувашского населения.

Подводя итоги, заметим, что Г. Кореньков посвятил свою жизнь просвещению родного народа. За особые заслуги в деле просвещения и воспитания молодого поколения он удостоин почетного звания «Заслуженный учитель РСФСР», награжден орденом Ленина. Активно участвовал в общественно-политической жизни республики. Но в национальной культуре он больше известен как зачинатель оригинальной чувашской лирики. Его произведения отличаются богатством тематики и глубиной мысли, до сих пор волнуют сердца читателей. Жуткие 1891–1892 гг. оставили неизгладимый след в памяти Г. Коренькова, что впоследствии не последнюю роль сыграло в формировании его художественного самосознания: он тонко понимал душу человека, принимал близко к сердцу боль народа. Свои размышления и переживания выражал в стихотворениях, посвященных национально-этнической теме. Г. Коренькова по праву можно называть основателем чувашской интимной лирики. Отношение к женщине, к любви в его творчестве неоднозначное: он любил и боготворил женщину, в то же время и презирал. Сложность, противоречивость в характере поэта обусловлены непростыми отношениями в семье. Г. Кореньков, как никто другой, своей эстетикой эrotической красоты и безобразно-пошлого сумел возвысить в поэзии человеческие чувства. Г. Кореньков – один из переводчиков русской литературы, первым начал переводить и распространять среди чувашского народа басни И. Кры-

лова. Он развел и обогатил многие литературные жанры, среди которых и интимная лирика, и сюжетные стихи, сатирические стихи, лиро-эпическая поэма, стихотворная сказка, посвящения и т.д. Несомненен вклад Г.А. Коренькова в развитие национальной литературы.

Литература и примечания

¹ Абрамов В.А. Савашу поэзийён классике // Чампаксен хааче. 1999. Ака, 16 (№ 15). С. 9; Абрамов В.А. «Этем Турра час манать...»: Гаврил Коренькован поэзийёнчи христианлых кёввисем // Хыпар. 1999. Ҫурла, 11; Артемьев Ю.М. Г.А. Кореньков // Артемьев Ю.М. Ымэр пусламаше: 1900–1917 ҹулсенчи чаваш литература историйён очерк. Шупашкар, 1996. С. 69–79; Артемьев Ю.М. Г.А. Кореньков ҹинчен // Артемьев Ю.М. XX ымэр пусламашёнчи чаваш литератури. Шупашкар, 1992. С. 89–98; Родионов В.Г. Чувашская литература 1900–1908 годов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 22–24, 27, 49–50; Родионов В.Г. Чувашская литература 1909–1917 годов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 39–40, 62–65; Юмарт Г.Ф. Кореньков Гаврил // Тайван Атэл. 1974. 3 №. С. 79–80; Юмарт Г.Ф. Ҫута ҹурталлай саваң // Хыпар. 1994. Ака, 12; Юмарт Г.Ф. Малти ретри саваң // Гаврил Кореньков. Суйласа илнисем: саваңсем, юмахсем, поэмасем. Шупашкар: ЧПГАИ, 2010.

² В одном из источников указывается другое место рождения Г. Коренькова – д. Куснары Урмарского района Чувашской Республики (см.: Чувашский календарь – 64. Чебоксары, 1963. С. 49).

³ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. V. Ед. хр. 94. Инв. № 406. Л. 3.

⁴ Там же.

⁵ Основной причиной поверхностных знаний, как утверждал сам поэт, была болезнь. В автобиографии он пишет: «Когда учился в III отделении, заболел учитель, а в IV отделении он сам получил воспаление легких и прохорвал полгода» (см.: НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 821. Инв. № 4974. С. 1).

⁶ Абрамов В.А. Каринке Кавёрлин савашу поэзийё // Тайван Атэл. 1994. 4 №. С. 69.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 94. Инв. № 406. Л. 3.

⁸ Комиссаров Г.И. Автобиографические записки (мои мемуары: 1963–68 гг.) // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 490. Инв. № 4838–4841. С. 500.

⁹ Юмарт Г.Ф. Малти ретри саваң. С. 14–15.

¹⁰ Родионов В.Г. О типах национального мышления // Известия / НАНИ ЧР. 2000. № 1. С. 21.

¹¹ Терентьева О.Н. Чувашский этнос: традиционные мировоззренческие основы и менталитет // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности и 400-летию освобождения Москвы силами народного ополчения под руководством Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского от польских интервентов (Чебоксары, 8–9 ноября 2012 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 16–24.

¹² Родионов В.Г. Чувашская литература 1900–1908 годов. С. 49.

¹³ Артемьев Ю.М. Чувашская литература: учебник для 10–11 классов русскоязычных школ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. С. 83.

¹⁴ Родионов В.Г. Чувашская литература 1900–1908 годов. С. 23–25.

¹⁵ Комиссаров Г. Г.А. Кореньков как поэт // НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 395. Инв. № 3176. Л. 12.

¹⁶ Комиссаров Г.И. Автобиографические записки // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 497. Инв. № 4874–4878. Л. 101–102.

¹⁷ Цит. по: Абрамов В.А. Каринке Кавёрлин савашу поэзийё. С. 70.

¹⁸ В своих воспоминаниях близкий друг Г. Коренькова Г. Комиссаров пишет: «Интерес к поэзии и сценическому искусству у Гавриила Алексеевича проявлялся с самого начала

нашего знакомства с ним, т.е. с осени 1899 года. <...> В классе он сидел в рубашке и штанах из домотканого, окрашенного в красноватый цвет холста, в сапогах (зимой в валенках). Он был краснощекий, сероглазый, с русыми волосами. В вечерние часы, выучив уроки, он выкидывал смешные “номера”. Бывало, выскочит вдруг из-за парты, потянет за собой Софрону, товарища мордвина Андрея Егорова, засучит левую руку, приложит к ней губы и, подражая трубачу духовного оркестра, начинает издавать звуки марша и маршировать по классу вместе со своими компаниями. Иногда он маршировал под пение припевок, которые пели во время работы сварщики, строившие мост на р. Свияге рядом с нашей школой (припевки были юмористического содержания, похожие на частушки “Ой, Мотя, Мотяна”) (см.: *Комиссаров Г.И. Г.А. Кореньков как поэт*. Л. 3).

¹⁹ Там же. Л. 15–16.

²⁰ Там же. Л. 18.

²¹ Г.А. Кореньков ырынисен пуххи / Макар Хури (Ильин) пухса хатёрленේ // НА ЧГИГН. Отд. В. Ед. хр. 94. И nv. № 1621. Л. 6.

²² Там же. Л. 5.

²³ Подробнее см.: *Николаев Г.А. Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этнодибы по истории и этнологии*. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. С. 255–279.

²⁴ *Родионов В.Г. Чувашская литература 1909–1917 годов*. С. 65.

²⁵ НА ЧГИГН. Отд. В. Ед. хр. 94. И nv. № 406. Л. 3.

²⁶ Вдохновленный первым удачным опытом, Г. Кореньков продолжал переводить басни И. Крылова. В журнале «Шурэмпуç» появилось девять басен: «Автаппа ахах пёрчи» («Петух и жемчужное зерно»), «Үйәтепе күсләх» («Мартышка и очки»), «Юман айёнчи сысна» («Свинья под дубом»), «Үйәтепе күсәски» («Зеркало и обезьяна»), «Энтипкä сäхманё» («Тришкин каftан»), «Упәтө» («Обезьяна»), «Тиләпе кашкär» («Лиса и волк»), «Тиләпе исём ырыли» («Лисица и виноград») (см.: Шурэмпуç [Заря]. 1921. 9–12 №. С. 28–32). В 1924 г. в журнале «Ёçлекенсен сасси» опубликовали шестнадцать басен. См.: Ёçлекенсен сасси [Голос трудящихся]. 4–5 №. 1924. Г. Кореньков перевёл также «Сказку о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина (1903).

²⁷ Это произведение написано в соавторстве с М. Шевле.

²⁸ НА ЧГИГН. Отд. В. Ед. хр. 821. И nv. № 4973. С. 1–2.

²⁹ Там же. Ед. хр. 94. И nv. № 406. Л. 4.

N.G. Ilyina

GAVRIIL KORENKOv: DETAILS TO THE PORTRAIT OF THE POET

Tracing the life and creative way of a talented poet, the initiator of the Chuvash intimate lyric poetry, a translator, a well-known teacher G. Korenkov, the author of the article tried to find the sources and to understand the reasons for formation of contradictory character of this extraordinary personality.

Keywords: G. Korenkov, poet, lyrical hero, national-ethnic theme, genre, intimate lyric poetry, fables, poem-fairy tale, pedagogical activity.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ЧУВАШСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI–XVIII ВЕКЕ: ОБЗОР ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО СПОРНЫМ ДЕЛАМ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ

ЧГВ, 2017 г., № 12

© Д.В. Басманцев

В статье приведен обзор документов спорных дел генерального межевания второй половины XVI–XVIII в., хранящихся в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Изучены акты феодального землевладения крестьян, церквей и монастырей, служилых людей, выявлены их особенности как исторических источников. В приложении публикуются ценные документальные материалы конца XVII–XVIII в.

Ключевые слова: источниковедение, феодальное землевладение, спорные дела генерального межевания, крестьяне, церковь и монастыри, служилые люди, Чувашский край.

После покорения Казанского ханства в Среднем Поволжье правительство Московии приступило к выдаче и закреплению за частновладельцами новоприсоединенных земель. Земельные акты получали монастыри и церкви, служилые люди, ясачные крестьяне и владельцы. Феодальные отношения регулировались законодательством, закреплявшим права владельцев на собственность. Эти и другие вопросы землевладения неразрывно связаны с изучением феодальной эпохи истории России.

Дореволюционными и советскими исследователями проделана огромная работа по классификации актов на землю, разработке проблемы генезиса и процесса развития дворянского, монастырского, крестьянского землевладения Русского государства XVI–XVIII столетий. В отношении территории Чувашского края особый интерес представляют публикации С.М. Михайлова, В.К. Магницкого, писцовые книги Казани и Свияжска с уездами второй половины XVI в.¹ В начале XX в. известный симбирский исследователь П. Мартынов опубликовал выявленные в архиве Симбирского окруж-

Дмитрий Викторович Басманцев – кандидат исторических наук, научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: basmantsevd@rambler.ru.

ного суда, ранее неизвестные материалы о земельных тяжбах, имевших место в Буйинском уезде².

В советское время в отечественной историографии аграрная проблематика продолжала оставаться в центре внимания. Как в крупных научных центрах, так и на местах увидел свет ряд монографий, сборников статей и сборников документов. Это имело своим следствием и расширение круга изучаемых вопросов по социально-экономическому и социокультурному развитию Среднего Поволжья³. В связи с утратой архива приказа Казанского дворца историки вынуждены были проводить поиск источников второй половины XVI–XVII в. в более поздних собраниях и коллекциях. Так, В.Д. Дмитриев, изучив спорные дела генерального межевания из фондов Казанской (ф. 1312) и Симбирской (ф. 1336) межевых контор в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА; ныне Российский государственный архив древних актов – РГАДА), издал ряд работ. В частности, в 1978 г. он опубликовал краткий обзор, в котором отметил важность обнаруженных источников для разработки различных тем по аграрной истории Среднего Поволжья XVI–XVIII вв. В нем также был затронут и источниковедческий аспект вопроса⁴. В специальной статье В.Д. Дмитриевым была проанализирована владенная выпись, выданная в 1638 г. чувашии тарханам⁵. Другим уникальным документом, введенным им в научный оборот, стала уставная грамота 1574 г.⁶ Документы спорных дел генерального межевания в последующем также привлекались при написании статей и монографий⁷.

В современной историографии изучение вопросов землевладения и землепользования в Чувашском крае также ведется довольно активно. Этот процесс наглядно можно проследить по изданным сборникам документов и научным работам. Большое внимание уделяется изучению монастырского землевладения в Чувашском крае в XVI–XVIII вв.⁸ Несколько работ посвящено крестьянскому землевладению, поместьям и вотчинам служилых людей⁹. Исследователь А.В. Дедук выявил документ конца XVI в., повествующий о спорных сенокосах на волжском острове Маслово между крестьянами Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов. Вместе с судебными материалами в приложении к публикации помещена копия карты тяжебных земель¹⁰. В 2016 г. в статье «О службе и жалованьях свияжского князя Тугуша Девлет Бахтыева во второй половине XVI в.» была издана «Жалованная грамота царя и великого князя Федора Ивановича свияжским мурзам Аклычу и Кармышу княж Тугушевым детям Девлет Бахтыева на поместные, вотчинные земли и кабаки в Свияжском уезде» от 17 апреля 1597 г.¹¹

Обращение к региональной историографии, как видим, свидетельствует о накопленном опыте изучения актов землевладения, росте интереса в среде исследователей к заявленной теме. Подобная картина – это следствие активной разработки вопросов феодального землевладения, широкого привлечения массовых источников для написания статей, монографий и дис-

сертаций¹². На сегодня изучение спорных дел из фондов межевых контор конца XVIII – начала XIX в. является актуальным и перспективным. Новые материалы должны способствовать дальнейшему исследованию вопросов как региональной, так и общероссийской истории периода феодализма.

В научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН) собраны и хранятся ценные материалы по истории народов Чувашского края. Из их огромного массива содержательностью выделяются так называемые спорные дела генерального межевания. Преследуемая нами цель – изучив состав документов межевых учреждений, показать их особенности как исторических источников, дать их краткий обзор.

В 1962–1965 гг. известный чувашский историк, специалист по истории периода феодализма В.Д. Димитриев в ЦГАДА ознакомился со спорными делами Казанской (ф. 1312) и Симбирской (ф. 1336) межевых контор и выявил несколько тысяч документов по истории Чувашского края. По его заказу из фонда 1312 было микрофильмировано 5 680, а из фонда 1336 – 10 500 кадров. Таким образом, в научный архив Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики (ныне ЧГИГН) поступило 16 180 кадров документов XVI – начала XIX в.¹³ Из общего объема материалов спорных дел нами изучено 6 177 кадров (38 %), что составляет более тысячи документов о земельных дачах Казанской и Симбирской губерний.

В настоящей статье дается анализ отобранных нами 304 документов (1 532 кадра) (см. *приложение 1*). Исследуемые документальные источники сгруппированы по следующим временными отрезкам: вторая половина XVI в., XVII в., XVIII в. и начало XIX в. Основная часть материалов (58,9 %) приходится на XVIII в., что объясняется началом генерального межевания и формированием основного корпуса спорных дел в конце этого столетия. Рассматривание земельных споров продолжалось вплоть до 20-х гг. XIX в., что было связано с вынесением окончательного вердикта по спорным земельным вопросам центральными и высшими органами управления. Таких документов было переведено в микрофильмы 80 (26,3 %). Из них лишь около 15 % являются копиями материалов второй половины XVI–XVII в. Следует учесть, что в документах XVIII в. нередко приводятся отрывочные сведения из более ранних актов землевладения.

Состав документов на землю менялся в зависимости от конкретного хронологического периода. Ко времени проведения генерального межевания различные грамоты, писцовые, переписные, межевые, отказные, перечневые книги и другие акты XVI – начала XVIII в. вышли из обихода. Некоторые из них продолжали существовать под другим названием. Например, челобитная, широко используемая в делопроизводственной практике XVI–XVIII вв., в конце XVIII – начале XIX в. стала именоваться «прощением».

При обращении к количественным данным, приводимым в *приложении*, выясняется, что видовой состав изучаемых документов достаточно разнообразен. Их можно разделить на публично-правовые, частные, делопро-

изводственные и частно-публичные. В первую группу входят грамоты (жалованные, ввозные (послушные), указные и правые), указы, выданные государственными учреждениями выписи из удостоверительно-регистрационных и исполнительно-регистрационных документов (писцовых, межевых и других книг) и вынесенные ими судебные вердикты и др. Полюбовные (поступные), мировые, заемные записи, купчие, данные (вкладные), верящие письма относятся к частным актам. Делопроизводственные документы составляют неотъемлемую часть анализируемых источников. До вынесения решения по спорным делам генерального межевания в учреждениях велись записи в журналах о принятии прошений (челобитных) и приобщении к материалам дела копий актов землевладения, принимались рапорты, сообщения, доношения, выдавались билеты, наводились различные справки, подготавливались экстракты, ведомости. Из частно-публичных документов чаще всего встречаются челобитные и прошения, апелляционные жалобы и т.д.

В.Д. Димитриев, как явствует из общего количества изученных нами кадров микрофильмов, прежде всего обращал внимание на акты просительно-апелляционные, переписку губернских межевых контор с различными учреждениями (с Межевой канцелярией Сената, губернскими правлениями, палатами гражданского суда, уездными и нижними земскими судами, казенными палатами, соседними губернскими межевыми конторами и др.), рапорты и объяснения землемеров о выполненных работах, выписки межевых контор и их слушания по предъявленным тяжущимся сторонами актам землевладения и т.д.¹⁴ Указанные материалы на первый взгляд являются второстепенными и в основном выступают как вспомогательный комплекс документов. Вместе с тем без них трудно определить круг наследников или владельцев, распоряжавшихся землями во второй половине XVI–XVIII в., их национальный и социальный состав. Они весьма важны для выяснения этнической ситуации в Среднем Поволжье, так как в источниках XVI–XVII вв. чувашей, как правило, фиксировали «татарами» или «черемисами».

Для общего представления о хранящемся в НА ЧГИГН комплексе документов спорных дел генерального межевания приведем обзор наиболее содержательных актов феодального землевладения. Они отобраны из приводимых в приложении микрофильмов и рассмотрены в следующих разделах: крестьянское и церковно-монастырское землевладение, акты служилых землевладельцев. При этом некоторые выявленные нами и использованные в обзоре документы, сохранившиеся в спорных делах генерального межевания в копиях, ранее были опубликованы в подлинниках, что дает возможность сравнить их и определить дальнейшие задачи изучения.

Крестьянское землевладение. После присоединения Казанской земли к Русскому государству многонациональное ясачное население продолжало владеть своими земельными угодьями. В поисках свободных земель крестьяне занимали участки «дикого поля», основывая таким образом новые населенные пункты. При этом они старались закрепить их за собой по зако-

ну, получая от царских учреждений разрешения, с последующей выдачей им выписей из грамот, писцовых, дозорных и межевых книг и т.д. К сожалению, удельный вес таких документов в общем объеме изученных нами материалов весьма невелик.

В спорных делах генерального межевания, относящихся к Алатырскому уезду, сохранилась полюбовная поступная запись от 11 февраля 1623 г., заключенная мордвой д. Пичевели и д. Алтышева Поляна с мурзами Токаем и Тотумаем Кожнеевыми. Судя по содержанию, мордовские крестьяне передали указанным мурзам во владение рыбные и бобровые угодья на р. Алатырь¹⁵.

Сведения о ясачном землевладении содержатся во владенных выписях на земли, данные в 1641 г. чуваши деревень Янашево, Исенево, Янситово, Янтиково Андреевской волости, деревень Большая и Малая Тояба, починка Уразгильдин Князь-Аклычевой сотни Свияжского уезда. Эти выписи были представлены в конце XVIII в. в Казанскую межевую контору для разрешения земельного спора с помещицей А.Б. Обуховой. 9 мая 1641 г. свияжский воевода А.И. Болтин и подьячий Ф. Баженов выдали «выпись Свияжского уезда чуваше Андреевские волости д. Янашевы старосте Албашку Анзигитову... да бобыльных и прибыльных безъясачных людем». Основными сведениями для выписи послужили материалы сыска 1636/37 г. о «но-воприбыльных безъясачных людях» деревень Исенево, Янситово и Янтиково. Вновь прибывшим крестьянам разрешили наравне со старожилами вышеуказанных селений пахать пашни «по 10 чети человеку в поле, а дву по тому ж», а также пользоваться сенокосными угодьями (на один ясак 100 копен). За эти земли они обязаны были ежегодно платить «денежные и хлебные ясаки против ясачных книг»¹⁶. Аналогичную выпись из Свияжской приказной избы от 6 июня 1641 г.¹⁷ получили ясачные чуваши деревень Большая и Малая Тояба, починка Уразгильдин. По организованному в 1639/40 г. сыску выявилось, что «против статей подьячего И. Матвеева» обнаружен новый починок Уразгильдин и их жители владели «сверх старых своих распашных ясачных землях многими землями и сенными покосами... безъясачно и безоброчно». Выданная выпись 1641 г. давала право распоряжаться указанными пашнями за уплату половины ясака по 5 чети и сенные покосы в размере 50 копен. А на лишние земли тоябинцев-уразгильдинцев был наложен оброк до тех пор, пока не «наберется безъясачные люди... в прибыльные ясаки»¹⁸.

В мае 1650 г. алатырским площадным подьячим П. Осекиным (Осекиным) была составлена полюбовная запись о разделе земли между мордвой в лице П. Тохтамышева с товарищами и с. Четвертаково Троице-Алатырского монастыря в Алатырском уезде¹⁹.

В марте 1652 г. свияжский воевода С.А. Измайлов с дьяком А. Трофимовым дали выпись ясачным татарам д. Белая Волошка Аринской волости Свияжского уезда на «старинную их обочную землю и на сенные покосы, что на Диком поле по сю сторону реки Лащи»²⁰. По челобитью ясачных татар д. Новое Кильдишево Шигалеевской волости Свияжского уезда

от 15 марта 1661 г. стольник и свияжский воевода А.С. Хитрово с дьяком Я. Портомонным подготовили выпись на пашню по речке Сиркле²¹. Они же 14 июля 1661 г. выдали владенную выпись ясачным чувашам д. Яниково Чекурской волости Свияжского уезда на земли на «диком поле» с указанием платить ясак «с двух дворов с полудвором» и денежный оброк «по рублю по 19 алтын»²².

21 января 1663 г. в Свияжской приказной избе на основании челобитной была составлена владенная выпись для ясачных чувашей д. Новое Байтеряково Яльчиковской волости Свияжского уезда. Из нее следует, что в 1661/62 г. чуваши Байтерячко по челобитью перенес свою старинную оброчную землю из д. Карамышево в д. Новое Байтеряково. За нее он с однодеревенцами платил в казну оброк по 2 руб. 20 алтын, а также «за переносу велено на нем, Байтерячке, написать хлебного и денежного ясаку с полудвора». В 1663 г. челобитчик по согласованию с властями перевел на хлебный и денежный ясак на семь дворов с полудвором оброчную землю, которую первоначально «отграничили» (отмежевали. – Д.Б.)²³.

2 ноября 1685 г. думный дворянин и свияжский воевода П.Г. Огарев с дьяком В. Никитиным оформили владенную выпись из межевых книг, предназначеннюю ясачному татарину Бикуabyзу Бурнашеву (Сурнашеву) из д. Новое Биково Князь-Аклычевой сотни Свияжского уезда. В том же году ему были отмежеваны ясачная земля и сенные угодья²⁴. В 1690-х гг. возник спор между ясачными татарами д. Биково (Баково) и цивильским помещиком М.С. Кемецким. Помещичьи крестьяне д. Студенец проживали с татарами «смежно по близку» и не давали владеть ясачными пашнями и лугами. Об этом свидетельствуют поданные в 1692/93 и 1694 гг. в Свияжскую приказную избу жалобы и челобитные²⁵. Другой спор между крестьянами и помещиком вспыхнул в конце XVIII в. Так, в 1795 г. в Казансскую межевую контору с жалобой обратились чувашские крестьяне деревень Алмандаево, Имельдяшево и Байсубаково Цивильской округи Казанского наместничества. Оказалось, что еще в 1780 г. они бесспорно размежевали участки земель с графом И.П. Салтыковым и В.Г. Колбецким. Однако в 1791 г. помещик П.В. Амачкин «усильственным образом завладел» землями указанных крестьян, близлежащими к вотчинным владениям д. Зеленовка²⁶.

Церковно-монастырское землевладение. На территориях современной Чувашии и Мордовии функционировал один из крупных монастырей Среднего Поволжья – Троицкий мужской монастырь (г. Алатырь), находившийся под юрисдикцией Троице-Сергиевой лавры. На протяжении XVII – XVIII вв. ему принадлежал огромный земельный участок, расположенный в Алатырском уезде. Об этом же свидетельствуют копии 14 актов на владение землей, отложившихся в спорных делах генерального межевания. Их подлинники, извлеченные из фонда 281 (грамоты Коллегии экономии, РГАДА), опубликованы в сборнике документов «Алатырский Троицкий мужской монастырь» (2015). В их числе следующие актовые материалы: выпись из писцовых и межевых книг, купчая (продажная), полюбовная поступная запись,

данная (вкладная), выпись из судного дела, указные с прочетом грамоты, указные грамоты, полюбовная и мировая поступные записи, послушные грамоты. Составителями в сборник отдельно было включено относящееся к 1700–1701 гг. информативное по содержанию спорное дело Алатырской приказной избы о размежевании в Алатырском уезде земель на р. Миренка, выменянных властями Троице-Сергиева монастыря у стольника Анурия Васильева сына Григорова на земли мордовской деревни Баево Подгородная, поместно-вотчинного села Малое Четвертаково Тургенево тож и других селений²⁷.

В 1660 г. протопопу Чебоксарской соборной церкви Ф. Павлову с братией чебоксарским воеводой В.В. Голенищевым и дьяком Б. Протопоповым была вручена выпись «на домовых крестьян с росписи писцов А. Лодыженского да подьячего А. Булыгина» 1645/46 г. Она была подготовлена в ответ на челобитную священнослужителей, составленную 8 марта 1660 г. на имя стольника и чебоксарского воеводы И. Засекина. В ней указывалось, что во время пожара 9 июля 1659 г. соборная церковь сгорела вместе с документами на церковных крестьян. Роспись писцов 1645/46 г. была передана чебоксарскому воеводе Г. Киреевскому и хранилась в приказной избе. В выписи, кроме крестьянских дворов с перечислением состава семей, отмечены сенные угодья. Первый участок располагался «за Волгою вверх по речке Криуще, снизу идучи – смежно с сенными покосы церкви Архистратига Михаила межа источек, по правую сторону – лес великих государей да подьяческие луги, а выше их сенных покосов – сенные покосы Чебоксарской приказной избы подьячего Бориса Борыева». Причетниковые сенные покосы были смежны с лугами церкви Николаевского девичьего монастыря, чебоксарского воеводы и лесом «великих государей»²⁸.

В декабре 1794 г. строитель Чебоксарской Преображенской пустыни иеромонах Петр обратился в Казанскую межевую контору с жалобой на землемера Селиванова. Из неё известно, что 28 февраля 1689 г. строителю иеромонаху Семиону была дана грамота на владение порозжей землей («на низ Волги реки берег») и поляной, простирающейся «против оной пустыни на горе по Обресков враг, да от той же пустыни вверх подле Волги берег же и горы по у валу до дач чебоксарских помещиков, Матвея Болотникова с товарищи, к Волге-реке до заплесков и до Большого врага, что вышел против села Нового Ларионова тож, и по дачу приказные избы подьячего Петра Степанова, и островом, что стоит близ берегу на Волге против того ж села, а словет он Мокрец»²⁹.

Акты служилых землевладельцев. На территории Чувашского края помещичье и вотчинное землевладение, в отличие от крестьянского (ясацкого), не было так развито, как в великорусских уездах. При этом в спорных делах генерального межевания особый интерес представляют акты служилых землевладельцев (помещиков) конца XVI–XVIII в. В их составе сохранились копии жалованных и ввозных грамот, выписи из писцовых, межевых и иных документов, акты крепостных контор и др.

Одними из интересных и ценных документов спорных дел генерального межевания являются: 1) ввозная грамота 1595 г., данная свияжским воеводой князем М.Г. Темкиным-Ростовским служилым татарам Янгильде Енайдарову (Енандарову) и Бакрачу Янчурину на выморочную пустошь на р. Иренле в Свияжском уезде³⁰, и 2) жалованная грамота 1597 г., данная «свияжским мурзам Аклычу и Кармышу княж Тугушевым детям Девлет Бахтыева на вотчинные и поместные земли и кабаки в Свияжском уезде»³¹. В 1990 г. копия ввозной грамоты 1595 г. была опубликована в сборнике «Документы по истории Казанского края». В 2016 г. жалованная грамота 1597 г., обнаруженная в составе спорных дел генерального межевания, издана в приложении к статье «О службе и жалованьях князя Тугуша Девлет Бахтыева во второй половине XVI в.»³².

Более подробно остановимся на опубликованной нами жалованной грамоте 1597 г. Материалы спорных дел генерального межевания свидетельствуют, что свияжскому князю Тугушу Девлет Бахтыеву в д. Макулово на «старинной» вотчине принадлежали 442 чети «в поле, а в дву по тому ж», сенных угодий на 1490 копен, бортных земель «в трех местах вотчины», в починке Курелей – 60 четвертей земли с девятью крестьянскими дворами. За участие в походах князь получил новые поместные владения. В 1572/73 и 1579/80 гг. в Свияжском уезде ему были оформлены угодья для занятия бортничеством, рыболовством и бобровой ловлей. На «диком поле» в 1584/85 г. свияжскому князю Тугушу были отмежеваны 242 четверти в поле, «а в дву по тому ж» («мягкие земли и перелогу и дикого поля») и сенных участков на 170 копен на р. Улеме и р. Турме. В 1588/89 г. его поместьями стали «пустоши на Диком поле за засеками, починок Тояба да починок Ерыклии» с 22 дворами литовских и немецких пленных на 140 четвертей в поле «а в дву по тому ж» и сенокосные луга на 1320 копен. За особые заслуги перед государством князю Тугушу в Свияжском уезде были пожалованы четыре кабака: «Черной», «Наташ», безымянные на берегу у Кривого озера и на Вятской косе. Таким образом, свияжскому князю Тугушу Девлет Бахтыеву в общей сложности принадлежали 737,5 десятины пашни и лугов (более 800 га), три бортных угодья и четыре кабака³³.

Что касается вопроса определения границ поместных и вотчинных земель, то важно обратить внимание на некоторые сведения жалованной грамоты. В ней говорится, что починок Тояба («Тоеба») состоит в Свияжском уезде «во княж Тугушеве сотне Девлет Бахтыева». В свою очередь, вплоть до 1780-х гг. Свияжский уезд, помимо волостей, был разделен на сотни – Князь-Аклычева, Князь-Ишеева, Князь-Темеева, Князь-Бикбулатова. Эти косвенные данные позволяют утверждать, что после князя Тугуша его старший сын Аклыч распоряжался сотней, на территории которой находились населенные пункты современных Ибресинского, Яльчикского и некоторых других районов Чувашии и Татарстана³⁴.

Во второй половине XVI–XVII в. в понизовых городах с уездами несли службу дворяне, дети боярские, жильцы, иноземцы, солдаты, стрельцы,

казаки и др., получавшие за нее денежный, хлебный и земельный оклады. Для обзора приведем актовые материалы помещиков и вотчинников Кемецких и Грязевых.

Со второй половины XVII в. Иван Степанов сын Кемецкий (Кемецкой) находился на службе, в том числе рейтарской. Ему был назначен поместный оклад в размере 300 четвертей и денег 10 руб. Поместные земли за ним чисились в Цивильском уезде в д. Рындино «тридцать три четверти в поле, а дву по тому ж, сенных покосов на восемьдесят копен». Другие поместья находились в следующих местах: «Да зарындинскою землею в Ивановской дачи десять четвертей в поле, а дву по тому ж, в пустоши Ивановские Симоново тож двадцать четвертей в поле, а дву по тому ж, сенных покосов на тридцать копен, да по Большому и Малому Цивилиям-рекам сенных покосов по пол трети четверти, всего пять четвертей, да дикопорозжей земли на Большой Курмыжской дороги по обеим сторонам речки Ури-Сирмы да истока и до Старицы-речки до Большого Цивиля тридцать четвертей». По грамоте 1692/93 г., И.С. Кемецкий расширил свои поместные земли за счет дикопорозжей земли в Цивильском уезде («что осталось сверх афонасьевских старосельского дач на Хирле-реке вверх от глубокой речки Долгова Острова, поперек Долгова Острова до Высокого Колка вниз до Хирли-реки сто четвертей»). К нему также перешли 5 десятин вымороочных сенных покосов иноземца Григория Амалицкого. Поместья И.С. Кемецкого унаследовал его брат Матвей – служилый человек «по Свияжску и Цивильску и в выбору». 16 марта 1697 г. Дмитрий Матвеев сын Кемецкий сообщил, что он «служил за отца своего по Цивильску, а поместья за ним по переписным книгам 156(1647/48)-го года в Свияжском уезде в деревне Студенце Чипчиково тож двадцать четвертей в поле, а дву по тому ж, сенных покосов на тридцать на пять копен, да в той же свияжской дачи два двора крестьянских да двор задворного человека»³⁵.

В составе нескольких спорных дел сохранились акты на землевладение помещиков Грязевых, датируемые с 1630-х гг. по 1801 г.³⁶ Самый ранний документ – копия ввозной грамоты от 26 июня 1634 г., выданная «чебоксаренину Луке Макарьеву сыну Грязеву». Ему за службу полагалось 300 четей поместной земли, часть которой была отыскана в Чебоксарском уезде. Это было бывшее поместье «чебоксаренина» Никифора Степанова и его жены Мары Никифоровой («в деревне Свечкине, да в деревне Будайке, да в починке Сарневском поле пятьдесят четыре чети с осминою»), две поляны Дружинки Ляпина и Илейки Чеботникова («что владел без дач Ядыши Каловской») в размере 21 чети с третником. Всего в отдельных книгах за Л.М. Грязевым было учтено 76 четей без третника земли. Все они в 1629/30 и 1631/32 гг. ему были отданы во владение городничим Андреем Оничковым³⁷.

Другая ввозная грамота – 1681 г. – давала право вдове Аграфене Грязевой с ее сыном Иваном Лукиным сыном Грязевым распоряжаться поместной землей мужа. Вдове на «прожиток» полагалось 35 четей земли с сennыми покосами, сыну – 265. Дополнительные сведения о конкретных зе-

мельных участках с указанием их размеров дают владенные выписи от 18 декабря 1682 г. и 19 июня 1684 г., адресованные И.Л. Грязеву. В первой «по грамоте в отказных книгах отказу площадного подьячего Ивашка Князкова написано», что по полюбовному договору из поместья отца Л.М. Грязева матери достается «на прожиток» 35 четей земли с сенными угодьями. Здесь же по дворам перечислены помещичьи крестьяне. В другой выписи содержатся важные сведения из перечневого списка 1650/51 г. писцов Ивана Францбекова с товарищами. В нем писцами были зафиксированы все поместные угодья Л.М. Грязева в Подгородном стане Чебоксарского уезда, в том числе вышеуказанные³⁸.

Согласно разбору Ф.Ф. Бельского 1679–1680 гг., Иван Лукин сын Грязев нес службу по Чебоксарам «с городом», в 1676/77 г. в составе полка И.В. Бутурлина был в Рыльске. В 1679 г. служил в полку М.Ю. Долгорукова в Киеве³⁹. Его служба правительством не осталась незамеченной. 29 января 1689 г. была подписана жалованная вотчинная грамота, по которой в вотчинную собственность И.Л. Грязева переходили в д. Будайка 120 четвертей поместной земли. В жалованной вотчинной грамоте сказано об унаследованных от отца и двоюродного брата Терентия Грязева поместных земельных владениях⁴⁰.

В апреле 1705 г. подьячий Чебоксарской приказной избы П. Ушаков в Подгородном стане вотчинные и поместные земли отдал во владение Луке Иванову сыну Грязеву. Основанием послужил указ приказа Казанского дворца от 15 февраля 1700 г. о том, что И.Л. Грязев уступил сыну Луке свои владения со всеми крестьянами⁴¹. В мае 1707 г. Лука Иванов сын Грязев получил пустошь «Душкино на суходоле да за Волгой-рекою сенные покосы» «чебоксаренина» Григория Лапшанского, а последний взамен – поместную землю на Козином острове на сенные покосы и «за перехожке четверти взял... денег 10 рублей»⁴². Кроме этой сделки, в 1723 г. Л.И. Грязев приобрел у алатырца, отставного драгуна С.Л. Теренина вотчинное владение, доставшееся ему по наследству от родного брата Ф.Л. Теренина. В свою очередь, в 1677/78 г. Федор Лукин сын Теренин получил земли 32 четверти пашни с лесом и сенными угодьями в Чебоксарском уезде («а оная земля возле кабака Соловьи промеж больших дорог: через одну дороги – вотчинная земля его ж, Луки Грязева, через другую дорогу – земля подьячего Федора Андреева»)⁴³.

Приведенные в обзоре документы спорных дел генерального межевания содержат разноплановую и содержательную информацию об освоении крестьянами и служилыми людьми «дикого поля», закреплении своих прав путем получения от органов власти актов на земли, об их площадях и размерах, выплачиваемых налогах. Учитывая широкие информативные возможности этих источников, остановимся на некоторых вопросах, связанных с историей сел и деревень, службой и расширением земельных владений помещиков, нерусского служилого сословия.

В последнее время интерес к истории населенных пунктов возрос. В районах стали издаваться энциклопедии и краеведческие труды. В спорных де-

лах генерального межевания историки, филологи и краеведы, помимо сведений о землевладении, могут найти сведения о наиболее ранних упоминаниях ряда деревень, об их основателях, географии переселения, ознакомиться с топонимами и гидронимами. Например, из вышеназванной жалованной грамоты 1597 г. выясняется, что упоминаемая в ней деревня Карамалы по р. Кама есть нынешнее село Хормалы Ибресинского района Чувашии, расположено близ р. Хома («Да к починку же Ерыклее вышел ручеек Ерыклея да болото Топлое и лес для крепости воинских людей. Межа тому починку вниз *по реке по Каме по деревню Карамалы Чебоксарского уезда* (выделено нами. – Д.Б.), а вверх – по реке же по Каме, а от алаторские стороны межа по урочища Каракаты, а от свияжские ж стороны межа вверх речки Бугаш»)⁴⁴. Авторы статьи в «Чувашской энциклопедии» писали, что д. Хормалы была основана в первой половине XVII в. выходцами из д. Хорамалы Шерданской волости Чебоксарского уезда⁴⁵. Судя по содержанию жалованной грамоты, д. Карамалы (с. Хормалы) граничила с поместной землей князя Тугуша, выданной в 1588/89 г. Таким образом, в текущем году селу Хормалы исполнилось 428 лет.

Актовые материалы составляют основу для разработки многих сквозных тем по истории развития поместной и вотчинной собственности. При изучении церковно-монастырского землевладения важно обратить внимание на формы и способы расширения вотчинных площадей, количество крестьян и развитие хозяйств. За службу поместно-вотчинными землями в Чувашском крае жаловали служилых людей. Из изученных нами документов известно, что им определяли поместный и денежный оклады, сенные угодья, разрешали владеть крестьянами. Из содержания упомянутой выше ввозной грамоты 1595 г. узнаем, что свияжские служилые татары Я. Енандаров (Енайдаров) и Б. Янчурин просили за службу отдать им пустошь на р. Иренле «в прибавку к их пашне». Об их службе узнаем следующее: «Служат-де они государевые всякие службы: зимние и летние – и немецкие, и литовские, и черемисские, и сибирские. И как-де был подо Псковом король и в теде поры его, Янгилдея, в полон взяли. И был-де в полону три года и вышел-де из полону без откупу и безо мены. И государь-де его пожаловал: велел ему дати пашню на пятьдесят четвертей»⁴⁶. Если служилому татарину Я. Енандарову (Енайдарову) были выданы земли за события 1580-х гг., то свияжскому князю Тугушу – за участие в сражениях во время Черемисских войн, вспыхивавших периодически с 1552 по 1585 г. Кроме земельных владений, крестьян и кабаков, свияжский князь Тугуш получил жалованье с «вичем», что говорит о его больших заслугах⁴⁷. Кокшайские служилые люди Кашпировы, как и Грязевы и Кемецкие, были испомещены для несения государственной службы. Так, кокшайский иноземец Григорий Кашпиров после Смуты в 1614/15 г. был отправлен с послом С. Протасьевым «из Турские земли», и «во 154(1645/46)-м году за выезд дана... поместная земля в Кокшайском уезде на Нагорной стороне дикой лес» (см. *приложение 2*).

На территории Чувашского края фонд свободных земель был ограниченным, что обостряло взаимоотношения между их владельцами и теми, кто хотел получить здесь поместья. В публикуемой в приложении ввозной послушной грамоте 1680 г., кроме сведений о служебной деятельности Кашпировых, сохранилась информация о борьбе за земли между помещиками. Спор возник между Г. Кашпировым и Н. Анцыфоровым. В отказных книгах 1665 г. указано, что «Куницына поляна шестьдесят четей в поле, а в дву по тому ж, отдано было по ложному челобитью Нефеду Анцыфорову» (см. *приложение 2*). В спорных делах генерального межевания акты землевладения нередко использовались при многолетних спорах между землевладельцами – крестьянами, служилыми людьми, церквями и монастырями и др.

В зависимости от сохранности, документы землевладения второй половины XVI–XVIII в. могут представлять интерес как исторические источники по генеалогии, социальному, этническому и конфессиональному составу нерусского служилого сословия. В качестве примера приведем содержание купчей 1778 г., составленной между женой служилого чуваша М. Издебенева М. Савельевой и отставным секунд-майором И.Г. Лукошковым на поместные земли в д. Можарово (Можарки, ныне в Янтиковском районе Чувашии) Свияжского уезда (см. *приложение 3*). Проживая в д. Шнеево (Шняево, ныне в Базарно-Карабулакском районе Саратовской области) Симбирского уезда, она совершила в крепостной конторе г. Казань сделку о передаче своих земель. Покупка позволила отставному секунд-майору и будущему прокурору Свияжской провинции И.Г. Лукошкову расширить свои поместные владения.

Следует обратить внимание не только на тот факт, что в земельной сделке участвовала чувашская женщина, но и на ее социальное положение, этнические корни и на то, от кого она получила в наследство указанную собственность. М. Савельева – из чувашского служилого сословия, новокрещенка, в язычестве Марвуха Иштулова. Она унаследовала поместье в д. Можарово Свияжского уезда «от дяди… родного служилого татарина Янки Матвеева сына, а ему… досталось после прадеда его родного служилого татарина Янзигита Матвеева сына Байсарина, а ему, Янзигиту… по писцовым, переписным свияжским… книгам» 1646/47–1650/51 гг. Более подробную информацию о родственных связях получаем из выписи сказки повеленного человека прокурора Свияжской провинциальной канцелярии И.Г. Лукошкова С. Скворцова и поколенной росписи М. Савельевой (см. *приложение 4*). Оказалось, что мать М. Савельевой Кулбика, вышедшая замуж за служилого чуваша И. Бекбулатова, принадлежала к роду служилых татар Байсариных, испомещенных в 40–50-х гг. XVII в. в Свияжском уезде. Все земли «с лесы и сенными покосы и со всеми к тому принадлежащими угодья с примерною с нову росчистною землями и мельнишными берегами, с усадебною в той деревне Можарове с гуменною и огородною землями ж, с выпуском и с животинным выгоном», унаследованные М. Савельевой, были проданы И.Г. Лукошкову за 20 руб.

В спорных делах генерального межевания акты на землю представлены в виде копий, что заставляет исследователей критически относиться к ним. Однако сравнительный источниковедческий анализ копий и ранее опубликованных подлинников позволяет заключить, что выявленные нами материалы практически идентичны им. В ряде случаев копии актов из спорных дел генерального межевания помогают найти в опубликованных источниках допущенные публикаторами ошибки, позволяют корректировать их датировку, упоминаемые имена, а также восполнить утраченные части текстов.

Таким образом, обзор выявленных в составе спорных дел генерального межевания актов феодального землевладения позволяет утверждать, что они обладают высоким информационным потенциалом и исключительно ценные как исторический источник. Данный материал практически не заменим при изучении множества актуальных научных проблем, прежде всего узловых вопросов феодального землевладения как в целом по стране, так и в ее регионах, в частности в Среднем Поволжье.

Материалы, приведенные в приложениях 2–4, публикуются согласно правилам издания исторических документов. В примечаниях указаны ошибки, разнотечения, даны комментарии.

Литература и источники

¹ Михайлов С.М. Собрание сочинений / сост. В.Д. Димитриев. Чебоксары, 2004. С. 307–339; Магницкий В.К. К истории присурских чуваши, черемис, мордва и Фролищевой пустыни // Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Н. Новгород, 1902. Т. 5. С. 24–43; Список с писцовых книг по г. Казани с уездом (1566–1568). Казань, 1877; Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда (1565–1567 гг.). Казань, 1909.

² Архив Симбирского окружного суда. Гражданские дела Буйнского уезда / сост. П. Мартынов. Симбирск, 1905. Вып. 2.

³ Романов Н.Р. Новый документ XVII века о вооруженном выступлении чувашских крестьян против захвата земли монастырем // Записки / ЧНИИ. Вып. 4. Чебоксары, 1952. С. 109–117; Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. / сост. Р.Н. Степанов; статьи И.П. Ермолаева и Р.Н. Степанова. Казань, 1978; Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI–XVII в. (Хронологический перечень документов). Казань, 1980; Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.) / сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. Казань, 1990.

⁴ Димитриев В.Д. Источники по аграрной истории Среднего Поволжья XVI–XVIII веков в «спорных делах» генерального межевания // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981. С. 44–47.

⁵ Димитриев В.Д. Документ о землевладении чувашских тарханов в первой половине XVII века // Вопросы истории Чувашии периодов феодализма и капитализма. Чебоксары, 1979. С. 94–100. (Труды / ЧНИИ; вып. 93).

⁶ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары, 1986. С. 65–75.

⁷ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. С. 294–325; Его же. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Чебоксары, 1993.

⁸ Черкасова М.С. Вотчина Троице-Алатырского монастыря в XVII – начале XVIII в. // Марийский археографический вестник. 2003. № 13. С. 4–12; Димитриев В.Д., Чубис А.А. Землевладение и хозяйство Чебоксарского Троицкого монастыря во второй половине XVI–XVII в.

Чебоксары, 2006; Чубис А.А. Монастырское землевладение в Чувашском крае во второй половине XVI–XVII в. (на примере Чебоксарского Троицкого и Чебоксарского Преображенского монастырей) // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 131–138; Алатырский Троицкий мужской монастырь: документы 1612–1703 годов / сост. В.Д. Кочетков, А.А. Чубис. Ульяновск, 2015.

⁹ Димитриев В.Д. Землевладение служилых чувашей Свияжского уезда в середине XVII века // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 19–21 мая 2005 г.). М., 2005. С. 53–71; Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье (XVII – первая четверть XVIII в.) / сост. А.А. Чубис, Б.М. Пудалов. Чебоксары, 2006.

¹⁰ Дедук А.В. Документы конца XVI в. о спорных сенокосах на волжском острове Маслове между чувашскими крестьянами Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов // В.Л. Кузьмин и вопросы археографии, историографии и истории Чувашии: Материалы региональной научно-практической конференции (Чебоксары, 4 марта 2014 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров. Чебоксары, 2014. С. 27–34.

¹¹ Акушин М.М., Басманцев Д.В., Кочетков В.Д. О службе и жалованьях свияжского князя Тугуша Девлет Бахтиева во второй половине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 56–62.

¹² См.: Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 1–4 / сост. А.В. Антонов. М., 1997–2008; Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья: по материалам Спасо-Юнгинского монастыря Козьмодемьянского уезда 1625–1764 гг.: исследование, тексты документов. Йошкар-Ола, 2000; Пегенеева И.А. Монастырская вотчина Марийского края в конце XVI–XVIII веке: дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2002; Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой лавры). М., 2004; Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов / сост. Д.А. Мустафина. Казань, 2006; Свод письменных источников по истории Свияжского края. Вып. 1: Источники по истории Свияжского края второй половины XVI в. / сост. Д.А. Мустафина. Казань, 2011; Чубис А.А. Монастыри правобережья Казанской земли во второй половине XVI – первой половине XVIII века: функционирование, землевладение и хозяйство: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2011; Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре: Очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI–XVII вв. Чебоксары, 2011; Его же. Город-крепость на Суре: Очерки истории г. Алатыря и уезда в XVIII в. Чебоксары, 2015.

¹³ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. VIII. Ед. хр. 193. Инв. № 1440; Ед. хр. 278. Инв. № 2107.

¹⁴ См., например: НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 193. Инв. № 1440; Ед. хр. 278. Инв. № 2107 (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1190. Л. 4–5, 48–58 об.; Д. 1191. Л. 1–4, 5, 7–9 об., 11–18 об., 23–25 об., 28–44, 51–63, 67–70; Д. 1192. Л. 1–6; Д. 1335. Л. 3–13 об., 44–45; Д. 1339. Л. 38–41, 48–50; Д. 1340. Л. 1–1 об., 26; Д. 1341. Л. 1–2; Д. 1343. Л. 1–1 об.; Д. 1345. Л. 1; Д. 1347. Л. 1–4 об.; Д. 1351. Л. 3, 10; Д. 1359. Л. 5–8 об., Д. 1705. Л. 52–74 об., 79–79 об.; Д. 1706. Л. 9–9 об., 14–14 об.; Д. 1707. Л. 1–2, 18–18 об., 42–45, 49, 144–149 об., 154–161; Д. 1709. Л. 2–3 об.; Д. 1710. Л. 1–10, 33–38 об., 42–48 об., 61–62, 83–86 об., 91–94 об.).

¹⁵ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 278. Инв. № 2107 (РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Д. 5566. Л. 356 об.–357); См.: Алатырский Троицкий мужской монастырь. С. 83–84.

¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 193. Инв. № 1440 (РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1077. Л. 7–8 об.); Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье ... Док. № 7.

¹⁷ По приведенному В.Д. Димитриевым источнику грамота, выданная свияжским воеводой А.И. Болтиным, датирована 5 июля 1641 г. См.: Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. С. 313–314.

¹⁸ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 193. Инв. № 1440 (РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1077. Л. 9–10 об.).

¹⁹ Там же. Ед. хр. 278. Инв. № 2107 (РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Д. 5566. Л. 383 об.–384). В этой копии документа указано, что запись составлена «лета 7158 году маия в 21 день», тогда как в опубликованном в сборнике документов подлиннике – 14 мая 1650 г. (см.: Алатырский Троицкий мужской монастырь. С. 149).

²⁰ Там же. Ед. хр. 193. Инв. № 1440 (РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1077. Л. 11–12 об.).

²¹ Там же (РГАДА. Л. 13–14 об.).

²² Там же (РГАДА. Л. 15–15 об.).

²³ Там же (РГАДА. Л. 17–18).

²⁴ Там же (РГАДА. Л. 9–10).

²⁵ Там же (РГАДА. Л. 3–8 об.).

²⁶ Там же (РГАДА. Л. 1–2).

²⁷ Там же. Ед. хр. 278. Инв. № 2107 (РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Д. 5566. Л. 351–353 об., 356–387 об., 389–405 об., 407–407 об.); Алатырский Троицкий мужской монастырь. № 15, 39, 40, 92, 93, 97, 99, 104, 106, 115, 118, 124, 125, 149.

²⁸ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 193. Инв. № 1440 (РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1339. Л. 24–24 об.); Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье ... Док. № 81.

²⁹ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 193. Инв. № 1440 (РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1343. Л. 1–1 об.).

³⁰ Там же (РГАДА. Л. 14–14 об.).

³¹ Там же (РГАДА. Л. 25–26 об.).

³² Акчурин М.М., Басманцев Д.В., Кочетков В.Д. О службе и жалованьях свияжского князя Тугуша Девлет Бахтыева во второй половине XVI в. С. 56–62.

³³ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 193. Инв. № 1440 (РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1070. Л. 77–78 об.; Д. 1077. Л. 25–26 об.).

³⁴ Там же (РГАДА. Л. 25 об.); Димитриев В.Д. Чувашские материнские селения Свияжского, Кокшайского, Чебоксарского, Козьмодемьянского, Цивильского, Ядринского, Курмышского и Симбирского уездов в первой половине XVIII века. Чебоксары, 2006. С. 25–26.

³⁵ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 193. Инв. № 1440 (РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1096. Л. 34–34 об.).

³⁶ Подлинники и некоторые копии опубликованы. См.: Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье ... Док. № 5, 20, 24, 29, 31, 36, 60, 65.

³⁷ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 193. Инв. № 1440 (РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1362. Л. 8–8 об.).

³⁸ Там же (РГАДА. Л. 9 об.–11 об.).

³⁹ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. С. 336.

⁴⁰ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 193. Инв. № 1440 (РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1362. Л. 12–15).

⁴¹ Там же (РГАДА. Л. 15–16 об.).

⁴² Там же (РГАДА. Д. 1341. Л. 3–3 об.).

⁴³ Там же (РГАДА. Д. 1345. Л. 6–6 об.).

⁴⁴ Там же (РГАДА. Д. 1077. Л. 26).

⁴⁵ Чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2011. Т. 4. С. 404.

⁴⁶ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 193. Инв. № 1440 (РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1104. Л. 14).

⁴⁷ Там же (РГАДА. Д. 1077. Л. 25–26 об.).

**Документы спорных дел генерального межевания
второй половины XVI – начала XIX в.¹**

Документы	II пол. XVI в.	XVII в.	XVIII в.	I пол. XIX в.	Итого
Ввозная (послушная) грамота	1	2	1	–	4
Ведомость (о численности населения и т.д.)	–	–	1	–	1
Веряще письмо	–	–	1	4	5
Владенная выпись	–	5	11	–	16
Выписи (разные)	–	2	2	–	4
– из писцовых книг	–	7	–	–	7
– из писцовых и межевых книг	–	1	–	–	1
– из переписных книг	–	1	–	–	1
– из писцовых и отказных книг	–	1	–	–	1
– из грамот	–	–	1	–	1
– из межевых книг	–	2	1	–	3
– из отказных книг	–	1	3	–	4
– из судебного дела	–	–	10	1	11
Данная (выкладная)	–	1	–	–	1
Договорная запись	–	–	1	–	1
Донопшение	–	–	3	–	3
Дополнение к экстракту	–	–	–	1	1
Допрос	–	–	1	–	1
Жалоба (апелляционная)	–	–	5	2	7
Жалованная грамота	1	–	1	–	2
Заемная запись	–	–	1	–	1
Записи в журналах					
– центральных учреждений	–	–	1	–	1
– губернских учреждений	–	–	10	13	23
– воеводских учреждений	–	–	2	–	2
Разные (билет и др.)	–	2	2	3	7
Купчая (продажная)	–	1	16	–	17
Определения / указы	–	–	30	21	51
Отказные книги	–	2	–	–	2
Подписка	–	–	1	–	1
Поллобовная (поступная) запись	–	3	1	–	4
Поллобовый договор	–	–	1	–	1
Правая грамота	–	–	1	–	1
Рапорт	–	–	6	8	14
Резолюция	–	–	1	–	1
Сообщение	–	–	–	1	1
Справка	–	–	7	3	10
Указная (с прочетом) грамота	–	9	6	–	15
Челобитная (прощение)	–	3	13	–	16
–	–	–	37	22	59
Экстракт	–	–	1	1	2
Всего	2	43	179	80	304

¹ Составлено по: НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 193. И nv. № 1440 (РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1077. Л. 3–4, 7–16, 17–18, 19–20, 21–23, 24–27, 31–37, 38–39, 40, 41–70 об., 72–72 об., 78–80 об.; Д. 1082. Л. 1–2 об., 9; Д. 1084. Л. 45 об.–49, 55–58, 59–64 об.; Д. 1096. Л. 1–2, 3–10, 11–16, 17, 21–23, 24–24 об., 26–26 об., 27, 32–34 об., 38–39 об., 41–41 об., 47–49, 61–63 об., 72–80 об.,

105–107, 120–123 об.; Д. 1097. Л. 1–1 об., 29–29 об.; Д. 1100. Л. 6–7 об., 53–58; Д. 1104. Л. 4–6 об., 12–14 об., 30–31 об.; Д. 1106. Л. 1–3, 11–12 об., 24–25 об.; Д. 1107. Л. 2–6, 13–13 об., 27–28 об., 31–32, 33–42 об., 44–45, 51–51 об., 61–62 об.; Д. 1113. Л. 17–18, 23–23 об., 52–52 об., 58–63 об.; Д. 1114. Л. 1–1 об., 20–23, 30; Д. 1115. Л. 7–8, 12–13 об., 15–16, 17–23 об., 27 об., 28, 33–34 об., 39, 60 об.–63, 64, 65–66 об., 77–79 об., 83–85, 86–86 об.; Д. 1119. Л. 1–2; Д. 1123. Л. 3–6, 7–7 об., 10, 11–13, 14–19, 22–34 об., 40–49, 51–52, 53–57 об., 60–68, 69–72 об., 131–134 об., 137–141 об.; Д. 1124. Л. 1–8; Д. 1126. Л. 1–7 об., 31–32, 33–35, 41–45 об., 48–48 об., 52–52 об., 100–105 об.; Д. 1156. Л. 44–45 об., 49–49 об., 53–56 об., 61–90, 98, 99–110, 114–116 об., 133–150 об.; Д. 1157. Л. 1–4; Д. 1159. Л. 25–33; Д. 1167. Л. 1–4; Д. 1176. Л. 1, 4–5, 13–14, 19–20, 22–22 об., 29–31 об.; Д. 1177. Л. 1–4 об., 7–10, 12–12 об., 42–57 об.; Д. 1178. Л. 50–52 об., 91–92, 94–95 об., 102–107, 142–145, 149–156, 163–167, 186; Д. 1184. Л. 1–7 об.); Ед. хр. 278. И nv. № 2107 (РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Д. 5566. Л. 351–418 об.).

Приложение 2

1680 г., июня 1. – Ввозная послушная грамота, данная казанцу Михаилу Григорьеву сыну Каширову на поместье в Куницыне поляне на Нагорной стороне в Кокшайском уезде

(л. 11) З грамоты копия.

От царя и великого князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца в Кокшайской уезд в Михайлово поместье Григорьева сына Каширова¹ в Куницыну поляну всем крестьянам, которые в том ево поместье ныне и впредь учнут жити.

Бил челом нам, великому государю, казанец Михаил Григорьев сын Каширев. Нашего великого государя жалованье по окладу велено за ним поместья учинить на триста на сорок четей. И за ним де поместья в Царевококшайском да в Кокшайском уезде шездесят семь четей.

А в прошлом де во 123(1614/15)-м году выехал отец ево Григорий Каширев² служити деду нашему государеву блаженным памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея России самодержцу из Турския земли с послом Соловым Протасьевым. И в прошлом де во 154(1645/46)-м году за выезд дана отцу ево поместная земля в Кокшайском уезде на Нагорной стороне дикой лес от Деметьева поместья Романова на нис по Волге реке против изголови Ветлянаго острова. И та де отца ево дача отказана ему, Михаилу, в поместье и в той же де даче около починка Куницына по нашей великого государя грамоте. А по ево челобитью от сторонних помещиков межевана и нам, великому государю, пожаловать ево з дачи отца ево ис отказных и межевых ево книг на то ево поместье велеть дать ему нашу, великого государя, ввозную грамоту, почему ему тем поместьем впредь владеть.

А в приказе Казанского дворца по даче прошлаго 154(1645/46)-го года написано за отцом ево Михайловым за кокшайским новокрещеном за Григорьевым Кашировым было поместье в Кокшайском уезде на Нагорной стороне подле поместья Дементия Романова по Волге реки от ево межи // (л. 11 об.) ниже изголови и против Ветлянаго острова порозжия земли велено по съску дать на семдесят четей.

Да в отказных книгах отказу кокшаженина Родиона Ильина сына Култашева да площадного подьячего Терешки Вавильева прошлаго 173(1664) года октября в 24 день написано³. – Отказано кокшаженину Михаилу и недорослю Матвею Григорьевым детям Каширевым в Кокшайском уезде, о котором в прошлых годех бил челом отец их, Григорей Каширев. А после Григорьевы смерти, то Григорьево поместье Куницына поляна шездесят четей в поле, а в дву по тому ж, отдано было по ложному челобитью Нефеду Анцыфорову.

Да в межевых книгах казанца Данилы Левашева да приказныя полаты подьячего Васки Трубникова прошлаго 183(1674) года ноября в 20 день написано. – В Кокшайском уезде на Нагорной стороне в поместье Михаила да Матвея Григорьевых детей Каширева в Куницыне поляне отмежевано сторонними людми и старожилы от сторонних Чермышевы⁴ и Сабачкины⁵ деревень, а межа Михайловой да Матвеевої земле Каширевых от усадбы ево Михайловой вниз по Волге реке Большой враг, что против Ветлянского острова верхней изголови. А из

того врага в Волгу реку течет Гремячей ключ, а от Волги реки по врагу на вершины и, не дойдя того врага вершин, на правой стороне во враге, состоит дуб, поклять на полдни. А на нем две грани: грань указывает назад, а другая указывает на дорогу, идучи от Волги реки к Чермышевой и Сабачкине деревням. На правой стороне подле дороги стоит виловатой дуб, а на нем две грани: грань указывает назад на тое же грань, а другая указывает близко Отнярского врага на дуб с излученою. А на нем две грани: грань указывает назад, а другая указывает на дуб, что стоит на Отнярских ближних вершинах, идучи из Чермышевы // (л. 12) деревни к Волге реке на левой стороне, над вращком, стоит дуб. А на нем две грани: грань указывает назад на тое же грань, а другая указывает в Отнярской враг, а на том граненом дубу граф[...] боина.

Да в той же Куницыне поляне Михаилу да Матвею Кашириевым разделено пашенной земли и по межам грани учинены старожилы старонними людми от ключа, из которого они воду пьют по левую сторону вниз по Волге реке земля Матвея Кашириева, а по другую сторону вниз же по Волге земля и что за тем ключем после Михаила Кашириева, а на том ключе во вращке стоит дуб посередово излучина, а на том дубу грань, а та грань указывает вниз по Волге реке на дуб же, а на том дубу две грани: одна указывает назад, а другая указывает во врагах, а подле того дуба стоит дуб малой того же корени. А Михаилу да Матвею Кашириевым по тем межам разделено по тритцати четей человеку в поле, а дву по тому же.

И вы б, все крестьяне, которые в том ево Михайлове поместье ныне живут и впредь учнут житии, помещика своего казанца Михаила Григорьева сына Кашириева слушали, пашню на него пахали и доход ево помещиков платили.

Писана на Москве лета 7188(1680) июня в 1-й день.

На подлинной грамоте внизу черного сургуча печать.

За нею восемь алтын и две денги.

На обороте: царь и великий князь Феодор Алексеевич всяя Великия и Малыя и Белыя России самодержец.

По склейкам скрепил дьяк Тимофей Литвинов.

В окончании надписано. – С Михаила Кашириева с Кокшайского ево поместья с 45-ти четей пошлины взяты во 173(1664)-м году сентября в 31⁶-й день. Взять с челобитья 8 алтын две денги, и взяты; в книгу записано.

Справил Дениско Харламов.

НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 193. Инв. № 1440
(РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1351. Л. 11–12). Копия.

Примечания и комментарии

¹ Так в рук., далее Кашириев или Каширов.

² Кашириев (Каширов) Григорий – иноземец, после выезда в 1614/15 г. с послом С. Протасьевым был испомещен в Кокшайском уезде, по указу 1617/18 г. ему выдавали государево хлебное жалованье «против его денежного окладу 13 рублей, ржи и овса 26 четей». Владел поместьями в Кокшайском и Царевококшайском уездах (Павлов А.Г. Царевококшайск в конце XVI–XVII веке: очерки по истории уездного города. Йошкар-Ола, 2011. С. 339–342).

³ По отказной книге 1664 г. детям Г. Каширова, Михаилу и Матвею, была возвращена незаконно захваченная помещиком Н. Анцифоровым земля с крестьянами (Документы и материалы по истории Мордовской АССР / сост. А.И. Яковлев. Саранск, 1950. Т. I, ч. 2. С. 193–194).

⁴ Деревня Чермышево – ныне д. Тинсарино Мариинско-Посадского района Чувашии (Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье... Коммент. 2 к док. № 78).

⁵ К началу XX в. д. Собачкино разделилась на Большое и Малое Собачкино. Деревня Большое Собачкино – ныне д. Астакасы Мариинско-Посадского района Чувашии, а деревня Малое Собачкино – ныне д. Дубовка того же района (Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье... Коммент. 3 к док. № 78).

⁶ Так в рук.

1778 г., июля 3. – Купчая запись, данная женой служилого чуваша
Марье Савельевой отставному секунд-майору Ивану Григорьеву сыну
Лукошкову о продаже ему поместья в д. Можарово Свияжского уезда

(л. 58 об.) Лета 1[–]тысяча семьсот⁻¹ семидесят осмого июля в трети день Синбирского уезду Муслюмовой сотни деревни Шнеевой новокрещенка из служилых чуваш Марья Савельева, а по иноверчески Мавруха Иштулова, в роде своем не последняя, в Казане от крестьянских дел дала сию купчую отставному секунд-майору Ивану Григорьеву сыну Лукошкову² в том, что продала я, Марья, ему, Ивану, подлежащую мне поместную землю в Свияжском уезде в деревне Можарове, что на речке на Коинарех да за речкою Утою и по речке Поселение в пустоши сколько оной явится в Государственной вотчинной коллегии по дачам в поле, а дву по тому ж, с лесы и сенными покосы и со всеми к тому принадлежащими угодьи с примерною с новоросчистною землями и мелнишными берегами, с усадебною в той деревне Можарове з гуменною и огородною землями ж, с выпуском и з животинным выгоном все без остатку, не оставливая за собою во обоих местах ни единые четверти земли и сенных покосов, и ни единые копны тако ж и из угодьев и протчаго, как выше значит. И со взысканием завладению тою землею и со всеми угодья, есть ли кто завладел, денгами, и о том бит чеслом ему, Ивану, своими убытки на тех, которые означеною землею и всеми угодьями завладели.

И та вышеобъявленная земля, сенные покосы и угодья следует мне, Марье, по наследству после дяди моего роднова служилого татарина Янки Матеева сына, а ему, дяди моему, досталось после прадеда его роднова служилого татарина Янзигита Матвеева сына³ // (л. 59) Байсарина, а ему, Янзигиту, крепка по писцовым, переписным свияжским сто пятдесят пятаго и сто пятдесят шестаго и сто пятдесят седьмого, и сто пятдесят осмыаго, и сто пятдесят девятаго годов книгам, о чем явствует в Государственной вотчинной коллегии по дачам. На той же земле ныне служилых татар и чуваш в поселении не состоит.

А взяла я, Марья, у него, Ивана, за оную проданную мою землю, за сенные покосы и со всеми угодья денег двадцать рублей. И впредь мне, Марье, мужу, детям и наследникам моим до той проданной земли, сенных покосов и с угодья и никому дела нет и не вступается. А напред сей купчей оная земля, сенные покосы и с угодья иному никому не продана, не заложена и ни у кого ни в каких крепостях не укреплена и ни за что не отписана. А буде кто с[о] стороны по каким крепостям или бес крепостей у него, Ивана, жены, детей и у наследников его в ту проданную мною землю, сенные покосы и с угодья будет вступаться, и мне, Марье, мужу, детям и наследником моим его, Ивана, жену, детей и наследников очищать и убытки никакова не довесть. И буде неочискою мою мужа детей и наследников моих помянутая земля, сенные покосы и с угодья от него, Ивана Лукошкова, жены, детей и наследников х кому другому отойдет, то взять ему, Ивану Лукошкову, жене, детям и наследникам его на мне, Марье, на муже, детях и наследниках моих за ту проданную мною землю, за сенные покосы и с угодья данные свои деньги с пошлины и с убытки все сполна.

О не утайке от цены пошлины, состоявшейся в прошлом 4[–]тысяча семьсот⁻⁴ пятдесят втором году июня двадцати девятаго дня продавице и покупщику указ объявлен.

К сей купчей вместо новокрещенки⁵ из служилых чуваш Марии Савельевой, а по иноверчески Маврухи Иштуловой, что она отставному секунд-майору Ивану Григорьеву сыну Лукошкову подлежащую ей поместную землю в Свияжском уезде в деревне Можарове, что на речке на Коинарех да за речкою тою и по речке Поселение в пустоши сколько оной явится в Государственной вотчинной коллегии по дачам в поле, а дву по тому ж, с лесы и сенными покосы и со всеми к тому принадлежащими угодьи с примерною с новоросчистною землями и мелнишными берегами с усадебною в той деревне Можарове з гуменною и с огородною землями ж и выпуском и з животинным выгоном все без остатку, не оставливая за собою во обоих местах ни единые четверти земли и сенных покосов, ни единых копны и с угодьи, // (л. 59 об.) продала и денег двадцать рублей взяла и сию купчую во всей вышеписанной силе дала, в том по ее прошению отставной канцелярист Федор Петров сын Армачински руку приложил.

А что в сей купчей снизу в первой на десять строке по чищеному написано. – Зачита и тому верить.

У сей купчей отставной секунд-майор Тихон Данилов сын Демьянов свидетелем был и руку приложил.

У сей купчей секунд-майор и козначай Андрей Степанов сын Самарцев свидетелем был и руку приложил.

У сей купчей Казанского пехотного полку капитан Иван Федоров сын Еремеев свидетелем был и руку приложил.

Сию купчую писал писец Ефим Гвоздев.

Запрещения нет.

1778 года июля 3-го дня сия купчая у Казанских крепостных дел в книги записана и сою по указам пошлин процентных рубль двадцать копеек, от писма десять копеек, от записи три копейки, за страницу три ж копейки, новоположенных десять копеек, на расход три четверти копейки принял и совершил надемотрицик регистратор Алексей Балахонцов.

Лист скрепил Казанской губернии канцелярии секретарь Алексей Балахонцов.

Скрепил губернский секретарь (*подпись неразборчива*).

НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 193. Инв. № 1440
(РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1113. Л. 58 об.–59 об.). Копия.

Примечания и комментарии

¹⁻¹ В ркп.: тысяча седьмсот.

² Лукошков И.Г. – надворный советник, майор, с 1779 г. – прокурор Свияжской провинции. Помещик Цивильского уезда, владел 132 крестьянами мужского пола в с. Гришино, д. Крестниково, д. Комаровка (Гусаров Ю.В. Лукошковы // Чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2008. Т. 2. С. 470).

³ Далее внизу слева пометы: По приходной № 131-й. По записной № 42.

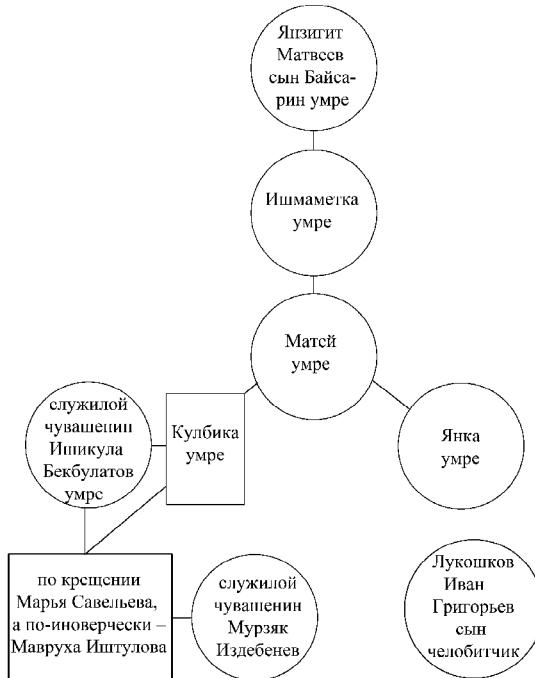
⁴⁻⁴ В ркп.: тысяча седьмсот.

⁵ Далее: [Маврухи].

⁶ Выйше: Поселемше.

1779 г., августа 19. – Из выписи сказки поверенного человека прокурора Свияжской провинциальной канцелярии Ивана Григорьевича сына Лукошкова Степана Скворцова о поколенной росписи жены служилого чуваша и наследницы поместья в д. Можарово Свияжского уезда Марии Савельевой

ТАТАРА

К подлинным сказке и ко поколенной росписи поверенной служитель Степан Скворцов руку приложил. А в ней крушков девять.

*НА ЧТИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 193. Инв. № 1440
(РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1115. Л. 27 об.–28). Копия.*

D.V. Basmantsev

LAND TENURE IN THE CHUVASH REGION IN THE SECOND HALF OF XVI–XVIII CENTURIES: SURVEY OF DOCUMENTAL MATERIALS ON CONTROVERSIAL CASES OF ORDNANCE SURVEY

The article provides an overview of the documents concerning controversial cases of ordnance survey of the second half of the 16th–18th centuries, kept in the scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. The acts of feudal land tenure of peasants, churches and monasteries, service class people were studied, their peculiarities as historical sources were revealed. The annex publishes valuable documentary materials of the late 17th–18th century.

Keywords: source studies, feudal land tenure, controversial cases of ordnance survey, peasants, churches and monasteries, service class people, Chuvash region.

ЧГВ, 2017 г., № 12
© Т.С. Сергеев

ВИЛОРИК ФЁДОРОВИЧ
РОМАНОВ –
ИСТОРИК, ПЕДАГОГ

В статье прослеживаются основные этапы многогранной жизни и творческой деятельности педагога, общественного деятеля, композитора, доктора исторических наук, профессора В.Ф. Романова.

Ключевые слова: Цивильское педучилище, Чувашский пединститут, Чувашское управление профтехобразования, Чебоксарский горком КПСС, аспирантура, диссертация, научные изыскания, заведующий кафедрой, самодеятельный композитор.

Многим людям удается проявить творческие успехи в самых различных сферах жизни. Немало самородков и в Чувашском крае, особенно в среде представителей интеллигенции. К их числу среди гуманитариев можно смело отнести и Вилорика Фёдоровича Романова (1937–2009), доктора исторических наук, педагога.

Родился Вилорик (имя произошло от сокращения лозунга «В.И. Ленин – освободитель рабочих и крестьян») в г. Цивильск Чувашской АССР в семье учителя Фёдора Романовича Романова (2.06.1908–21.08.1944). Отец выделялся среди сверстников образованностью и общественной активностью: окончил Ленинградскую высшую колхозную школу, в 1934–1935 гг. был одним из организаторов местного колхоза, в 1937–1939 гг. заведовал отделом пионерской работы райкома комсомола, в 1937–1939 гг. был курсантом высшей школы пропагандистов им. Я.М. Свердлова при ЦК ВКП(б), в 1940–1941 гг. – заведующим отделом пропаганды и агитации, секретарем Аликовского райкома партии. Жадный до знаний в хорошем смысле слова, одновременно заочно учился на историческом факультете Чувашского пединститута. Однако учеба была прервана войной, начавшейся в результате

Тихон Сергеевич Сергеев – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковleva; e-mail: tikhon-sergeev@yandex.ru.

вероломного нападения фашистской Германии на СССР. В ноябре 1941 г. Ф.Р. Романов, оставив жену Анну Ефимовну с дочерью Людмилой и сыном Вилориком, ушел на фронт. Будучи политруком, парторгом роты, капитан Ф.Р. Романов внес свою лепту в разгром ненавистного врага. Однако ему, как и 43 уроженцам д. Синъял-Убеево из мобилизованных оттуда 70 чел., не суждено было вернуться с победой: в числе 300 тыс. россиян он остался навечно на польской земле. Учитель истории Ф.Р. Романов пал смертью храбрых в августе 1944 г. и был похоронен с воинскими почестями. Не случайно у детей учителя-фронтовика зрела мысль продолжить дело отца, историка и пропагандиста.

Детство Вилорика прошло в д. Синъял-Убеево Цивильского района (с 1965 г. – в составе Красноармейского района) Чувашской АССР, где он и его сестра получили первоначальные знания об окружающем мире, приобщились к труду, помогая по дому и в колхозе, получили азы знаний, физической и художественной культуры в местной начальной, затем в Янгасинской семилетней школе. По примеру отца в 1951 г. поступил на школьное отделение Цивильского педагогического училища. В условиях перехода страны на всеобщее обязательное семилетнее обучение нужда в кадрах учителей средней квалификации продолжала ощущаться. В этом училище долгое время трудились хорошо подготовленные учителя-методисты из городов Канаш и Цивильск (накануне на базе Канашского педучилища был создан учительский институт, готовящий специалистов для неполных средних школ, а большинство преподавателей педучилища переехало в Цивильск): Никанор Иванович Иванов (история), Александра Сергеевна Кустарина (русский язык), Павел Петрович Петров (родной язык), Анфия Алексеевна Нестерова, Елизавета Осиповна Исаева (арифметика), Мария Васильевна Салмина (физика), Александра Кузьминична Гаврилова (география), Евгений Гурьевич Андрамонов, Петр Иосифович Миронов (музыка), Василий Александрович Александров (военное дело), Валентина Владимировна Булдакова, Юрий Иванович Кайнов (физическое воспитание) и др. В Цивильском педучилище функционировали два хора, спортивные секции (увлечением Вилорика был волейбол), духовой оркестр (где Вилорик играл на первой трубе), оркестр народных инструментов (где нашлось место и скрипачу Вилорику). В танцевальном кружке, в котором вместе с ним участвовал и автор этих строк, Вилорик лихо плясал в «Танце с саблями» под музыку А.И. Хачатуриана. Каждому учащемуся педучилища вменялось в обязанность овладевать одним из музыкальных инструментов на его выбор (пианино, баян, аккордеон, скрипка, мандолина) с тем, чтобы научиться проводить в школе уроки музыки или другие занятия с музыкальным сопровождением, организовать хор. У Вилорика был хороший музыкальный слух, он проворнее других настраивал специально расстроенную преподавателем скрипку или мандолину, уже в те годы пытался сочинять лирические песни.

В 1955 г. в Цивильском педучилище состоялся 35-й, последний выпуск – 117 учеников. Среди них были и мы с Вилориком. Младшекурсники

продолжили учебу в г. Канаш, где учительский институт снова был реорганизован в педучилище. Попутно отметим, что Цивильское педагогическое училище, одно из пяти средних педагогических учебных заведений Чувашии, за 24 года (1931–1955) подготовило к деятельности в сфере просвещения 1806 чел., в том числе учителей начальных классов – 1506, учителей – старших пионервожатых – 118, воспитателей детских садов – 182, которые затем внесли достойный вклад в обучение и воспитание молодого поколения. Не стали исключением и выпускники 1955 г.: вместе с Вилориком завершили учебу и стали впоследствии учеными М.А. Козлов (доктор биологических наук), А.А. Чинкин (доктор технических наук), Т.С. Сергеев (доктор исторических наук), З.Ф. Мышкин (кандидат педагогических наук), Н.Н. Сидоров (кандидат физико-математических наук), С.В. Владимиров (кандидат исторических наук) и др. В данном учебном заведении педагогического профиля ранее получили образование чувашские композиторы П.Г. Федоров, А.А. Сергеев, Н.И. Иванов. Таким образом, любознательному и целеустремленному Вилорику было на кого равняться.

При поступлении на историческое отделение Чувашского пединститута пришлось пройти жесткий отбор. Из 20 абитуриентов, подавших заявление на это отделение и набравших по 19 баллов, следовало выбрать четырех. Тут уж судьба Вилорика «висела на волоске». Приемная комиссия учла тот факт, что Вилорик – сын участника войны, погибшего на фронте. Контингент принятых отличался как уровнем подготовки, так и возрастом: среди студентов-историков были участники войны и лица, служившие в армии по 7–8 лет, «истосковавшиеся» по учебе. Их упорство в добывании знаний и овладении навыками педагогической работы вызывало у младших сокурсников желание подражать им. Примером для других были четверо незрячих, с такой настойчивостью постигавшие историческую науку. Общаясь с ними повседневно, Вилорик невольно заряжался их энергией, духом творчества и дерзания.

Исторические предметы преподавали опытные педагоги, продолжавшие традиции Симбирской чувашской школы: Иван Петрович Петров (история СССР периода феодализма и капитализма), Трофим Гаврилович Гусев (история советского общества), Василий Филиппович Каховский (история древнего мира, археология), Георгий Иванович Чавка (будучи незрячим, читал изумительно увлекательные лекции по новой и новейшей истории) и др. Публичные лекции на международные темы собирали студентов всех факультетов.

Как и все, Вилорик посещал спортивные секции, особенно волейбольную, и музыкальные кружки, в частности кружок духовой музыки (он играл на первой трубе, автор этих строк – на второй). Продолжал совершенствоваться в игре на скрипке и пианино. Развитию музыкальных способностей Вилорика благоприятствовало еще одно обстоятельство: ставшая ему женой бывшая одноклассница по школе Роза Степановна (будущий директор библиотеки Чувашского сельхозинститута) обладала абсолютным музыкаль-

ным слухом и с первого раза запоминала любую мелодию, которую проигрывал муж. Это помогало самодеятельному композитору восстанавливать казавшиеся ему утерянными мелодии или фрагменты песен. Вилорик стал сочинять музыку на лирические стихи чувашских поэтов. Одна из первых его песен была опубликована в 1959 г. в газете «Молодой коммунист», тогда же она вышла в эфир. Следующие песни на слова местных поэтов стали печататься в районной газете, в журналах «Ялав» (Знамя), «Тайван Атайл» (Родная Волга). Вилорику на начальных этапах творчества повезло также в том, что его музыкальным редактором был заслуженный деятель искусств РСФСР Ф.М. Лукин, его земляк, уроженец Красноармейского района.

В годы учебы в вузе и в период летних каникул Вилорик одновременно работал в городском парке руководителем спортивных секций, экскурсоводом. Осенью 1957 г. поехал на уборку урожая в Алтайский край, где, самоотверженно трудясь вместе с сокурсниками А.Ф. Павловым, Т.С. Сергеевым, Н.И. Майоровым, Г.Н. Аrimовым, О.П. Пантелеимоновой, В.А. Миссеенко, В.П. Левашиной и др., в составе сводной команды пединститута, получил первую правительенную награду – медаль «За освоение целинных земель». Такая школа патриотизма, бесспорно, важная ступень возмужания молодых людей.

По окончании педвуза, получив диплом учителя истории, русского языка и литературы, как имеющий опыт экскурсоводческой работы, в 1960 г. Вилорик Фёдорович был приглашен на постоянную работу во Дворец пионеров руководителем туристско-краеведческого кружка. Часто выезжая с юными следопытами на экскурсии по республике, вместе с тем и сам лучше познавал родной край. Проработал год инженером издательской группы Бюро технической информации Чувашского совнархоза, в 1962–1964 гг. В.Ф. Романов трудился в должности методиста учебно-методического кабинета Чувашского республиканского управления профтехобразования. Здесь проявились способности к исследовательской деятельности. Это выражалось в издании первой его брошюры – «Учебно-воспитательная работа в учебных заведениях профтехобразования». Кипучая работа с молодежью сопровождала и вдохновляла будущего ученого, когда он стал инструктором, заведующим отделом Чувашского обкома ВЛКСМ (1964–1968). Имея практику организаторской работы с комсомольским контингентом, В.Ф. Романов поднялся на партийную ступень – стал инструктором Чебоксарского горкома КПСС, чаще стал бывать в вузовских коллективах, интересовался научно-педагогической и общественно-воспитательной работой в них. Все больше его увлекала историческая наука, связанная с подготовкой кадров технической интеллигенции.

В сентябре 1971 г. Вилорик Фёдорович стал аспирантом кафедры истории КПСС МГУ им. М.В. Ломоносова. Его наставниками в ведущем вузе страны были доктора наук и профессора О.И. Терновой, В.С. Порохня, Л.В. Кривцун, а также уроженец Чувашии С.А. Артемьев – профессор МГУ, специалист по истории Октябрьской революции. Диссертант проводил кон-

крайние социологические исследования в производственных коллективах Чувашии по новым методикам, изучал архивные источники, печатал статьи и брошюры, готовил научные доклады и сообщения. В 1973 г. состоялась защита им кандидатской диссертации на тему «Деятельность Чувашской областной организации по вовлечению трудящихся в управление промышленным строительством (1959–1965 гг.)». Появилась возможность перейти к работе в сфере высшего образования, и он стал преподавателем кафедры истории КПСС Чувашского пединститута, где в 1975 г. получил звание доцента.

Пытливого и ответственного коммуниста избрали заведующим кафедрой истории КПСС Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева (с 1998 г. – педагогического университета). Эту должность с перерывами В.Ф. Романов занимал в 1978–1983 и 1993–2006 гг.

В эти и последующие годы в издательствах г. Чебоксары вышли в свет его книги: «Трудящиеся массы – активные участники в управлении производством» (1978), «Партком и эффективность производства» (1981), «Учись управлять производством» (1985), «Партийное руководство развитием творческой активности ИТР в управлении производством» (1988), «ИТР и промышленность Российской Федерации: опыт и проблемы» (1991). Последняя книга была положена в основу докторской диссертации «Партийно-государственное руководство деятельностью инженерно-технической интеллигенции в 1970–1980-х годах (на материалах предприятий промышленности Российской Федерации)», защищенной им в 1993 г. Защита прошла в МГПУ им. В.И. Ленина (Москва). В 1995 г. доктору исторических наук В.Ф. Романову было присвоено ученое звание профессора по кафедре истории. В том же году он был избран в действительные члены Академии социальных наук. Из года в год росло число публикаций: в научном багаже ученого насчитывалось 80 трудов, в том числе 5 монографий.

В годы работы в Чувашском педуниверситете В.Ф. Романов вел все виды занятий по истории. Возглавляемая им кафедра, состоящая из 7 человек, обслуживала все факультеты, закладывая исторические знания и мировоззрение в умы будущих педагогов разных специальностей. В.Ф. Романов участвовал в аттестации научно-педагогических кадров, первым в Чувашской Республике открыв аспирантуру по специальности «отечественная история». В это время он сам состоял членом совета Д 212.301.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук, функционирующего при ЧГУ им. И.Н. Ульянова. Лично подготовил трех кандидатов исторических наук. Выступал в качестве официального оппонента по ряду диссертаций. Несколько лет являлся председателем государственной экзаменационной комиссии на историческом факультете Чувашского госуниверситета им. И.Н. Ульянова.

В 2006–2008 гг. В.Ф. Романов заведовал кафедрой отечественной истории ЧГУ¹, затем, после перенесенного инсульта, до конца своих дней (28 февраля 2009 г.) работал профессором этой же кафедры. Студенты хо-

роша отзывались о преподавателе с широкой эрудицией, с богатой речью, изобилующей яркими фактами, иногда сопровождаемой безобидными шутками.

Важной составляющей богатой творческой биографии историка и педагога является его музыкальное творчество. В багаже самодеятельного композитора – более 100 песен, в основном лирического характера, написанные на слова как известных, так и малоизвестных поэтов Чувашии: Юрия Петрова, Василия Давыдова-Анатри, Юрия Семендора, Валентина Урдаша, Любови Мартыновой, Александра Мефодьева, Юрия Плотникова, Михаила Румянцева и др. Есть песня, написанная на слова автора этих строк, под названием «Молодые годы, разве их вернешь?»². Многие из песен опубликованы в сборниках, 30 из них записаны в фонд Чувашского радио и часто выходят в эфир. Особенно популярны в народе песни: «Лантай» (Ландыш), «Мäкäнь» (Мак), «Юратнä сукмак» (Любимая тропинка), «Каçар, анне» (Прости, мама), «Çыру» (Письмо), «Пёр эс кäна» (Лишь ты одна), «Над Цивиль-рекой» и др. Часть их (43 произведения) вошла в сборник «Юратнä юрäсем» (Любимые песни), изданный в 2008 г. В.Ф. Романов являлся членом Ассоциации композиторов Чувашской Республики, объединившей самодеятельных композиторов, не имеющих специального музыкального образования.

В.Ф. Романов был активным членом как землячества красноармейцев, так и землячества цивilians в г. Чебоксары, часто общался с ними и делался творческими находками. На встречах и концертах земляков непременно исполняются песни Вилорика Романова.

Историк и педагог В.Ф. Романов добросовестно относился к любым производственным и общественным заданиям, являлся примером исполнительности и прилежания. Перечислим лишь некоторые из его общественных должностей: внештатный лектор Чувашского обкома ВЛКСМ, обкома КПСС, лектор общества «Знание», председатель методического совета при Ленинском райкоме ВЛКСМ, член методического совета при Чувашском обкоме ВЛКСМ, руководитель семинара пропагандистов сети коммунистического просвещения Ленинского района, заместитель председателя научно-методического совета Чувашского республиканского правления общества «Знание», руководитель теоретического семинара преподавателей факультета физвоспитания, председатель профбюро кафедр общественных наук ЧГПИ им. И.Я. Яковлева и т.д. По рекомендации Ленинского райкома КПСС в марте 1981 г. совершил поездку в Венгрию для чтения лекций.

За успехи в труде и активное участие в общественной жизни профессор В.Ф. Романов награжден медалями «За освоение целинных земель» (1957), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970), Почетной грамотой Чувашской Республики (2006), многочисленными вузовскими грамотами и дипломами. Его фотография неоднократно помещалась на Доске почета вуза. В 1996 г. был удостоен почетного звания «Заслуженный работник народного образования Чувашской Респу-

публики». Доктор исторических наук, профессор, педагог, методист, самодеятельный композитор, В.Ф. Романов оставил заметный след в истории родного края.

Литература, источники и примечания

¹ Бойко И.И. Романов Вилорик Федорович // Там же. Т. 3. Чебоксары, 2009. С. 580–581.

² Ял пурнăсĕ [Сельская жизнь: газета Красноармейского района]. 1994. 6 марта. На чуваш. яз. Слова этой песни были написаны по просьбе В.Ф. Романова в дни подготовки его к защите докторской диссертации по отечественной истории. Он признался тогда, что долгое время внутри него звучит мелодия, грустная, спокойная, на которую напрашиваются соответствующие стихи. Таким образом, автор этих строк своими стихами «Молодые годы, разве их вернешь?» пополнил список поэтов, на чьи слова сочинял музыку самодеятельный композитор.

T.S. Sergeev

VILORIK FYODOROVICH ROMANOV – A HISTORIAN, AN EDUCATOR

The article traces the main stages of multifaceted life and creative activity of a teacher, a public figure, a composer, Doctor of historical sciences, Professor V.F. Romanov.

Keywords: Tsivilsk elementary school teachers' training college, Chuvash teachers training institute, Chuvash technical and vocational education administration, Cheboksary town committee of CPSU, postgraduate studies, thesis, researches, head of the department, amateur composer.

**«ОБРАЗ ЖИЗНИ ЕГО В ПЕКИНЕ
СОСТОЯЛ В ЕЖЕДНЕВНОМ
УПРАЖНЕНИИ
В КИТАЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ...»
(ДОКУМЕНТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Н.Я. БИЧУРИНА В КИТАЕ)**

ЧГВ, 2017 г., № 12
© А.А. Чибис

В публикации представлен документ о деятельности в Китае выдающегося отечественного синолога Н.Я. Бичурина. В историческом источнике приведены сведения о руководстве Н.Я. Бичуриным российской духовной миссией в г. Пекине, изучении им китайского языка, сборе сведений по истории, культуре, географии и этнографии Китая.

Ключевые слова: православное миссионерство, российско-китайские отношения в XIX в., российские духовные миссии в Пекине, отечественная синология.

В 2017 г. исполняется 240 лет со дня рождения известного уроженца Чувашии, выдающегося российского синолога Никиты Яковлевича Бичурина (1777–1853), в монашестве Иакинфа.

Формирование Н.Я. Бичурина как высокого специалиста в своей области происходило в Китае в 1808–1821 гг., когда он в сане архимандрита возглавлял так называемую Девятую духовную миссию в Пекине. Эти миссии стали направляться российским правительством в Поднебесную империю с 1716 г. Они размещались в центре китайской столицы вблизи русского посольства в отдельном подворье (монастыре), в котором находились Сретенская и Успенская (Никольская) церкви. Главная цель миссий заключалась в поддержании православия среди албазинцев – потомков русских переселенцев на Дальний Восток, которые в 1680-х гг. были угнаны в Китай китайско-маньчжурскими войсками¹. Распространять православие среди китайцев духовные миссионеры (архимандриты и иеромонахи) должны были на китайском и маньчжурском² языках. Отдельная задача по изучению последних возлагалась на включаемых в состав миссий светских лиц – учеников, которые по возвращении в Россию становились переводчиками с названных языков.

Александр Алексеевич Чибис – кандидат исторических наук, научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: chibo701@yandex.ru.

С самого начала своего пребывания в Пекине Н. Я. Бичурин, обладавший природными лингвистическими способностями, с усердием принялся за познание сложного для европейца китайского языка, в совершенстве освоил его, перевел на русский язык ряд трактатов по истории, географии, лингвистике, этике, философии, юриспруденции, медицине, сельскому хозяйству, составил подробный китайско-русский словарь, собрал богатую коллекцию китайских книг.

Однако представление вниманию общественности научных достижений Н. Я. Бичурина было отсрочено из-за общих неудач возглавляемой им Девятой духовной миссии. В период войн России и Франции 1812–1815 гг. она не финансировалась должным образом от российского правительства. Находившиеся на занимаемом ею подворье церкви пришли в запустение, богослужения в них и посещение их албазинцами и крещеными китайцами прекратились. Положение усугублялось недостойным поведением некоторых миссионеров³. Причетник К. Пальмовский обокрал миссионерскую церковь. Ученики М. Лавровский и Е. Громов стали предаваться пьянству, затем первый из них скончался от чахотки, второй – покончил с собой.

Попытки Н. Я. Бичурина навести порядок среди подчиненных успеха не возымели. Более того, ученики М. Сипаков, Л. Зимайлов, Е. Громов стали посыпать на своего архимандрита, иеромонахов Серафима и Аркадия доносы в Санкт-Петербург, с обвинениями их в неблаговидных поступках.

В мае 1821 г. Н. Я. Бичурин и его подчиненные покинули Пекин и отправились в Россию, передав свои полномочия новой, Десятой духовной миссии. Глава последней, архимандрит Петр Каменский весьма негативно оценил общие результаты деятельности своих предшественников, о чем сообщил в Синод в подробных «примечаниях»⁴.

После возвращения членов девятой миссии в Санкт-Петербург в январе 1822 г. столичная Духовная консистория в соответствии с поручением Синода начала расследование их деятельности по доносам учеников и «примечаниям» П. Каменского. Основным источником о ходе расследования является объемное дело «О пекинских миссионерах, возвратившихся в Россию». Оно отложилось в фонде названной консистории, ныне хранящемся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга⁵. Состав этого комплекса можно разделить на две большие группы по времени и месту происхождения материала: 1) документы, изъятые у миссионеров: а) их личные бумаги: письма, дневники, описи, переводы китайских текстов на русский язык, созданные в Пекине; б) делопроизводственные материалы о деятельности Девятой, а также Восьмой и Десятой миссий: журнал исходящих бумаг, деловая переписка, инструкции; 2) непосредственно документы следствия: переписка между Синодом и консисторией, показания обвиняемых, расписки. Отметим, что некоторые деловые документы, сохранившиеся в данном деле, отложились в других архивах в иных вариантах (см. далее).

Наиболее содержательным документом дела являются «пункты» (протокол) показаний Н. Я. Бичурина, состоящие из двух частей: а) 44 вопросных

пункта, составленные следователями по доносам учеников и «примечаниям» П. Каменского; б) ответные пункты на них подследственного архимандрита. Соответственно, в данном источнике получили отражение все предъявленные Н. Я. Бичурину обвинения, а также его собственная версия происходивших событий.

Суть предъявленных архимандриту обвинений в основном сводилась к следующему: а) недостойные монашеского сана развлечения и аморальные поступки (участие в охотах, оргиях, связь с проститутками, роскошный образ жизни и др.); б) жестокость по отношению к подчиненным и китайцам; в) финансово-хозяйственные нарушения и злоупотребления (слом колокольни на подворье, неправильный ремонт церкви, невыдача миссионерам и расстрата жалованья); г) нарушение церковных обрядов и порядка крещения «иностранцев»; д) преследования и попытки убийства учеников миссии.

В своих ответных пунктах Н. Я. Бичурин полностью отверг обвинения в аморальных действиях. Также он указывал, что все финансово-хозяйственные дела вел честно и правильно, вовремя выплачивал всем миссионерам положенное жалование, не допускал по отношению к ним произвола и жестокости, не посягал на их жизнь, должным образом исполнял миссионерские обязанности. Но факт неучастия в церковных службах архимандрит подтвердил, объяснив это отсутствием своего духовного помощника, иеродиакона Нектария, высланного в Россию.

Давая показания, Н. Я. Бичурин коснулся и своих научных занятий. Он сообщил, что во время пребывания в Пекине ежедневно учил китайский язык, переводил китайские книги, собирал географические, этнографические и другие сведения о Китае и его населении. Миссионер заявил, что планировал остаться в Пекине на второй срок для составления подробного китайско-русского словаря.

В своих допросных пунктах другие члены девятой Пекинской миссии, иеромонахи Серафим, Аркадий, причетник В. И. Яфицкий, подтвердили правильность показаний Н. Я. Бичурина и опровергли предъявленные ему обвинения, в том числе и в половой распущенности⁶.

По завершении расследования (январь 1823 г.) обвинения в связях с проститутками, в причастности к смерти учеников были с Н. Я. Бичурина сняты. Но Санкт-Петербургская духовная консистория, а затем Синод признали его виновным по десяти обвинениям (расстрата имущества, погребение по христианским обычаям самоубийцы Громова, неучастие в церковных службах и др.), так как «в некоторых сам он признался, а в других уличается обстоятельствами или найденными бумагами, а по иным не сделал никакого опровержения»⁷. Процитированное свидетельствует о выраженной обвинительной направленности следствия: если следователи не могли доказать вину обвиняемого по какому-либо пункту, то главным доказательством они считали неспособность обвиняемого самому опровергнуть предъявленное обвинение. Несомненно, такая практика не могла не привести к росту числа обвинений, которые были вменены опальному миссионеру.

По приговору Синода Н. Я. Бичурин был лишен сана иеромонаха и архимандрита и в августе указанного года сослан в отдаленный, Валаамский Спасо-Преображенский монастырь, в котором и пребывал до 1 ноября 1826 г. По освобождении из ссылки он поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, продолжил разработку и публикацию результатов своих изысканий, сделанных в Пекине, получил заслуженное признание ведущего отечественного синолога своего времени⁸.

События судебно-следственного преследования и дальнейшей ссылки Н. Я. Бичурина получили отражение (впрочем, без особых подробностей) во многих посвященных ему биографических трудах, в том числе самых первых⁹. В 1886 г. один из биографов, В. Миротворцев, опубликовал донесение от 22 мая 1819 г. директора таможни пограничного форпоста Кяхты о том, что Н. Я. Бичурин и другие члены его миссии недостойно ведут себя в Пекине. Один из списков этого донесения хранится в деле «О пекинских миссионерах...», но публикатор использовал другой его список, находившийся в библиотеке Казанской духовной академии¹⁰.

Что касается охарактеризованного дела, то оно использовалось учеными сравнительно мало. В 1934 г. востоковед П. Е. Скачков дал весьма краткий видовой обзор документов дела¹¹. В 1986 г. доктор исторических наук В. С. Мясников в сокращенной форме опубликовал содержание упомянутых показаний иеромонаха Аркадия, расписку Н. Я. Бичурина о лишении его названных санов (от 24 августа 1823 г.), указ консистории о ссылке бывшего архимандрита в Валаамский монастырь (от 24 августа 1823 г.)¹². Публикация В. С. Мясникова в 1997 и 2007 гг. была полностью использована известным биографом Н. Я. Бичурина – профессором П. В. Денисовым¹³.

Остальные материалы этого комплекса, представляющие большой интерес для изучения ряда исторических проблем, в научный оборот не введены. Их полная источниковедческая и археографическая разработка есть дело будущего.

В рамках настоящего издания впервые публикуются охарактеризованные показания Н. Я. Бичурина, которые, несмотря на тенденциозность своей вопросной части, достаточно полно свидетельствуют о его становлении как квалифицированного специалиста в области синологии. Из этого же источника можно почерпнуть общие сведения о деятельности в Пекине русских миссий, их взаимоотношениях с китайскими властями, особенностях их содержания, крещении китайцев и др.

Оформление и передача текста документа выполнены в соответствии с требованиями современной археографии к публикации источников XIX в.¹⁴ Документ в издании снабжен валовым номером, заголовком и легендой со всеми элементами, предусмотренными правилами. Источник, представленный в оригинале в табличной форме, для удобства издания публикуется в строчной форме. Текст передан в современной орфографии, с заменой вышедших из употребления букв на современные; твердые знаки, стоявшие в рукописи (ркп.) оригинала документа в конце слов и предлогов после твердых согласных, из публикации исключены. Строчные и прописные буквы в изда-

нии, знаки пунктуации расставлены по современным правилам. Стилистика и построение в оригинале большинства предложений в издании сохранены. Но при необходимости многооборотные и пространные предложения оригинала в публикации разбивались на более краткие. Устарелые формы слов («сих», «оных», «коих» и др.), этнонимы и производные от них прилагательные («мунгальцы», то есть монголы; «манджурский», то есть маньчжурский), особенности написания китайских имен сохранены. В квадратных скобках раскрыты сделанные в оригинале сокращения, добавлены отсутствующие в нем, но явно подходящие по смыслу слова.

Незначительные погрешности в архивном оригинале, не меняющие смысла слов и текста (мелкие описки, правки и т.п.) при публикации не воспроизводятся или устраниены без всяких оговорок. Остальные особенности оригинала отмечены или объяснены в подстрочных текстуальных примечаниях (см. буквенные сноски). Публикуемый документ снабжен комментариями с некоторым пояснением терминов, дополнениями сведений публикуемого документа данными из других источников.

Литература, источники и примечания

¹ Более подробно историю духовных миссий в Китае см.: Краткая история русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего юбилея ее существования. Пекин, 1916. С. 1–220.

² Маньчжурский язык получил распространение и значение в Китайской империи после ее завоевания маньчжурами и воцарения в ней их династии Цин (1644–1911 гг.).

³ Кроме архимандрита Н.Я. Бичурина, в состав возглавляемой им миссии входили иеромонахи Серафим и Аркадий, иеродиакон Нектарий, причетники В.И. Яфицкий, К. Пальмовский, ученики М. Лавровский, Л. Зимайлов, М. Сипаков, Е. Громов.

⁴ Более подробно о деятельности Н.Я. Бичурина и возглавляемой им миссии в Пекине см.: Денисов П.В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. С. 49–83.

⁵ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 19. Оп. 120. Д. 413. Л. 1–620 об.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 413. Л. 75–108, 119–155, 156–190 об.

⁷ Мясников В.С. Валаамская ссылка Н.Я. Бичурина // Проблемы Дальнего Востока: научный и общественно-политический журнал. 1986. № 1 [57]. С. 121. Перечисление преступлений, в которых был обвинен Н.Я. Бичурин см. там же, а также: Денисов П.В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. С. 90–91.

⁸ См. подробнее: Денисов П.В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. С. 91–292.

⁹ См., например: Щукин Н.С. Отец Иакинф Бичурин // Журнал Министерства народного просвещения. 1857. Ч. ХСV. Сентябрь. Отд. V. С. 116; Айдоратский Н.И. Отец Иакинф Бичурин (исторический этюд) // Православный собеседник: издание Казанской духовной академии. 1886. Ч. 2. С. 77–79.

¹⁰ Миротворцев В. К биографии о. Иакинфа Бичурина // Православный собеседник: издание Казанской духовной академии. 1886. Ч. 8. С. 410–426.

¹¹ Скачков П.Е. Иакинф Бичурин (1777–1853): архивные материалы к биографии (К 80-летию смерти – 11 мая 1853 г.) // Библиография Востока. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. Вып. 2–4 (1933). С. 86–87.

¹² Мясников В.С. Валаамская ссылка Н.Я. Бичурина. С. 117–125.

¹³ Денисов П.В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. С. 90–91; Его же. Жизнь монаха Иакинфа Бичурина. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. С. 66–67.

¹⁴ Правила издания исторических документов в СССР. М.: [б.и.], 1990. С. 49 и след.; Методическое пособие по археографии. М.: Главархив СССР, 1991. Ч. 1. С. 160–179.

1822 г., не ранее марта 23¹. – Вопросные пункты, составленные в Санкт-Петербургской духовной консистории, к архимандриту Иакинфу (Н.Я. Бичурину) о его деятельности в Китае; ответные пункты на них Иакинфа (Н.Я. Бичурина)

Вопросные пункты, сочиненные в Санкт-Петербургской духовной консистории, по мнению оной, утвержденному его высокопреосвященством, из доноса бывших учеников Пекинской духовной миссии, отправленных из государственной Коллегии иностранных дел: перевода Михаила Сипакова, ныне сюда в Санкт-Петербург возвратившегося, актариуса Льва Зимайлова, на возвратном из Пекина пути в городе Иркутске по болезни оставшегося, и Евграфа Громова, насильственно смертию умершего в Иркутске², как сказано о сем в примечании нынешнего начальника Пекинской духовной миссии о[тца] архимандрита Петра, для допроса по ним составлявших прежнюю Пекинскую миссию и сюда из Пекина возвратившихся архимандрита Иакинфа, иеромонахов Серафима и Аркадия и церковника Василья Яфицкого.

1

[1]^a. По выезде Вашем со всею Пекинскою миссиею из Кяхты³ в Пекин в сентябре 1807-го года Вы гонялись ли с ружьем за сернами и другими разными птицами? И допустили себя, едучи на верховой лошади, до того, что, увязвшись ногою в стремени, были таскаемы по полю? И слухи, дошедшие о сем до Пекина прежде прибытия Вашего со свитою в оную китайскую столицу, сретили^b тамо вас стыдом и поношением, как сказано о сем доносителями? Между тем 13-го числа октября, будучи еще в пути и проезжая Гобийскою степью, на какой конец оказали дух буйства на препровождавшего Вас со всею свитою от Кяхты до Пекина пристава Первушкина, кидаясь, как пишут доносители, на сего чиновника с кулаками и ругая его; и в тот же день упрямились ехать в предлежавший путь, и самим всем, и всей Вашей свите? Некоторые мунгальцы^c, в глазах коих и доносителей все то от Вас происходило, явно показывали удивление таковому бесстыдству, по изъяснению о сем во 2-м пункте извета доносителей?

[2]. По выезде его, архимандрита Иакинфа, в 1807 году из Кяхты в Пекин в продолжении всего оного пути с ружьем за сернами или дикими козами и за другими птицами не гонялся он; едучи же на верховой лошади, от испугу оной лошади упал с нее, потому что она кинулась в сторону. Сопровождавшие его, архимандрита, двое из мунголов^d, поимав ту лошадь, подвели к нему, архимандриту, и он, сев на нее, поехал в предлежащий ему путь. Следовательно, то, будто бы нога его, архимандрита, увязла в стремени и та лошадь таскала его по полю, доносители несправедливо написали; да их тут и не было, ибо он, архимандрит, ехал тогда один, и они, доносители, далеко от него, архимандрита, позади и не ближе как в верстах осми. О каковом случившемся с ним, архимандритом, приключении никаких слухов до Пекина не доходило, и потому никто там не сретил его, архимандрита, со стыдом и поношением, а приехал в оную столицу и потом в монастырь спокойно. Между тем, будучи еще во оном пути, на монгольской степи на препровождавшего его, архимандрита, и всю свиту его от Кяхты до Пекина пристава Первушкина не кидался с кулаками и не ругал его, Первушкина, равно и далее ехать как самому себе, так и свите своей не воспрещал и в том приставу Первушкину не противился. Следовательно, доносителям и мунгальцам удивляться было нечему.

2

[1]. 1808-го года марта 29-го дня, в самой праздник цветоносия или в неделью вайй⁴, для чего не допустили Вы служить предметника своего, покойного пекинского архимандрита

^a Здесь и далее вставками обозначены графы таблицы: [1]. «Вопросы архимандриту Иакинфу»; [2]. «Ответы на оные Иакинфа-архимандрита».

^b Так в ркп., т.е. «встретили».

^c Так в ркп., т.е. «монголы».

^d Так в ркп., т.е. «монголов».

Софрония? И приказывали ли миссионерам своим, иеромонахам Серафиму и Аркадию, связать его, архимандрита Софрония, сами будучи пьяны?

[2]. 1808-го марта 29-го дня, бывший тогда в неделю ванай предместник его, архимандрита Иакинфа, по Пекинской миссии покойный архимандрит Софроний Божественной литургии в церкви Пекинского монастыря не служил не по недопущению его, архимандрита Иакинфа, а потому, что при входе его в церковь в мантии и по встрече [с] монашествующими, приготовившимся служить с ним, некому было пропеть по обычаю за достойника, ибо причетники оба были в стихарях: один для посоха настоятельского, другой для поддерживания мантии его, Софрония. И потому он, архимандрит, рассердясь за сие, отложил служение литургии. Связать же его, архимандрита Софрония, было не за что, и не приказывал он, Иакинф, так поступить с ним, Софронием, миссионерам своим, иеромонахам Серафиму и Аркадию, поелику ж он, архимандрит Иакинф, с 1806-го года горячих напитков не употребляет, то и пьяну быть ему нечего.

3

[1]. Той бедной старухе, которой три сына, крещенные в нашу православную веру, служили в Пекинском российском дворе при архимандритах, и лишившейся тех сыновей своих, лишившейся через то и надежды к пропитанию и потому питавшейся единственno подаянием от оного российского двора, когда она пришла к Вам, Вы, вместо того чтобы скандалиться над бедною дряхлостию ее и дать ей что-нибудь или, по крайней мере, отказать в подаянии, предложили ей найти Вам девок? А когда она на сие не согласилась, били ее прутьями в виду доносителей Сипакова, Зимайлова, и Громова, и дворника того российского двора в Пекине; били же до того, что сия старуха едва могла доползти до больших ворот оного двора и, доползши, [стала] призывать в свидетели таковой жестокости Вашей небо и землю, что Г[осподина] главного смотрителя российского двора в Пекине заставило приехать нарочито к доносителям и просить их уговаривать Вас от подобных оному происшествию случаев, как они, доносители, в 5-м пункте извета своего написали?

[2]. На 3-й пункт. Означенную в сем пункте старуху китайку^a знал он, архимандрит, потому что она хаживала в русское подворье или в монастырь для получения милостыни, в чем ей он, архимандрит, и не отказывал. А предлагать ей, чтоб она нашла девок для него, архимандрита, и на мысль ему не приходило, да и не мог, потому что он, архимандрит, в то время не знал никакого китайского языка, так как и та старуха не знала ни слова по-русски, не делал сей старухе такого предложения. Следственно, и наказывать ее прутьями было не за что, и не наказывал никаколько, и потому все, что в оном пункте доносители ни написали, есть один их вымысел. Ложно написали они и то, будто бы смотритель российского двора в Пекине нарочно приезжал к ним, доносителям, с просьбою уговаривать его, архимандрита, от подобных оному выдуманному ими происшествию случаев. Сию ложь обнаруживает он, архимандрит, тем, что оный смотритель монгол ни к кому, кроме его, архимандрита, не приезжал; да там по обыкновению сей смотритель по всяким случаям приезжает к одному токмо настоятелю. Доносители же тогда китайского языка не знали, да и та старуха в 1808-м году померла летнею порою.

4

[1]. Февраля 28-го дня 1809-го года по какому поводу, и точно ли, гонялись Вы с железными прутьями за слугами и, нагнавши у парадных ворот описанного российского двора, били их, чemu мимо тогда шедшие удивлялись, пожимали плечами и извительно усмехались?

[2]. На 4-й пункт. Ни 28-го числа февраля 1809-го года, и никогда служителей своих китайцев ни прутьями железными и ничем не наказывал, ни у парадных ворот и нигде инде. А только в первые годы пребывания своего в Пекине иногда переменял их он, архимандрит, за покупку дорогою ценою вещей для него, архимандрита, когда ни одному из сих слуг не было чинимо им, архимандритом, никакого телесного наказания. А ссылались некоторые из них без побои^b, то и удивляться проходящим мимо подворья было нечему, и пожимать плечами и усмехаться не было побудительной причины.

^a Так в ркп., т.е. «китаянку».

^b Так в ркп., т.е. «побоев».

[1]. Того ж 1809-го года сентябрь 18-го числа ночною порою Вы и выпеноименованные иеромонахи Серафим и Аркадий разодрались ли с одним желтопоясным или из царской крови⁵, именем Тэ-лю, и за что? И в сей драке не только самого его прибили, но и выломали у него в доме окна и выгнали его со всем семейством из того дома, отняв у него два шкафа, несмотря на то, что на шум, произшедший тогда, сбежался весь околодок, где дом Тэ-лю находится, как написали доносители в своем извете?

[2]. На 5-й пункт. Одного желтопоясного царской крови, жившего с матерью и женою по найму в принадлежащем Пекинскому монастырю доме, выслал он, архимандрит, за неплатеж постойных денег; выслал же не безвременно, а по миновании на приискание квартиры двухмесячного по таможнему обыкновению срока; выслан без нанесения ему побой и без выломания окон в том доме, доме, принадлежащем монастырю, а не тому желтопоясному. Поелику за постой должен он был около 144 рублей на российские деньги, то сей желтопоясный в уплату оного долга и оставил добровольно два свои шкафа по неимению денег; сии шкафы по оценке стоили не более 40 рублей, и они за сию цену поступили в монастырскую церковь для ризницы. А желтопоясный и за сим остался должным по бедности. При высылке его, желтопоясного, из того монастырского дома как не было нанесено ему ни самим архимандритом и никем другим из свиты его не только побой, но и никаких других оскорблений, не могло произойти и шуму. Следовательно, и никто из живущих в околодке не был тогда, когда желтопоясный^a переместился из монастырского двора к китайцу в нанятую у сего им квартиру, так как у него, желтопоясного, своего дома нет, имя его неизвестно ему, архимандриту.

[1]. Декабря 21-го дня 1809-го года приезжали ли Вы к крещеному русской роты^b солдату Алексею для торгования у него девок, и из двух, привезенных к Вам, за одну, за которую просил 400 лан^c (1200 руб[лей]), а за другую 300 лан (900 руб[лей]), давали ли Вы: за 1-ю только 150 лан (450 руб[лей]), и потому не могли купить ее, как сказывал о сем помянутый солдат доносителям, своими ушами оное слышавшим, сказывал же и прочим?

[2]. На 6-й пункт. Русской в Пекине полуроты^b к солдату Алексею, принадлежащему нашей церкви и ныне там, в Пекине, находящемуся, торговать девок никогда не приезжал он, архимандрит. И тот солдат ни одной девки к нему, архимандриту, не привозил, и никакого торгу с ним не имел. Следовательно, все, что в оном вопросном 6-м пункте написано из доноса изветчиков, есть несправедливо.

[1]. Мая 23-го дня 1810-го года били ли Вы, и за что, кучера своего до того, что из рта и ушей его лилась кровь, а мать его довели до того, что она на другой день, приходя к российскому двору с ножом, имела отчаянное покушение зарубить Вас, если бы привратник того двора не увидел у нее ножа и, не выпытав от нее того намерения, не выпроводил ее со двора?

[2]. На 7-й пункт. Кучеров, сколько он, архимандрит, имел в Пекине, ни одного никогда не бывал, ни много, ни мало. И была ли у кого-нибудь из них мать, он, архимандрит, не знает. И потому не было причины приходить к русскому двору матери прибитого якобы им, архимандритом, кучера; не было и повода к тому, чтобы ей было за что зарубить его, архимандрита.

[1]. Октября 13-го дня 1810-го же года под вечер в войлочной шапочке, в какой ходят в Пекине одни только простолюдины, ездили ли Вы вместе с иеромонахом Серафимом в непотребный дом и, в оном ночевав, сами возвратились домой на другой день в 8-м часу утра на своей телеге, а иеромонах Серафим после полдня^c пришел пешком, заплатив за тот ночлег

^a Выше «желтопоясный».

^b Выше «роты».

^c Так в рук., т.е. «полудня».

10 лан серебра, стоящих на наши российские деньги 30 рублей? Привратник, остановя Вашу телегу, дал ли Вам заметить, что всем миссионерам по ночам надобно быть дома и преимущественно Вам, яко начальнику; потом, быв у доносителей в ученическом отделении, просил их советовать Вам, дабы Вы впредь не ездили в непотребные дома из опасности, чтобы будочки не захватили, так как в таковых домах часто случаются драки? После сей поездки были ли Вы в горячке и не менее 20 дней в сей болезни находились?

[2]. На 8-й пункт. Во всю бытность его, архимандрита, в Пекине ни один и ни с кем из свиты своей в непотребные дома не ездил. Следовательно, в таковых домах и не ночевывал и денег никакого не плачивал, и платить оных было не за что; сие и последующее в том 8-м пункте вопросом есть один вымысел доносителей. Войлочную шапочку употреблял он, архимандрит, запросто, как и все живущие в Китае и самые китайцы, только не такую, какую употребляют простолюдины, а такую, какую употребляет там лучший класс людей. Во всю бытность его, архимандрита, в Пекине никакими болезнями одержим не был.

9

[1]. Декабря 15-го дня 1810-го же года часа в 4 полудни привозили ли Вы к себе мальчика из загородной цирюльни и, оставив его ночевать с собою, уже на другой день отправили домой на своей телеге с иеромонахом Серафимом? И из привезенных сим иеромонахом на другой день в 4 часа полудни двух цирюльников с одним Вы ночевали, а 26-го числа того же декабря в 11-м часу поутру с приехавшим на подворье мальчиком из цирюльни обедали ли Вы у иеромонаха Серафима и по обеде уводили ли сего мальчика к себе в покой для отдыха?

[2]. Все, что в оном вопросном 9-м пункте доносителями ни написано, есть несправедливо. И он, архимандрит, никогда в цирюльни не езжал, и из оных ни сам, ни через иеромонаха Серафима мальчиков к себе не привозил, и ночевать с собою их не оставлял, и у Серафима ни с одним из них не обедал.

10

[1]. Иеромонах Аркадий жаловался ли Вам на иеромонаха Серафима в том, что сей сперва служителя его, а потом и самого его, Аркадия, испытывал, сколько раз в день сей слуга творит якобы с ним, Аркадием, содомский грех? И почему не мог он, Аркадий, на таковую жалобу свою получить от Вас никакого удовлетворения?

[2]. Сей иеромонах Аркадий на иеромонаха Серафима не жаловался никогда в произношении как к нему, Аркадию, так и к служителю его изъясненных в оном вопросном 10-м пункте постыдных слов.

11

[1]. Того же декабря 30-го числа был ли привезен к Вам малый^a театральщик, и в вашей телеге? Пел ли у Вас песни, и ночевал ли у Вас же, и на другой день в 12 часов уже был отпущен, получив от Вас за оную ночь 15 лан, стоящих нашими деньгами 45 рублей? А следующего потом месяца января 3-го числа 1811-го года в 8-м часу поутру оный же театральщик, коеому имя Де-Лин, приехав опять к Вам в монастырь просить Вас в театр, обедал ли у Вас, и после сего обеда ездили Вы с ним в театр, и брали ли в оный иеромонаха Серафима? Возвратившись же оттуда домой в 5 часов пополудни, и с тем же театральным, сей ночевал ли у Вас и отвезен домой на другой день в 12 часов?

[2]. 30-го числа декабря 1810-го года никакой театральщик к нему, архимандриту, привозим не был ни в телеге его, архимандрита, и ни в каком постороннем экипаже и не ночевал у него, следовательно, и денег никакого от него, архимандрита, не получал. Равно и 3-го числа января 1811-го года один и тот же театральщик, коеого имя в доносе написано Де-лин, к нему, архимандриту, в монастырь не приезжал и в театр его с собою не приглашал, и потому в театре с ним и с иеромонахом Серафимом не был, и в другое время никогда там не был же. А случалось иногда бывать ему, архимандриту, в домах пекинских китайских чиновников в гостях в

^a В ркп. слово исправлено, по-видимому, из «мальчик».

их дни рождения, на обедах и по делам для переговоров. Следовательно, что в сем 11-м пункте на него, архимандрита, написано, есть все несправедливо.

12

[1]. Того месяца генваря по вечеру в 11 часов на воскресный день приходили ли Вы к иеромонаху Серафиму в компанию, где тогда два мальчика из цирюльни, пробыв весь тот день, тут же и ночевали?

[2]. В генваре месяце того ж тысяча восемьсот одиннадцатого года на воскресный день у иеромонаха Серафима он, архимандрит, в компании, как написано в доносе бывших троих учеников, не был. Следовательно, и мальчиков из цирюльни не видал, да и никогда ни у кого из свиты своей, равно и у Серафима, в кельях их не бывал. А приглашались все, составлявшие миссию его, члены оной им, архимандритом, к себе к столу в одни только большие праздники и высокоторжественные дни.

13

[1]. Оного ж генваря 16 числа в 5 часов пополудни были ли привезены к Вам два театральщика и у Вас в покоях они играли и пели ли песни? Потом, когда подошло время отдохновения, Вы одного из тех театральщиков оставили ли у себя на ночь, так как другого взял себе на ночлег иеромонах Серафим?

[2]. На 13-й пункт. Того ж генваря 16-го числа ни в какую пору к нему, архимандриту, театральщики привозимы не были, и у него в покоях не играли, и песен не пели; и ни одного из них ночевать у себя не оставлял. Да и во всю бытность свою в Пекине таковых происшествий от него, архимандрита, не бывало. И потому все оное в доносе написано на него, архимандрита, напрасно.

14

[1]. Одного того же месяца, генваря 21-е числа, бывшее в субботу, в 4 часа пополудни иеромонах Серафим, отъезжавший в 12 часов в Вашей телеге в театр, привез ли оттуда двоих театральщиков, одного из них для Вас, а другого для себя? И были ли они угождаемы столом в келье Серафима? А вечером у парадного Вашего крыльца горели ли разные потешные огни, и был ли дан такой фейерверк, что от множества ракет, взлетевших на воздух, немного не сожжен был монастырь и российское подворье? По поводу сего происшествия приезжал ли к Вам на другой день в 3 часа г[осподин] Бау, и угрожал ли, что если впредь будут делаемы таковые веселости, состоянию духовному совершенно не извинительные, правительство китайское едва ли упустит без особенного внимания? Сим веселостям были [ли] свидетели, русские крещеные, пришедшие на молитвословие, так как тогда следующий день был воскресный, в который те мальчики домой были отправлены?

[2]. Генваря ж 21-го числа иеромонах Серафим из театра театральщиков к нему, архимандриту, не привозил, да и послан никогда не был за ними от него, архимандрита. Следовательно, никто из театральщиков при нем, архимандрите, у Серафима в келье угождаемы не были. У парадного крыльца тех покоев, кои занимал он, архимандрит, не только того 21-го числа генваря, но и в другое время всей бытности своей в Пекине потешные огни не горели, и сам он, архимандрит, не занимался. А фейерверков в Китае вовсе нет в употреблении. Следовательно, монастырскому подворью и сгореть было не от чего; и никогда ни монастырь, ни подворье ни от каких случаев до пожара не доходили. Случилось же в том 811-м году видеть ему, архимандриту, потешные китайские огни у племянника китайского императора, князя Юния Беилэ, по приглашению его; и смотрел, будучи не один, но со всею своею свитою из подготовленной для них особенной палатки, в коей и угождали всех их чиновники того князя, китайцы. Сам же князь к ним в ту палатку не приходил, но присыпал с своего стола с евнухом разные закуски или конфеты и варенья. И по окончании тех огней, горевших в княжом саду, провождены были он, архимандрит, и вся его свита в свой монастырь на верховых лошадях и с фонарями по тамошнему обыкновению. Следовательно, чиновник Бао на другой день после 21-го числа генваря к нему, архимандриту, не приезжал, и потому от него ничего того,

что в 14-м вопросном пункте из доноса на щет^a его, архимандрита, написано, говорено не было. Равно и русским крещеным видеть было у парадного крыльца его нечего.

15

[1]. Февраля 4-го числа 1811-го года в час пополудни приезжал ли к Вам театральщик и ночевал ли у Вас, и Вы, занимаясь им, не ходили ко всенощному бдению и к часам?

[2]. На 15-й пункт. 4-го числа февраля 1811-го года никакой театральщик к нему, архимандриту, не приезжал и у него не ночевал. И он, архимандрит, в то 4-е число февраля как у всенощного бдения, так и у часов был в своей монастырской церкви, только не служил, потому что иеродиакона не было уже, следовательно, и соборного служения составлять было нельзя.

16

[1]. Того ж февраля 27-го числа бывший слуга учеников Пекинской миссии, именем Лоувей^b, и подрядчик каменных построек, прозванием Хан-дзю^c, изобличили ли Вас формально в том, что Вы и вне посольского двора и внутри оного блудодействуете и творите содомский грех, и уговаривали, чтобы Вы сколько-нибудь придерживались от тех пороков для чести своего Отечества и для своей пользы? Сказывали [ли] Вам и о том, что те поступки известны уже большой части города Пекина? А Вы их за все то довольно побили [ли] и приказали запереть в особливую комнату при своей кухне? Они же главному смотрителю российского подворья, осведомившемуся об оном происшествии, и приезжавшему разбирать то дело, замешав в оное многих, оба единодушно подтвердили [ли] вышесказанное ими, и не одному еще, но в присутствии г[осподина] Бау^d и Вашем? И сей главный смотритель, открыв Вам, что он давно уже слышит о некоторых непростительных шалостях Ваших, производимых в городе Пекине, и в российском там своем подворье или монастыре, советовал ли Вам для собственной Вашей пользы оставить таковые и другие, подобные оным, угрожающие гибелью поступки?

[2]. На 16-й пункт. Означенный в сем пункте китаец, именем Лаувей, быв у доносителей во служении около полугода, а потом перешед к нему, архимандриту, для услуг, жил у него около двух годов, и им, архимандритом, после сего, по ненадобности в нем, выслан. Он и подрядчик каменных построек Хань-дю его, архимандрита, ни в блудодействе, ни в содомском грехе никогда не обличали и не уговаривали, чтобы ему, архимандриту, удерживаться от оных пороков, в коих он, архимандрит, не признает себя виновным. Ни слугу Лаувея, ни подрядчика Хань-дю не был он, архимандрит, и запереть их никому не приказывал, и не были они никуда заперты. Главный смотритель приезжал к нему, архимандриту, отнюдь не по той причине, которая доносителями взведена на него, архимандрита, неповинно и помечена в сем 16-м вопросном пункте, а по поводу принесенной на слугу Лаувея от заступившего при нем, архимандрите, для услуг место^e его, Лаувея, китайца Юя жалобы в притязательном требовании им денег за потерянное им, у него, архимандрита, место. И пристав, оный Бао, по разборании жалобы Лаувея нашед виноватым, запретил дворнику впускать его, Лаувея, в российское подворье.

17

[1]. Августа 6-го числа 1811-го ж года, днем, у иеромонаха Аркадия, в отсутствие его и доносителей с одним псаломщиком, покрадено было платья ценою на 200 лан, и в сей краже Аркадий, открыв подозрение на Вас, сверх иеромонаха Серафима и псаломщика Яфицкого, оставшихся тогда одних в подворье, Министерство тамошнее иностранных дел^f по просьбе Аркадия присыпало ли офицера для исследования о том при главном смотрителе российского в Пекине подворья^g? И поелику из производства оного следственного дела оказались Вы

^a Так в ркп., т.е. «насчёт».

^b Далее это имя варьируется.

^c Далее это имя варьируется.

^d Далее это имя варьируется.

^e Так в ркп., возможно, должно быть «вместо».

^f Данное предложение так звучит в ркп.

виновными, то притверждено^a ли было Вам явно и с угрозами оставить впредь подобные шалости?

[2]. У иеромонаха Аркадия действительно – днем ли, или ночью, и при нем ли, или в отлучку его, и коего точно года, месяца и числа^b, только летнею порою – покрадено было платье; а какое и на какую сумму, ему, архимандриту, неизвестно. Аркадий подал о сем объявление ему, архимандриту, а он отнесся в приказ Иностранных дел. Но по розыску главного смотрителя российского подворья или^c монастыря, никаких признаков к отысканию той покражи не открылось. И потому смотритель объявил Аркадию, чтоб сыск той покражи предоставил времени и попечению его. Аркадий в оной краже не открывал ни смотрителю Бао, ни приехавшему с ним, Бао, чиновнику того приказа Иностранных дел ни малейшего подозрения на него, архимандрита, и на иеромонаха Серафима, и на причетника Яфицкого во оной краже. А посему и по учиненному розыску смотрителя Бао, спрашивавшего одних китайцев-слуг, не касаясь русских, не мог найден быть виновным в той краже он, архимандрит Иакинф. Следовательно, притверждения никакого ни от кого ему, архимандриту, и быть не могло, так как не имевшему и в мысли допустить себя до такого гнусного поступка.

18

[1]. От такого образа жизни Вы сделались невольником невероятной роскоши, проратили ли свое и доносителей жалованье, и от того, допустив себя до беззаконного искусства хищения, закладывали ли езуитам^d крепости домовые и пашенные, за что, и на какое время, и на каком основании; закладывали ли также и свое платье? От чего доносители и в течение 8 месяцев принуждены были получать жалованье свое не серебром, а денежными билетами?

[2]. На 18-й пункт. Образ жизни его в Пекине состоял в ежедневном упражнении в китайской словесности при помощи китайских учителей, не допуская до себя не только до невероятной, но и до малейшей роскоши. Жалованья своего понапрасну никогда не тратил и до чужого не касался, а раздавал сие всем составлявшим миссию ежемесячно, что могут подтвердить возвратившиеся сюда иеромонахи Серафим и Аркадий, переводчик Сипаков и причетник Яфицкий. До хищения же никогда себя не допускал, ничего ни у кого не удерживал, и крепостей, как домовых, так и пашенных, никогда никому не закладывал; не закладывал и своего платья, не имея никогда в деньгах нужды. Доносители во все показанные ими 8 месяцев жалованье свое получали не билетами, а серебром по прошествии каждого месяца.

19

[1]. В 1812-м году, когда получено было на остальные пять лет серебро, оное, по ми-нованию только пяти дней с получения, а не по прошествии надлежащего срока, Вы с Серафимом-иеромонахом и с псаломщиком Яфицким раскупорили ли ящики с тем серебром и тайным еще образом и, вынув из оных до 4000 лан того серебра, составляющих 12 т[ысяч] рублей на наши деньги, перелили ли оное по форме китайской и в рост пустили? И сим ли средством производили жалованье доносителям? В надежде же на проценты позволили [ли] Вы иеромонаху Серафиму купить из театральщиков постельного мальчика, а в непродолжительном времени и сами купили оного за 100 лан или за 300 руб[лей]? И сего мальчика по прошествии семи месяцев пекинское правительство, войдя в оное дело, отняло ли у Вас?

[2]. На 19-й пункт. Серебро, полученное им, архимандритом, отсюда, из С[анкт]-П[етер]бурга, через Троицко-Савекую^e пограничную канцелярию на 2-е пятилетие пребывания миссии в Пекине, прежде нужного времени никогда раскрываемо не было, ни одним им, архимандритом, ни с иеромонахом Серафимом и с причетником Яфицким; но раскупоривались ящики с оным один за другим, по издергании первого на выдачу жалованья и на прочие расходы, и отнюдь не тайно, и не одним им, архимандритом, а вместе с казначеем Серафимом. Сего серебра несколько в китайскую форму переливаемо и в рост отдаваемо не было, но

^a Так в ркп., т.е. подтверждено.

^b Далее в ркп., возможно, пропущено «неизвестно», «не упомнит» или т.п.

^c Слово «или» вписано в ркп. позже, возможно, должно быть «и».

^d Так в ркп., т.е. «иезуитам».

всей миссии, в том числе и доносителям, жалованье производилось точно тем серебром, которое получено было им отсюда из России. Постельного мальчика купить себе не препоручал иеромонаху Серафиму и сам не покупал такового мальчика ни за какую цену, да в Китае люди не продаются. Были же у него, архимандрита, наемные служители около 1812-го года числом трое, и четвертый живописец, живший у него, архимандрита, пять лет. Из тех троих один дворник, сын оного живописца, другой повар пожилых лет, а 3-й слуга шестнадцатилетний, коего бывший псаломщик Пальмовский, схватив на рынке, представил в приказ Иностранных дел по личной его с сим слугою ссоре, а отнюдь не по той, которая из доноса помещена в сем 19-м вопросном пункте. Да и он, архимандрит, сам собою нужным счел сослать от себя как сего малого, так и прочих, кроме живописца, имевшего тогда около 65 лет от роду.

20

[1]. По каким причинам довели Вы себя до того, что доносители в заключении извета своего на Вас представили Вас беспечным в сбережении казенной суммы и что Вы упразднили колокольню такую, которая украшала и монастырь, и подворье; а столбы, вместо оной колокольни поставленные для укрепления в их основании, по прошествии 4-х лет обратили Вы в материал и употребили в стены, бывший Ваш сад ограждающие? По каким также винословиям не служили Вы в высокоторжественные дни и не отправляли панихид по представившихся государях императорах, государынях императрицах и прочих персонах императорской фамилии?

[2]. На 20-й пункт. Он, архимандрит, во всю свою бытность в Пекине имел попечение о сбережении казенной суммы до той степени, что по истечении 10 лет пребывания его со всеми миссиею в Пекине, мог накопить остаточной за расходами суммы до 15 000 рублей серебром, каковая сумма иркутским начальством обращена была в жалованье миссии, управляемой им, архимандритом, на 1818-й и последующие два года. В Пекинском монастыре колокольня, которая представляла собою небольшую беседку, а не делала никакого украшения монастырю, сломана им, архимандритом, в первый год прибытия его в Пекин, потому что она никакого не составляла виду. А столбы, на коих кровля той колокольни поддерживалась, числом четыре, пролежав около 4-х годов в монастыре, употреблены на покой при кладбище, построенные для приезда^а его, архимандрита, и других из миссии, а отнюдь не в те стены, которые сад настоятеля миссии ограждают. В высокоторжественные дни Божественных служб и молебствий, а также и панихид по государях императорах и императрицах, по царях и царицах, и по высокой их фамилии не стал служить он, архимандрит, с того времени, как не стало иеродиакона; а в бытность оного все то исправлял соборне.

21

[1]. Поелику нынешней Пекинской миссии начальник, архимандрит Петр в самом начале отношения своего к его сиятельству, г[осподи]ну министру духовных дел и народного просвещения князю Александру Николаевичу Голицыну об оном доносе учеников, в выше-прописанных 20 пунктах помещенном, тако упомянул, что в оный много еще важнейшего не помещено, и особенно такого, в чем сами те доносители участвовали, и, представив Вас таким, что Вы в одном лице своем замещаете свойства и качества Цицеронова¹⁰ Антония и Сенекиных¹¹ Гостиля и Латрона, а что Вы всю бывшую Вашу миссию заживо погубили и по душе, и по телу, и сделали ее жалко и оплакивания достойною; далее пишет, что Вы и прочие лица, одну с Вами свиту составлявшие, все до единого, не желая выехать из Пекина в Отечество свое, убедительно просили остаться там, на месте его, архимандрита Петра, и свиты его. Во-прощается: какие побудительные причины заставляли Вас домогаться сего и на какой конец допустили себя до такого мечтательного о себе самом мнения, всю свою миссию довели до такой степени сожаления и даже до погибели? Не участвовали [ли] Вы при действованием своим и в том, что трибунал отказал совету настоящей Пекинской миссии, уважая пользы Отечества, оставлять у себя толмача Фролова, с приставом в Пекин прибывшего?

[2]. На 21-й пункт. В доносе учеников, бывших при Пекинской миссии, что еще сверх выше-прописанных 20 пунктов, по мнению о[тца] архимандрита Петра, не помещено, он, ар-

^a Так в ркп., возможно, должно быть «до приезда».

химандрит Иакинф, не знает. С чего архимандритом Петром приписаны свойства и качества упомянутых им в 21-м вопросном пункте известных по истории людей ему, архимандриту Иакинфу, он, Иакинф, не знает же и не понимает. Бывшую при нем, архимандрите, миссию за живо погубить и по душе, и по телу и сделать жалко и оплакивания достойною и на мысль ему, архимандриту Иакинфу, никогда не приходило, так как и то, чтобы он, архимандрит, не желал выехать из Пекина в Отечество свое и проситься оставаться там, в Пекине, на месте архимандрита Петра, что желать и сделать невозможно, потому что оставление прежней миссии вместо новой зависит от высочайшего утверждения государей императоров Российской и Китайской империй. Чтоб толмача Фролова оставить при настоящей миссии на место иеродиакона Израиля, из миссии выбывшего, он, архимандрит Иакинф, содействовал о[тца] архимандриту Петру в том своим старанием, а nimalo не действовал вопреки желанию его, архимандрита Петра. По каким же причинам китайский трибунал отказался оставить толмача Фролова при новой миссии, сие ему, архимандриту Иакинфу, неизвестно.

22

[1]. Прибывший в Пекин в составе новой свиты иеродиакон Израиль не по Вашему ли внушению скрыл у о[тца] архимандрита Петра бумаги и письма весьма важные, до сохранения целости старой миссии касающиеся, чему поводом и побуждением могло быть то, что он к Вам переметнулся, все открыл тайны, всё привел в страх, в обоесторонние подозрения, недоверчивость и волнение, как о[тец] архимандрит Петр написал в своих примечаниях, в Пекине им сделанных?

[2]. На 22-й пункт. Означенному бывшему при нынешней миссии иеродиакону Израилю он, архимандрит Иакинф, не токмо не внушал скрыть у о[тца] архимандрита Петра бумаги и письма, но даже и не знал, имел ли архимандрит Петр какие-либо бумаги и письма важные при себе. Иеродиакон Израиль к нему, архимандриту Иакинфу, не переметывался, никакой тайны, никаких секретов никогда ему, архимандриту, не открывал. И он, архимандрит Иакинф, не заметил никакого того в иеродиаконе Израиле, чтобы сей в обеих миссиях, прежней и настоящей, произвел страх, взаимное презрение, недоверчивость и волнение.

23

[1]. По повторению о[тцом] архимандритом Петром изъясненного в предыдущем 21-м пункте нерасположения Вашего и свиты, бывшей при Вас, выехать из Пекина в Отечество, с предположением на щет того, чтоб Вам оставаться и воспользоваться ваканциею; и по подтверждении справедливости того донесения бывшего сибирского генерал-губернатора Ивана Борисовича Пестеля, и далкой неполноты оных донесений, из коих при одном доставлен упомянутый в 20-м же пункте извет бывших учеников Пекинской миссии. Вы ли, или другие из сочленов Ваших по бывшей миссии почитали за обычновенные дела воровство, святотатство, разные блудодеяния, буйства, обиды неслыханные китайцам и тяжбы по судам, ибо, как изъяснил о сем о[тец] архимандрит Петр в своих примечаниях, во время ночи вся казна тайно вывозилась из двора; во время ночи похищена была всемилостивейше пожалованная в 1805-м году полная золотой парчи ризница, полициею уже возвращенная; похищены серебряный потир с лжицею^a, ложка серебряная, для употребления кутьи находившаяся, новая лжица, 4-го №^b по описи, стихарь с орапром; из сих вещей орарь с св[ятыми] на нем крестами отыскан в непотребном доме на непотребной женшине вместо исподней опояски?

[2]. На 23-й пункт. Чтобы он, архимандрит Иакинф, исчисленные в сем 23-м вопросном пункте пороки почитал за обычновенные дела, сего без ужаса и удивления и в мысль себе представить не может, и ни за кем из всей бывшей при нем свиты никогда того не заметил. Денежная казна, состоящая в серебре, ни тайно, ни явно, ни денною, ни ночною порою никогда из двора монастырского не вывозилась. Что ж касается до похищения ризницы и утвари церковной, показанной в сем 23-м вопросном пункте, о сем он, архимандрит Иакинф, письменным отно-

^a Так в ркп., по-видимому, должно быть «ложицею».

^b Так в ркп., т.е. «номера».

шением известил о[тца] архимандрита Петра при сдаче ему Пекинского монастыря с имуществом и наличную церковною утварью и ризницею, что все те вещи похищены вместе с другими, после отысканными различными ж вещами. А похитил бывший в прежней миссии церковник Константин Пальмовский. И он же, Пальмовский, оарарь подарил непотребной женщине-китайке, у которой после выкуплен сей оарарь причетником той же миссии Василем Яфицким на другую вещь, известную Яфицкому, и им же, Яфицким, сожжен в монастыре и пепел зарыт в землю. А похититель Пальмовский за таковое святотатство выслан им, архимандритом, чрез китайское правительство из Китая в Иркутск к суждению при отношениях к иркутским преосвященному, и гражданскому губернатору под препровождением, по китайскому обыкновению, пекинского офицера, которому препоручены были как те отношения, так и рапорт о том же в святейший Синод и в Иностранный коллегию, каковых бумаг сей китайский офицер пограничному в Кяхте российскому комиссару не сдал, а сдал только одного Пальмовского. Те же бумаги его, архимандрита, о Пальмовском офицером ли утрачены или Пальмовским у него выкрадены, сего обоего достоверно он, архимандрит, не знает. Таковою несдачею бумаг китайским офицером российскому комиссару Пальмовский, избегший суда, сделан был в Кяхте переводчиком манджурского и китайского языка, но ныне и там его нет уже¹².

24

[1]. С митры архимандричьей гнездо драгоценных камней сняли ли Вы на китайскую шапочку, хотя и не навсегда, а на время поносить ее с оными камнями, ибо, по изъяснению о[тца] архимандрита Петра, безделицею это у Вас почиталось? И что, оная митра лежала без употребления во все Ваше пребывание в Пекине?

[2]. На 24-й пункт. Из трех митр, находящихся в пекинской монастырской церковной ризнице, с одной, вынужданной жемчугом бурмицким, а не драгоценными камнями, одно гнездо или вставка, спавшая по гнилости ниток с той митры, состоящая из подделанных под драгоценные, а в самом деле состоящие из простых цветных стекол, действительно взята им, архимандритом, на время для употребления на китайской шапочке, им, архимандритом, там в Пекине ношенной. То гнездо или вставка, по обыкновению китайскому, пришита была напереди оной шапочки. Пред приездом же в Пекин новой миссии, приготовляясь, он, архимандрит, к сдаче монастыря с имуществом и ризницею, снял то гнездо с означенной китайской шапочки и положил обратно в церковную ризницу. Впрочем, сие приложение к шапочке той вставки не почитал он, архимандрит, безделицею. Самая ж та митра точно лежала без употребления потому только, что ветха.

25

[1]. Быть Вам и с братиею в бесчестных борделях то ли значило, как о[тец] архимандрит Петр пояснил, что ученым людям надобно все узнать и испытать? А по долговым делам, все суды обременив жалобами, довели ли иных до смертной пытки, а других до изуродования в пытках и до ссылки, и тем самым первых г[оспод] министров ввели в такое сомнение, что сии не знали, что делать?

[2]. На 25-й пункт. В бесчестных борделях во всю бытность свою в Пекине он, архимандрит, как один, так и ни с кем из братии, не бывал, и того, чтобы бытием в таковых бесчестных местах все узнавать и испытывать, и на мысль ему, архимандриту Иакинфу, не приходило. Долговых дел он, Иакинф, нигде по Пекину не имел, и потому до судебных мест доходить и обременять оные места жалобами по тому предмету не имел вовсе никакой причины. Следовательно, когда ничего оного от него, архимандрита, чинимо не было, то никого ни до пытки, ни до ссылки не доводил и г[оспод] министров китайских ни в какое сомнение по оным предметам не вводил.

26

[1]. В трактире у Хэлу^a произошел ли бунт в бытность Вашу в оном? И один из первых действующих в том бунте лиц, обоих одной с Вами свиты иеромонахов, точно ли, получив

^a Возможно чтение «Ухэлу».

смертельные раны, едва было в съезжем дворе не умер^a, и по причине жестокой боли вносим был в главную полицию на двор, и Вы приведены были в оную полицию и посажены в тюрьму с колодниками, и почитали ли все сие новым случаем все изведать на опыте?

[2]. На 26-й пункт. В трактире у Халу^b, а не у Хэлу, он, архимандрит Иакинф, никогда не бывал и не знает, где оный трактир находится в Пекине. И потому бунту в сем месте и быть не могло при нем, архимандрите. А известно ему, архимандриту, что из миссионеров его иеромонах Аркадий был обижен в упомянутом трактире у Хэлу^c китайцами, и один из них ударил его, Аркадия, по руке до багрового пятна; известно, потому что Аркадий в той обиде принес жалобу на китайцев тех смотрителю российского в Пекине подворья и пристав, приехав к нему, архимандриту, от него ходил к Аркадию для личного объяснения с ним о том случившемся с ним, Аркадием, проишествии. Впрочем, Аркадию смертельных побоев в том в трактире китайцами в то время причинено не было, и в съезжем дворе был ли он, Аркадий, а тут доходил ли до опасности в жизни, ему, архимандриту, неизвестно, и Аркадий, явясь к нему, архимандриту, на другой день после того проишествия поутру, не сказывал о сем ему, архимандриту, и объявил только о вышеупомянутой, причиненной ему в Хэл китайцами обиды, и что он ночевал в одном китайском монастыре, и вместе с сим просил пригласить стрителя подворья. В главную полицию на двери Аркадий из съезжего двора был ли вносим и по какой причине, ему, архимандриту, неизвестно. И сам он, архимандрит, в оную полицию никогда приводим не был, и до того, чтобы посажену ему быть в тюрьму с колодниками, никогда же не доходил. Да в Пекине нет и обыкновения, чтобы российских миссионеров китайцы могли брать по каким-либо делам в свои судебные места и в полицию и заключать под стражу.

27

[1]. При поимке беглого ли, или сманенного из цирюльни постельного мальчика Фошуе, после в ссылку сосланного, было ли волнение внутри российского двора и в окрестностях оного, волнение чрезвычайное так, что целую столицу Пекин оно занимало и чему долго сия столица хохотала? Также и разбитие цирюльни бывшим церковником Пекинской миссии Пальмовским соделалось ли зрелицем необыкновенным так, что сюда опрометью бежали с половино-обритою головою, а туда с половино-обритою ж бородою; в другие же места бросились и те, и другие с растрепанными и мокрыми волосами? Зрелице того и другого хотя, по изъяснению о[тца] архимандрита Петра, прередкое, так как там обыкновенные буйства неуместны, но Вы оставляли себя, как пишет о[тец] архимандрит Петр, в приятной для Вас безопасности, и от таких мелких хлопот удаляясь ли, и нередко еще в Сишан с своею компаниюю, и жили ли там дней по пятнадцати? Трибунал, не зная, что начать, отряжал ли к посольскому двору караулы за караулами, и делал ли Вам и всей свите Вашей явными соблазнами и примерами Вашими заставленной быть таковыми почти запрещении за строгими запрещениями, и что имя русского совсем привело себя в омерзение и презрение, как описано в примечании архимандрита Петра? Цирюльня, разбитая Пальмовским, вся ли почти изломана, и Пальмовским ли, или другим кем? Для поправления же и возобновления ее украдены ли казенные аглицкие^d часы, известные Иностранный коллегии г[осподину] переводчику Степану Липовцову, и кем оные украдены?

[2]. На 27-й пункт. Означенный в сем 27-м вопросном пункте мальчик Фошуе есть тот самый, который в 19-м пункте им, архимандритом, упомянут. Сей Фошуе не беглый и не из цирюльни, а слуга вольнонаемный при покоях его, архимандрита, служивший. Он каким образом и где схвачен бывшим церковником Пальмовским и представлен им в приказ Иностранных дел, а на другой день отпущен к отцу своему, жившему за Пекином в деревне, и что после сего он, архимандрит, к себе не принимал уже его, об оном сказано им было в том 19-м пункте ответа его, архимандрита. Сей Фошуе если бы впал в какое-либо подозрение, не мог бы подлежать ссылке как несовершеннолетний, и не был сослан, и при захватении его, Фошуе, на улице

^a Эта часть предложения так звучит в ркп.

^b Далее в ркп. снова везде «у Хэлу».

^c Здесь название вновь передано так.

^d Так в ркп., т.е. «английские».

Пальмовским, и увезении в телеге в приказ никакого выполнения ни внутри российского подворья, ни в окрестностях оного не было; сие происшествие занимало ли кого в Пекине и хотят ли кто, ему, архимандриту, неизвестно. Но чтобы это занимало всю китайскую столицу Пекин и чтобы вся сия столица хохотала тому, сие обое есть невозможное. Бывший церковник Константин Пальмовский, находясь в цирюльне для бритья головы и бороды по китайскому обыкновению, произвел там с китайцем ссору и китайца ударил. И как о сем дано было знать ему, архимандриту, то он, Пальмовского отзывавши из цирюльни к себе и напед его, Пальмовского, виновным в тех поступках по собственному признанию, prodержал его за то на хлебе и воде целую неделю. Но чтобы та цирюльня Пальмовским была разбита и при сем произошло бы какое-либо в народе смятение, сие ему, архимандриту, неизвестно. Что ж касается до удаления его, Иакинфа, из Пекина в горы, называемые Сипан, это было один только раз во всю бытность его в Пекине, был еще по одному же разу и в других двух около Пекина горах, и прожил в Сиане 20 дней, а в прочих горах по двое суток; был с позволения китайского правительства, и не по тем причинам, которые написаны в примечаниях о[тца] архимандрита Петра, а для наблюдения физического положения тех гор, и для узнания произведений, извлекаемых из оных гор; был один, не имея, кроме повара, никого с собою в компании. Вожаком ему, архимандриту, служили наемные горные, оных мест жители. Трибунал китайский или приказ Иностранных дел во всю бытность его, архимандрита, в Пекине никаких караулов к посольскому двору не отряжал, да и запрещений не делал, а был и до него, архимандрита, и при нем, и после его остался обыкновенный полицейский караул при воротах оного для охранения целости оного подворья. Ни сам он, архимандрит, ни свита его китайцев до омерзения русских не доводили, но, напротиву того, китайцы имели о нем, архимандрите, и к свите его хорошее внимание, что неоднократно случалось заметить бывшему приставом при новой миссии чиновнику Азиатского департамента Егору Федоровичу Тимковскому, здесь при коллегии Иностранных дел находящемуся. Та цирюльня, в которой Пальмовский, как выше сказано, разодрался с китайцем и ударил сего, разломана ли, ему, архимандриту, неизвестно, ибо на Пальмовского никто в том не жаловался ему, архимандриту, и та цирюльня где стояла или стоит, не знает. В подворье аглицких часов не было, а были простые стенные, и те, как испорченные, проданы им, архимандритом, часовщику китайскому за 20 рублей на наши деньги. Сии часы известны г[осподи]ну переводчику при Иностранный коллегии Степану Липовцову.

28

[1]. Пребедного принца Вы ли крестили, и сие крещение точно ли не имело духовных видов, так как, по изъяснению о[тца] архимандрита Петра, таковое таинство при Вашей миссии употреблялось весьма легкомысленно, отчего все крещеные имеют одно только именование крещеных? Молодого принца жена, быв крещена же, точно ли от мужа сманена коварно и тайно отцом ее, и препровождена к Вам, архимандриту, в русский дом к великому, по словам о[тца] архимандрита Петра, бесчестию священства? А как китаец Хань-Дзю^а донес об оном в трибунале, то по сему случаю трибунал заклал ли одни ворота вовне с западной стороны этого двора находившегося? Поколику же вышеупомянутый принц, хотя и пребеден, но царской крови, и Вы знаете, что таковых смятений не терпит она, но всякому подданному за такую дерзость отрубят голову. Зная и то, что присоединение оного принца к нашей церкви для миссии весьма опасно, тем паче, что скрыть сего никак нельзя, ибо сам он и сын его ходят в церковь в знаке принца, почему до того себя или других кого-либо из своей свиты допустили, не остановившись и на том, что от тамошнего правительства за оный поступок можно ожидать высылки всей миссии? В ведомости, помещенной о[тцом] архимандритом Петром в одни те же примечания свои, данной ему Вами с двадцати трех человек албазинцев и китайцев, крещенных в нашу веру, почему Вы не поместили китайских имен их, ибо они имен, данных им при крещении, и сами не знают? И следственно, новой миссии узнать, кто который из них, и сыскать их предлежит неизбежная невозможность, тем более, что в числе их есть такие, кои не более 5 лет от роду.

^а В рукп. в имени буквы «Х» и «нь» исправлены из неразборчивых букв, буква «з» исправлена, по-видимому, из «ц».

[2]. На 28-й пункт. Принца в Пекине крестил в нашу православную веру не он, архимандрит, а из иеромонахов или Серафим, или Аркадий с позволения его, архимандрита. Сие таинство совершено было над оным принцем отнюдь не легкомысленно, а по изучении его в течение двух месяцев катехизису, на китайском языке напечатанному, и вполне по церковному чиноположению¹³. Таким же образом окрещены и другие из албазинцев и китайцев, и так же не самим им, архимандритом, а теми иеромонахами и большей частью Аркадием. И сии крещеные имеют понятие не об одном только именовании своем по-русски, но и о таинствах и обрядах нашей церкви и ходят иногда по праздничным дням на молитвословие в монастырскую церковь. Означенного принца жена, окрещенная в нашу веру прежде мужа своего, и также с позволения его, архимандрита, одним из иеромонахов свиты его, и не одна еще, но и с матерью свою, сманена ли от мужа отцом ее, русской роты солдатом Алексеем, упомянутом выше, в сих ответах его, Иакинфа, сие ему неизвестно. Но к нему, архимандриту, никогда она не была пропровождаема, и потому китайцу Хань Дзю^a доносить трибуналу на него, архимандрита, было не о чем. На западной стороне посольского двора ворота закладены по приказанию китайского правительства китайцами, спустя после крещения той принца жены отнюдь не по изъясненной в сем 28-м пункте причине, а по другим политическим обстоятельствам, которых, как секретных, и открыть он, архимандрит, здесь не может. Поелику означенный принц крещен в 1809-м, а жена его в 1808-м годах, когда ни он, архимандрит, и никто другой из свиты его не могли еще знать ни китайского языка, ни того, следовательно, смятения от разноверия, какое нащет сего написано в примечаниях о[тца] архимандрита Петра, то он, архимандрит Иакинф, и не мог предполагать никакой опасности в отношении допущения оных царской крови супругов до крещения из шаманской веры в нашу православную веру. В ведомости о крещеных, переданной им, архимандритом, преемнику своему архимандриту Петру, при русских их именах не написал имен китайских он, Иакинф, потому что по малочисленности сих крещеных и по прежде бывшему при старых миссиях обыкновению не находил нужды то делать. Нет и затруднения в распознании оных людей и имен их, ибо все они живут в одном околодке неподалеку друг от друга и между собою родственники.

29

[1]. Действительно ли Вы наслужили в св[ятой] церкви, что в посольском дворе или монастыре, более лет двенадцати, и по каким причинам? А Никольскую там обитель почему более шести лет совсем не посещали, монашеские же кельи полны были женщинами? Да и по прибытии о[тца] архимандрита Петра с своею свитою в Пекине, какая тому причина, что Вы не были ни одного раза в святых алтарях, и к животворящему кресту прикладывались не к самому распятому на оном Христу Спасителю, а ниже оного распятия.

[2]. 29-й пункт. Богослужения не стал исправлять он, архимандрит, в посольской Пекинской церкви с того времени, с коего иеродиакон Некторий, бывший при нем, Иакинфе, по болезни своей отправился из Пекина в Россию на 3-й или на 4-й год с приезда его, архимандрита, и всей миссии в Пекине. А Никольскую церковь, что при русской роте, внутри города Пекина посещал он, Иакинф, нередко, и там дважды в год отправляемо было при нем, Иакинфе, иеромонахами его миссии священнослужение, причем как вся миссия, так и крещеные той роты солдаты угощаемы были обеденным столом; находящиеся при церкви покой для приезда ему и свите его, занимают шесть братьев из манджур с матерью и женою старшего из них братии, и детьми малолетними сего. В церкви и до архимандрита Петра, и при нем всегда стоял он, Иакинф, позади правого крылоса, а не в святом алтаре, потому что по недостатку в причетниках часто приводилось ему, Иакинфу, самому читать и петь. Да и о[тец] архимандрит Петр, кроме служения своего, в церкви всегда стоял вне святого алтаря напереди правого крылоса. К животворящему кресту всегда прикладывался он, Иакинф, не ниже отнюдь распятия, а к самому распятию, и не в одном, а в двух местах, и именно ль к ребру прободенному, и к ногам распятого.

^a Выше «Хань-Дзю».

[1]. Мальчики соблазнительные приезжали ли вдруг каретах в десяти к Вам на подворье, и Ваши настоятельские кельи преисполнялись ли всякой мерзости, пения песен, крика? Допускали ли они до надевания на себя всемилостивейше жалованных крестов и бегать вокруг храма с пением похабных песен, и даже до того, что те постельные мальчики спали в самом святом алтаре; а богатая в том посольском Пекинском монастыре колокольня сломана ли и для того только, чтоб в саду не видно было Ваших забав с теми своими гостями, постельными мальчиками? Два колокола, два большие бубна-таза, вместо колоколов употребляемые, три ковра, стенные аглицкие часы, всякого рода веса, и все покойным пекинским архимандритом в опись не внесенное, а также два куба – от чьего небрежения и кем то искрадено?

[2]. На 30-й пункт. Никаких мальчиков к нему, архимандриту, на подворье ни в каретах, ни в других колясочках никогда не приезжало. А приезжали большую частью к нему, изредка же, и к прочим, бывшим в свите его, архимандрита, в таковых экипажах китайские чиновники, купцы, приказные и духовные ламы и хошаны¹⁴; приезжали же к нему, Иакинфу, корейцы, монголы, бухарцы, тибетцы, приезжавшие в Пекин при своих посольствах; сии последние по приглашению его, Иакинфа, для обработания географии природных стран их; ламы и хошаны ради узнания от них правил веры их, приказные для получения от них бумаг и сведений о делах пограничных; купцы по одной чаем торговле, относительно извлечения о них сведения вообще об оном растении и торге им, а чиновники для гостбища и узнания от них политических Китайского государства дел. Настоятельские кельи, кои занимал он, Иакинф, на подворье посольском, никогда также никакою мерзостию не занимались никем, равно пения песен и крику никогда же никем производимо не было. Никто также до надевания крестов допущаем не был, чего, равно как и бегания вокруг церкви, пения похабных песен, не происходило. И никто до того, чтобы спать в святом алтаре, допущаем не был. Бывшая в посольском Пекинском монастыре колокольня сломана по изъяненному выше в 20-м ответном его, архимандриту, пункте причинам, а отнюдь не по той, которая приведена о[тцом] архимандритом Петром в примечаниях его. Два колокола, весом оба в 25 фунтов, один бубен или таз, а не два, кои китайцами употребляются при музыке, а не вместо колоколов, весом не более 6 фунтов, точно пропали из-под присмотра иеромонаха Серафима, и потому с него, Серафима, по оценке взысканы деньги, числа коих, он, Иакинф, не упомнит. И сии деньги употреблены на покупку им, архимандритом, мебели для братских келий, каковая мебель сдана им, архимандритом, о[тцу] архимандриту Петру по реестру с означением вышеупомянутой, употребленной на покупку ее суммы. Два, а не три ковра и весы все сданы, так же как и мебель, ему же, архимандриту Петру. О часах сказал уже он, Иакинф, выше в 27-м пункте. А кубов казенных не было, но был куб один у него, архимандрита, свой, который куда девался, не упомнит; оставался куб после переводчика Новоселова, но кому Новоселов отдал его, неизвестно ему, Иакинфу.

[1]. К чему сначала допустили Вы себя и других до необыкновенной роскоши и пышности? К чему же затеяли иметь из реки наносной на плечах воды фонтаны? На что хотели иметь мебель дорогое дерева, к чему завели необыкновенно дорогие двойные столовые часы и всё прочее; а напоследок, почувствовав бедность, всё допустили в продажу и в закладные лавки, и сами дошли до того, что при первом Вашем свидании с о[тцом] архимандритом Петром и его свитою были в чужом платье?

[2]. На 31-й пункт. Ни у самого его, архимандрита Иакинфа, и ни у кого из миссионеров его роскоши и пышности не было. Не было и фонтанов, не было и озера, а было одно точно корытце с красною или золотою рыбью, вмещающее около 4-х ведер воды, приносимой служителями на плечах в ведрах из канала, проведенного из озера, в 15 верстах от Пекина находящегося. Это корытце по зимам ставилось в кельях его, архимандрита, для вбирания в себя чаду, от каменного угля происходящего, а летнею порою стояло оно в ботаническом саду его, архимандрита Иакинфа. Мебель красного дерева, которого в Китае лучше нет, имел он, Иакинф, немного, для одной только приемной залы, и оной было восемь только кресел, один стол. А прочая мебель и у него, архимандрита, и у прочих миссионеров была простого

ильмового дерева; и оного, равно и красного, дерева мебель сдана им, Иакинфом, о[тцу] архимандриту Петру по реестру. Столовые часы, двое, китайской канトンской работы, были у него, архимандрита Иакинфа, собственные его, 500 рублей стоящие, кои он, пред прибытием в Пекин новой миссии продал китайцу за оную же цену. А зеркала, коих было два, стоящие не более 50 рублей, мерою трехчетвертные¹⁵, цельного стекла, в рамках, оклеенных красным деревом, подаренные ему, архимандриту, в Кяхте русским купцом Гневашевым и привезенные оттуда в Пекин с собою, подарил он, Иакинф, до прибытия в Пекин новой миссии, одно – корейскому посланнику, приезжавшему в Пекин, а другое – секретарю тибецкого^a посольства Лосань-Му ламу; раздал и другие свои вещи, яко собственные, и китайцам, и иностранцам, имевшим связь с ним, архимандритом. Следовательно, бедности там не имел и иметь не мог, получая избыточное жалование; не чувствовала того и вся бывшая при нем миссия, в продажу и в заклад ничего употреблено не было, кроме означенных двоих столовых часов. При первом свидании его, Иакинфа, с о[тцом] архимандритом Петром в Пекине и свитою его, имел он на себе одну только курму¹⁶ соболью, не потому, чтобы он, Иакинф, не имел своего пальто, коего у него довольно там было, и сюда вывезено не менее на 1200 рублей, сверх распроданного в Пекине, а для одного только приличия ко времени при встрече новой миссии, сопровождая довольно числом китайских чиновников. Сия курма взята им, архимандритом, на то время у коротко знакомого ему китайского чиновника Чан-мина, бывшего областным в Китае правителем.

32

[1]. Последние 3–4 года бытности Вашей в Пекине, принявшиесь Вы за труды, заставили многих удивляться, трудясь же, предполагали остаться там, в Пекине, на 2-й термин?

[2]. На 32-й пункт. Из тринадцати лет всей бытности его, Иакинфа, в Пекине первые шесть лет занимался он изучением языков китайского и манджурского, а последние семь лет, единственно упражняясь в разных переводах с китайского языка на российский, но как по сие время нет еще китайского словаря, переведенного на язык российский, а он, Иакинф, приобрел довольно сведения в словесности китайского языка, то и представлял святейшему Синоду, чтобы оставить его, архимандрита, в Пекине на второе десятилетие для того, чтобы в течение оного времени перевести ему китайский словарь на язык российский.

33

[1]. Быв Вы в оной столице, содержали ли в Иркутске на своем иждивениипольку Татьяну, выдавали ли ей пенсию через купца Аснашова? И она писывала ли к Вам в Пекин, что дожидается оттуда Вас в Иркутск, точно так, как своего?

[2]. На 33-й пункт. В бытность его, Иакинфа, в Пекине, никакой польки, именем Татианы, на иждивении своем в городе Иркутске не содержал. А брату родному сей женщины Татианы, которая какой нации, он не знает, Иркутского губернского правления приказному Антону, жившему с нею, Татианою вместе по отбытии его, Иакинфа, из Иркутска в Пекин, а до отбытия при нем, Иакинфе, в Иркутском Вознесенском монастыре [бывшим] писарем, отказал он, архимандрит, получать через торгующего в Иркутске купца Дометия^b Аснашова и действительно получил проценты с 670 рублей, коими Аснашов должен был ему, архимандриту, и то до отбытия его, Антона, в 1812-м году из Иркутска в милицию, а с отбытия выдача ему, Антону, оных денег пресеклась; и капитал с Аснашова получил сам он, архимандрит, в бытность свою в Иркутске на обратном пути из Китая в Россию. Означенная же Антонова сестра Татиана, бывшая в девках тогда, когда он, Антон, жил у него, архимандрита, один год в Вознесенском монастыре, находилась при своих родителях, из коих мать ее умерла в бытность его, Иакинфа, в Иркутске еще, а отец умер тогда, когда он, архимандрит, находился в Тобольском Знаменском монастыре под епитимией по известному о нем, Иакинфе, святейшему Синоду делу¹⁷. Она, Татиана, к нему, Иакинfu, в Пекин писем не присыпала и присыпать не могла по не имению на сие права частным лицам посыпать письма в китайскую границу. Следственно, он, Иакинф, ни одного письма не получал от нее, Татианы, во всю свою бытность в Пекине.

^a Так в ркп., т.е. «тибетского».

^b Так в ркп., возможно, должно быть «Дементия».

[1]. После того, как Вы, по изъяснению о[тца] архимандрита Петра, от роскошной своей жизни почувствовали в полной мере бедность, то к чему же пустились в разные промыслы и, открыв завод куриной и утиной, стали торговать яйцами, стали скупить вексели сумнительные или безнадежные и принимать на себя по чужим делам адвокатство? Поелику ж сей промысел, а наипаче поставка одеял на прокат в бордели, есть занятие самое предосудительное, особенно постыдное весьма для духовенства, то на какой конец допустили себя до таковых занятий и промышленности, и трибунал, узнавший о сем, запретил и тем, и другим заниматься?

[2]. На 34-й пункт. В 31-м пункте ответном сказал уже он, архимандрит, что в бытность свою в Пекине роскошной жизни не имел и бедности не чувствовал. Здесь же объясняется о том только, что завода куриного и утиного вовсе не открывал и яйцами не торговал; никаких векселей ни у кого не скупал и адвокатством по чужим делам во всю свою бытность в Пекине на себя не принимал; да и при многоразличных его, Иакинфа, там занятиях по званию настоятеля миссии и по учебным предметам вовсе не имел времени занимать себя таковыми неприличными сану архимандрита промышленностями и адвокатством. Не было никогда и того, чтобы он, Иакинф, допустил себя поставлять, как пишет о[тец] архимандрит Петр, одеяла в бордели из проката. Следовательно, китайскому трибуналу причины не было делать запрещение ему, архимандриту, заниматься тем, чем он, Иакинф, как выше сказано, отнюдь не занимался.

[1]. Причетник Константин Пальмовский, разбивший цирюлью, как в предыдущем 27-м пункте упомянуто о сем, как по справке в святейшем Синоде оказалось, в 1814-м году по грудной болезни, быв возвращен, остался по желанию его на службе в Иркутской губернии; а по изъяснению о[тца] архимандрита Петра, он, как важный преступник, заслуживал высылки, но остался без всякого наказания и прямо определен был в звание переводчика, что многим послужило и навсегда послужит великим соблазном к совершенному бесстрашию. Вы почему же такого преступника возвратили только, и то по болезни, а не выслали из миссии Пекинской и не донесли о поступках его куда следует для предания его суду и поступления с ним по законам, и через прикрытие пороков его и upущения сего попустили ему поступить на службу по Иркутской губернии? И тем паче, что Вам нельзя было не знать, какое то дело, по которому, как о[тец] архимандрит Петр упомянул, слуга подлежал пытке, а русские высыпале, подано на рассмотрение 1-му министру Циндрунтану^a, не могли Вы и о сем не знать, что покраже имения у иеромонаха Аркадия, изъясненная в 17-м пункте, вошла в состав важных волнений и происшествий.

[2]. На 35-й пункт. Бывший церковник Константин Пальмовский, посланный им, Иакинфом, из Пекина в Россию за святотатство и другие пороки к суждению^b, каким образом избег сего и мог определиться в Кяхте переводчиком, о сем подробно объяснено им, архимандритом, в предыдущем 23-м ответном же его, Иакинфа, пункте; а здесь присовокупляет к тому сие только, что в поданном от него, архимандрита, в китайский трибунал прошении о высылке Пальмовского из Пекина в Россию не было помещено никаких пороков Пальмовского, а причиной высылки его из Китая в Россию поставлена только грудная болезнь, потому что трибунал открытие преступления его, Пальмовского, в бумаге, почитая некою укоризною для российского правительства, присоветовал ему, Иакинфу, вместо пороков Пальмовского поставить причиной высылки его, Пальмовского, из Китая одну только болезнь. Дело, бывшее в рассмотрении у трибунала, коего первым министром и президентом Цин-Чжунтаном есть дело о покраже у иеромонаха Аркадия платья, о котором ясно изъяснено им, архимандритом, в 16-м ответном пункте, по сему делу никто из слуг не подлежал пытке, не подходили и русские высыпале из Китая. Да и само то дело в состав важных волнений и происшествий по существу своему входить не могло.

^a Далее написание этого имени варьируется.

^b Так в ркп., т.е. «к осуждению».

[1]. Бывший в Вашей свите ученик Громов по тому ли делу, которое в справке святейшего Синода упомянуто, или по другому какому, известному всему городу Иркутску, был Вам врагом, и сия между Вами и им вражда кончилась насильственною его, Громова, смертию; за ним, Громовым, таковая же смерть постигла студента Лавровского, по каким причинам? Прилагаемо ли было попечение, и по каким побуждениям, чтоб сыскать и истребить ученика Зимайлова, и до такой ли степени простиралось оное намерение, что Зимайлов близок был к погибели, но облегчила таковую участь объявленная им угроза в охранение своей жизни, что если сделано будет ему явное насилие, как и прочим, то он иеромонаха Серафима, как начинщика^a всех зол, зарежет?

[2]. На 36-й пункт. Бывшие при нем, архимандрите, в миссии ученики Евграф Громов и Маркел Лавровский еще в двугодичное пребывание их в г[ороде] Иркутске, по причине непринятия миссии в границы китайские, когда посольство российское, бывшее под начальством графа Головкина, отправилось в Китай, уклонились в рассеянную жизнь по причине их молодости и неопытности, и по прибытии с ним, Иакинфом, и прочими миссионерами в Пекин скоро соскучили^b занятиями языков китайского и манджурского и по причине праздности вдались в пьянство. И по сим причинам, не видя пользы от дальнего^c их пребывания в Пекине, писал он, Иакинф, к иркутскому гражданскому губернатору, чтобы оных учеников из Пекина вызвать и места их заменить другими. А как китайское правительство на отношение о том иркутского губернатора не согласилось на сие, то иркутский губернатор прислал к нему, Иакинфу, на имя Громова и Лавровского увещание, чтоб они, оставя свои порочные слабости, впредь вели себя трезво и занимались своими учебными предметами. Ученик Маркел Лавровский, тронутый помянутым увещанием, совершенно оставил страсть к пьянству и с великим прилежанием начал упражняться в языках китайском и манджурском, но не более как через полгода от усилившейся в нем чахотки помер месяца за девять прежде смерти ученика Евграфа Громова; а сей, на него, Иакинф, ожесточась за вышеупомянутое донесение его, архимандрита, к иркутскому гражданскому губернатору, с того времени, как получил вместе с Лавровским увещание губернаторское чрез него, Иакинфа, дерзнул произвести то, чтобы российская д[ипломатическая] миссия навсегда выслана была из Пекина. Но как таковое его покушение кончилось неудачными последствиями, то он, Громов, после сего и решился прекратить жизнь свою насильственною смертию, приняв яд в своих покоях; и тело его на третий день после таковой смерти погребено на российском кладбище одним из свиты его, Иакинфа, иеромонахом, не упомнит только которым, по отпетии^d оного тела по церковному чиноположению в посольской Сретенской церкви при нем, архимандрите Иакинфе, и всей свите его, Иакинфа. Он проводил сие тело за ворота монастырские, а далее до кладбища следовать не мог, потому что надлежало за гробом идти в китайском трауре, а оного у него, Иакинфа, не было. На щет же того, чтобы истребить ученика Зимайлова, и в мыслях его, Иакинфа, сего не было. Следовательно, Зимайлову близко быть к погибели не от чего^e было. Грозился ли ж Зимайлов зарезать иеромонаха Серафима, того он, Иакинф, не знает.

[1]. Вы, приняв на себя с учеником Сипаковым постройку церковной главы в монастыре пекинском и наняв подрядчика для оной постройки за 1080 лан, сумму столь превеликую, почему явили к сему делу чудное хладнокровие и небрежение, как пишет о[тец] архимандрит Петр, для чего не брегли^f о совершившейся неустойке подрядчика по контракту относительно оной постройки? Какие причины были тому, что Вы о[ти] архимандриту Петру и иеромонахам, членам совета Вениамину и Даниилу на примечании их о таковом Вашем небре-

^a Так в ркп., т.е. «зачинщика».

^b Так в ркп., т.е. «заскучали».

^c Так в ркп., т.е. «далнейшего».

^d Так в ркп., т.е. «по отпеванию».

^e Далее в ркп., возможно, пропущено «не».

^f Так в ркп., по-видимому, должно быть «не берегли».

жении возражали, и с жаром еще, что сделано все как следует, и говорили им, что они ошибаются в мнении своем, что в первый же год всё, и даже предорогая матица, несколько тысяч рублей стоящая, протечет? А как иеромонах Вениамин и ученик Зимайлов, влезши к той главе, нашли очевидную опасность и обличили подрядчика, во многом виновным противу контракта, заключенного Вами с ним, то сие и заставило Вас переменить упорное защищение, и Вы с Сипаковым, видя неудачу свою в том защищаемом Вами деле, дали знать о[тцу] архимандриту Петру, чтобы тому подрядчику не только не давать остальных денег, около 1000 руб., но настоятельно за неустойку в работе по контракту с него же еще и требовать; пред тем же, когда иеромонах Вениамин и Зимайлов решились влезть к главе и освидетельствовать работу, сами Вы были, но о неисправности подрядчика потаили, а с иеромонахом и Зимайловым и влезть к той главе не хотели? Хотя у оной прежде того и были без всякой еще причины. А когда Зимайлов при о[тце] архимандрите Петре и при Сипакове явно обличил подрядчика в неустойке по контракту и подрядчик в сем сознался, тогда сие заставило ли Вас переменить вышеупомянутое прежнее свое упорное защищение? Как архимандрит Петр и советники его оное о главе дело в полной мере возложили на Вас с Сипаковым, и потому, не вмешиваясь в решение того дела, просили Вас кончить сие дело, и как решите, на то они по необходимости и должны будут согласиться; то Вы, когда подрядчики и призванные к окончанию работы совершенно сознали свою вину в неустойке по контракту, удержали ли из обещанной цены сто лан? Но когда он, архимандрит Петр, стал просить Вас, чтобы Вы заставили подрядчиков подписать удовольствование их по той работе, тогда Вы для чего, в противность воли о[тца] архимандрита Петра, изорвали оба контракта?

[2]. На 37-й пункт. Постройку церковной главы в Пекинском монастыре он, архимандрит Иакинф, ни один, ни Сипаковым не принимал на себя и подрядчика для оной постройки не нанимал от себя; а только по просьбе о[тца] архимандрита Петра приисканы были Сипаковым по приказанию его, Иакинфа, подрядчики мастера, один медных, а другой золотых дел, оба китайцы, по именам ему, Иакинфу, теперь неизвестны от запамятования. Подряжал же их обоих сам о[тец] архимандрит Петр, а он, Иакинф, и Сипаков были при том подряде в качестве переводчиков. И как те подрядчики за оную работу взять ниже 1080 лан не согласились, то о[тец] архимандрит Петр, узнав от него, Иакинфа, о сей цене, заключил с ними контракты на свое имя о той работе при нем, Иакинфе. И оные контракты у о[тца] архимандрита Петра писаны были на китайском языке бывшим учителем его, Иакинфа, китайцем Ваном; из сих контрактов один сделан был с золотарем, а другой с медником. Впрочем, с стороны оных подрядчиков действительно контракты несовершенно выполнены, ибо медник не выжег медь на пьедестале^a главы до той степени черноты, какову представить в контракте обязался; а золотарь вызолотил главу, несовершенно вышлифовавши ее, отчего остались на сей главе раковины, представляющие ее негладкою; 1-е произошло от медника, умышленно хотевшего, употребив менее труда, получить более выгоды, надзора за ним не было, ибо он работу производил на своем заводе, около двух верст с половиною от подворья, и сей подлог медника открыт им, Иакинфом, через приглашенного им нарочно золотаря, китайца Айди^b; а 2-е от золотаря, воспользовавшегося из приставленных к надзору за ним иеромонаха настоящей в Пекине миссии Вениамина и Сипакова, отлучкою сего для заказания себе пищи в лавке, а 1-го незнанием китайского языка, ибо когда золотарь говорил ему, Вениамина, по-китайски, что глава довольно хорошо отшлифована и время золотить, то Вениамин, по уверению им о[тца] архимандрита Петра и его, Иакинфа, руками своими давал золотарю знать, что он, Вениамин, не понимает слов его, а сей^c знаки его, Вениамина, делаемые руками, почтя соглашением на допущение его к работе, в то же время с работниками своими вызолотил оную главу. Он, Иакинф, узнав о сем от Сипакова, нарочно приехавшего к нему в подворье с того завода, приехал в оный и, увидев главу вызолоченою уже, но несовершенно еще вышлифованную, спросил о причине таковой ошибки у золотаря, а потом у иеромонаха Вениамина, и, из слов их узнав, что сие произошло от вышепоказанного взаимного между ними недоумения, возвратился в подворье и довел об

^a Здесь и далее так в ркп., т.е. «пьедестале».

^b Возможно чтение «Айден».

^c Далее в ркп., возможно, пропущено «золотарь».

оном до сведения о[тца] архимандрита Петра, по совету с коим, находя невозможным поправить ту ошибку, тем паче что золото было монастырское, а не подрядчика, положили главу оставить в таковом положении, и с подрядчика ничего не взыскивать. Следовательно, с стороны его, Иакинфа, употреблено было всё возможное попечение о сей работе. Ни о[тцу] архимандриту Петру, ни миссионерам его, иеромонахам Вениамину и Даниилу, не имел он, Иакинф, резону делать какие-либо возражения относительно той работы на их примечании о неустойке медника и ошибке золотаря; и говорить им, архимандриту и иеромонахам, что они ошибаются во мнении своем, когда неустойка медника и ошибка золотаря открыта не ими, а от него, Иакинфа, как о сем сказано выше. От о[тца] архимандрита Петра и от обоих иеромонахов его об оной главе и об матице таких слов, что оные в первый же год протекут, он, Иакинф, не слыхал. А говорено ли было это Сипакову, не знает, не знает и того, нашли ли какую опасность иеромонах Вениамин и ученик Зимайлов, когда по лестнице входили к главе и осматривали оную. Не иеромонах Вениамин и Зимайлов обличали подрядчика, во многом виновным со стороны чернения меди, а он, Иакинф, и с его стороны было настаиваемо, чтобы меднику осталенную по контракту сумму, до 700 рублей серебром простирающуюся, не отдавать. А как о[тец] архимандрит Петр настоял, чтобы для избежания хлопот всю осталенную сумму выдать меднику, то наконец, по добровольному согласию как медника, так и обоюдному их, архимандритов, идержано у него, медника, только сто лан, стоящих на наши деньги 216 рублей серебром. В то время, когда Вениамин с Зимайловым входили к главе, был ли он, Иакинф, сего не упомнит, а сам по себе бывал у той главы неоднократно, когда нужда того требовала. Вышеупомянутые контракты, заключенные с золотарем и с медником о[тцом] архимандритом Петром при нем, Иакинфе, уничтожены не им, Иакинфом, а сожжены самими подрядчиками у него, Иакинфа, и при нем тогда, когда при последней сделке, учиненной по окончании работы, добровольно согласились на уступку монастырю ста лан серебра из условной суммы. И сие происходило при иеромонахе Вениамине, с кем о[тец] архимандрит Петр прислал к нему, Иакинфу, те контракты для выдачи оных подрядчикам, чем и сожжением сих контрактов подрядчиками у него, Иакинфа, дело сие и кончилось.

38

[1]. Вы, получа от о[тца] архимандрита Петра привезенное им с собою в Пекин за год жалованье, употребили ли оное, и в каком количестве, на закупку книг под предположением от поднесения их надеяться хорошей милости? Из сих купленных Вами книг большая часть вывезена ли в казну, и почему, и куда именно? Бывший ученик Сипаков, быв главным правителем над куриным, утиным и яичным заводами и промышляя извозами, получал ли от Вас серебро пудами? Чье это серебро? Сколько пуд оного Вы ему передали, на какой конец и на каком основании таковую выдачу производили?

[2]. На 38-й пункт. Из полученного им, Иакинфом, от о[тца] архимандрита Петра за один год на себя и на всю бывшую при нем миссию привезенного о[тцом] архимандритом в Пекин с собою жалованья, выдав принадлежащее по окладу количество прочим миссионерам, собственно принадлежащее ему, Иакинфу, употребил на свои нужды, и на покупку книг издержал из того ж жалованья пятьсот рублей серебром. Книги же сии состоят из одного экземпляра, заключающегося в семидесяти семи томах пространной истории Китайской империи. Они и находятся при библиотеке его с прочими книгами китайскими ж в обозе, не дошедшими еще до него, Иакинфа, а имеет он реестр только главным книгам из той библиотеки, в том числе и китайской истории. Все сии книги имеет для собственного своего употребления, а отнюдь не для поднесения кому-либо, напаче в надежде каких-либо милостей. Из книг такового звания, какого звания оные его, Иакинф, книги, может быть, в здешних казенных библиотеках, состоящих при Азиатском Иностранный коллегии департаменте, в императорской публичной и в Военном ведомстве, не^a находятся. Сипаков, имевши при себе одного только мула, которого употреблял для выезду своего, а иногда для выезду его ж, Иакинфа, серебра пудами от него, Иакинфа, никогда не получал, а получал серебром одно только свое жалованье; но заводов куриных, утиных и яичных при посольском подворье, где он, Сипаков, жил, иметь не мог по

^a В рукп. слово «не» прочитано предположительно.

неимению тут места для таковых заведений. А имел ли оные где-либо инде вне подворья, о сем ему, Иакинфу, неизвестно.

39

[1]. В бытность Вашу в Пекине силились ли Вы погубить переводчика Новоселова и по каким причинам обнесли его? И кем из миссионеров Ваших обнесен он Вам худо знающим монгурский язык и не могущим выражать бумаг бывшего в Иркутске губернатора Трескина, когда прочнее его, Новоселова, знатоков в монгурском языке, как объяснил отец архимандрит Петр, не бывало, потому что он мунгальский язык знал с младенчества, а мунгальский с манджурским так близок, как латинский с италианским?

[2]. На 39-й пункт. Во всю бытность его, Иакинфа, в Пекине находящегося в Иркутске при тамошнем гражданском губернаторе переводчиком китайского и манджурского языков Василя Новоселова погубить и не мог, и в мыслях того не имел, ибо ошибка в каком-либо переводе, его ли, Новоселова, или других переводчиков, есть маловажная погрешность, не подлежащая законному взысканию. Сего переводчика Новоселова в слабом якобы знании им манджурского языка ни сам он, Иакинф, никогда никому не обносил, ни ему, Иакинфи, никто из миссионеров его таковым не описывал. А как он, Иакинф, сам несведущ в языке манджурском, посему и не мог судить о сведении в оном языке того переводчика Новоселова; равным образом неизвестен ему, Иакинфи, и язык мунгальский. Следовательно, Новоселов может ли российские листы точно выражать на помянутых двух языках, он, Иакинф, знать не может.

40

[1]. В листе на российском языке, присланном в китайский трибунал, о новой в Пекине миссии оказалось одно слово «шаби» подчеркнуто. Сие выдумано поставить ли^a на месте изглаженного собственного имени Израиль, бывшего в составе новой миссии иеродиакона? А это, по изъяснению о[тца] архимандрита Петра, произошло с Вашего доноса своему Отечеству, будто бы Азиатского Иностранной коллегии департамента переводчик Степан Липовцов имя Израиль пропустил и что вместо сего собственного имени будто он, Липовцов, назвал Шаби послушником. Вы с своею свитою, хотя защищить, подполагали^b[ли], что сей и без просьбы его не был принят в числе новых миссионеров, потому что якобы пропущен в российском о сей новой миссии листе на русском языке, ибо, как Вы вздумали, и особенно, видя непонятное китайского трибунала отношение российскому Сенату, что якобы прислано из России в Пекин только 9 человек, вздумали подделываться под сие своими выдумками, к разрешению коих в нашем Отечестве не найдется средств учинить для оного одним разом два важные обмана? А как с того российского листа перевод оного на манджурский [язык] делала русская школа, а сей школе помогал в том Сипаков. И оный перевод подаван был старшим русской школы переводчиком Шу о[тцу] архимандриту Петру при Вас и при Сипакове; и он, архимандрит Петр, несколько для связи указал ли им и поправил ли, не касаясь токмо имен, и тут имя Израиля было ли ясно изображено, как и прочих? После сего начали ли говорить, что Израиль совсем и в бумагах не упоминается? Один тот же лист о новой миссии с латинского языка переведил епископ Гау, и везде ли упомянуто имя Израиля? Сей на манджурском языке лист архимандрит Петр показывал ли, сверх своих иеромонахов, приставу Тимковскому, и изъявлял ли, и засвидетельствован ли им тот самой великой важности пропущенный термин?

[2]. На 40-й пункт. Когда из состава нынешней в Пекине миссии иеродиакон Израиль подал прошение о[тцу] архимандриту Петру о увольнении его из Пекина в Россию за слабостию здоровья, и о[тец] архимандрит Петр отнесся о сем в китайский трибунал или приказ Иностранных дел. Тогда сей приказ вошел о том же к своему государю императору [с] докладом; на каковой доклад тамошний Тайный совет, наводя справку о именах всех членов новой миссии, открыл, что в листе из российского Сената о оной новой миссии в китайский приказ Иностранных дел, на трех языках посланном: российском, латинском и манджурском, в сем

^a В рукп. слово «ли» вписано другими чернилами и почеркам; также возможно чтение «Ли».

^b Так в рукп., т.е. «предполагали».

последнем, то есть манджурском, слово Израиль пропущено. По сему поводу Тайный совет прислал в российское подворье своего сторожа с запискою спрашиться, как называется иеродиакон означенной миссии. Сей сторож, узнавши о имени иеродиакона Израиля, возвратился в Тайный совет. Чрез день после сего узнали все миссионеры старой и новой миссий от сторожа ж приказа Иностранных дел, узнал и он, архимандрит Иакинф, что в листе из российского Сената на манджурском языке опущено точно имя Израиль. Накануне выезда его, Иакинфа, из Пекина смотритель российского подворья с двумя другими чиновниками из приказа Иностранных дел, западши к нему, Иакинфу, проститься, именем своего китайского правительства сказал, что в листе из российского Сената о новой миссии в переводе на манджурском имя иеродиакона Израиля было опущено, но как их Тайный совет при получении присланного из российского Сената вышеупомянутого трехъязычного листа не усмотрел того пропуска имени Израиля, то их правительство на сей раз не будет и писать о том в Россию; а поручил ему, Иакинфу, по возвращении в Россию объявить о сем высшему своему начальству; при сем еще присовокупил, что старший священник новой миссии в поданном в приказ Иностранных дел прошении оуволнении иеродиакона Израиля в Россию поставил одну только болезнь сему причиною, а китайское правительство не нашло в Израиле никакой болезни, то на словесный доклад президента приказа китайский император словесно же и указал Израилю уволить из Пекина в Россию, а на месте его ни из бывших тогда в Пекине русских не оставлять, ни из России вновь никого не принимать; о чем просили также оные трое чиновники его, Иакинфа, по возвращении донести начальству. По сей причине только в листе из китайского приказа Иностранных дел, в российский Сенат посланном, в ответ на лист российский сказано, что тамошнее правительство приняло от пристава Тимковского новую миссию, состоящую из девяти точио человек. Прочего относительно сего дела, помеченного в 40-м вопросном пункте он, Иакинф, ничего не знает, тем более что о[тц] архимандрит Петр с учителем русской школы Шу говорил об оном предмете на манджурском языке, а сего языка он, Иакинф, не знает.

41

[1]. При снятии от Вас советом новой в Пекине миссии почему не оказалось налицо^a двух больших медных бубнов, вместо колоколов употребляемых, стенных часов, двух китайских весов и трех ковров? И почему также о пропаже оных вещей никаких запросов сделано не было? За пять проданных Вами домов отдано ли от Вас 65 фунт[ов и]^b $\frac{3}{4}$ [фунта] новой миссии из суммы, привезенной тою свитою на Вашу свиту и употребленной на переделку полуразвалившейся главы на Сретенской церкви? По каким причинам два западной церковной стены большие отверстия остались незамеченными, колокольня срыта до основания, а колокола надверей^c столбах повешены? Два колокола разбитые, два медных подсвечника, семь блюд свинцовых в 42-х гинах¹⁸, пропавшие из-под присмотра Серафима, почему заменены диваном, ширмами и двумя столами, вещами, не соответственными тем вещам пропавшим? Шестеро риз, 9 епитрахилей, 4 оаря и один стихарь к кому от Вас отправлены в Иркутск для раздачи по бедным церквам? Успенская церковь для чего допущена Вами до совершенного обнищания, а не починивалась и не поддерживалась во всю Вашу бытность в Пекине?

[2]. На 41-й пункт. При снятии от него, Иакинфа, новою пекинскою миссию монастырского имущества каких вещей не явилось и какими вещами оные заменены, о том означено в реестре не явившихся тогда в наличности вещей, от него, Иакинфа, о[тц] архимандриту Петру сообщенном, и выше о сем в ответном 30-м пункте сказано уже было им, Иакинфом; хотя ж те пропавшие вещи не были внесены в описание монастырского имущества, но как они, до их пропажи, числились казенными и были под смотрением иеромонаха Серафима, то сей и без запросов с стороны его, Иакинфа, о таковой пропаже оставил добровольно, в замену их, бывшие в его кельях деревянные нары, ширмы и два стола. Пять домов, монастырю принадлежащих, проданы им, Иакинфом, частным людям, китайцам, по причине совершенной их ветхости и неспособности к перестрою на медные деньги, о количестве которых он, Иакинф, не

^a Так в рукп., т.е. «налицо», «в наличии».

^b Утраченные буквы восстановлены по содержанию ответного пункта.

^c В рукп. слова «на дверей» прочитаны предположительно.

упомнит и за которые о[тец] архимандрит Петр сам пожелал взять от него, Иакинфа, серебром по курсу и получил оного 65 фунтов и $\frac{3}{4}$ [фунта] точно из привезенной им, архимандритом Петром, на прежнюю миссию суммы из количества, в жалованье ему, Иакинфе, причитающе-гося. Два западной церковной стены отверстия, мерою каждое в пол-аршина и в глубину, и в ширину, сделанные при нем, Иакинфе, для вложения балок, на которых должна была держать-ся кровля над папертью, остались незаделанными, потому что он, Иакинф, не имел времени построить ту кровлю над папертью. О колокольне, что она по какой причине сломана, сказано уже им, Иакинфом, в 20[-м] ответном его пункте; колокола же, коих числом только три, и то все маловесные, так что во всех не будет и восьми пуд, действительно повешены на двух столбах, утвержденных на мраморном педиестале^a, и покрытых деревянною кровлею, окрашенною лазурью под лаком, под коим выкрашены деревянные те столбы, и часть педиестала, деревянного же, киноварью, что все стоит около 300 рублей серебром. Разбитые два зазвонные коло-кольчика весом не более 35 фунтов, медные два подсвечника, принятые им, Иакинфом, от предместника его, архимандрита Софрония, в числе лому, как поврежденные или ветхие, и семь свинцовых блод весом 42 гина или фунта китайских, пропавшие, как выше сказано, из-под присмотра иеромонаха Серафима, заменены вышеупомянутыми вещами его, Серафима, по-тому: 1-е, что соответственных пропавших вещам изделий в Пекине отыскать невозможно, 2-е, что оставленные Серафимом в замену пропавших деревянные вещи, яко новые, и деревянные^b, а дерево в Китае весьма дорого, так что бревно, стоящее здесь в С[анкт]-Петербурге двух рублей серебром, в Пекине стоит не менее 400 рублей серебром, по их доброте и нужде быть в кельях, по оценке довольно соответствовали вещам пропавшим. Ризничные вещи, озnaченные в сем 41-м вопросном пункте, по совершенной их ветхости отправлены им, Иакинфом, с прежним пекинским архимандритом Софронием к преосвященному иркутскому при отно-шении, для раздачи по бедным церквам, ибо за исключением сих ветхих вещей, коих употреблять в Пекинском монастыре яко месте иностранном было неприлично, сей монастырь ризницею очень достаточен. Находящаяся в Пекине при русской сотне Успенская церковь, рассто-янием в 7 верстах от российского подворья, оставлена им, Иакинфом, в хорошем состоянии, и ветхости в оной церкви вовсе неприметно было; да и кровля на сей церкви ежегодно была подмазываема, и течи, отчего лес мог бы погнить, не было.

42

[1]. Значительная команда, бывшая при Вас у ворот российского подворья или монастыря в Пекине, снятая, по изъяснению о[тца] архимандрита Петра, по прошествии одного только месяца от прибытия его с своею миссиюю, по какому поводу и для чего находилась? По какой также причине определена была для Вашей же только миссии, купно и для Вас, полицей-ская команда? И по каким побудительным обстоятельствам были над вратами монастырски-ми надписи, поносные и оскорбительные для имени русского? Кем и когда оные учинены и кто до сего допустил сделать оные? Долго ли сии надписи на вратах существовали и когда сняты и изглажены, и по приказанию ли чьему, или по собственной воле снявших и изгладивших оные?

[2]. На 42-й пункт. Определенная китайским правительством с самого основания в Пекине российского подворья команда, состоящая, включая офицеров, из десяти человек ки-тайцев, по законам китайским должна была всегда находиться при вратах посольского по-дворья. Но вся сия команда бывает тогда только, когда приедет новая миссия и пока вновь прибывшие не уберут своих вещей со двора в свои покой и не приобщнут к китайским обыкновениям, что продолжается не более месяца. После сего вся команда расходится по своим домам, а при воротах остается только один солдат для запирания и отворяния тех ворот. Что касается до особенной полицейской команды, оной вовсе ни для него, Иакинфа, ни для свиты его не было. А находились и при новой свите остались определенные уложением китайского правительства в посольское подворье для надзора за оным, из приказа Иностранных дел, шесть человек, из коих двое бошко^c в качестве капралов, два сторожа и два дворника. На стол-

^a Так в ркп., т.е. «педиестале».

^b Следующая далее часть предложения именно так звучит в ркп.

^c Так в ркп., термин неясен.

бе ворот монастырского посольского подворья было приkleено на бумаге объявление по случаю произошедшего в Пекине бунта о том, чтобы праздных и незнамых бродяг не впускать и не принимать в подворье, каковое объявление было и на вратах Успенской церкви, что при русской сотне, и на кладбище русском, равным образом и на воротах всех жителей в Пекине. Сии надписи существовали до тех пор, пока где бумага от перемен воздушных не истлела. Впрочем, оное объявление ничего поносительного и оскорбительного для имени русского в себе не заключало. О бунте том, произошедшем в 1813-м году, донесено было им, Иакинфом, Коллегии иностранных дел через иркутского гражданского губернатора.

43

[1]. Сипакову, мелочному, по словам о[тца] архимандрита Петра, торгашу, занимавшемуся в Пекине одними подлыми корыстями, и что 3 т[ысячи] уток, 3 т[ысячи] куриц, было там все упражнение его, сверх того, что он был и извоющим, какие с Вами имел бумаги? Не было ли относящихся до аглицкого посольства^a, или обоюдной, империи, переписок, и силились ли Вы с ним от г[осподина] пристава Тимковского получить за оные бумаги до десяти тысяч рублей или одной тысячи лан? Ибо Вы с Сипаковым, почтая всякую меру к получению серебра и самую бесчестнейшую хорошею и предположив занять выгодное в Отечестве место, выдумывали, погубив своих сочленов, погубить и в Отечестве могущих Вам быть, в предположениях Ваших, опасными, переводчиков Степана Липовцова и Новоселова, коего многие годы губили? Вы, захотев быть драгоманом, а Липовцова и Новоселова считая худыми переводчиками, принялись переводить китайскую историю, но переводили ону с толкования китайца и с помощью Сипакова, помогавшего Вам в том и по манджурскому же языку. Занятие же таким переводом истории сильно научило Вас чрезвычайной хитрости, и миссия Ваша, последуя Вам, приобрела совершенные успехи в познании китайского духа по всем отношениям; чистая же христианская нравственность для всей Вашей миссии было одно уже невежество, когда дочисто все по сему предмету истреблено и ниже признаков оных не осталось. Поколику ж таковая мнимая мудрость помогла Вам изобрести средство к открытию себе щастя^b, то Вы и весь Ваш комплект, из миссионеров Ваших состоявший, важно ли себе пицею сочли подачу прибывшим при новой миссии иеродиаконом Израиля прошения и подачу же от о[тца] архимандрита Петра в трибунал бумаги оувольнении его, Израиля, за болезнию обратно в Россию?

[2]. На 43-й пункт. Бывший ученик Сипаков никаких бумаг с ним, архимандритом Иакинфом, не имел; переписку же относительно разных политических обстоятельств империи Китайской вел он, Иакинф, с иркутским гражданским губернатором Трескиным секретно, и вся сия переписка с губернатором Трескиным известна Иностранный коллегии одной токмо; списков с сей секретной переписки пристав г[осподи]н Тимковский никогда у него, Иакинфа, не просил. Следовательно, ему, Иакинфу, равно как и Сипакову, не было причины употреблять какие-либо усилия к получению от г[осподи]на Тимковского 1000 лан серебра за оные списки. Что ж касается до бумаг о принятии последнего английского посольства при Пекинском дворе, то путешествие бывшего посла при сем посольстве лорда Амстерда давно уже издано в свете и переведено на разные европейские языки. Чтобы он, Иакинф, выдумывал, как пишет о[тец] архимандрит Петр, погубив своих сочленов, погубить еще настоящих переводчиков Липовцова и Новоселова, сие есть дело по существу своему невозможное, потому что он, архимандрит Иакинф, не может занять места оных переводчиков как по сану, так и по незнанию им манджурского языка. Не опасен также нисколько для него, Иакинфа, означенный переводчик Липовцов, как не имеющий к нему никакого отношения. О[тицу] архимандриту Петру о бывших при нем, Иакинфе, учениках не говорил того, что они были худые переводчики, да сказать сего об них невозможно, ибо они, в особенно же из них Сипаков, как с российского на манджурский, так и с него на российский переводят довольно свободно. Китайскую историю с китайского языка переводил он, Иакинф, сам, без помощи Сипакова, а при помощи одного толь-

^a Следующие слова, вплоть до «переписок», так звучат в ркп., слово «переписок» исправлено другими чернилами из «переписав».

^b Так в ркп., т.е. «счастья».

ко китайского учителя, при нем, архимандрите, жившего, так как китайская история по разночтности объемлемых ею предметов наполнена разнородных выражений, которые для пояснения их необходимо требуют ученых справок. Сие занятие доставило только ему способы узнать сущность правления китайского, и дух сей нации, равно приобрести полные топографические сведения о Китайской империи, что всё, купно с географиесю, им же, Иакинфом, переведеною, действительно одно только и занимало его в последние пять лет бытности в Пекине. Таковые занятия, особенно в истории китайской, содержащей в себе правила чистой нравственности, утверждающей народы и государства, не могли по существу своему никако вредить чистейшей христианской нравственности, которая им, Иакинфом, всегда была сохранием и уважаема. Бывшему при новой миссии иеродиакону Израилю, желавшему возвратиться из Пекина в Россию, как он, Иакинф, так и прочие миссионеры, равно и пристав Тимковский, не только не советовали подавать об оном прошения, но еще удерживали его от того, представляя, что он, по возвращении в Отечество, будет судим, как бы с намерением искашивший случая под сим предлогом побывать только в Пекине; но он, Израиль, никого из них в том не послушав, свое желание исполнил.

44

[1]. Вы в обратном своем пути из Китая в Россию чрез Иркутск, для чего из сего города и от кого взяли с собою и привезли сюда в С[анкт]-Петербург 12-летнего тамошнего мещанского мальчика Марка Маркова Верхотурова и исходатайствовали ему из Иркутского магистрата паспорт на три года в разные российские города для собственных его нужд и промысла, и заплатили с оного паспорта в казну 30 рублей пошлин в том магистрате? Да из Казани была ли необходимая нужда нанять тамошнего мещанина Степана Васильева Волнистова и привезти его также сюда в С[анкт]-Петербург с годовым паспортом, выданном из Казанского магистрата для собственных его нужд и промыслов, и почему как сего, так и 1-го не было у Вас при келье тогда, когда консистория с лавским казначеем и экономом, нашед Вас в келье, которую занимали иеромонахи Серафим и Аркадий, сего в крепком сне, а Вас и Серафима с учителями здешнего училища Словинским и Кудрявцовым за карточною игрою бостоном, и для кого в передних Вашей и иеромонашеской кельях было в то же время коровье молоко у Вас в бутылке, а у иеромонахов в графине, ибо тогда была 6-я великопостная неделя?

[2]. На 44-й пункт. В обратном пути его, Иакинфа, из Пекина в Россию чрез губернский город Иркутск, взял с собою из сего города и привез сюда в С[анкт]-Петербург иркутского 21-летнего мещанского сына Марка Маркова Верхотурова по просьбе матери его, вдовы-мещанки Марфы Верхотуровой, для отдачи в лавку обучаться торговле, но по сие время [он] не отдан, потому что комиссиянер Наквасин, чрез которого должно отдать того мальчика в лавку или магазин, еще сюда не приехал из Иркутска; по сей-то причине он, Верхотуров, и оставался у него, Иакинфа. Паспорт, данный ему, Верхотурову, из Иркутского магистрата сроком на три года для собственных его нужд и промысла, получен им, архимандритом, от самой матери его, Верхотурова, так как оный исходатайствован из магистрата и пошлины за оный внесены ею, Верхотуровою. Из Казани до С[анкт]-Петербурга нанят был им, Иакинфом, для услуг тамошний мещанин Степан Волнистов, по необходимости той, что никого другого ради услуг при нем, Иакинфе, не было. По сей же причине остался он, Волнистов, и здесь при нем, Иакинфе, получая от него, Иакинфа, за каждый месяц по 25 рублей платы. В то время, и именно на 6-й неделе великопостной неделе, когда он, Иакинф, вызван был здешнего уездного училища учителем Степаном Словинским из кельи его, Иакинфа, в келью, которую занимали бывшие в свите его, Иакинфа, иеромонахи Серафим и Аркадий, и в оной за ним, Словинским, и с другим учителем же, ему, Иакинфи, неизвестным, и с иеромонахом Серафимом занялся от скучи бостоном, означенных мальчика Верхотурова и мещанина Волнистова не прилучилось быть при келье его, Иакинфа, потому что они в то время оба вместе уходили в гостиный двор для покупки ему, архимандриту, мелочных вещей. А молоко в передней его комнате было не для него, Иакинфа, а для приехавшего сюда с ним, архимандритом, из Тобольска и поступившего в С[анкт]-Петербургский университет тамошнего соборного ключаря Петра Фелицына сына Николая, которое и покупал он, Николай, сам на свои деньги. У иеромонахов же, Серафима и Аркадия, в келье для кого было в графине молоко, он, Иакинф, не знает, да и стояло ли оное на

лавке, того, проходя мимо, вовсе не приметил. В первые годы с прибытия своего в Пекин до самого выбытия оттуда иеродиакона Нектария исповедовался у иеромонаха Серафима, а с того времени на исповеди был не каждый уже год. А как соборного служения без диакона составлять было нельзя, то с выбытия иеродиакона Нектария и не мог приобщаться святым тайнам.

И в сих ответных пунктах показал он, архимандрит Иакинф, сущую правду.

По листам рукоприкладство и подпись: К сим ответным пунктам архимандрит Иакинф руку приложил. Секретарь Михаило Соколовский.

Л. 33–74 об. Подлинник.

П р и м е ч а н и я

¹ Датировано по дате определения Санкт-Петербургской духовной консистории о составлении вопросных пунктов их доноса учеников и П. Каменского для допроса архимандрита Н.Я. Бичурина (ДГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 413. Л. 32).

² Явная ошибка в документе. Ученик миссии Е. Громов покончил с собой не в Иркутске, а в Пекине (см. № 1/36).

³ Имеется в виду Кяхтинская торговая слобода, расположенная в Верхнеудинском уезде Иркутской губернии. В XVIII–XIX в. Кяхта была центром российско-китайской торговли (Щекатов А. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком. М., 1804. Ч. 3. С. 1044–1052).

⁴ Неделя вайй – шестая (вербная) неделя Великого поста, в которой отмечается праздник Входа Господня в Иерусалим.

⁵ Имеется в виду представитель маньчжурской императорской династии Цин, управлявшей Китаем в 1644–1911 гг.

⁶ Под «русской ротой» имеется в виду военное подразделение албазинцев, поступивших на службу к императорам Китая.

⁷ Лан или лян – старинная китайская денежная единица, равная около 37,7 гр. серебра.

⁸ Здесь и далее под «министерством», или «приказом Иностранных дел», или «китайским трибуналом» подразумевается Лифаньюань – одно из учреждений Китайской империи, отвечавшее за управление подчиненными Китаю монгольскими территориями и ведавшее отношениями с Россией.

⁹ Троице-Савская крепость, или Кяхтинский фортпост – российская пограничная цитадель на границе с Китаем рядом с Кяхтинской торговой слободой (ныне г. Кяхта в Республике Бурятия).

¹⁰ Марк Тулий Цицерон (106 г. до н.э.–43 г. до н.э.) – политический деятель, оратор и философ в Древнем Риме. Под «Антонием» подразумевается Марк Антоний (83 г. до н.э.–30 г. до н.э.), древнеримский полководец и политик, против которого Цицерон неоднократно выступал с речами, обвиняя его в жестокости, аморальных поступках, стремлении узурпировать власть.

¹¹ Луций Анней Сенека (4–65 гг.), древнеримский философ и поэт. Под «Гостем», несомненно, подразумевается Гостий Квадра, богатый римлянин, известный своей половой распущенностью и развратными оргиями; про него Сенека упомянул в своем трактате «О природе». Под «Латроном», видимо, следует подразумевать испанского ритора, известного своим красноречием, друга Сенеки Порция Латрона.

¹² По данным П.В. Денисова, К. Пальмовский был назначен в канцелярию иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина и стал писать доносы на Н.Я. Бичурина (Денисов П.В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. С. 61).

¹³ Интересные дополнения по 28-му ответному пункту Н.Я. Бичурина содержатся в показаниях причетника В.И. Яфицкого. Он, в частности, сказал: «Живущий в Пекине принц, имеем Николай, крещен при нем, Яфицком, одним иеромонахом из двоих, бывших в одной миссии с ним, Яфицким, а которым именно, не упомнит за долгопрощшим временем. Пред крещением же того принца Николая, равно и других язычников, присоединившихся к нашей церкви по собственному желанию, каждому раздавались катехизисы на китайском языке для изуче-

ния, а по изучении каждый же архимандритом Иакинфом был в катехизисе слушан, и потом уже совершалось над ними таинство св[ятого] крещения по церковному чиноположению через иеромонахов, коему когда от архимандрита Иакинфа препоручаемо было то исполнить; и о том в первый раз исповедовал оных новопросвещенных сам же архимандрит как знающий китайский язык совершенно» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 413. Л. 178–178 об.).

¹⁴ Ламы, хошан или хэшаны – буддистские монахи.

¹⁵ Четверть – здесь мера длины, равная 18 см.

¹⁶ Курма – короткая шуба.

¹⁷ Имеется в виду дело 1803 г., когда Н.Я. Бичурин, будучи в Иркутске архимандритом Вознесенского монастыря и ректором местной семинарии, был обвинен Синодом в связях с некоей Н. Петровой и сослан на исправление в Тобольский знаменский монастырь (*Денисов П.В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. С. 38–46*).

¹⁸ Н.Я. Бичурин в своем ответе указал, что мера гин есть китайский фунт (цзинь – мера веса, равная 0,5 кг). Также под «гином» может подразумеваться упоминаемая в Библии мера жидкоких тел, равная примерно 0,4 литра.

A.A. Chibis

«HIS LIFESTYLE IN BEIJING WAS IN THE DAILY EXERCISE IN CHINESE LITERATURE ...» (A DOCUMENT ON N. YA. BICHRIN'S ACTIVITIES IN CHINA)

The publication presents a document on the activities of an outstanding domestic sinologist N. Bichurin in China. The historical source provides information on N. Bichurin's guidance of the Russian spiritual mission in Beijing, his studying the Chinese language, collection of information on history, culture, geography and ethnography of China.

Keywords: Orthodox missionary work, Russian-Chinese relations in the 19th century, Russian spiritual missions in Beijing, domestic sinology.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ДИАЛОГ О КНИГЕ В.А. ВАСИЛЬЕВА «АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ КОКЕЛЬ, 1880–1956: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО»

П

рактически все труды исследователей проходят «тест» на научность и востребованность. Одни из них остаются почти не замеченными специалистами и являются собой лишь факт историографии, другие же становятся чуть ли не настольной книгой для коллег по цеху, а иногда – и для широкой научной аудитории. Бывает и так, что с выходом из печати монографии или статьи разгораются жаркие споры. Все зависит от масштаба личности творца научных изысканий.

В периодических изданиях крупных научных центров страны публичное обсуждение высококвалифицированными специалистами трудов отечественных и зарубежных исследователей давно стало своего рода нормой. Регионы в данном плане заметно отстают. Исключение не составляет и Чувашия. Традиция публичного обсуждения трудов исследователей чувашского гуманитарного научного сообщества и нашим научным журналом была заложена совсем недавно – в 2014 г. Напомним, что в девятом номере настоящего ежегодника увидели свет материалы диалога о совместной книге главного редактора газеты «Хыпар» А.П. Леонтьева и доктора филологических наук Н.И. Егорова «Откуда мы? Куда идем? Беседы под древом познания. Книга I» (Чебоксары: Изд. дом «Хыпар», 2012. 608 с.: ил.). В ее обсуждении приняли участие историки, филологи, искусствовед, философ и социолог.

В настоящем номере научного журнала объектом публичного обсуждения стал труд¹ Владимира Александровича Васильева, посвященный жизни и творчеству известного живописца А.А. Кокеля. Его автор – кандидат исторических наук, доктор культурологии. Участниками форума стали доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев (Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН), доктор филологических наук Ю.М. Артемьев (Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова – ЧГУ), кандидаты искусствоведения А.И. Мордвинова и Ю.В. Викторов (ЧГИГН), кандидат исторических наук В.И. Макаревский (г. Чебоксары), А.П. Анохин (Союз художников Чувашии), В.Н. Алексеев (Чувашское книжное издательство), Г.Н. Иванов-Орков (Чувашский государственный художественный музей – ЧГХМ).

М.Г. Кондратьев

Поставленная на обсуждение книга касается не только истории искусства Чувашии и искусствоведения. На мой взгляд, она дает повод не столько для научной дискуссии, сколько для разговора о состоянии гуманитарной науки у нас в республике, в определенной мере и во всей России.

¹ Васильев В.А. Алексей Афанасьевич Кокель, 1880–1956: жизнь и творчество. 2-е изд., испр. и доп. – Чебоксары: Пегас, 2009. – 336 с.

Мы разослали приглашения на наш «круглый стол» во многие организации. Вижу, что здесь присутствуют, кроме сотрудников Чувашского государственного института гуманитарных наук, представители Национальной библиотеки, Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, Чувашского государственного художественного музея, Чувашского книжного издательства, Союза художников Чувашии – в лице его председателя, а также, я бы сказал, весьма эрудированный исследователь истории чувашской художественной культуры Макаревский Валерий Иванович. Кстати, он уже публиковал рецензии на обсуждаемую книгу. Представителей министерств, к сожалению, нет. Хотя я сам лично передал туда приглашения. Нет и представителей кафедры археологии, этнографии и региональной истории ЧГУ, где работает автор обсуждаемой книги: они тоже получили приглашения.

А.П. Анохин

Для осмыслиения целостности изобразительного искусства Чувашии сегодняшний разговор мне представляется очень важным: мы возвращаемся к серьезному обсуждению его проблем в стенах института, который вырабатывает критерии оценки современного искусства. Каждое выступление, как по поводу книги В.А. Васильева, так и по вопросу, кто же стоял у истоков чувашского профессионального искусства, надеюсь, приблизит нас к истине. Буквально недавно состоялась презентация монографии А.А. Трофимова «Время. Искусство. Искусствознание» (Чебоксары, 2016), где он рассмотрел чувашское искусство в контексте российского и европейского. Это актуально. Нужно глубоко понимать самобытность культуры народа, поддерживать развитие искусства через профессиональную подготовку.

А.И. Мордвинова

Знакомство с рукописью В.А. Васильева состоялось в 2007 г., когда она была прислана в отдел искусствоведения ЧГИГН на предмет ее рекомендации к публикации в серии «Замечательные люди Чувашии». В обсуждении рукописи приняли участие научные сотрудники отдела: доктора искусствоведения М.Г. Кондратьев, А.А. Трофимов, кандидаты искусствоведения Ю.В. Викторов, И.В. Данилова и А.И. Мордвинова. Ее автору были высказаны существенные замечания, основными из которых стали фальсификация многих фактов жизни и творчества художника, заимствование материала ранее вышедших изданий, а также отсутствие у автора необходимых знаний в области искусства.

Второй вариант рукописи на заседании отдела искусствоведения был обсужден в апреле 2008 г. В сравнении с первым, он претерпел незначительные изменения. Нами были высказаны конкретные замечания по отдельным разделам и частям рукописи и выражено сомнение в способности автора создать монографию, достойную быть изданной в биографической серии «Замечательные люди Чувашии». Ведь в предыдущих изданиях этой серии задан высокий научный и профессиональный уровень. Рецензируемая рукопись не была рекомендована к изданию. Однако в 2009 г. на основе решения Ученого совета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова монография В.А. Васильева «Алексей Афанасьевич Кокель, 1880–1956: жизнь и творчество» была издана. Ее, к сожалению, как и ранее обсужденные рукописи автора, отличают компилитивность текста, амбиции автора в оценке своей роли как первооткрывателя А.А. Кокеля. Более того, введение А.А. Кокеля в ранг художника «с мировым именем», основоположника чувашского профессионального изобразительного искусства, педагога-теоретика, создавшего собственную педагогическую систему, учителя крупнейших мастеров изобразительного искусства первой половины XX в. противоречит исторической реальности.

Можно было бы оставить рассматриваемое сочинение без внимания. Мало ли сегодня исследователей-дилетантов, использующих свободу творчества для публикации своих «открытий». И мало ли сегодня «липовых» специалистов, в том числе и в культурологии. Не удивляет сегодня и наличие рецензентов с именем, которые легко ставят свои подписи под любыми текстами. Однако активность, с какой господин Васильев навязывает широкой общественности свое прочтение чувашского искусства, пугает. Его деятельность по навязыванию вымышленных фактов и необъективных сведений о художнике перешла все границы. На местном телевидении, на страницах газет и журналов, в радиоэфире, на мероприятиях, организуемых

Министерством культуры, он позиционирует себя чуть ли не как первооткрыватель художника. Его уже цитируют на сайтах Национальной библиотеки, вузов и школ. Пробиться к истине скоро будет очень трудно. Это и стало причиной нашего желания высказаться о книге В.А. Васильева публично. Бессспорно, и в более ранних изданиях, которые активно использовал В.А. Васильев, присутствовали, наряду с определением исторического места творчества А.А. Кокеля, неточности и ошибки. Их надо исправлять, но не усугублять.

М.Г. Кондратьев

Уровень компетентности автора монографии – а это, между прочим, первая большая монография о художнике А.А. Кокеле – можно определить из основных тезисов, которые были заявлены еще в его докторской диссертации и на которые он опирается в книге. Цитирую:

1-й тезис: «А.А. Кокель – один из знаковых деятелей российской, украинской и советской художественной культуры своего времени»;

2-й: «Своей творческой деятельностью он оказал заметное влияние на процессы развития чувашского, русского и украинского изобразительного искусства»;

3-й: «С его именем связано развитие российского изобразительного искусства «серебряного века» и авангарда»;

4-й: «Кокель стал основоположником чувашского профессионального изобразительного искусства»².

Когда мы говорим, что некий художник (или музыкант, или поэт) стал основоположником школы, значит, он заложил основы, на которых выросла школа. Но Кокель просто хронологически раньше других чувашей получил академическое художественное образование, он не заложил те основы, на которых выросла школа, ни русская, ни национальная чувашская или украинская.

Для подтверждения, что он профессионально был слаб на начальном этапе творчества и в национальной теме не мог «заложить основы», хочу обратить внимание на одну его работу, что находится в постоянной экспозиции Художественного музея. Это – «Девушка в национальном наряде (Портрет сестры)». Очевидно, что А.А. Кокель на том этапе, когда ее писал, не был мастером. Она, картина, несовершенна, прежде всего технически. Руки девушки, несмотря на то, что находятся на переднем плане, совершенно не прописаны, как будто сделаны самодеятельным художником. Широкий контур плеч делает фигуру тяжеловесной. Ни лицо, ни фигура, ни, кстати, одежда (пестрядь вообще – позднее явление, а синий цвет – не самый традиционный) не являются идеалом красоты как с точки зрения национального, так и с точки зрения мирового искусства. Во взгляде и выражении лица не читается духовное богатство. Отсвет зелено-листвы на левом плече выполнен слишком грубо. Явная неудача композиции – пространственное совмещение навершия тухьи с вертикалью оконной рамы.

В качестве аргумента значительности вклада А.А. Кокеля в национальную художественную культуру Васильевым приводится более поздняя «Чувашская сюита». Но эта серия представлена лишь несколькими эскизами, которые столь же малосовершены. Лучшее из сохранившегося – портрет девушки в национальном убore. Фигура ее непропорциональна. Лицо обращает на себя внимание каким-то странным выражением, кажется, что скулы чрезмерно выпуклы... Головной убор тоже непонятен. Возможно, это образец тухьи, насыщенный серебром, но он не проработан художником, зачем-то верхняя часть срезана. Все вместе разрушает эстетическое совершенство образа. Заметим, что это уже 1920-е гг., то есть Кокель – не начинающий художник.

² Васильев В.А. Роль художника в процессе взаимодействия культур: творческая деятельность А.А. Кокеля: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Саратов, 2012. С. 1.

Если утверждается, что художник оказал влияние на процессы развития искусства, значит, его творческие находки стали руслом, направлением, в котором творили другие мастера. Но этого не было, автор не доказал, что его находки были первооткрытиями. Наоборот, Кокель повторял, иногда хорошо, то, что создали его выдающиеся современники. А если мы говорим, что художник оказал влияние на развитие искусства целой эпохи (!) – серебряного века, тем более авангарда, значит, он должен был оставить заметный след в искусстве, который

признали бы современники и потомки. Авантур мы знаем, серебряный век тоже – там следов влияния Алексея Кокеля нет. Наоборот, в своих учебных работах он экспериментировал: в них есть что-то от импрессионизма, неопримитивизма и других направлений. Он осваивал их в годы учебы в Академии. Но говорить, что развитие искусства эпохи – в мире, в России, в Чувашии – шло под его влиянием, нет никаких оснований.

Ю.В. Викторов

В.А. Васильеву следовало быть более корректным в оценке трудов ученых-искусствоведов, писавших о художественной, творческой и научно-педагогической деятельности А.А. Кокеля. При ссылке на исследования чувашских искусствоведов необходимо было опровергнуть всем объемом созданной ими научной литературы и не утверждать, что А.А. Кокель незаслуженно забыт в Чувашии. О его заслугах в советском, украинском и чувашском искусстве достаточно весомо сказано во многих книгах по искусству. К слову, в обзор литературы о жизни и творчестве художника не вошел очерк «Этой картине нет равных», опубликованный в книге «Выдающиеся люди Чувашии» (Чебоксары, 2003).

В истории чувашского изобразительного искусства Кокель, как первый профессиональный художник-чуваш, окончивший Высшее художественное училище при Академии художеств, занимает подобающее место. Многие его живописные и графические работы, созданные в разные периоды творчества, ныне находятся в постоянной экспозиции Чувашского государственного художественного музея, в их числе и конкурсная картина «В чайной» (1912).

Повторно приходится указать Васильеву, что А.А. Кокель не является «одним из выдающихся представителей русской художественной школы конца XIX – начала XX века», поскольку вся его творческая и педагогическая деятельность проходила в первой половине XX в., а главное – его имя не входит в ряд выдающихся мастеров. Возвведение А.А. Кокеля в ранг художника «с мировым именем», педагога-теоретика, создавшего собственную педагогическую систему, учителя крупнейших мастеров изобразительного искусства первой половины XX в. противоречит истине.

Неправомерно и ошибочно считать Кокеля «основоположником чувашского профессионального искусства», ибо его фундамент закладывали другие мастера искусства, работавшие в родной Чувашии, начиная с выпускников Симбирской чувашской школы, Казанской художественной школы и заканчивая воспитанниками Высшего художественного училища при Академии художеств.

В книге немало неуместных восторженных эпитетов и тенденциозных выводов, связанных с некомпетентной и, отсюда, необъективной оценкой творческого наследия А.А. Кокеля и незаслуженно преувеличивающих его роль в развитии как мирового, так и отечественного изобразительного искусства. Однако автор сделал на этом тексте докторскую диссертацию, которую защитил в 2012 г. в Саратовском государственном техническом университете им. Ю.А. Гагарина, получив степень доктора культурологии, что видится большим недоразумением и ошибкой.

Одновременно необходимо подчеркнуть, что недоумение и протест вызывает стремление В.А. Васильева внести в научный оборот иное название произведения А.А. Кокеля («Чайная»). Сюжетно-тематическая конкурсная картина А.А. Кокеля выполнялась и была пред-

ставлена на защиту под названием «В чайной». Авторское название полотна в полной мере согласуется с изображенной в картине жанровой сценкой, выполненной в лучших передвижнических традициях. Весь сохранившийся подготовительный материал, исполненный в 1910–1911 гг. (эскизы, этюды и рисунки), часть которого ныне находится в Чувашском государственном художественном музее, сопровожден конкретной надписью: «Эскиз к картине “В чайной”» (их несколько), «Хозяин. Рисунок к картине “В чайной”», «Официантка. Этюд к картине “В чайной”» и др. В искусствоведческих трудах, где говорится о жизни и творчестве Кокеля (до появления публикаций Васильева), его конкурсную картину называли правильно – «В чайной».

Новый вариант названия картины Васильев предложил, ссылаясь на юбилейный справочник Императорской академии художеств³. Вполне возможно, профессор С.Н. Кондаков неумышленно допустил ошибку, фиксируя сведения о многих сотнях выпускников Академии со всеми сведениями о них. Ссылаясь на Кондакова, Васильев мог бы заметить, что ученый подробно пишет о всех наградах, пенсионерстве и других поощрениях выпускников. У Кокеля их не было. Кондаков в представленной информации о каждом художнике обязательно перечисляет все награды (премии, золотые и серебряные медали и др.), полученные в Академии художеств. В информации о Кокеле он справедливо пишет: «Получил звание художника», так как действительно А.А. Кокель не получал медалей, не был лауреатом и пенсионером Академии. Васильев же эти сведения замалчивает, придумывая другую, более красивую историю.

В.И. Макаревский

Искажение фактов жизни художника стало для Васильева нормой. Мы уже обсуждали вопрос о лауреатстве Кокеля на «круглом столе», организованном Художественным музеем в 2015 г. Вернемся к нему и сегодня. «Присвоение А.А. Кокело высокого звания лауреата из сотен достойных претендентов было закономерным, – пишет он в своей книге, – это школа Кардовского» (гл. 4, с. 114) . В этом заявлении два случая фальсификации. Первый – это то, что А.А. Кокель был лауреатом. Ведь автору известен Отчет Императорской академии художеств за 1912 г., где сказано, что заграничную командировку по живописи получили лауреаты И. Колесников, А. Рубцов и В. Тихов⁴. Сознательно искажая действительность, автор объявляет его лауреатом и, как лауреата, отправляет в пенсионерскую поездку в Европу. Хотя в своей книге (гл. 5, с. 125–128) В.А. Васильев подробно описывает, при каких обстоятельствах Кокель попал в заграничную командировку. Второй случай: претендентов было не «сотни будущих художников», как утверждает Васильев, а всего 13 человек. Автор знаменитой теории «забывчивости» сознательно обходит интервью И.Е. Репина, где сказано: «Дрябло все как-то и вяло и на конкурс, и в работах учеников мастерских» (см.: Вечернее время. № 303. 1912. 15 ноября). Две выставки, конкурсная и выставка учеников мастерских, действовали одновременно. Всего на двух выставках, по данным журнала «Искра», были выставлены 304 картины (см. № 46. 1912. 25 ноября. С. 366–367). Зная это, Васильев пошел в своих рассуждениях за корреспондентом «Правды» А. С-ым, который писал в статье «Заметки об искусстве» (№ 5. 1913. 6 января): «Из ста с лишком художников и скульпторов только двое (Иванова и Кокель. – В.М.) отметили в искусстве общественные темы и настроения. Из двух только один удачно справился со своей задачей. А остальные сто? Что дали они?» Вместо того чтобы исправить ошибку корреспондента и объяснить, что эти двое – участники разных выставок (Кокель – конкурсант, а г-жа Иванова – ученица мастерских), Васильев жонгирует чужим выводом. Надо четко сказать, что они участники разных выставок, и нельзя их ставить рядом для возвеличивания своего «кумира», сравнивая его работу с работой начинаящего художника-ученика.

У автора в этой фразе появилось выражение – «школа Кардовского», но, кроме А.А. Кокеля, в ней никто не назван. С другой стороны – в монографии (с. 8) названо 11 художников, якобы соучеников Кокеля – весь цвет русского изобразительного искусства начала XX в. Это И.Н. Бродский, Л.А. Бруни, М.Б. Греков, Б.Д. Григорьев, Н.И. Фешин, П.Н. Филонов и др.,

³ Юбилейный справочник Императорской академии художеств, 1764–1914 / сост. С.Н. Кондаков. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильберг, 1914–1915.

⁴ Журналы Императорской академии художеств в 1912 году. СПб., 1913. С. 18.

в том числе Е.Г. Гуро и М.З. Шагал, которые никогда не учились в Академии художеств. Из 11 человек – «школы» Кардовского – его соучениками были только В.И. Шухаев и А.Е. Яковлев.

В.А. Васильев сильно преувеличивает творческие достижения А.А. Кокеля: «А.А. Кокель – выдающийся художник, виртуозный рисовальщик, замечательный педагог-теоретик, учитель крупнейших мастеров изобразительного искусства первой половины XX века» (с. 8). Это нагромождение высокопарных слов, лишенных содержания. По его мнению, после Мюнхенской выставки 1913 г. А.А. Кокель стал «всемирно известным» художником. В то же время на 13-й странице своей монографии заявляет, что «имя Кокеля приобретает всемирную известность с 1955 года». Странно! При этом во Всемирной паутине единственная ссылка на работы и деятельность А.А. Кокеля находится в англоязычных поисковых системах в виде перевода информации украинского сайта... Какая это всемирная известность? Кокель не принадлежит к большим живописцам, обозначавшим уровень искусства первой половины XX в.

Изучив материалы о художнике, я понял, что о Кокеле книга еще не написана.

Г.Н. Иванов-Орков

Задача моего выступления – дать представление о произведениях А.А. Кокеля в Чувашском государственном художественном музее. В его фондах имеется значительное собрание произведений художника, а также ряд документальных материалов, касающихся творчества живописца. Это около 260 единиц хранения, включая ранние альбомные зарисовки, живописные и графические штудии академического периода, этюды, эскизы. В постоянной экспозиции музея этому художнику отдан один из первых залов, в центре которого картина «В чайной».

По нашему мнению, некоторые из выставленных здесь произведений можно назвать вполне авангардными, написанными в 1900-х гг. под руководством преподавателей Я.Ф. Ционглинского и Д.Н. Кардовского. В собрании музея также много графики, хотя они редко представляются публике по условиям сохранности и экспозиционных требований.

Известно, что четыре произведения Кокеля были показаны на выставке «Союза молодежи». Мы не можем точно назвать, какие именно. О поисках свидетельств участия Кокеля в этом объединении и выставках писали В.А. Васильев⁵, а также наш музейный коллега, главный хранитель ЧГХМ Г.Г. Исаев, ставящий художника в ряд первых авангардистов России⁶. Судя по двум каталогам, он был участником только первой выставки (1910), проходившей в Петербурге и затем в Риге. Названия в каталогах даны довольно общие («Окно», «Натюрморт», «Этюды»).

Кстати, официальное участие Кокеля в деятельности «Союза молодежи» закончилось необъяснимо и весьма скоро. Дипломная картина «В чайной» (1912) была создана им уже по академическим требованиям, с реалистическими образами, богатой светотенью и предметной насыщенностью. Поэтому некоторые сомнения в авторстве могут вызывать две работы в ма-нере кубизма, относящиеся к началу 1920-х гг., то есть к харьковскому периоду, – «Селянка» («Единоличник») и «Селянин» («Единоличница»). Справедливости ради отметим, что художественная жизнь Украины в 1920 – начале 1930-х гг., до начала репрессий, была чрезвычайно многообразна и свободна, художники могли работать в любом стиле. Но это «белые пятна», которые еще надо изучать.

Периодически работы А.А. Кокеля бывают востребованы исследователями и музеями. Так, недавно Еврейский музей и центр толерантности (Москва), используя музейную базу данных, попросил для выставки три живописные работы Кокеля. При выборе одной из них, видимо, привлекло название «Фигура раввина», иудейского священника. Насколько нам известно, такое название появилось лишь при передаче наследия Кокеля, по инициативе его вдовы. Это явно учебная постановка, хотя написанная в свободном «фовистском» стиле, с натуращи-

⁵ См.: Великий мастер: Портрет сквозь призму времени: сб. статей. Чебоксары: ЧГУ, 2010. С. 13–15.

⁶ Исаев Г.Г. К истокам «восточного крыла русского авангарда»: о малоизвестной живописи А.А. Кокеля 1900-х гг. // Искусство Восточной Европы. Т. 2. Польша – Россия: искусство и история / Польский институт исследований мирового искусства (Варшава). Торунь: Tako Publishing House, 2014. С. 21–26.

ком и желтой драпировкой (кстати, он изображен на трех полотнах в музейной экспозиции). Интригующее и ассоциативное название постановки могло быть предложено и самим профессором Ционглинским. Тем не менее, ЧГХМ вполне гордится тем, что работа вместе с другими была показана на выставке и опубликована в каталоге.

А.И. Мордвинова

Европейское и отечественное искусство первой половины XX в. так сложно и многообразно, так богато новыми идеями, что А.А. Кокель, развивая «художественные традиции и эстетические идеалы передвижничества», уже не мог своими несколькими картинами такого плана стать «одним из лучших». Васильев также цитирует Г.Г. Исаева, который, рассматривая академические учебные работы художника 1904–1907 гг., определил их как «пластический авангард», граничащий «с европейским фовизмом А. Матисса», отметив: «...но ближе всего близок к русскому варианту импрессионизма И.Э. Грабаря...» (с. 8–9). Формальные опыты Кокеля-студента не стали ни стилем, ни индивидуальным почерком, когда, выйдя из стен Академии, он встал на самостоятельный путь творчества. Эти работы периода учёбы, выполненные в разных художественных стилях, не являются самостоятельными произведениями, а лишь постановочными штудиями в классе Я.Ф. Ционглинского, который требовал от учеников живописной смелости. И они никак не могут быть причислены к авангарду европейского или русского искусства.

Г.Н. Иванов-Орков

По поводу других картин Кокеля нельзя сказать, что на них есть чувашские образы, кроме портрета чувашки в девичьем костюме (сестры Агриппины). Он написан непосредственно с натуры летом 1905 г. в стиле в пленэрной живописи, с богатыми рефлексами на лице. Работа этюдная и быстрая, чем объясняются недостатки в рисунке и грубовато написанные руки. Очень точно показаны костюм с девичьей шапочкой *тухъя*, хотя есть противоречия в деталях. Портрет сделан с восхищением перед эффектностью летнего света и экзотичного костюма с синей рубахой, красными нашивками и украшениями.

В фондах музея есть еще три произведения, которые можно причислить к эскизам не осуществленной «Чувашской сюиты» (начало 1920-х гг.). Они имеют небольшие размеры и выполнены в эскизной манере, лаконичными графическими средствами (бумага, карандаш, гуашь, акварель). Это – продемонстрированный здесь М.Г. Кондратьевым рисунок с девушкой и небольшой, весьма обобщенный эскиз со сценой венчания в христианском храме. В нем также изображена девушка в белом чувашском платье и *тухъя* (А.А. Кокель. Из «Чувашской сюиты». 1919 г. Бум., акв., перо, тушь. 17,5 x 25,2). Третья работа – эскизная зарисовка с группой чувашей в избе. По нашему мнению, это изображение обрядовой сцены с традиционными поминальными свечами и неясными «духами предков».

В число подобных графических эскизов входит подготовительная работа к картине «Ликбез». Но лишь при пристрастном рассмотрении изображенную на ней одежду можно посчитать чувашскими рубахами, а условно очерченных персонажей – чувашами.

В самой живописной работе «Ликбез», выполненной по договору для юбилейной выставки 1935 г., к 15-летию Чувашской автономии, Кокель неставил задачи написать именно чувашские образы, а выражал общие и типичные для всей страны явления. Здесь также нельзя выделить особые чувашские признаки – ни в сюжете, ни в композиции, ни в типажах. Таким образом, в музее имеется четыре произведения Кокеля на чувашскую тему.

В.И. Макаревский

По поводу «Чувашской сюиты» в книге Васильева сказано, что «Чувашская сюита» рассматривается как графическая энциклопедия чувашского этноса, тогда как сюиты художник не создал.

Г.Н. Иванов-Орков

Очевидно, в начале 1920-х гг. «Чувашская сюита» была задумана Кокелем вследствие ностальгии по родине. Подобное явление можно отметить и в творчестве Н.К. Сверчкова,

который в тот же период жил в Сибири и создал целый ряд эскизов небольшого формата с сюжетами из «старинной чувашской жизни». Однако по возвращении на родину эти темы не были воплощены в виде серий, сюит или законченных картин.

В.А. Васильев неоднократно говорит в своих публикациях, что Кокель незаслуженно забыт и что ему отказывают в причастности к зарождению национального искусства. При этом он сравнивает его посмертную судьбу с известностью поэта Константина Иванова, который родился в Башкирии и не творил непосредственно в Чувашии, так же как и Кокель, но его считают основоположником чувашской поэзии. Это не совсем корректно: Кокель не был забыт, он в первую очередь был известен как автор, активно работающий в Харькове, в пределах общего отечества. На Украине он начал выставляться, упоминаться в каталогах, а после войны – в статьях и книгах. Например, у В.В. Курильцевой в ее исследовании 1952 г., затем во вступительной статье Н.В. Яворской к объемистому альбому «Изобразительное искусство Советской Украины» (1955) и т.д. В 1960 г. была посмертная выставка художника в Киеве, с каталогом. Уже в 1964 г. была организована выставка в Чебоксарах, а 100-летие со дня рождения художника отмечалось в Чувашии на правительственном уровне.

К сожалению, творчество Кокеля в силу исторических причин трактовалось с разных позиций. Так, в 1980 гг. искусствовед А.Г. Григорьев акцентировал внимание на идеальной и социальной стороне его творчества. На обложке подготовленного им каталога выставки 1980 г. воспроизведен эскиз картины «На страже революции». Но самой картины нет, никто ее не видел, да и вряд ли она являлась определяющей для Кокеля. В настоящее время «возвращение» Кокеля в сферу чувашской культуры и искусствоведческого внимания продолжается вполне естественно и неоспоримо, в рамках закономерных процессов. На следующем этапе работ по изучению наследия Кокеля важно следующее: 1) продолжение научного (искусствоведческого) анализа и атрибуции произведений, хранящихся в ЧГХМ; 2) изучение и публикация массива архивных материалов из Дома-музея в с. Тарханы; 3) подготовка реальной биографии художника – без мифологизации, со стирианием «белых пятен» (в том числе в харьковский период), с выявлением подлинного места его творчества в отечественной культуре. Можно спорить о значении и глубине изучения творчества Кокеля, но фактом является то, что в Чувашии он получает вполне объективную оценку, без умалчивания и принижения.

А.И. Мордвинова

Некоторых художников, живших, живущих вне Чувашии – таких как П. Кипарисов или А. Рыбкин, мы считаем чувашскими художниками. В их творчестве не только тема, но чувство национального, чувство родины проявляется чрезвычайно ярко. У Кокеля этого нет.

Кажется, вся история творческого наследия А.А. Кокеля – это цепь нелепых случайностей, которая позволила притянуть его к чувашской культуре. Даже история с еврейским музеем – случайность. Хочется сказать и о диссертации Н.С. Поддячей, посвященной творчеству художника⁷. Поверхностное прочтение событий, невнимательное и недостаточное изучение архивного и исторического материала стали причиной множества ошибок и неточностей, позволяющих ей утверждать, что Кокель «внес огромный вклад в развитие украинского, русского и чувашского изобразительного искусства».

Уже в предисловии рассматриваемой книги, написанной Л.П. Кураковым, задан высокопарный, одилический тон, который продолжен автором книги при определении места и значения А.А. Кокеля в мировом и отечественном искусстве. Мы же убеждены, что художник с мировым именем должен быть представлен если не в музеях Европы, то хотя бы в музеях России – в Третьяковской галерее, Русском музее и др. Отсутствие таковых у Кокеля не позволяет нам пребывать в иллюзии местечкового уровня.

Очень жаль, что «благодаря» В.А. Васильеву о хорошем, достойном художнике нам приходится говорить в разоблачительном ракурсе.

⁷ Поддячая Н.С. Стилевые направления и проблемы отражения эпохи в творчестве А.А. Кокеля: дис. канд. искусствоведения. 2012. URL: <http://www.dslib.net/muzee-vedenie/stilevye-napravlenija-i-problemy-otrazhenija-jeponii-v-tvorchestve-a-a-kokelja.htm>.

В.И. Макаревский

В.А. Васильев пишет, что им был проведен первый серьезный анализ творчества Кокеля. Однако это не так. Например, он пишет о его поездках на Урал, по Волге и Каме. Я изучил документы. Он действительно 5 раз выписывает свидетельство для поездки, но нет ни одного отчета по ним, тогда как отчеты ученика И.Е. Репина С.М. Прохорова о поездках представлены в научном архиве Академии.

В.А. Васильев сделал Кокеля революционером, чуть ли не большевиком. Но существует список неблагонадежных студентов, которые были исключены из Академии и должны были поступать заново. От имени ректора Высшего художественного училища Васильев включает Кокеля в этот список, но я смотрел этот документ – Кокеля в нем нет. Да он и не исключался, и вновь не поступал, как это было, например, с И.И. Бродским.

От имени И.Е. Репина Васильев рекомендует Кокеля на работу в Харькове. Этого также не было. В единственном письме к Репину Кокель отмечает: «Давно собирался Вам писать». Где же может быть «активная переписка», о которой пишет Васильев? То же он говорит о переписке с Шаляпиным, Ворошиловым. Но у Ворошилова письма не пропадут. В фондах Ворошилова этих писем нет.

Об оценке Васильевым своей первой монографии: «В раскрытии роли художника в процессе взаимодействия культур значительный интерес представляют биографические исследования И.И. Бродского, В.А. Васильева, И.Э. Грабаря, В.Н. Москвина, О.И. Подобедовой, Д.В. Сарабьянова и др.». Как можно свою безграмотную книгу ставить рядом с книгами этих выдающихся авторов??!

А.И. Мордвинова

Что касается процитированных Васильевым двух писем из редакции журнала «Die Kunst fur alle» и «Jugend» (с. 7–8), то надо хоть немного знать специфику выставочной жизни, чтобы понимать, что участие в них и единичные случаи упоминания в периодике вовсе не означают причисления автора к выдающимся мастерам искусства. Утверждение Васильевым, что «это только часть обращений ведущих зарубежных изданий по искусству к экспоненту Международной художественной выставки в Мюнхене А.А. Кокелю», опять входит в разряд его фантазий, ибо других приглашений, тем более публикаций, просто не было. Известный художник и искусствовед Б.Н. Терновец, хорошо знавший художественную жизнь Европы, писал о выставке в Хрустальном дворце Мюнхена в 1913 г.: «Можно было провести ряд интересных параллелей, если бы только состав участников не был бы таким случайным. <...> Три наших русских зала совершенно не отвечали тому представлению об уровне русского искусства, которое выносилось из посещения наших лучших выставок: “Мира искусства” и “Союза (русских художников)”. Известные наши художники отсутствовали; пестрели незнакомые имена...»⁸ В обсуждаемой же книге снова звучит очередное пафосное заявление: «Художественные выставки – Международная в Мюнхене в 1913 году и Всемирная в Венеции в 1914 – принесут ему подлинное мировое признание» (с. 10).

Если обратиться теперь к публикациям, освещавшим Венецианскую биеннале 1914 г., то в них нет ни одного упоминания о Кокеле. В статье Маттео Бертеле, доктора философии, научного секретаря Центра изучения русского искусства университета Са Фоскари (Венеция), кроме собственно анализа русских выставок, есть ссылки на публикации итальянского писателя и историка искусства Уго Ойетти, глубоко разочарованного русским павильоном 1914 г., в котором было «мало чего запоминающегося». Бертеле, сравнивая выставки в Венеции с 1895 по 1914 г., пишет: «Этнографический интерес, порожденный русскими работами на первых выставках, со временем исчез; представленные в павильоне в 1914 году произведения были единодушно признаны “удручающим академизмом”»⁹. В приведенном им списке участников этой выставки имени Кокеля нет! Вывод Васильева о том, что после приглашения принять участие в выставке художник автоматически становится ее экспонентом, неверен. Так слу-

⁸ Терновец Б.Н. Письма. Дневники. Статьи. М.: Советский художник, 1977. С. 55.

⁹ URL: http://www.academia.edu/6848201/Russian_Artists_at_the_Venice_Biennale._Chronology_1895-1914.

лось далеко не всегда. А уж вывод о том, что Кокель на ней прославился и о нем писали, — совершенная выдумка.

Много места в книге занимают описания городов, музейных собраний, различных художественных объединений и т.п. Обо всем этом есть опубликованные научные труды, исследования, монографии. При таком компилятивном методе создания текста возникает сомнение в самостоятельности автора как исследователя. Большую часть подобной информации, если она была вообще необходима, следовало отослать в приложения.

В.А. Васильев неоднократно использует в книге чужие тексты без кавычек и ссылок. С бесцеремонностью дилетанта он списывает чужие слова о Петербургской академии художеств, учителях-наставниках А.А. Кокеля, в их числе и непосредственно не обучавших его. В использовании чужих текстов он к тому же еще и неаккуратен. Так, на 64-й странице четвертой главы В.А. Васильевым процитирован текст И.И. Бродского. Открываем страницу, указанную им в сноске под номером 8¹⁰. Однако на этой странице (и на соседних) этого текста нет! Далее он слово в слово переписывает текст вышеназванного автора (с. 90), однако кавычки забывает ставить, хотя ссылку дает. Подобный прием находим и в пятой главе, где он цитирует слова И.Е. Репина из книги «Далекое близкое» (причем поменяв название книги на «Далекое и близкое»), забыв открыть кавычки (с.154). Прямое цитирование других авторов, не взятое в кавычки, неискущенный читатель, конечно же, воспринимает как текст Васильева. Почему же это происходит? Думается, по отсутствию навыков работы с подлинными текстами, по небрежности, с какой Васильев обо всем судит. Главное — это дает ему возможность снова и снова фальсифицировать реальность. Так, в тексте о Мюнхене он не берет в кавычки слова Репина: «Теперь я нахожусь в германской теплице искусства — Мюнхене. Царствовавшие особы, особенно Людвиг I Баварский, возлюбили здесь искусство и возмечтали создать не только второй Ренессанс, но даже вторые Афины...» Далее копируется целый абзац из репинского текста. Кавычек вновь нет. Вся хитрость открывается, когда мы идем к началу цитаты. Васильев пишет о Мюнхене: «Он — германская столица искусства, по словам И.Е. Репина, притягивал художников **даже больше, чем Париж**» (выделено нами. — А.М.). А что же писал Репин? Читаем: «...Париж, столица мира для всех проявлений жизни, манит к себе художников всех стран», ниже: «Наша Петербургская академия художеств по отношению ко всей России представляет для молодых художников такую же притягательную силу, как Париж для Европы». Приходим к выводу: читателю предлагается довольно грубо сплеченная ложь с целью «внедрения» имени Кокеля в процесс современной европейской культуры.

Подобных примеров в книге не счесть. Вот еще. Сверчков пишет о работе Кокеля, ре-продуцированной на открытке: «... У Фешина была открытка, выполненная с панно А.А. Кокеля в Харькове “Как деникинская сволочь празднует временную победу”. Она произвела на нас хорошее впечатление». Васильев же интерпретирует: «Высоко отозвался о плакате Н.И. Фешин, о чем с гордостью за своего прославленного земляка вспоминает Сверчков» (с. 181). Это пример того, как почти незаметно, переиначивая смыслы, Васильев меняет тональность чужих высказываний. В большинстве же случаев идет нескрываемый обман. Так, в третьей главе в подзаголовке отдельным пунктом выделено — «Встреча с Грабарем». Что же в самой главе? О поездке Алексея Кокеля в имение к Писаревым в Тульскую губернию — лишь одно предложение: «Здесь состоялось знакомство А.А. Кокеля с будущим известным художником И.Э. Грабарем, отдыхавшим также у Писаревых» (с. 53). А что же на самом деле? В 1900 г. Игорь Грабарь был за границей!

Ю.В. Викторов

Очень интересно рассмотреть структуру текста отдельных глав и логику изложения В.А. Васильевым. Сделаем это на примере восьмой главы под названием «У истоков высшего художественного образования Украины». Наименьшая по объему (с. 183–190), она имеет развернутый список подзаголовков, на самом деле не рассмотренных в тексте. Перечислим их: «Напряженная обстановка в училище. Член Комитета Наркомпроса Украины. Организатор и ректор первого художественного вуза Украины. Первый профессор из чувашей. Харьков —

¹⁰ Бродский И.А. Исаак Израилевич Бродский. М., 1973. С. 25.

центр авангардного искусства. Реализм – “буржуазный пережиток”. Изгнание из вуза и квартиры. Письма родным в Тарханы. Вновь в стенах родного вуза».

В этой главе В.А. Васильев вновь искажает общеизвестные факты. Первым высшим учебным заведением Украины в области художественного образования был не Харьковский художественный институт, как он пишет (с. 185), а Украинская академия искусства, которая была основана в 1917 г. в Киеве, основателями и преподавателями которой были известные художники с академическим образованием¹¹. Возникла Академия не на пустом месте: с 1901 г. здесь существовала знаменитая Рисовальная школа Н.И. Мурашко, находившаяся в подчинении Петербургской академии художеств. В 1922 г. Академию реорганизовали в Киевский институт пластических искусств.

В последних главах книги, где в основном рассматриваются вопросы художественного образования и художественной жизни Харькова, Васильевым использованы главным образом тексты, подготовленные к юбилейной дате художника – к 125-летию со дня рождения. Поэтому они написаны в высокопарном стиле и не носят исследовательского характера.

Ю.М. Артемьев

Никто не говорит, что Кокель не заслуживает того, чтобы включить его творения в коллекцию национальной культуры. Это не вызывает сомнения. Пусть если даже было только три бесспорные работы, о которых здесь говорили. Хотелось бы, чтобы Кокель больше картин написал. Но теперь мы принимаем то наследие, которое он оставил. Вот Вы, Михаил Григорьевич, цитируете Федора Павлова, который пишет о выставке чувашских художников в 1927 г. Он сопоставляет Моисея Спиридонова и Алексея Кокеля и дает свою оценку первому, который действительно заложил основы национального профессионального искусства. Интересно! Там не то важно, что профессионально написано, главное – национальное.

А.И. Мордвинова

В вопросе о том, является ли Кокель украинским или чувашским художником, поднятом Васильевым (стоило ли его поднимать, когда он считает Кокеля художником мирового уровня и основоположником чувашского изобразительного искусства?), автор явно противоречит себе, когда отмечает, что творчество Кокеля достойно отражено в книге «Искусство Советской Украины», и тут же обижается на то, что в монографии П. Говди «Украинское советское изобразительное искусство» и в трудах последующих исследователей имя художника упоминается лишь вскользь (с. 14). Его обида распространяется далее на Ф.П. Павлова, писавшего в 1927 г., что Кокель «забыл свою родину и предпочитает приобретать известность в других местах...» (с. 14). Думается, что выдающийся деятель культуры, талантливый композитор, поэт, драматург и дирижёр Федор Павлов, сделавший невероятно много в деле организации культурной жизни послереволюционного периода истории чувашского народа, имел право на такое высказывание.

Совершенно искажая смысл сказанного Ф.П. Павловым, Васильев домысливает: «... следуя механистическому рассуждению Ф.П. Павлова, мы можем скатиться к отрицанию того, что автор бессмертной поэмы “Нарепи” К.В. Иванов, не только не родившийся в Чувашии, но и ни дня не бывший здесь, явился основоположником чувашской поэзии» (Там же). Эта легкая манера ставить своего героя в один ряд то с великими европейскими и русскими художниками, то с гениями чувашской культуры, выдает его дилетанство. Можно было бы с ним поспорить, если бы он назвал хоть одно произведение Алексея Афанасьевича, столь полно и глубоко выразившее суть души и характера чувашского народа, как это сделал поэт в своей поэме. Напомним, что Чувашии как автономной области/республики, куда он пытался отправить К.В. Иванова, не было при жизни поэта. Можем ко всемуциальному прибавить и слова М.С. Спиридонова, основоположника чувашского изобразительного искусства, написанные им по поводу того, что Кокель не откликнулся на его приглашение приехать в Чебоксары: «Было обидно, что, изредка приезжая на родину, он не стремится встретиться с чувашскими художниками, помочь им в их становлении и развитии»¹².

¹¹ Национальная академия изобразительного искусства и архитектуры. URL: <https://ru.wikipedia.org>.

¹² Спиридов М.С. Крылья памяти. Чебоксары, 1990. С. 54.

Ю.М. Артемьев

Действительно, Симбирск, где учился и творил К.В. Иванов, был в начале XX столетия центром чувашской культуры и просвещения.

М.Г. Кондратьев

Творчество А.А. Кокеля, если смотреть объективно, не самого выдающегося художника как дерево-лоционного, так и советского периодов жизни нашей страны, написавшего лишь несколько картин, наиболее яркой из которых является его дипломная работа «В чайной», вряд ли можно поставить во главе процессов, определивших развитие чувашского, украинского и российского искусства. Он занимает достойное место, о чем было сказано специалистами еще до начала бурной деятельности В.А. Васильева на ниве самовосхваления и самоутверждения за счет художника.

Ю.М. Артемьев

Может быть, Ф. Павлов и перехлестывает, он оценивает его как космополита, как человека безразличного к национальному. На этом фоне Спиридовон видится ему художником истинно чувашским. По поводу художественного уровня картины «Девушка-чувашка»: здесь явная гипербола в изображении лица, некоторая незддоровость, даже уродливость. Думаю, это попытка уравновесить пластикой, одеянием, улыбкой недостаток в мастерстве. Возможно, он хотел показать геронию как часть природы. Природа – часть души чувашской.

Кокель, конечно, художник большой. Не надо было торопиться с книгой. Надо было посерьезней работать, не надо создавать «фейковые» вещи. Если бы собрать все материалы, внимательно с ними поработать, тогда бы получилась удачная книга.

М.Г. Кондратьев

В данном случае у автора книги стояла другая задача, прямо скажу – карьерная. А чтобы было поэффектнее, было принято решение, им самим или руководителями, – написать побольше, погорче. Отсюда – преувеличения, натяжки. Это беда нашего времени – времени дилетантизма. В узком профессиональном научном кругу мы серьезно углубляемся в тему, исследуем архивы, а за пределами этого круга делаются «открытия», делаются смелые обобщения, говорится о мировом значении этих открытых.

Почему-то медики, например, не позволяют в своей деятельности дилетантизма, там можно и зарезать человека. А в искусствоведении как будто такой ответственности нет.

В.Н. Алексеев

В Чувашское книжное издательство в свое время поступила рукопись Васильева с настойчивым предложением от чиновников – издать. Видя ее несостоятельность, я обратился к ученым института написать отзыв. Я благодарен институту, что вовремя сказали весомое слово – остановили этот процесс. Автор издал ее позднее.

А.И. Мордвинова

В свое время Ф. Энгельс писал: «Свобода науки понимается как право человека писать обо всем, чего он не изучал, и выдавать это за единственный строго научный метод...»¹³ К сожалению, это остается актуальным и сегодня.

Ю.М. Артемьев

Дискредитация имени художника происходит и в связи с организацией «Кокелевских пленэров». Сколько десятилетий уже выезжают на природу – на родину художника, устраивают выставки этюдов, вместо того, чтобы серьезно изучать его творчество.

Материал диалога подготовлен к печати Г.А. Николаевым и А.И. Мордвиновой.

¹³ Энгельс Фридрих. Анти-Дюринг. М., 1967. С. 2.

РЕЦЕНЗИИ

ЧГВ, 2017 г., № 12

© М.И. Скворцов. Рец. на: Дегтярёв Г.А., Яковлев В.А. **Опыт нормализации биологической терминологии в чувашском языке: на примере орнитологической номенклатуры** / Г.А. Дегтярёв, В.А. Яковлев – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук, 2014. – 128 с.

Удовлетворяя возрастающие запросы практики, чувашские языковеды совместно со специалистами разных отраслей народного хозяйства и сферы образования проводили и проводят немалую работу по обогащению и нормализации актуальных терминосистем. Свидетельство тому – немалое количество терминологических словарей, прежде всего школьных и вузовских, а также исследований по чувашской терминологии. К сожалению, работа эта, столь нужная и неотложная, проводится недостаточно системно, без единого концептуального и организационного стержня. В более выигрышном положении находятся терминологии современных отраслей научного познания, производства, гуманитарной сферы. Они имеют надёжную базу и образец для следования в русской и международной терминологии.

Что касается групп лексики, непосредственно связанных с повседневной жизнью чувашского населения, их терминологическая систематизация и нормативная обработка складываются с большими объективными трудностями. Прежде всего, народная лексика отражает локальную, диалектную многообразность речи, где номинации одних и тех же объектов чрезвычайно многочисленны, разнообразны. При этом чуваши – жители разных регионов, особенно в диаспоре – привыкли к своим названиям и считают их правильными.

Естественно, номинации разнообразных явлений и объектов из мира природы занимают в названной лексической сфере основное место, и представлены они в общенародной лексике в полной мере. Сюда относятся и зоологические наименования. Рецензируемая книга лингвиста Г.А. Дегтярёва и биолога В.А. Яковleva посвящена важной части этой группы – названиям птиц, орнитонимам. Следует отметить, что этой группе лексики в определенной степени повезло: она становилась объектом исследования биологов В.А. Яковleva, Н.Г. Игнатьева, А.А. Яковleva, языковедов Л.П. Петрова, Н.И. Егорова, И.П. Павлова, Г.А. Дегтярёва и др. Широко представлены названия птиц, прежде всего относящихся к нашему региону, в современных словарях чувашского языка (см. список литературы в рецензируемой книге) и знаменитом словаре-тезаурусе Н.И. Ашмарина.

Михаил Иванович Скворцов – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: human2000@yandex.ru.

Таким образом, рассматриваемый труд Г.А. Дегтярёва и В.А. Яковлева имеет достаточно прочную фактографическую базу. Второе несомненное достоинство книги: она построена на современной научной основе, обобщающей работу по систематизации и классификации орнитонимов в глобальном масштабе. Как справедливо отмечается в предисловии к книге, жизнеспособность языка во многом зависит от того, как он представлен в терминосистемах различных отраслей науки и культуры, насколько он может отвечать требованиям развивающихся стремительными темпами информационно-коммуникативных систем. Поэтому разумная интеграция языка в эту сферу является ведущим направлением в области языкового строительства. Нельзя не согласиться с авторами книги и в том, что унификация биологической терминосистемы будет способствовать как совершенствованию чувашского литературного языка, так и распространению естественнонаучных знаний среди населения.

На примере орнитологической номенклатуры авторы рецензируемой книги предлагают на суд читателей свой опыт нормализации биологической терминологии в чувашском языке. Биологическая систематика представляет собой иерархическую структуру подлежащих классификации единиц – таксонов. Исходя из принятой в науке нынеходящей соподчиненности уровней этой системы, авторы прежде всего предлагают их чувашские соответствия: *царство – тĕнчे, тип – пухă, класс – тавраш, отряд – пай*, деривационный формант *-образные – евĕрлисем, семейство – йыш*, формант *-овые (-евые) – санлисем*, род – *йăх*, вид – *тĕс*. Эти термины сопровождаются серьезной аргументацией и не вызывают возражений. Они достаточно органично отражают системные семантические корреляции, привычные для носителей чувашского языка. Некоторые раздумья вызывает чувашское соответствие русскому термину *тип* – слово *пухă*, но это, вернее всего, по непривычности его употребления в данных семантических условиях. В остальном же – по доступности, семантической прозрачности, благозвучности – оно вполне приемлемо.

Любая систематизация на базе исторически сложившейся национальной лексики, представляющей плохо организованное (иногда – противоречивое) множество, должна обладать необходимым pragmatизмом. Не составляют исключения и орнитонимы. Предлагаемые в систематизированном списке номинации должны учитывать специфику и нужды общей лексикографии, учебной и просветительской деятельности, общения на данном языке в целом. Авторы книги постоянно сталкиваются с этими нелегкими задачами и, надо сказать – к их чести, достаточно успешно их решают.

Следует отметить, что и при рассмотрении общетеоретических проблем, и при решении вопросов по конкретным орнитонимам авторы часто обращаются к опыту своих коллег, как отечественных, так и зарубежных. Это придаёт предлагаемым ими вариантам названий необходимую убедительность. Но возникает и много вопросов, связанных с отдельными таксонами и их группами. Недаром в названии книги на первом месте стоит слово «опыт». У заинтересованных читателей возникает желание принять участие в этом опыте. Хотелось бы и нам высказать свое мнение по некоторым конкретным позициям.

В общей систематике, как правило, при рассмотрении таксонов среднего (отряд, семейство) и особенно низшего (род, вид) уровней часто и обоснованно используется термин *обыкновенный* (чув. *ахаль*). Он необходим при наличии значительной вариации таксонов в пределах одного уровня. Использование же его при наличии только единственного или одного-двух представителей данной группы в условиях конкретного биотопа явно избыточно. А наш биотоп весьма ограничен и редко когда представлен большим числом близких таксонов. Так, список чувашских орнитонимов включает свыше 20 названий с определением *ахаль «обыкновенный»*. Например, при наименованиях *йăсан* (тетерев), *кăвакарчăн* (голубь сизый), *кăркка* (индейка), *кулюкка* (горлица), *пăчăр* (рябчик), *тимпĕ* (зяблик), *шăлан кайăк* (жулан обыкновенный), *шăлинкуரăс* (свиристель) и др. Несколько позиций занято двумя представителями одного рода – это номинации соловья, горихвостки, кукушки, пустельги. Основная масса орнитонимов данного типа, по нашему мнению, вполне адекватно дифференцируется имеющимися атрибутами. Уточняющее определение *обыкновенный* оправдано при заполненности всех или большинства позиций классификационной схемы. Именно это имеет место в глобальной систематизации или её крупной части, относящейся к континентам, ареалам, большим странам с более или менее однородными биотопами.

Важным, на наш взгляд, является естественная ассоциативность названия и специфической особенности объекта, что, в частности, весьма удачно используется в русской классификации. Однако орнитоним *поручейник*, ассоциирующийся прежде всего с биотопом, по-чувашии передан сочетанием *вăрăм уралă шути* (букв. «длинноногий улит»). Аналогично этому русскому орнитониму *пустельга степная* предлагается чувашский эквивалент *шур чĕрнеллĕ якăтай* (букв. «пустельга с белыми когтями»). У нас обитает ещё один представитель этого рода – пустельга обыкновенная (чув. *ахаль якăтай*). Первый орнитоним можно было бы формировать по русскому образцу – с применением биотопного компонента *хир* «полевой; степной» – *хир якăтай*. А в чувашском обозначении пустельги обыкновенной определение *ахаль «обыкновенный»* является, как было отмечено выше, излишним.

Важность адекватной ассоциативной направленности наименования можно показать и на других примерах. Естественно, ассоциативным ориентиром терминологического наименования является его внутренняя форма – привычная семантика составных элементов. В качестве чувашского соответствия русскому *крачка* авторы предлагают композит *шывчёкес*, букв. «водяная ласточка». Однако компонент *чёке* ориентирует носителя языка на сближение крачки с ласточкой. Между тем семейство крачковых относится к подотряду чайковых (по-чувашии *чарлăк*), а ласточковые – представители воробьинообразных. Поэтому рациональнее было бы использовать в чувашском языке русское обозначение крачки.

В качестве видовых обозначений казарок предлагаются названия с родовым компонентом *хур* «гусь» или *тинĕс* *хурĕ* «морской гусь». Но в русском языке один из видов этой птицы именуется *черная казарка*. В переводе на чувашский получается *хура тинĕс хурĕ*, что ассоциируется с Чёрным морем (чув. *Хура тинĕс*), и в сознании читателя наверняка возникает понятие черноморского гуся. И в этом случае заимствование русского *казарка* способствовало бы однозначному пониманию составного наименования.

Птицу под названием *ремез* по-чувашии авторы рекомендуют называть *сăнкаçă* (букв. « тот, кто делает люльку»). Название невольно озадачивает: какова связь между этой птицей и зыбкой, люлькой?

Если детализирующий компонент сложения оформлен по модели изафета I, то показатель этой формы – аффикс притяжательности З лица – при определяемом слове не нужен, тут налицо функция приложения. Пример: *цесарка* – *кайăк чăхăй*, букв. «дикая курица» («дикое животное» + «курица»). В данном случае выражено отношение тождества, а не отношение принадлежности. Но как же понимать, когда дербник (мелкий сокол) рекомендуют обозначить как *кăвакарчан кайăкăr*, то есть буквально «сокол-голубь (сокол как голубь)». Вернее было бы применить форму изафета II – *кăвакарчан кайăкărĕ* «сокол-голубятник».

Вероятно, есть целесообразность сохранения наименования рода при номинации всех его видов, это как раз помогает задаче классификации – правильной ориентировке читателя в отношениях между обозначаемыми объектами. Так, дрозд *певчий* передан чувашским *сырлăхан*, а дрозд *чёрный* – *хура кайăк* (букв. «чёрная птица»). Логичнее и удобнее было бы принять вариант *хура сырлăхан*.

Определению *кăвак* «синий» в русских орнитонимах соответствуют и собственно *синий*, *голубой*, *седой*. Хотя в чувашском языке есть вполне адекватные соответствия: *синий* – *кăвак*, *голубой* – *сенкер*, *седой* – *чаллă*.

В предисловии к книге совершенно правильно отмечается, что следует избегать языковых шероховатостей – неблагозвучия, излишних длиннот, непонятных лексем. В этом плане, на наш взгляд, авторам есть ещё над чем поработать. К примеру, к *каменке обыкновенной* предлагается чувашское соответствие *кашкачаччам*, внутреннюю форму и значение которого трудно объяснить. В значении «болотный» наряду с *шур* (*шур таки* «бекас», *пĕчĕк шур таки* «гаршнеп», *шур вăкărĕ* «выль большая») встречается и *шурлăх*: *шурлăх кăсайи* «гаичка черноголовая», *шурлăх хăлачĕ* «лунь болотный». Может быть, логичней оставить везде форму с *шур*? Аналогичный вопрос возникает и при рассмотрении сложений с определением в значении «степной»: *хир* и *çеçен хир*.

Подобные проблемы неизбежно возникают при решении такой сложной задачи, как нормализация чрезвычайно неоднородной терминологической системы, сложившейся в течение веков под воздействием множества факторов. Именно таким является континuum биологичес-

ких обозначений и прежде всего – орнитологическая номенклатура. Опыт её анализа и научной систематизации, предпринятый в рассматриваемой книге, безусловно следует признать успешным и полезным для унификации других терминосистем чувашского языка.

ЧГВ, 2017 г., № 12

© К. Адягаши. Рец. на: Лебедев Э.Е. *Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке* / Э.Е. Лебедев; Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук. – Чебоксары, 2016. – 163 с.*

Рецензируемая монография может быть интересна не только тюркологам, но также и финно-угроведам. Исследователи финно-угорских языков волжско-камского ареала давно уже обратили внимание на то, что в марийском и удмуртском языках¹ суммарное значение аналитических структур, состоящих из сочетаний глаголов (чаще всего из деепричастия и вспомогательного глагола), отличается от значений их отдельных составных компонентов. Начиная с Ф. Видеманна традиционно считалось, что подобные конструкции возникли по волжско-тигрскому образцу, однако аналогичные структуры тюркских языков не подвергались более тщательному и системному анализу. Они не изучались и с функционально-семантической точки зрения, то есть не рассматривались семантические функции этих конструкций в упомянутых группах языков. Основная причина отсутствия фундаментального сопоставления на уровне языковых систем заключается в том, что единственная имеющаяся в распоряжении ученых работа, описывающая чувашские сложные глаголы, это описательная грамматика чувашского языка Н.И. Ашмарина. В ней перечислены только те глаголы, которые в сочетании с деепричастной формой на -са, могут быть использованы в качестве вспомогательных², однако изменения в их семантике выявляются не на уровне функциональной грамматики, а на уровне лексики. А труд, описывающий аналитические сочетания в системе глагола татарского языка, вышел только в 1984 г.³, но, к сожалению, ни эта работа, ни другое, появившееся в недавнем прошлом исследование⁴, не стали общим достоянием среди языковедов, исследующих данную проблематику в рамках ареальной лингвистики. Недаром Л. Хонти⁵ в недавнем прошлом поставил вопрос о происхождении аналитических глагольных композитов, встречающихся во многих финно-угорских языках, в большинстве которых фигурирует, по крайней мере, четыре вида разносоставных, имеющих различные функции аналитических глагольных конструкций. По его мнению, их возникновение вряд ли можно объяснить тюркским воздействием. Помимо монографии К. Шёнига и статьи Т. Грида, помочь в решении вопроса, в какой степени волжско-булгарская (или позже татарская) сложная аналитическая глагольная структура могла послужить прототипом для приволжских финно-угорских языков, могут оказать положения рецензируемой книги.

Книга Э.Е. Лебедева в соответствии с ее главной целью раскрывает проявления аспектуальной семантики в специальном типе конструкций чувашского языка, к которому относятся сочетания деепричастия на -са с десемантизованными вспомогательными глаголами (аспектиализаторами). И хотя на письме они и являются аналитическими, сама конструкция ни с точки зрения семантики, ни с точки зрения интонации не делится на составляющие компоненты, то есть не является свободным словосочетанием.

Монография состоит из введения и двух основных глав: в первой главе трактуется теория аспектуальности (с. 6–52), а во второй анализируются акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм (с. 53–135). Книга завершается заключением (с. 139–140), списком литературы (с. 141–160) и послесловием (с. 161–162).

Клара Адягаши – профессор Института славистики Дебреценского университета, доктор Венгерской академии наук (Венгрия); e-mail: klara.agyagasi@gmail.com.

* Опубликовано в журнале: Nyelvtudományi Közlemények. A Magyar Tudományos Akadémia Nyelvtudományi Intézetének folyóirata. 112. Kötet. – Budapest, 2016. – S. 414–420. – На венг. яз.

В теоретической главе главное место занимает трактовка терминологии. В связи с тем, что центральной темой книги является разделение таких понятийных пар, как значение и функция, а также значение и форма, автор подробно описывает, как трактуют русские лингвисты эти понятия, естественно, по отношению к явлениям русской описательной грамматики. Он приходит к выводу о том, что традиционное определение грамматической семантики и грамматических категорий в тюркологии «опирается на факты прежде всего индоевропейских (в том числе славянских) языков и не может быть признано универсальным» (с. 11). Понятийно-терминологический аппарат, используемый при описании аспектуальных значений тюркских языков и определения формальных показателей аспектуальных явлений, сильно отличается у разных авторов. Для достижения единства Э.Е. Лебедев не прибегает к использованию русских терминов «вид» и «способ действия», которые по-русски обозначают аспектуальные явления славянского типа, а вместо них для описания значений рассматриваемых им сложновербальных аналитических глагольных конструкций выбирает принятый в международной практике термин «акционсарт», что независимо от типа языка содержит в себе значение «способ протекания действия».

Другим главным сюжетом теоретической главы является то, что автор сравнивает выбранную им конструкцию в чувашском языке с подобными конструкциями в других тюркских языках, прежде всего в турецком языке. После анализа материала тюркских языков он приходит к выводу, что «не каждый глагол имеет способность выступать в роли аспектуализатора» (с. 30). Возникновение аспектуальной функции определяется семантическим фактором, а именно тем, насколько семантическая структура данного глагола способна к более широкому абстрагированию (с. 30). В тюркских языках большинство аспектуализаторов возникло из глаголов движения. В то же время аспектуализаторы могут быть полисемантическими, о чем свидетельствуют примеры других тюркских языков (среди них чувашский и татарский языки). Причиной этого явления, по мнению Э.Е. Лебедева и других тюркологов-аспектологов, на которых он ссылается, в том, что семантика главного знаменательного глагола (в форме деепричастия) оказывает влияние на конкретное значение аспектуализатора.

В то же время этот тезис подводит автора к кругу других вопросов, а именно: как связана аспектуальность с другими глагольными категориями, в первую очередь с категорией времени? Он рассматривает проблемы, которые существуют в этой области, и мнения других ученых, основанные на материале индоевропейских языков. В отношении тюркских языков автор констатирует, что эти две категории тесно связаны друг с другом. Доказательством этого является то, что в ряде тюркских языков разные грамматические времена образуются от разных, с точки зрения аспектуальности, глагольных форм. Кроме этого, он приводит и мнения авторов, считающих, что семантика слова реализуется в контексте высказывания, а это значит, что с аспектуальной семантикой напрямую связан и аспектуальный контекст, который до сих пор не был исследован по отношению к тюркским языкам. Для этого надо точно определить постоянные формальные признаки аспекта как категории, что невозможно в связи с тем, что в тюркских языках нет точного разграничения между формообразованием и словообразованием у структур, имеющих семантику аспектуальности.

Отдельный подраздел в своей книге Э.Е. Лебедев посвящает истории изучения проблем аспектуальности в чувашском языке (с. 42–52). Здесь он указывает на то, что в описательных лингвистических исследованиях, появившихся после работы Н.И. Ашмарина⁶, представлена попытка определить функцию вспомогательного глагола в конструкциях типа «деепричастие + вспомогательный глагол». Что позволяет сделать вывод, что «вспомогательные глаголы могут означать различные видовые оттенки, в зависимости от значения основного глагола» (с. 48). (Однако эта дефиниция неточная, потому что более поздние исследования доказали, что вспомогательный глагол при деепричастии может передавать и модальное значение⁷). В приведенных трудах представлено одновременное исследование аналитических структур как с деепричастием на -сA, так и с другими деепричастными формами. Из-за этого, по мнению Э.Е. Лебедева, при определении семантики вспомогательных глаголов понятие глагольного вида смешалось с понятием акционсарта.

Название второй главы совпадает с названием книги. В ней автор дает из художественной литературы примеры тех форм, которые передают акционсартовые значения сложных ана-

литических конструкций (с. 53–138). По мнению Э.Е. Лебедева, акционсартовые значения в чувашском языке составляют три большие группы. В первую группу входят фазовые значения, во вторую – значения, описывающие количественную характеристику протекания действий, в третью – эготивные и адрессивные значения.

Для передачи фазовых значений в чувашском языке в качестве аспектуализаторов служат шестнадцать вспомогательных глаголов: *ирт-* «проходить», *ирттер-* «проводить», *кай-* «уходить», *кăлар-* «вынимать», *кёр-* «входить», *кил-* «приходить», *лар-* «садиться, сидеть», *ларт-* «сажать», *нăрах-* «бросать», *нёт-* «кончаться», *нёттер-* «заканчивать», *пыр-* «доходить», *çавар-* «вращать», *çит-* «доходить», *тăр-* «стоять, останавливаться», *тул-* «наполняться», *тух-* «выходить», *ўк-* «падать», *хăвар-* «оставлять», *хур-* «класть», *юл-* «оставаться», *яр-* «пускать, посыпать».

Перечисленные глаголы в конструкциях с деепричастием на *-са* десемантизируются почти все без исключения.

Конструкции *-са кай* и *-са яр* означают начало действия или исходную точку изменения состояния. В чувашском языке обе они очень продуктивны, ср.: *вăранса кай* «просыпаться» (букв. «вставая, уходить»), *кăмăл асса кайрё* «возникло желание» (букв. «желание, на-крыв, ушло»), *кулса яр* «засмеяться» (букв. «смеясь, посыпать»). Эти же два аспектуализатора, как ни странно, могут означать и конец действия, ср.: *манса кай* «забывать» (букв. «забывая, уходить»), *хăваласа яр* «выгонять» (букв. «оставляя, пускать»). В употреблении этих двух вспомогательных глаголов семантическое различие начала и конца проявляется в различии их валентности.

Все остальные фазовые аспектуализаторы выражают конец действия. Разница в их употреблении, с одной стороны, состоит в различной продуктивности, с другой – в том, как семантика знаменательного глагола воздействует на степень десемантизации. Э.Е. Лебедев приходит к выводу, что глаголы *кай-*, *хур-*, *кăлар-*, *ўк-*, *çит-*, *пыр-*, *кил-*, *лар-*, *ларт-*, *кёр-* в фазовой вспомогательной функции всегда десемантизируются, тогда как глаголы *яр-*, *тăр-*, *юл-*, *ирт-*, *ирттер-*, *тул-*, *çавар-* десемантизируются только частично. Единственный вспомогательный глагол, который в роли аспектуализатора, означающего конечную фазу действия, никогда не десемантизируется, это *нёт-* «кончаться» и его понудительная форма *нёттер-* «заканчивать» (с. 88–89). Семантический анализ многочисленных примеров из художественной литературы позволил автору прийти к выводу, согласно которому у фазовых глаголов помимо первичного акционсартового значения, означающего начало или конец действия, часто бывает и вторичное акционсартовое же значение, передающее, к примеру, интенсивность, результативность или полноту действия.

Вторую большую группу форм с акционсартовыми значениями составляют сочетания вспомогательных глаголов с деепричастием на *-са*, описывающие количественную характеристику протекания действия. В этой группе различаются четыре подгруппы:

1) значение длительности протекания действия при помощи аспектуализаторов: *кай-* «уходить», *пыр-* «доходить», *çуре-* «ходить», *тăр-* «стоять», *вырт-* «лежать, валяться», *юл-* «оставаться», *лар-* «сидеть», *ирт-* «проходить», *ирттер-* «проводить»;

2) значение кратковременности протекания действия при помощи аспектуализаторов: *ил-* «брать», *нăх-* «смотреть», *кур-* «видеть»;

3) значение интенсивности протекания действия при помощи аспектуализаторов: *тăк-* «лиять», *тыт-* «держать, хватать», *тат-* «рвать»;

4) значение направления действия при знаменательных глаголах движения с помощью аспектуализаторов: *ан-* «спускаться», *ирт-* «проследовать (мимо)», *кай-* «уходить», *каç-* «переходить», *кăлар-* «снимать, вынимать», *кёр-* «входить», *кёрт-* «вводить», *кил-* «приходить», *пыр-* «двигаться», *салат-* «разбрасывать», *çит-* «доходить», *таврăн-* «возвращаться», *тух-* «выходить», *улăх-* «подниматься», *ўк-* «падать», *ўкер-* «ронять», *хăлар-* «подниматься», *хăларт-* «поднимать».

В отношении некоторых конструкций с вспомогательными глаголами из перечисленных подгрупп Э.Е. Лебедев констатирует, что акционсартовое значение может стать основой дальнейшего развития семантики, ср. *илле кай-* «увозить» (букв. «беря, уходить»), где *кай-* имеет акционсартовое значение направления, но это же выражение может означать и «брать с

собой», а это уже является новым значением. Таким образом, конструкцию «деепричастие -сA + аспектуализатор» можно учитывать и как одно из средств словообразования.

Наконец, третью группу акционсартовых значений составляет семантика вспомогательных глаголов, названная автором этогивом и адрессивом. Больше всего для этих действий характерно то, что они происходят в интересах лица, выраженного подлежащим, или в интересах какого-либо другого лица. В таких конструкциях знаменательный глагол обязательно является переходным. В этой группе встречается всего три вспомогательных глагола: *ил-* «брать», *пар-* «дать» и *кăтарт-* «показывать», которые полностью никогда не десемантизируются. Чаще всего встречающиеся сложные структуры в этой группе: *палиаса ил-* «узнавать» (букв. «знакомясь, брать»), *буласа пар-* «прочитать» (букв. «читая, давать»), *сырса пар-* «описать» (букв. «описывая, давать»), *вyllяса кăтарт-* «сыграть» (букв. «играя, показывать»), *каласа кăтарт-* «объяснять» (букв. «говоря, показывать»). Как отмечает автор, данный тип чрезвычайно продуктивен.

Подытоживая нашу рецензию книги Э.Е. Лебедева, хотим отметить, что в ней дан основательный обзор аналитических структурных типов, состоящих из деепричастия на -сA и аспектуализатора, анализ оттенков акционсартовой семантики, передающейся различными вспомогательными глаголами, исследованы разновидности наиболее часто встречающихся знаменательных глаголов различных групп. Автор в своей работе не только предлагает новые результаты в области чувашской описательной и функционально-семантической грамматики, но и способствует своим трудом международным аспектологическим исследованиям, подробно описывая специфическую форму выражения акционсартовых значений в чувашском языке.

Литература

¹ Wiedemann F.J. Grammatik der tscheremissischen Sprache nach dem in der Evangelienübersetzung von 1821 gebrauchten Dialekte. Reval: Verlag von Franz Kluge, 1847; Себебренников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Чхайдзе М.П. Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1960; Его же. Спаренные глаголы в некоторых уральских и других восточных языках // Советское финно-угроведение. № 4. 1968. С. 285–297; Кельмаков В.К. Спаренные глаголы в удмуртском языке (на материале кукморского диалекта) // Вопросы удмуртского языка. Вып. 3 / УдмНИИЭЛЯ при Совете министров Удм. АССР. Ижевск, 1975. С. 90–105; Driussi P. Paired verbs – serial verbs in Cheremis // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 1992–1993. №16/17. S. 59–105; Bereczki G. A cseremisz nyelv történeti alaktana. Kossuth Egyetemi Kiadó. Devrecen, 2002; Лебедев Э.Е. Сложновербальные аналитические формы с акционсартовыми значениями в чувашском и марийском языках // Fenno-Ugrica 1. Проблемы языков, литературы и фольклора народов Урало-Поволжья. Йошкар-Ола: Сельские вести, 2008, С. 102–107. (Труды Института финно-угроведения; вып. 5).

² Аймарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типолит. Казан. ун-та, 1898.

³ Schönig C. Hilfsverben im Tatarischen. Untersuchungen zur Funktionsweise einiger Hilfsverbverbindungen. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1984.

⁴ Greed T. On Tatar converb clauses and their argument structure // Turkic Languages 10. 2006. S. 220–245.

⁵ Honti L. К вопросу о происхождении спаренных глаголов в финно-угорских языках Волжско-Камского региона // Ural-Altaic Studies = Урало-алтайские исследования. 9/2. 2013. С. 109–113.

⁶ Анисимов Г.А. Некоторые аспектуальные функции глагольных словосочетаний в чувашском языке // Проблемы словосочетаний в тюркских языках / ЧНИИЯЛИЭ. Чебоксары, 1975. С. 21–23; Чернов М.Ф. К вопросу о классификации сочетаний слов с глаголом *тух-* «выйти» в чувашском языке // Вопросы истории и грамматики чувашского языка. Вып. 74 / ЧНИИЯЛИЭ. Чебоксары, 1977. С. 16–40 [и др.]

⁷ Сергеева Л.П. Глагольные конструкции типа «причастие + вспомогательный глагол *пул-* в сослагательном наклонении» в современном чувашском языке // Исследования по лек-

сике и грамматике современного чувашского языка / ЧНИИЯЛИЭ, Чебоксары, 1986. С. 15–24; Ее же. Некоторые особенности вспомогательного глагола *пул-* в аналитических конструкциях в чувашском языке // Вопросы чувашской фонетики и морфологии / ЧНИИЯЛИЭ, Чебоксары, 1986. С. 43–54.

ЧГВ, 2017 г., № 12

© Ф. Эрсой. Рец. на: Петров Л.П. Опыт сравнительно-исторического изучения чувашских названий птиц / Л.П. Петров. – Чебоксары: ЧГИГН, 2016. – 290 с.

В последнее время наблюдается заметный рост публикаций, посвященных чувашскому языку. В особенности вызывают интерес исследования, появившиеся на свет в Чувашии и Татарской Республике. Большую роль в издании научной литературы, в частности, играет Чувашский государственный институт гуманитарных наук (ЧГИГН).

Монография Л.П. Петрова «Опыт сравнительно-исторического изучения чувашских названий птиц» вышла в Чебоксарах в 2016 г. Этот труд издан в ЧГИГН и имеет объем 290 страниц.

Отметим, что работы, посвященные лексикологии, имеют особый вес среди книг по языкоznанию. Лексический состав любого языка содержит несколько основных групп, к которым относятся, например, такие: личные имена, названия органов человека, названия временных промежутков, названия животных и т.д. И вполне естественно, что внутри этих групп имеются свои подгруппы. В книге Л.П. Петрова рассматривается одна из таких подгрупп – названия птиц, которая входит в состав более обширной группы названий животных.

Исследование открывает раздел «Общая историко-лингвистическая характеристика чувашских названий птиц», из которого мы узнаем, что изучение названий птиц в чувашском языке в качестве отдельного направления начинается в середине XX в. Первые работы по исследованию орнитонимов в тюркских языках принадлежат перу таких известных российских ученых, как А.Н. Кононов, Н.А. Баскаков, Б.А. Серебренников, А.М. Щербак и др. Автор монографии указывает, что, помимо работ этих ученых, базой для его исследования послужили архивные источники и экспедиционные записи по этнографии и зоологии, относящиеся к XIX в., а также более современные труды.

Следующий раздел книги посвящен актуальным вопросам тюркской и чувашской орнитонимики. Автор отмечает, что при изучении этимологии некоторых названий птиц он обращался к «Киргизско-русскому словарю» К.К. Юдахина и работам других ученых. В результате анализа киргизских наименований птиц, полученных посредством сплошной выборки, выяснилось, что из общего количества орнитонимов (120 наименований) 45 имеют непосредственные параллели с названиями птиц в чувашском языке. В чувашском языке же Л.П. Петров установил 290 названий птиц. Наиболее старые из источников, использованных им в процессе этой работы, относятся к XVIII в.

По своему происхождению названия птиц в чувашском языке, по мнению автора, делятся на следующие семь групп:

- 1) общетюркский пласт: *карай* «беркут», *шайнчэк* «соловей»;
- 2) кыпчакские заимствования: *акай* «лебедь», *сантукач* «соловей»;
- 3) иранские заимствования: *туткай* «павлин»;
- 4) арабские и персидские заимствования: *йамарткайák* «орел», *лелек* «аист»;
- 5) монгольские заимствования: *лач(ч)ай* «сокол», *путене* «перепел»;
- 6) финно-угорские (в основном марийские) заимствования: *ларка* «утка»;
- 7) русские заимствования: *пёркёт* «беркут», *чаптур* «цапля».

Фейзи Эрсой – доктор филологических наук, профессор кафедры современных тюркских языков и литератур Университета Гази (Анкара, Турция); e-mail: fevziersoy@yahoo. com.

В разделе «Морфологический анализ чувашской орнитомической лексики» (с. 18). Л.П. Петров разбирает состав аффиксов, участвующих в образовании названий птиц. Вот некоторые из них: *-чын*, *-чин*, *-чайн*, *-шин*, *-ышин*, *-сен*; *-ан*, *-кан*; *-лэк*; *-ак*; *-йк*.

В разделе «О некоторых принципах номинации птиц в чувашском языке» (с. 22) идет речь о факторах, влияющих на образование названий птиц. Представлены основные особенности, связанные с этими названиями, которые имеют наибольшее значение в процессе номинации. К принципам номинации относятся следующие: 1) названия, связанные со звукоподражанием: *куккук* «кукушка»; 2) названия птиц по месту их обитания: *сала кайák* «воробей»; 3) названия, данные по своеобразию поведения и повадкам птицы: *виле ѿмарткайáké* «орел-могильщик»; 4) названия по внешности птицы (вид головы, клюва, хвоста и т.д.): *кукар сымса* «клест-оловик»; 5) названия по цвету оперения птицы: *саркайák* «иволга».

Как видно по примерам, в процессе номинации главными принципами являются место обитания птицы, цвет оперения, повадки, звукоподражание и др.

Следующий раздел является собой основную часть исследования. В нем дан словарь названий птиц (с. 33–243). Эти названия представлены в алфавитном порядке в сопровождении цветных иллюстраций с изображением птицы, название которой описывается в конкретной словарной статье. Отметим, что использование иллюстраций имеет важное значение в исследованиях подобного рода, так как каждый орнитоним должен вызывать у читателя четкий образ.

Словарь начинается со слова *акайи* «лебедь» (с. 33–35). В словарной статье даются сведения о том, в каком словаре впервые это слово было отмечено, как оно выглядит в словарях других тюркских языков и в какой форме встречается в диалектах. Кроме этого, дана информация о происхождении этого орнитонима. Автор также указывает, какой принцип был положен в основу номинации данного названия. Слово *акайи*, например, исторически происходит от двух слов – *ак* «белый» и *куши* «птица». Другими словами, здесь использован принцип номинации по цвету оперения птицы.

В заключительной части книги (с. 244–246) представлены основные выводы автора по результатам проведенного исследования. Говорится о том, что в целом в работе было исследовано 250 чувашских названий птиц, образованных как путем сочетания двух слов, так и путем аффиксации. Анализ этих названий проведен на основе сравнительно-исторического метода. Указывается, что человек с развитием современных технологий отдалился от природы. Л.П. Петров одной из задач своей книги видит в необходимости более подробного изучения птиц и их названий учащимися школ.

Монография завершается списком литературы (с. 247–251). Кроме этого, в качестве приложений даны: краткий русско-чувашский словарь названий птиц, список народных и научных названий птиц в чувашском языке, переносные значения орнитонимов, названия птиц, представленные на «Чувашском народном сайте», описания птиц из книги Ю. Семендера и чувашские собственные имена, связанные с орнитонимами.

В последнее время появилась тенденция давать в конце словарей отдельные главы, посвященные названиям цветов, диких животных и др. К сожалению, такого рода описания обычно не запоминаются детьми и молодыми людьми. Подобные словари должны быть конкретными и полными, для того чтобы у читателя в памяти осталась хоть какая-нибудь информация. Монография Л.П. Петрова как раз является словарем такого типа. В ней представлены сведения из энциклопедий, морфологические и этимологические сведения, фотографии и другая важная информация.

Наряду с несомненными достоинствами рецензируемой монографии, мы бы хотели отметить и моменты, вызвавшие у нас критические замечания. Во-первых, хотим указать на непоследовательность автора в отношении выбора языка написания исследования: во «Введении» работы он использует чувашский язык, а в основной части переходит на русский язык. На наш взгляд, это несколько нарушает общее восприятие книги. Все же нужно было остановиться на каком-либо одном языке – чувашском или русском, чтобы не разрывать ход рассуждений в монографии.

Во-вторых, выше мы писали, что иллюстрации в работах подобного рода играют свою положительную роль для лучшего восприятия представляемой информации читателями. И их

использование в рецензируемой книге является правильным. Однако в отдельных словарных статьях ощущается перенасыщенность ими, что отвлекает от восприятия текстового материала: все хорошо в меру.

Считаем, что рецензируемая работа Л.П. Петрова займет важное место не только в российской тюркологии, но и в ряду научных исследований, выходящих в Турции. Мы поздравляем автора с выходом монографии и желаем ему издания новых подобных работ.

ЧГВ, 2017 г., № 12

© Р.Р. Исхаков. Рец. на: Гусаров Ю.Г. *Переводная чувашская книга второй половины XIX – начала XX века: к истории переводческой и издательской деятельности* / Ю.В. Гусаров; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2016. – 60 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 23).

Одной из слабо разработанных в современной российской историографии тем является развитие просветительской деятельности миссионеров среди многонационального населения Волго-Уралья во второй половине XIX – начале XX в. Это связано с целым рядом причин, главной из которых можно назвать негласное «табу» на изучение роли православных просветителей в развитии культуры крещеных не-русских народов Восточной России в советское время. В связи с этим до сих пор в данном весьма важном вопросе существуют значительные исторические лакуны, не позволяющие выстроить общую объективную картину складывания и развития религиозно-просветительского движения крещеных нерусских народов Поволжья и Приуралья. В последнее время отмечается рост интереса ученых к этой проблематике. Важным является пересмотр взглядов исследователей на узловые вопросы феномена религиозного просветительства, отказ от «локального» измерения, позволяющий рассматривать это явление в общем контексте социокультурного развития народов региона¹. Благодаря этому стало возможным оценить реальное значение деятельности Н.И. Ильминского и его последователей в культурной мобилизации местных народов, формировании у них прослойки духовной и светской интеллигенции, складывании основ «высокой» (национальной) культуры.

Одним из значимых аспектов этой темы является деятельность представителей миссионерской школы востоковедения по переводу христианских текстов на языки бесписьменных народов Поволжья и Приуралья. Практические нужды по созданию понятной для народа православной вероучительной и богослужебной литературы способствовали созданию методики транслитерации текстов и формированию письменной традиции на основе кириллицы «восточных инородцев». В свою очередь, это потребовало открытия сети начальных школ с преподаванием на родном для детей языке для создания массы грамотной молодежи, которая могла бы читать созданные миссионерами переводы и стать опорой церкви среди местного населения. По сути, это привело к тому, что у этих социумов сложилась своя национальная письменность, а в дальнейшем и литературная традиция, что сделало их полноценными субъектами мировой цивилизации. Ю.Г. Гусаров в своей новой работе на примере истории создания и развития чувашской переводной книги пытается проследить роль православных просветителей в формировании чувашской письменной традиции и создании чувашской книги. Обращение к этой теме позволяет выявить и рассмотреть истоки чувашской письменности и литературы, понять мотивацию просветителей в продвижении проектов в области развития чувашской культуры, рассмотреть сложные дискуссии и борьбу вокруг чувашских переводов.

В работе был применен проблемно-хронологический метод, что позволило автору провести серьезный ретроспективный анализ становления и развития чувашской переводной литературы во второй половине XIX – начале XX в. Научный доклад состоит из введения, четырех разделов, заключения и научно-справочного аппарата.

Радик Равильевич Исхаков – кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; e-mail: ishakovist@gmail.com.

Первая глава исследования посвящена формированию методики переводов христианских текстов на чувашский язык и борьбе вокруг переводной чувашской книги между последователями просветительских методов интеграции представителей крещеных нерусских народов Волго-Уралья в русское культурно-религиозное пространство и сторонниками их жесткой культурно-языковой унификации (русификации). Большое внимание уделено становлению в пореформенный период (1860–1880-е гг.) реформаторской системы религиозного просвещения нерусских народов региона, в рамках которой была разработана новая методика переводов на чувашский язык православных книг. Создание чувашской письменности и начало издания религиозно-нравственной и учебной литературы на чувашском языке привели к культурной модернизации чувашского патриархального общества, росту самосознания народа. Это вызвало открытую и острую дискуссию среди церковных деятелей и местной бирократии о правомерности дальнейшего широкого применения просветительских методов в христианизации нерусских народов, в первую очередь использования родного языка в школьной и церковной практике. Эта дискуссия обострилась после смерти Н.И. Ильминского – создателя и главного идеолога данного движения, обладавшего широкими лоббистскими возможностями в области просвещения «инородцев». Как совершенно справедливо отмечает автор, в центре этой дискуссии оказались чуваши – наиболее крупная и консолидированная этническая группа крещеного нерусского населения Волго-Уралья, к концу XIX в. имевшая довольно многочисленную духовную и светскую интеллигенцию, ставшую культурной и социальной элитой общества. Транслируя определенные фобии и стереотипы о росте культурного и национального сепаратизма, противники «просветителей» выступали за сворачивание применения чувашского языка в церковной и школьной практике. Одним из центральных вопросов спора представителей двух лагерей стало использование чувашского языка в издательской и переводческой деятельности. Ю.В. Гусаров подробно и весьма основательно освещает этот вопрос, на примере борьбы вокруг чувашской переводной книги показывает поляризацию мнений православных миссионеров и местной администрации о судьбе наследия Н.И. Ильминского, изменение вектора внутриполитического курса государства в отношении населения региона.

Во второй главе представлены материалы, характеризующие развитие чувашских переводческих центров в губернских центрах Волго-Уралья – Казани, Симбирске, Самаре и Уфе. Автор показывает сложную, разветвленную систему переводческо-издательских институтов, сложившуюся в пореформенный период. Наряду с главным, распорядительным органом, осуществлявшим централизованную переводческую деятельность на языках нерусских народов Восточной России – Переводческой комиссией Православного миссионерского общества при казанском Братстве св. Гурия, благодаря деятельности чувашской интеллигенции и учащейся молодежи сформировались другие крупные переводческие центры, такие как Казанская учительская семинария, Миссионерские курсы в Казани, Симбирская чувашская учительская школа, Уфимский и Самарские комитеты Православного миссионерского общества, переводческие организации губернских земств. Заслуживает внимания взгляд историка на методику работы чувашских переводчиков, в основе которой лежали научные разработки Н.И. Ильминского и И.Я. Яковleva. По сути, благодаря многолетней деятельности И.Я. Яковleva и его последователей сложилась чувашская переводческая традиция, имевшая ряд отличительных особенностей. Ю.В. Гусаров на основе опубликованных и архивных материалов воссоздает научную лабораторию чувашских переводчиков, показывает формы их подготовки в стенах учебных заведений и во время практической деятельности. Приводимые данные показывают, что в отличие от переводов на другие языки, в частности на татарский, чувашские переводы были плодом труда исключительно чувашских интеллектуалов и энтузиастов, стремившихся донести до народа истины христианского вероучения и развивать образование на родном языке. Благодаря этому, как отмечает исследователь, в чувашских переводных текстах использовалось богатство народного фольклора, обогащавшего их, делавшего переводы понятными для народа.

В третьей главе поднимаются вопросы издательской деятельности на чувашском языке. Автор показывает источники финансирования издания чувашских книг, проблему набора чувашских текстов в типографиях, репертуар переводной литературы, тиражи изданий. Ма-

териалы этого раздела наглядно показывают эволюцию чувашской переводческо-издательской деятельности во второй половине XIX – начале XX в. Зародившаяся как один из элементов христианско-просветительской деятельности миссионеров, осуществлявшаяся и финансируемая миссионерскими и церковными институтами, к концу XIX в. в связи с ростом культурных запросов чувашского общества, появлением многочисленной прослойки грамотного населения переводческо-издательская деятельность на чувашском языке значительно расширяется, появляются альтернативные институты, осуществляющие проекты в этой области. Ю.В. Гусарову удалось на примере переводческо-издательской деятельности показать изменения, происходившие в чувашском просветительском движении в этот период, при переходе ее от клерикально-миссионерских форм к секулярно-национальным. Особо нужно сказать о параграфе, посвященном дискуссиям вокруг системы чувашского правописания, имевшим судьбоносный характер для развития чувашского литературного языка. Борьба вокруг чувашской письменности, происходившая между И.Я. Яковлевым и его оппонентами, способствовала выработке современных норм чувашской фонетики.

Четвертая глава посвящена истории чувашской светской переводной книги в дореволюционный период. В репертуаре светской переводной книжной продукции выделялась научная, учебная, деловая и художественная литература. Пик изданий чувашской светской книги дореволюционного времени приходится на период после 1905 г., что было связано с началом Первой русской революции, приведшей к эманципации и секуляризации массового сознания нерусских народов Волго-Уралья. В это время на чувашском языке появляется подпольная литература революционного содержания, подготовленная активными членами «левых» партий из числа чувашской интеллигенции. Важную роль в подготовке и издании светских книг для чувашей сыграли земские организации. Автор проанализировал данные явления, подчеркнув их важное значение в развитии светских, общегражданских знаний среди сельского чувашского населения, продвижении передовых агрономических подходов в земледелии.

Подводя итог обзору исследования Ю.В. Гусарова, отметим ее важное значение в изучении становления чувашской книги в дореволюционный период, а также в развитии знаний о религиозно-просветительском движении крестьян нерусских народов Волго-Уралья. Данная тема весьма актуальна, и её разработка имеет большое научное и практическое значение. Представляется важным углубление и расширение изучения данной проблемы. В связи с этим мы скажем несколько вопросов, на которые, на наш взгляд, следует обратить внимание в ходе дальнейших научных изысканий. В контексте изучения этой темы необходимо проанализировать изменение методики переводческой деятельности на чувашском языке во второй половине XIX – начале XX в., связанное с унификацией терминологического аппарата и формированием чувашского нормативного литературного языка. Большой интерес представляет рассмотрение особенностей чувашской переводческо-издательской деятельности. В частности, соотнося переводческую лабораторию И.Я. Яковлева и Н.И. Ильминского, наряду с общими идеологическими и теоретическими подходами, можно выделить ряд концептуальных различий в методике передачи текстов, во взглядах просветителей на развитие книгоиздания и проч. Отдельного внимания заслуживает издательская деятельность типографий и книготорговли переводной продукцией на чувашском языке.

Таким образом, можно констатировать, что Ю.В. Гусаровым была поднята значимая тема, требующая дальнейшей разработки. Рецензируемая работа вносит заметный вклад в изучение истории становления чувашской книги и религиозно-просветительского движения в Волго-Уральском регионе во второй половине XIX – начале XX в. Материалы, введенные в научный оборот автором, расширяют представления о значении православных просветителей в развитии культуры чувашей, деятельности чувашской интеллигенции в области переводов и издания книг на родном языке.

Литература

¹ Таймасов Л.А. Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX века: дис. ... д-ра

ист. наук. Чебоксары, 2004; *Николаев Г.А.* Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнографии. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 312 с.

ЧГВ, 2017 г., № 12

© М.И. Роднов. Рец. на: **Николаев Г.А. Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнографии** / Г.А. Николаев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2016. – 312 с.

Яркая обложка книги заранее говорит читателю: будет увлекательный рассказ о крестьянском мире. А историки-аграрники, хорошо знакомые с творчеством известного специалиста Геннадия Алексеевича Николаева, сразу предвкушают обстоятельное и глубоко научное повествование. Книга действительно удалась.

Автор смог создать труд, рассчитанный на самую разную аудиторию, от « рядового» любителя старины до профессионала. Простой, доступный язык, спокойное объяснение прошлого, а не раздача плюсов и минусов с поиском виноватых. Это вообще присуще работам Г.А. Николаева – не погоня за сиюминутным эффектом, а воистину крестьянское погружение в глубь прошлого, как землепашец поднимает и переворачивает пласти почвы.

Сложность жизни, многоукладность экономики и общества надо объяснять. Здесь Г.А. Николаев – верный последователь своих учителей – от А.М. Анфимова и А.П. Корелина до далёкого В.О. Ключевского, который призывал к многофакторному анализу истории. Все рассуждения подкреплены внушительным научно-справочным аппаратом, что для специалиста показывает «кухню» автора.

Обращают внимание подробные выводы в конце каждого раздела. Автор считает необходимым тщательно разъяснить читателю свои мысли, ещё раз напомнить главное, основное. Как землепашец медленно идёт за плугом от края до края своего поля, так Г.А. Николаев разматывает клубок сюжета.

А в центре книги – роль крестьянской общины в этнической идентичности. Мир хлебороба совсем недавнего прошлого – это мир коллективный. Невозможно понять нашу историю исходя из современного индивидуалистического восприятия. Наши предки жили в коллективах – семейном, родовом, общинном, сословном, религиозном.

Автор сплетает два вида исторических источников – нарратив (индивидуальные повествования) и массовую статистику. Но они часто конфликтуют друг с другом. Выводы базируются на подсчётах автора по материалам различных переписей, в которых он стремится увидеть микролокальные особенности (например, с. 131–132). Это результат многолетнего упорного труда.

Да, богат фонд Н.В. Никольского, яркие очерки оставили журналисты поволжской прессы, но нет ничего субъективнее мемуаров современников. Особенность отечественной историографии последних десятилетий – буквально «девятый вал» нарратива. В советское время мемуары и воспоминания считались второстепенным источником. Сейчас с упоением цитируют эффектные и красочные зарисовки. Николаев поверяет алгеброй музыку, старается найти баланс, помнит о важности критики.

Для «крестьянских» этносов – чувашей, марийцев, мордвы и удмуртов – община была основной конструкций, которая формировалась народы. Именно в общине функционировал национальный язык, национальные формы религиозности, своя культура. Я бы добавил сюда забытую волость.

Во всех урало-поволжских губерниях при создании волостей доминировал национальный принцип. Для власти была удобна именно более-менее однородная в этническом от-

Михаил Игоревич Роднов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и культуры Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН; e-mail: rodnov@ufacom.ru.

напечатаны волость как инструмент сбора налогов и управления деревней. Волостной суд, волостные сходы, волостная элита – всё сохраняло национальную окраску. Документация на русском языке требовалась только для вышестоящих органов уездного и губернского уровня.

Г.А. Николаев прослеживает, как сельские этносы Поволжья балансировали между конкурирующим воздействием двух уже «городских» народов – русских и татар, имевших свои религии, тоже во многом «городские». Но при этом надо видеть фундаментальную подоснову ассимиляционных процессов – однотипность экономики у всех народов Поволжья. Принципиальных (качественных) отличий в хозяйстве между русскими, чувашами и мордвой, к примеру, почти не было. Торговцев и промышленников, да, было больше у русских и татар, но в сельской сфере различия минимальные.

Блестящий знаток местной истории, автор «выходит» за пределы Среднего Поволжья (с. 128–129, 183–184), но там была уже иная ситуация. Процессы культурного взаимодействия и ассимиляции в зоне традиционной общинной деревни и в многоземельных степных районах фермерского пути развития принципиально отличались. Высокий уровень материального благосостояния, формирование фермерства («среднего класса») среди чувашей и мордовы усиливали национальную идентичность. Именно «средний класс» является главным носителем национальной идентичности. Не случайно из рядов не просто богатых общинников, а современных предпринимателей вышел классик чувашской литературы Константин Иванов¹, как Сергей Есенин, воспевший успешную, процветавшую деревню. Общаешься с известным чувашским этнографом Е.А. Ягафовой, мы согласились, что юго-восточные (самарские, оренбургские, уфимские) чуваши – «другие». Они отличаются по ментальности от «коренных» с Волги духом предприимчивости первопроходцев, энергией, оптимизмом.

Много места в книге Г.А. Николаев уделяет религиозной ситуации. Но, подчёркивая разную скорость смены конфессиональной идентичности («перехода» в татары или в русские), необходимо указать на отличия самих религий. Мировые (крупные) религии по-разному воспринимают предшественников. Есть «мягкое» отношение, когда божества, обычаи, культовые практики просто включаются в новую, победившую религиозную систему, как в буддизме. А есть «жёсткое», полностью стирающее предыдущую систему, когда «хорошие» старые боги становятся плохими.

Восточное христианство и русское православие относятся к первым. Существует огромная литература о многообразном языческом наследии в русском народном православии. Прежние дохристианские обычаи и традиции просто получали новое оформление. Совсем иная ситуация была в исламе, который напрочь уничтожал домусульманские верования, как в католицизме или протестантизме. Не случайно такой интерес в современной татарской науке вызывают кряпчины, сохранившие под внешней оболочкой православия широкий спектр древних языческих традиций, полностью стёртых исламом у татар-мусульман.

Автор в судьбах народов Поволжья выделяет два основных компонента – сельскую общину и религию. Но есть и третий – сословие. До начала XX в. идентичность базировалась на двух «китах» – религии и сословии. Эта тема звучит у Г.А. Николаева «приглушённо». В современной историографии Татарии и Башкирии она тоже слабо изучается, если не находится под табу.

А роль сословного фактора огромна! Почему кряпчины не сложились в самостоятельный этнос, хотя к этому всё медленно шло. С моей точки зрения, есть главная причина. Царское правительство не смогло или не придало значения и не выделило татар-кряпчин в отдельное сословие. Конечно, это было не просто, требовались большие усилия.

Но если бы татары-кряпчины имели свои чёткие сословные рамки, своё законодательство, свои условия землевладения и землепользования, налогообложения и прочее, они бы разделили судьбу башкир. Именно жёсткие сословные отличия башкир-вотчинников от татар-принципиенников, вотчинное право на землю, своя административная система и т.д. стали основой башкирской идентичности.

Вспыхивавшие времена от времени среди татар Поволжья панические фобии о предстоящем крещении (например, во время переписи 1897 г.) моментально затихали, едва пересекая границы Уфимской губернии. Защищённые веками от крещения своими сословными границами башкиры и татары-мештарики не воспринимали истерическую панику исламских радикалов.

Мегасловствие государственных крестьян не могло являться сколько-нибудь действенным инструментом русификации. Оно, наоборот, служило внешней оболочкой, внутри которой вызревала этническая идентичность чувашей, мордвы, марийцев. В литературе практически нет свидетельств о русификаторских устремлениях управленческого аппарата государственной деревни до 1860-х гг., а потом он вообще распался.

Без сомнения, повышенный интерес читателей вызовут рассуждения автора о «праведном богатстве» в традиционной общине. С моей точки зрения, надо было рельефнее выделить демографическую дифференциацию (по А.В. Чаянову): в общине пожилые – богатые, молодёжь – бедная. Выйти за пределы этого «естественного» хода событий, сильно разбогатеть можно было только мифическим путём, только чудо в бедной уравнительной общине способно резко возвысить человека.

Г.А. Николаев подробно раскрывает общинный механизм, переделы земли, вплоть до ежегодных (с. 232) и раздела по едокам (с. 236), показывает сложносоставную национальную общину (с. 240), всё интересно, основательно, на солидной научной основе.

Но лишь вскользь (с. 293) констатируется демографическая проблема, обрушившаяся на общину демоэкологическая катастрофа. А для Чувашии это был подлинный бич, вплоть до колханизации продолжалось отселение крестьян из Чувашии на Урал и в Сибирь. Сама община стимулировала демографический взрыв, наделяя землём по мужским душам или даже по едокам. Огромное избыточное население накалило обстановку в общинной деревне, а крупных центров промышленности было немного, а малограмотные выходцы из деревни могли предложить только дешёвый неквалифицированный труд, этническая идентичность затрудняла переселение в русско-татарские города.

В результате община судорожно пыталась выжить в условиях избыточного, лишнего населения: распахивались луга и выгоны, вырубался лес, осваивались неудобья, природа мстила – засухи, истощение почвы, недороды. Нараставшие кризисные явления заставляли общину включать уравнительные механизмы: не только покосы, уже пашню начинали делить ежегодно, росли чересполосица, мелко- и дальноземелье. Масса бедной молодёжи требовала справедливости – отобрать землю у «куштанов».

В Уфимской губернии похожие процессы происходили на северо-западе, в Мензелинском уезде. Я проследил падение удельного веса зажиточного, многопосевного крестьянства в начале XX в., бедняцко-середняцкая община выдавливала предпринимательскую прослойку².

Но что такое справедливость? Как понимать уравнительность? При переделах земли учитывался комплекс факторов, не только необходимость прокормления семьи. А уплата податей (сюжет, полностью исключённый автором)? В среднем около 10 руб. платил домохозяин всех налогов. Для бедняка это внушительная сумма. А круговая порука? За «голодранцев» всё равно нам придётся подати вносить, говорили на сельском сходе зажиточные мужики. А хозяйственный потенциал двора? У него же одна паршивая лошадёнка да соха-кривуля...

При переделах община учитывала всё, вплоть до личных качеств домохозяина. Мне рассказывали информаторы, как непутёвый брат на сельском (до колхозов) сходе сразу заявлял: мне полоски выдёлите с краю, где землица похуже, я всё равно надрываться не стану, не лежит душа землю ковырять.

Автор смотрит на проблему из традиционной (в основном нечернозёмной) общинной деревни. А правд много. Чуваши сама себя кормила хлебом? Или кушала привозной, что по Волге-матушке баржами везли пароходы из Саратовской, Самарской, Уфимской губерний да в столичном граде Чебоксарах разгружался? Хлебопотребительный баланс хотя бы в Чебоксарском уезде каков на начало XX в.?

А знаменитый российский хлебный экспорт? В 1913 г. из России вывезли за границу 240 млн пудов ячменя, 203 млн пудов пшеницы, 39 млн пудов ржи да 37 млн пудов овса³. Кто выращивал кормовой ячмень да белую пшеничку – общинники? Кто кормил города, армию и флот? Кто кормил потребляющие нечернозёмные, северные и иные губернии? По переписи 1917 г., на юге Уфимской губернии насчитывалось 10 163 хозяйства с 10–15 дес. посева и 11 024 двора, засевавшие более 15 дес., в том числе 8 040 русских, 3 437 башкирских, 3 023 украинских, 1 966 чувашских, 1 339 мордовских и др.⁴

Фермеры, кулаки, купщаны всех национальностей и религий – не забудем крупный агробизнес помециков и купцов⁵ – поставляли на рынок основную часть зерна. Кормили стра-

ну, включая депрессивные регионы, где пыталась выжить архаичная община, найти своё место в рыночной экономике.

Автор показывает кризис мирских устоев, хулиганство как результат порождённого общиной демографического взрыва: массы бедной, но уже более-менее грамотной молодёжи не находили себе места в жизни. Целый раздел в конце книги посвящён тому, как чуваша в своей среде богачей выделяли. Каждый видит у Константина Иванова своё. В поэме «Нарспи» (перевод П. Хузангая) читаем в самом начале⁶:

... А живут в Сильби богато:
Не один там встретишь дом –
Под прохладой старых вётелей –
Наподобие хором.
Вокруг села – плетень добротный,
За плетнём полны скирдов
И копён давнишних гумна,
Да баихи полны плодов.
Вдоль по улице по главной –
Тёсом крытые дворы;

И садов больших, тенистых
Пораскинулись шатры.
А вокруг домов – заборы
Крепостной стоят стеной;
И у каждого – ворота
С разузоренной резьбой.
Велико Сильби, за город
Можно издали принять.
Видно, знают здесь чуваша,
Как богатство наживать...

Социальная структура села Слакбаш Менеузбаш-Кош-Елгинской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии по переписи 1917 г. (напомню, шёл четвёртый год войны, экономический кризис, сокращение хозяйства): зажиточные крестьяне (посевы от 10 до 15 дес.) – 53 двора, фермеры-кулаки (посевы свыше 15 дес.) – 25 дворов из 317. Сельские предприниматели составляли 25 % всего населения Слакбаша⁷.

Автор не случайно заканчивает свою увлекательную книгу разделом о промыслах. Выход не в общинной уравнительности, а в развитии хозяйства, промышленности, торговли, в инновациях в земледелии. Эта проблема стояла в Российской империи, существует и сейчас.

В заключение проблема источников. Надо искать первичные материалы сельскохозяйственных переписей. Только они позволят избежать земской усреднённой статистики. В Казани лежат карточки переписи 1900–1901 гг. по Бугульминскому уезду⁸, в Пензе хранится огромный фонд переписи 1917 г. по Пензенской губернии. Наконец, автор забыл краеведов. А это новая, обширная и очень интересная литература.

В общем, читайте Г.А. Николаева. Обильная и вкусная пища для ума, материал для размышлений, серьёзный вклад в науку.

Литература

¹ Роднов М.И. Фермеры-чуваши Уфимской губернии в начале XX века // Мир предпринимательства Поволжья в исторической ретроспективе. Чебоксары, 2002. С. 166–178.

² Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. Гл. III, § 3. Антибуржуазная эволюция традиционной деревни.

³ Измельцева Т.Ф. Россия в системе европейского рынка, конец XIX – начало XX в.: (опыт количественного анализа). М., 1991. С. 44.

⁴ Энциклопедия предпринимательства Башкортостана (история и личности). Кн. 1 / гл. ред. А.Н. Дегтярёв. Уфа, 2006. С. 113.

⁵ См.: Роднов М.И. Крупный агробизнес Уфимской губернии (вторая половина XIX – начало XX века) // Крестьяноведение. М., 2017. № 1, т. 2.

⁶ См.: Иванов К.В. Нарспи. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. 255 с.

⁷ Роднов М.И., Дудина О.И. Крестьянство Уфимской губернии в 1917 году: Белебеевский уезд (продолжение) // Башкирский край. Вып. 3. Уфа, 1993. С. 144.

⁸ Амирханов Р.Х., Габдуллин И.Р., Роднов М.И. Окно в прошлое: Материалы подворной переписи 1900–1901 гг. Казань, 2014. Статья «Зажиточные чуваша из Ново-Суркино».

Pоцензируемое издание посвящено одному сюжету из истории г. Чебоксары – ссылке и захоронению в Никольском монастыре бабушки Михаила Романова Марии Шестовой. Появление столь внушительной публикации о довольно частном эпизоде местного прошлого само по себе весьма примечательно и объясняется, очевидно, двумя взаимосвязанными обстоятельствами: во-первых, «царским» статусом центрального персонажа (сразу выводящим данный сюжет из разряда «рядовых»), а во-вторых, недавним 400-летием воцарения Романовых, отмечавшимся в 2013 г. Именно тогда в историческом центре г. Чебоксары, на территории бывшего Никольского монастыря, археологической экспедицией Чувашского государственного института гуманитарных наук было обнаружено предполагаемое захоронение Марии Шестовой. Эти исследования, получившие большой резонанс (привлекшие внимание Главы Чувашской Республики, администрации и жителей города, а также главы Российского императорского дома), и послужили толчком для написания данной книги, ставшей, таким образом, отголоском того юбилея. «Юбилейность» настоящего издания – отдельная тема, о которой – ниже, а пока несколько слов о его структуре и содержании.

Книга состоит из трех глав – исторической, искусствоведческой и археологической – и внушительного приложения, включающего подробную библиографию по теме и публикацию источников. Здесь представлены архивные и труднодоступные материалы, касающиеся ссылки Марии Шестовой и истории Никольского монастыря, что делает настоящее издание полезным и практически необходимым ресурсом по данной тематике. Исследователю теперь нет нужды предпринимать специальный поиск материалов: большинство из них уже собрано в одном месте. Публикация источников осуществлена на высоком научном уровне, избранные принципы передачи текста позволяют избежать существенных информационных потерь, при этом делая его доступным даже для непрофессионала, в том числе с помощью лаконичного, но содержательного комментария. Можно сказать, что составитель старается быть одинаково внимательным и к тексту источника, и к потенциальному читателю книги. Благодаря такому редкому сочетанию этот ресурс оказывается не просто полезным, но и надежным и удобным. Единственное, чего, пожалуй, здесь не хватает, – это список опубликованных материалов, который бы позволил легче в них ориентироваться. В целом же Приложение – несомненная удача составителя и безусловное украшение книги.

Составитель Приложения Ю.В. Гусаров является также и автором первой главы. Она включает три исторических очерка, несколько различающиеся по жанру и предмету рассмотрения (в одном случае это история учреждения, в другом – исторический портрет, в третьем – реконструкция отдельного события), но выполненные в едином ключе: на широком круге источников, в значительной части архивных, с учетом исследовательской традиции, с последовательным и детальным рассмотрением обсуждаемых вопросов и аккуратными и фундированными заключениями – словом, представляющих собой качественные исследовательские работы.

Первый очерк содержит историю обители (от ее основания в XVI в. до упразднения в XVIII в.) и Никольского храма (до его разрушения в 1930-е гг.) с рассказом о монастырских святынях, хозяйстве и жаловании, о связанных с монастырем людях и событиях, о количестве и составе насельниц и церковного причта. Поскольку архив монастыря не сохранился, его историю приходится реконструировать «по крупицам», обращаясь к широкому кругу источников самого разного характера, от писцовых книг до надписей на колоколах, что требует от автора не просто скрупулезности, а настоящего профессионального мастерства. В следующем очерке реконструируются биография главной героини книги, история ее рода и генеалогические свя-

Павел Сергеевич Куприянов – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: kuprianov-ps@yandex.ru.

зи, излагается история иконы-картины «Убиение царевича Дмитрия», связываемой с Марией Шестовой, и прослеживается возникновение и развитие интереса к ее могиле в местной популярной литературе. Последний сюжет получает развитие в следующем очерке, подробно освещавшем раскопки 1913 г. в склепе Никольского собора и существенно дополняющем общую картину за счет сведений из вновь выявленных источников.

Если первая глава книги в целом посвящена тому, что *происходило* в Никольском монастыре и храме в разные периоды истории, то вторая рассказывает о том, как они *выглядели*. Оба составляющих ее искусствоведческих очерка, посвященные строительству и архитектуре монастыря и интерьеру его собора, носят отчасти гипотетический характер, не только из-за того, что монастырские постройки не сохранились до настоящего времени, но и в силу ограниченности источниковской базы. С помощью имеющихся изображений, планов, чертежей и описаний И.К. Кутуракову удается представить убедительную и наглядную реконструкцию формирования монастырского комплекса, а А.И. Мордвиновой – довольно детально описать интерьер собора, включая не только стенные росписи, но и иконы, и церковную утварь, и круглую скульптуру.

Наконец, последняя глава книги открывается подробным отчетом Н.С. Березиной о раскопках 2013 г. на месте южного придела Никольского собора. Здесь сообщается о подготовительных работах (архивных и георадарных исследованиях), о ходе и результатах самих раскопок, характеризуются некоторые находки и описывается одно из четырех обнаруженных погребений, датируемое по форме погребальной колоды временем «не позднее середины XVII века» (с. 108). Хорошо сохранившийся женский скелет из этого безынвентарного захоронения стал предметом изучения целой группы антропологов: С.В. Васильева, С.Б. Боруцкой, Н.В. Харламовой и Н.И. Халдеевой. Помимо стандартного комплексного исследования скелета было предпринято его сопоставление с останками дочери царя Михаила Федоровича – Татьяны Михайловны Романовой – по ряду параметров (угловым размерам черепа и строению зубов). Неспециалисту трудно оценить корректность данных методов и достоверность полученных результатов, но нельзя не отметить, что при всех обнаруженных сходствах в строении черепа и зубов двух женщин авторы все же довольно осторожны в выводах относительно их родства. По словам антропологов, проведенное исследование лишь «*дает возможность предполагать* (курсив мой. – П.К.), что останки могли принадлежать Марии Шестовой» (с. 150), окончательный же ответ должна дать генетическая экспертиза.

В силу специфики предмета и языка антропологический раздел кажется довольно иностранным в исторической книге. Однако при ближайшем рассмотрении заметно, что он лишь наиболее наглядно демонстрирует особенность данного издания в целом, состоящую в автономности его текстов, связанных между собой лишь формальными категориями – сюжетом, персонажем и местом действия. Вопреки тому, что книга заявлена как монография (что предполагает единую концептуальную рамку и общую исследовательскую проблему, в данном случае отсутствующие), ее авторы, судя по всему, не стремились к какому-то единству не только на уровне концепции, но и на уровне нарратива. Об этом свидетельствуют, например, периодические повторы в разных очерках одной и той же информации (о ссылке Марии Шестовой – на с. 36–37 и с. 101, об иконе царевича Дмитрия – на с. 37–43 и с. 94) или даже цитат (из работы А.И. и Е.А. Некрасовых – на с. 30, 78 и 79; 29 и 83; 17 и 77). Тексты разных авторов заметно различаются жанрами научного письма (от исторического портрета до антропологического отчета), а также языком повествования, с каждой главой становящимся все более специальным и в антропологической части оказывающимся едва ли доступным неподготовленному читателю из-за обилия профессионализмов, специальных данных и терминов. В результате этого создается ощущение, что разные части книги ориентированы на разных читателей, одни – на специалистов, другие – на любителей. Словом, из-за стилистической и содержательной разнородности книга воспринимается скорее как сборник материалов по теме, нежели как цельная монография. Вместе с тем эта особенность вполне предсказуема в комплексном междисциплинарном исследовании и, разумеется, николько не умаляет его значимости. К тому же в некоторой степени эта дисциплинарная полифония помогает сформировать объемную картину, являющуюся отличительной особенностью и несомненным достоинством издания.

Завершает третью главу и всю книгу своего рода метаочерк, описывающий настоящее исследование на разных этапах – от его предыстории и зарождения идеи до реализации и возможных перспектив. Этот, наверное, самый маленький по объему текст книги представляется, тем не менее, весьма важным не столько потому, что он является своего рода редакторским заключением, сколько потому, что именно он эксплицитно представляет мемориальный аспект исследования, встраивая данное издание в общий контекст памяти о Марии Шестовой и ее могиле в Чебоксарах. Собственно, отчасти этот аспект присутствует уже в первой главе, где Ю.В. Гусаров досконально прослеживает возникновение и развитие сюжета о ссылке Марии Шестовой в XIX – начале XX в. и, в частности, реконструирует генезис представления о ее захоронении в склепе собора (с. 46), вплотную подходя к проблеме взаимодействия фольклорного и книжного знания о прошлом, особенно важной именно в контексте исследований памяти.

К сожалению, эта проблематика не получает развития в дальнейшем повествовании; в заключительном очерке авторы приводят внушительный перечень выявленных советских и постсоветских публикаций и – что особенно ценно – рукописей, упоминающих о знатной иконине и «исторической могиле» (дополнением к нему служит библиография, включающая не только научные тексты, но и публистику вплоть до 2015 г.). Однако само содержание этих текстов почти не анализируется. В результате читатель получает исчерпывающую информацию о том, *кто и когда* писал что-либо о Марии Шестовой в Чебоксарах, но ничего не узнаёт о том, *что именно* писали: как интерпретировали данный сюжет, какое значение ему придавали, в какие контексты его вписывали, какие акценты расставляли, что подчеркивали, о чем умалчивали и т.д. При таком подходе проблема *памяти* о данном историческом эпизоде сводится лишь к *упоминанию* или *не-упоминанию* его разными авторами, а это существенно упрощает реальную картину. В этом случае, например, А.Н. Студенецкий, включивший в свой краеведческий очерк историю Марии Шестовой, но крайне скептически оценивавший поиски ее могилы в 1913 г. как «мышиную возню вокруг 300-летия династии Романовых»¹, оказывается в одном ряду не только с современными исследователями, но и с писавшими о ней дореволюционными авторами, которых он обвинял в подогревании «верноподданнических страстей» и искусственного интереса к «ископаемой боярыне». Конечно, странно ожидать иной оценки этих событий в издании 1972 г., но, как бы то ни было, на данном примере видно, что рассматриваемый эпизод средневековой истории оказывается отнюдь не нейтральным сюжетом беспристрастного научного поиска, а, напротив, наделяется некоторым значением и трактуется определенным образом, в зависимости от идеологической позиции автора.

Вот этот весьма важный *политический* аспект исторической памяти остается за рамками книги. Насколько эта тема была (и остается) идеологически ангажирована? Как социальная и политическая конъюнктура влияет на разработку и интерпретацию данного сюжета в текстах разных авторов в прошлом и в настоящем? В какой степени и каким образом тот или иной идеологический контекст определяет доминирующий нарратив в изложении истории Марии Шестовой? Поиск ответов на эти вопросы, к сожалению, не входит в задачу авторов, сосредоточенных преимущественно на *истории*, а не на *памяти*. Поэтому на фоне качественного и разностороннего изучения *самого* исторического сюжета тема *памяти* о нем остается недостаточно раскрытой и слабо проблематизированной. Впрочем, кропотливо собранный и внятно изложенный фактический материал, во-первых, неизбежно подводит читателя к перечисленным вопросам, а во-вторых, является необходимым этапом в их разрешении, поскольку предоставляет в распоряжение исследователя полноценную источниковую базу.

Разговор об идеологическом контексте возвращает нас к теме юбилея. Юбилей – время для исторической науки непростое и неоднозначное. С одной стороны, это повод вернуться к теме, оживить дискуссию, на ином уровне обсудить старые и поставить новые исследовательские проблемы. С другой стороны, юбилейный сюжет активно осваивается в сфере культурной политики и идеологии, где получает порой весьма причудливые трактовки и неизбежно мифологизируется. В местном контексте очередная круглая дата часто используется для конструирования локального мифа, брендовой «раскрутки» места, сюжета, персонажа, и очень многие юбилейные публикации осуществляются именно в этом ключе. Романовский юбилей 2013 г. в этом смысле не стал исключением, породив немало такого рода практик, событий и текстов.

Рассматривая с этой точки зрения рецензируемую книгу, довольно трудно дать ей однозначную оценку. С одной стороны, как следует из всего высказанного, это безусловно профессиональный труд, выполненный по всем канонам научного исследования. С другой стороны, в нем присутствует целый ряд черт, присущих именно популярным краеведческим изданиям «юбилейного формата». Прежде всего, это невероятное обилие и разнообразие иллюстраций – городских видов и архитектурных зарисовок, фотографий исследовательских работ и археологических находок, репродукций икон и портретов и даже исторических картин, написанных специально для данного издания (!). Хотя богатое визуальное оформление нетипично для научной книги и отчасти делает ее похожей на историко-художественный альбом, само по себе оно, разумеется, никак не умаляет ее научности и не может вызывать сомнений, тем более что значительная часть публикуемых фотографий впервые становится доступной широкой публике. Более сомнительно то, что изображения разного времени и типа оказываются здесь в одном ряду и в одном статусе: художественные картины на исторические сюжеты фигурируют в книге *наравне* с документальными фотографиями и, как и многие другие изображения, не становятся объектом анализа, а используются лишь как иллюстрации, призванные, очевидно, лишь оживить повествование. Такой иллюстративный метод и недифференцированный подход к используемым материалам весьма характерны для популярной исторической литературы.

Примечательно и интригующее название книги (заметим, несколько более широкое, чем ее содержание), откровенно заигрывающее с романтическим клише «монастырских тайн», что в научном издании выглядит довольно странно. Более ожидаемым, чем слово «тайны», в заголовке является слово «Чебоксары», указывающее на *место* – ключевую категорию краеведческого дискурса. В целом этот дискурс и вообще локальная оптика не характерны для книги, но эпизодически в ней встречаются: например, в наименовании г. Чебоксары «нашим» городом (с. 37) или в отборе излагаемых сведений: так, некий Семейка Пятин, упоминаемый в исследуемых источниках, но никак не связанный с историей Марии Шестовой и Никольского монастыря, попадает на страницы книги лишь потому, что оказывается чебоксарским жильцом (Там же). В рассказе о ссылке Марии Шестовой дважды цитируются указания сопровождающему ее приставу о строгом надзоре за узницей и о ее изоляции (с. 36–37). Это как будто свидетельствует об особом внимании к ней со стороны царской канцелярии (а следовательно, и ее особой важности). Между тем приведенные распоряжения встречаются и в прочих подобных наказах, то есть касаются и других осужденных по «романовскому» делу, причем воспроизводятся почти дословно и, возможно, являются не более чем формулой. Игнорирование этого контекста также закономерно для локальной оптики, привычно фокусирующейся на «своем» персонаже и позволяющей представить его историю как отдельный, индивидуальный, особый случай.

Заметной особенностью романовского юбилея 2013 г. является активное участие в нем Русской православной церкви. Рассматриваемый случай – не исключение: во многом проведенное исследование осуществлено благодаря поддержке архимандрита Свято-Троицкого монастыря о. Василия (Паскье), чье обращение к читателям предваряет основную часть книги. В то же время это обращение – единственное проявление церковного присутствия в книге, да и оно довольно нетипично, поскольку не содержит никаких оценок и интерпретаций и не имеет концептуального значения, а лишь описывает интерес автора к историческому сюжету и его исследованию. К слову, какое-то личное, неравнодушное отношение ко всей этой истории присуще, кажется, всем авторам книги. Тем удивительнее, что оно никак не отражается на их наблюдениях и выводах, а проявляется, напротив, в особой скрупулезности при работе с источниками и в аккуратности при формулировке заключений. Это и позволяет исследователям при всей личной вовлеченности сохранить отстраненную позицию и придерживаться стандартов объективистского академического письма.

Вместе с тем было бы наивно говорить об этом издании как о совершенно нейтральном «внешнем» высказывании, никак не включенном ни в какие актуальные контексты – разумеется, это не так, уже потому, что такая абсолютная нейтральность в принципе вряд ли возможна. Кроме того, если признать, что история не противостоит памяти, а является ее частью, будучи одной из форм знания о прошлом, то и данное *научное* издание есть также факт и фактор мест-

ной исторической *памяти*. В профессиональной плоскости оно, безусловно, углубляет и систематизирует имеющиеся представления об изучаемом сюжете, вводит в научный оборот новые источники, вносит существенный вклад в изучение как конкретных исторических сюжетов, так и общих исследовательских проблем в разных областях и задает довольно высокую планку для дальнейшей разработки этой темы. А вот как данный научный труд будет существовать в поле непрофессионального, обыденного исторического знания, как будут восприняты, интерпретированы и использованы выводы ученых за пределами академического пространства, покажет время. Впрочем, уже сейчас очевидно, что это не только качественное научное исследование, но и ценный элемент локального мемориального ландшафта. Изрядно этот ландшафт украшающий.

Литература

¹ Студенецкий А.Н. Из прошлого Чебоксар // Дружба. 1972. № 12. С. 166–167.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ХАРИТОНОВА ВАЛЕНТИНА ГРИГОРЬЕВНА

(к 60-летию со дня рождения)

B

алентина Григорьевна Харитонова, известный исследователь истории Чувашской Республики, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, родилась 1 апреля 1957 г. в д. Начар-Чемурша (позднее с. Синьяль) Чебоксарского района Чувашской АССР. В 1974 г. она окончила Синьяльскую среднюю школу, в 1979 г. – историко-филологический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, получив специальность «Историк. Преподаватель истории и обществоведения». С августа 1979 г. по настоящее время В.Г. Харитонова работает в Чувашском государственном институте гуманитарных наук (до мая 1994 г. – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР), занимала должности младшего научного сотрудника, старшего научного сотрудника отдела истории, ученого секретаря (1996–1999), заместителя директора по научной работе (с июня 1999–2010), с сентября 2010 г. является ведущим научным сотрудником исторического направления.

В.Г. Харитонова – один из специалистов по отечественной истории XX в. Круг ее научных интересов составляют актуальные проблемы истории и культуры чувашского народа, вопросы социально-экономического развития республики, этнополитические и социокультурные процессы современной Чувашии.

В 1983–1990 гг. Валентина Григорьевна обучалась в аспирантуре Института истории СССР АН СССР (г. Москва) без отрыва от производства, где под руководством известного историка, профессора И.М. Волкова подготовила и в 1994 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Сельское хозяйство Чувашии в 1950-е годы». Исследование истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашской Республики в XX в. – основное направление ее научной деятельности. По этой проблематике В.Г. Харитоновой написано и опубликовано более 25 научных трудов, в том числе две главы в коллективной монографии «Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии» (Чебоксары, 1989). Ею также подготовлен сборник документов «Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской АССР: осуществление коллективизации (1920–1937 гг.)» (Чебоксары, 1990). Заметным вкладом в исследование темы стала авторская монография «Крестьянство Чувашии: хозяйство, социальное развитие и повседневный быт (1946–1990 гг.)» (Чебоксары, 2017). Коллегами признано, что она внесла значительную лепту в разработку проблем истории сельского хозяйства и крестьянства, изучение ранее не исследованных вопросов развития личных крестьянских хозяйств с использованием достижений и данных смежных дисциплин: этноло-

гии, философии, социологии, с расширением теоретико-методологических положений и понятийного аппарата, определяющего предмет исследования. Труды В.Г. Харитоновой по проблемам крестьяноведения, выполненные на основе широкого круга источников, глубокие по содержанию, с аргументированными выводами, широко используются в региональной историографии. По данной тематике В.Г. Харитонова неоднократно выступала в качестве официального оппонента при защите диссертационных исследований.

В.Г. Харитонова – один из основных авторов 2-й книги «Истории Чувашии Новейшего времени» (Чебоксары, 2009). В данной монографии с учетом современных достижений отечественной и зарубежной историографии ею исследованы социально-экономические и социокультурные процессы, происходившие в аграрном секторе Чувашии в 1945–1991 гг., в том числе ранее малоизученные. Изучение истории Чувашии Новейшего времени продолжено в рамках приоритетной общероссийской научной программы «Проблемы и тенденции социокультурной эволюции России и ее регионов», разработанной Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина. В Чувашии исследование проводится в мониторинговом режиме: реализованы проекты «Социокультурный портрет Чувашской Республики» (2006), «Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика» (2012). Результатом явились одноименные монографические исследования, выпущенные из печати в 2009 и 2015 гг. Исследования поддержаны Российским гуманитарным научным фондом. С 2016 г. реализуется проект «Социокультурные факторы модернизации Чувашии: итоги трех волн исследования», поддержанный Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ). Важной стороной применения результатов исследования является возможность их многоаспектного использования в рамках программы фундаментальных научных изысканий РАН «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие (2015–2017)».

В.Г. Харитоновой в рамках цикла исследований Чувашского государственного института гуманитарных наук по истории городских населенных пунктов республики подготовлена и издана книга «Канаш: исторический очерк» (Чебоксары, 2013). Ею также опубликованы статьи, раскрывающие сюжеты современного развития г. Чебоксары и других населенных пунктов республики.

Валентина Григорьевна – активный участник исследований проблем культуры. Ею по данной проблематике выполнены как фундаментальные, так и прикладные исследования. Это подготовка хроники культурной жизни республики, составление и редактирование библиографических указателей трудов по истории и культуре чувашского этноса, мониторинг этнополитической и этнокультурной жизни республики, изучение различных аспектов развития культурного потенциала и культурного капитала региона.

С 2010 г. В.Г. Харитонова занимается изучением вопросов этнокультурного развития и межнациональных отношений в республике, принимает непосредственное участие в подготовке и проведении социологических обследований института по данной теме. Эти исследования имеют научную и практическую востребованность как на региональном, так и на общероссийском уровне. Ряд социологических обследований 2013–2017 гг., в которых активно участвовала Валентина Григорьевна, направлен на изучение студенческой и учащейся молодежи, этнокультурного образования, общегражданской и этнической идентичности. По итогам обследований подготовлены научные отчеты, статьи и брошюры. Результатом исследовательского проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом в 2011–2013 гг., стала монография «Информационно-коммуникационные технологии в этнокультурном развитии региона (на примере Республики Чувашия)», подготовленная в соавторстве с молодым ученым Н.М. Ивановой. Совмещение научных интересов, владение методикой исследований как исторических, так и смежных наук (социологии, этнологии), участие в экспедиционных обследованиях позволили В.Г. Харитоновой включиться в подготовку академического издания «Чувашия», осуществляемого Институтом этнологии и антропологии РАН, принять участие в работе Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, организованной при данном институте.

В сфере деятельности В.Г. Харитоновой также подготовка региональных энциклопедических изданий. В 2001 г. издана «Краткая чувашская энциклопедия», получившая высокую оценку читателей и общественности. С 2004 г. она принимала непосредственное участие в раз-

работке программных и методических документов по подготовке многотомной «Чувашской энциклопедии», выпущенной в свет в 2006–2011 гг., являлась членом ее редакционного совета и заместителем главного редактора первых трех томов. Она является автором более 80 тематических и биографических статей для энциклопедии. В дальнейшем ею была продолжена работа по созданию электронной энциклопедии Чувашской Республики, которая оказалась пионерной для Приволжского федерального округа и получила широкую популярность среди пользователей.

Научно-исследовательская деятельность В.Г. Харитоновой тесно связана с общественной жизнью, изучением и возвращением обществу славных имен наших соотечественников. Еще в начале научной деятельности под руководством известного историка А.В. Изоркина ею были подготовлены очерки о выдающихся деятелях государства, культуры, науки. Впоследствии, изучая и раскрывая взаимоотношения Советского государства и Русской православной церкви, Валентина Григорьевна выявила и опубликовала списки служителей культа, репрессированных в 1920–1930-х гг. Ею совместно с Чувашской республиканской общественной организацией инвалидов-жертв политических репрессий, руководимой А.С. Марковым, велись кропотливая научная работа по выявлению судеб репрессированных жителей Чувашии.

В.Г. Харитоновой внесен значительный вклад в организацию научной деятельности института. С учетом реальных возможностей и новых требований развития гуманитарных наук в России, работая около 14 лет на административной должности научного учреждения, старалась привнести в ее деятельность новизну, улучшить и применить новые формы организации научных исследований, совершенствовать издательскую деятельность, наладить творческие связи института с другими научными организациями. Большая работа проводилась по сохранению и развитию научного потенциала коллектива, повышению уровня научных трудов. В эти годы удалось наладить подготовку и проведение научных сессий и конференций, расширить применение проектно-грантовой культуры в институте. Институт получил несколько грантов Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), ярмарок социально-культурных проектов «Саратов-2001», «Тольятти-2002» Приволжского федерального округа, что позволило наряду с исследованиями возобновить экспедиционные работы, проведение социологических обследований.

В.Г. Харитонова – автор около 180 научных работ, опубликованных в Чебоксарах, Москве, других городах России в ведущих научных журналах, в том числе автор и соавтор 43 монографий, монографических исследований, составитель сборников документов. Она является научным редактором 16 изданий. Результаты исследований докладывались автором на республиканских, региональных, всероссийских и международных конференциях.

Харитонова В.Г. является заслуженным работником культуры Чувашской Республики, лауреатом Государственной премии Чувашской Республики в области науки, награждена Почетной грамотой Чувашской Республики.

Основные научные труды

Особенности развития сельского хозяйства и крестьянства Чувашии в 1953–1958 гг. // Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Ч. 1. Чебоксары, 1989. С. 256–289.

Чувашская Республика // На пути к переписи. М.: ИЭА РАН, 2003. С. 509–527. В соавторстве.

Этнография переписи в Чувашской Республике // Этнография переписи 2002. М.: ИЭА РАН, 2003. С. 381–388. В соавторстве.

Перепись в Чувашии заслуживает доверия // Этнокультурный облик России: перепись 2002 года. М.: ИЭА РАН, 2007. С. 210–225. В соавторстве.

История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2: 1945–2005. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 398 с. В соавторстве.

Республика Чувашия // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред.: Н.И.Лапин, Л.А.Беляева. М.: Academia, 2009. С. 427–494. В соавторстве.

Какой была подготовка переписи в Чувашии // Этнологический мониторинг переписи населения / под ред. В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 283–289. В соавторстве.

Чувашская Республика: социокультурный портрет / под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Д.М. Шабунина. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. 192 с., ил. В соавторстве.

Этнокультурное развитие и межэтнические отношения в Чувашской Республике: научный отчет по материалам социологического обследования 2011 г. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 88 с. В соавторстве.

Трансформация крестьянских хозяйств Чувашии в 1930–2008 годах: этапы и некоторые итоги // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. статей. Вып. 5. Чебоксары, 2012. С. 168–184.

Информационно-коммуникационные технологии в этнокультурном развитии региона (на примере Республики Чувашия). Чебоксары, 2013. 128 с. В соавторстве.

Канаш: исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. 256 с.

Рост индустриальной модернизации в Приволжском регионе (Чувашская Республика) // Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Ин-т философии РАН / сост., общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academica, 2013. С. 204–217. В соавторстве.

Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии: гражданские ценности, социокультурные ориентиры: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 124 с. В соавторстве.

Судьба наркома (А.В. Васильев) // Работники сельского хозяйства: очерки: иллюстрированное издание. Т. 11. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 68–80.

Чувашская Республика // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в субъектах Приволжского федерального округа: экспертный доклад за 2014 год / под ред. В.А. Тишкова; Мин-во образования и науки РФ, ИЭА РАН, Сеть этномониторинга. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. С. 171–187. В соавторстве.

Социокультурное развитие Чувашии на фоне модернизационных процессов в регионе // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 59–64. В соавторстве.

Неравномерность модернизации регионов Приволжского федерального округа // Сопис. 2015. № 1. С. 11–19. В соавторстве.

Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / И.И.Бойко [и др.]; под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой. Чебоксары, 2015. 244 с. В соавторстве.

Чувашская Республика // Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 130–144. В соавторстве.

Приволжский федеральный округ // Атлас модернизации России и ее регионов: социо-экономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. С. 198–230. В соавторстве.

Сельское общество Чувашии в начале XXI века: социокультурный аспект: доклад на научной сессии Чувашского государственного института гуманитарных наук по итогам работы за 2016 год / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2016. 44 с.

Чувашская Республика: о формальных показателях и реальных фактах реализации государственной национальной политики в регионе // Мониторинг реализации государственной национальной политики в Приволжском федеральном округе: экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компью. исследований, 2017. С. 120–128. В соавторстве.

Сельское общество Чувашии в начале XXI века: социокультурные факторы развития // Вестник Чувашского университета. 2017. № 1. С. 160–168.

И.И.Бойко.

ПЕТРОВ ЛЕОНИД ПОРФИРЬЕВИЧ

(к 60-летию со дня рождения)

*Пёрремёш утама тэваштэн,
Чаваш չинчен эп шухаштатэн...*

Л. Атлай

K

ак и вся Чувашия, вурнарская сторона славится своими известными людьми: тружениками производства, работниками сельского хозяйства, талантливыми исследователями. И среди них Леонид Порфириевич Петров – языковед, тюрколог, кандидат филологических наук, доцент. Выходец из сельской глубинки – родился 19 апреля 1957 г. в д. Буртасы Вурнарского района Чувашской АССР.

Основные этапы жизненного пути Л.П. Петрова можно представить в нескольких ипостасях: учеба в Буртасинской средней школе (1964–1974), затем на чувашском отделении историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (1975–1980), работа в должности младшего научного сотрудника отдела языка Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (1980–1990), обучение в заочной аспирантуре Чувашского государственного университета (1989–1993), работа в должности преподавателя, доцента, заместителя декана факультета чувашской филологии и культуры, куратора филиала «Ульяновский учебно-консультационный пункт» в этом же университете (1990–2005). Начиная с 2005 г. по настоящее время работает в Чувашском государственном институте гуманитарных наук.

Самые яркие и важные события, связанные со школьными годами: покупка на средства, заработанные во время летних каникул, новеньких, пахнущих свежей типографской краской школьных учебников в пос. Вурнары – до начала нового учебного года почему-то ждать не хотелось; любовь к чувашской словесности и чтение рассказов и повестей видных писателей Л. Агакова, А. Артемьева, А. Емельянова, Н. Ильбекова, Н. Терентьева др., часто публиковавшихся в журналах «Тайван Атэл», «Ялав»; «человечные» уроки учительницы чувашского языка и литературы И.Т. Никитиной – будучи военной санитаркой, она выносила во время ожесточенных боев наших раненых солдат и офицеров; первое знакомство с ранее неизвестной культурой кавказских народов на основе рассказов отца (ежегодно по профсоюзной линии в зимне-весенний период он поправлял здоровье в санаториях Северного Кавказа). Студенческая пора запомнилась посещением в составе лучшей университетской группы достопримечательных мест Москвы и Ленинграда (после известных событий в течение недели жили в демонтированной в 2006 г. гостинице «Россия»; руководителем группы был известный учёный А.К. Салмин), концертом К. Шульженко в «Юбилейном»; экскурсией на озеро Байкал; работами на комсомольской стройке БАМа и т.д.

Со взрослой жизнью связана совершенно новая эпоха научно-педагогического творчества: в институте начинается стремительный уход в науку, и он становится активным участником научных изысканий: научные командировки в Москву, Алма-Ату, Волгоград, научные экспедиции в различные районы республики, а также за пределы Чувашии – в места компактного проживания носителей чувашского языка. Затем в конце 1990 г. по просьбе научного руководителя Леонид Порфириевич переходит на преподавательскую работу на факультет чувашской филологии ЧГУ им. И.Н. Ульянова и в течение 15 лет учит студентов филологическим дисциплинам, руководит дипломными проектами выпускников.

С 2005 г. Леонид Порфириевич работает в ЧГИГН: старший научный сотрудник отдела языкоznания, заведующий отделом языкоznания. С 2010 г. занимает руководящую должность ученого секретаря института и продолжает исследовательскую деятельность.

У Леонида Порфириевича широкий круг научных интересов. Его диссертационное исследование «Чувашская орнитонимия и история ее формирования» (1996) – одна из первых работ по сравнительно-историческому изучению отдельного лексико-тематического пласта чувашской лексики (научный руководитель – профессор И.А. Андреев). На ее основе были

подготовлены труды, посвященные зоонимической лексике других тюркских языков. В 2016 г. вышла в свет монография «Опыт сравнительно-исторического изучения чувашских названий птиц» – первое исследование, посвященное подробному историко-этимологическому анализу чувашских названий птиц (орнитонимов) с привлечением обширных лингвистических, отчасти и фольклорно-этнографических данных не только родного, но и родственных тюркских и неродственных языков.

Леонид Порфириевич – составитель библиографического указателя словарей чувашского языка (2001, 2004), нескольких методических пособий. В соавторстве им подготовлен «Словарь чувашских орнитонимов» («Кайák ячёсен чаявашла-вырэсла, вырэсла-чаявашла вёрентү словарё», 2001). Он является одним из авторов «Толкового словаря чувашского языка» («Анлантаруллй сামах кёнеки»).

Его многие исследования посвящены чувашской диалектологии, ономастике, в том числе и антропонимии (истории чувашских дохристианских имен), национальной терминологии, истории языка и современному состоянию чувашского языка. Также в работах рассмотрен лингвокультурологический аспект языка: регионально-этническое в чувашском фольклоре (на материале личных имен). Отдельные статьи посвящены и литературоведческим проблемам: изучен образ молодежи в чувашской литературе («Литературари паянхи ял тата хула сампра́кэн сънаре»).

Леонид Порфириевич – автор конкурсных заданий Всероссийской игры для школьников «Чёвэлти чёкес – 2004», один из составителей тестовых заданий для единого государственного экзамена по чувашскому языку (2002).

С 2007 г. под его руководством выходит в свет бюллетень ассоциации любителей чувашской словесности «Пархатар», в котором освещаются республиканские мероприятия, рассказывается о деятельности Чувашского государственного института гуманитарных наук, печаются статьи, посвященные актуальным вопросам языкоznания, приводятся аннотации и рецензии на труды коллег.

Л.П. Петров также часто публикует на страницах республиканских газет и журналов статьи-размышления, рецензии, персоналии, приуроченные к юбилеям коллег.

По мнению Леонида Порфириевича, жизненная философия заключается в знании и почитании своей истории, которая включает в себя и историю семьи, и историю народа. Через всю жизнь исследователя проходит интерес к малой родине, к родной деревне Бурдасы Вурнарского района («Пäртас хэмепе хитреленнэ тэнче», «Пäртас сёрё-шывёнче пур(а)натпэр малашлых хевтипе утса», «О происхождении этонима и топонима Пäртас») и односельчанам – участникам Великой Отечественной войны («Вäрçä паттэрессене пус тайни, е Кашии չемье суранэ паня сас», выдающимся деятелям и простым труженикам.

В Л.П. Петрове воплотились лучшие качества представителя чувашского народа: чуткость, внимательность, отзывчивость, доброжелательность. Желаем Леониду Порфириевичу новых успехов на ниве службы ее величеству Науке!

Основные научные труды

Этимология некоторых чувашских орнитонимов // Советская тюркология. 1982. № 6. С. 64–76. В соавторстве.

К этимологии чувашских орнитонимов. I // Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1982. С. 56–74.

К этимологии чувашских орнитонимов. II // Исследования по исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1983. С. 29–51.

Из истории чувашских дохристианских имен // Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа. Чебоксары, 1984. С. 60–77.

К этимологии чувашских орнитонимов. III // Этимологические исследования по чувашскому языку. Чебоксары, 1985. С. 55–84.

К этимологии чувашских орнитонимов. IV // Вопросы истории чувашского языка. Чебоксары, 1985. С. 73–94.

К этимологизации чувашских орнитонимов // Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка. Чебоксары, 1986. С. 159–163.

К этимологии чувашских орнитонимов. V // Чувашский язык: проблемы исторической лексикологии. Чебоксары, 1986. С. 27–42.

Личные имена закамских чувашей-язычников: (А–К) // Быт и культура низовых чувашей. Чебоксары, 1986. С. 74–87.

Из истории чувашских названий хищных птиц // Советская тюркология. 1986. № 6. С. 25–32.

Этимология чувашских дохристианских имен. Ч. 1 // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. Чебоксары, 1987. С. 72–89.

К этимологии чувашских орнитонимов. VI // Чувашский язык: история и этимология. Чебоксары, 1987. С. 79–91. В соавторстве.

Вокализм закамских говоров низового диалекта чувашского языка: (по материалам комплексной научной экспедиции 1984 года) // Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1988. С. 65–78.

Из истории чувашских дохристианских имен // Советская тюркология. 1988. № 4. С. 21–25.

Фонетическая система закамских говоров низового диалекта чувашского языка // Вопросы фонетики, грамматики и лексики чувашского языка. Чебоксары, 1988. С. 65–78.

Этимология чувашских дохристианских имен. Ч. 2 // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка. Чебоксары, 1988. С. 19–35.

Чувашские орнитонимы марийского происхождения // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье. Чебоксары, 1988. С. 127–130.

Чувашские обычай и обряды, связанные с личными именами // VI конференция по ономастике Поволжья. Волгоград, 1989. С. 49–50.

Личные имена закамских чувашей-язычников: (Л–Я) // Чувашский язык: история, этимология, фонетика. Чебоксары, 1991. С. 47–65.

Этимология чувашских дохристианских имен. Ч. 3 // Чувашский язык: история: этимология, фонетика. Чебоксары, 1991. С. 32–46.

Из истории чувашских орнитонимов // Чувашский язык и алтайстика: сб. статей. Чебоксары, 1995. С. 107–108.

Чувашская орнитонимия и история ее формирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 1996. 21 с.

Традиционные чувашские обычай наречения имени ребенку // Чăваш филологийĕпе культура институчён наци кадрëсем хатёрлес ёери вырэнтата пёлтершĕ. Шупашкар, 1996. С. 62–64.

Татарские заимствования в лексике чувашей Приуралья // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 5. Чебоксары, 1997. С. 61–93.

Исконная и заимствованная орнитолексика чувашского языка // Там же. С. 94–113.

Чăваш чĕлхипе литератури: (текстсем): справочник для поступающих в гимназию ЧувГУ (для одаренных учащихся) / хатёрл. Л.П. Петров. Чебоксары : Изд-во ЧувГУ, 1998. С. 72–78.

Состояние и перспективы национальной терминологии // Чувашская филология и культура: материалы научной конференции. Чебоксары, 1998. С. 39–41.

Сăмах калăп, çыртарăп, тĕрс çулла уттарăп: кăсăк ыйтусем, сочинени темисем, тестсем тата текстсем / хатёрл. Л.П. Петров. Шупашкар, 2000. 38 с.

Чĕлхе пĕлĕвĕн куртĕмĕ: тĕнчери чĕлхесен классификацийĕ: методика кăтартăвсем: 1 курса вĕренекенсем вăлли хатёрленç / хатёрл. Л.П. Петров. Шупашкар, 2001. 36 с.

Чăваш чĕлхин тĕрлĕ йышши словарëсем: библиографи кăтарткăç / Л.П. Петров пухса хатёрл. Шупашкар: Чăваш ун-чён изд-ви, 2001. 11 с.

Чăваш чĕлхин тĕрлĕ йышши словарëсем: кăтарткăç: Кайăк ячëсен чăвашла-вырăсла, вырăсла-чăвашла вĕрентு словарë / Л.П. Петров, Е.Л. Петрова пухса хатёрл. Шупашкар, 2001. 27 с.

Пробные тестовые задания: контрольно-измерительные материалы по чувашскому языку для абитуриентов и школьников, сдающих ЕГЭ / сост. Л.П. Петров, Н.В. Доброва, А.М. Иванова. Чебоксары, 2002. 64 с.

Сәнав ирттермелли текстсем: абитуриентсемпен шүкүл ачисем валли чаяш чөлхипе хатерленेң пәрлештериң патшалых экзаменен сәнавла ыйтавесем / Л.П. Петров, Н.В. Доброда, А.М. Иванова пухса хатерл. Шупашкар: Чаяш ун-чен изд-ви, 2002. 63 с.

Чөлхе пәләвән күртәмә: тәнчери анлә сарылна чөлхесен классификация: методика кәтартавесем / хатерл. Л.П. Петров. Шупашкар, 2003. 36 с.

Чаяш чөлхинчи словарьсем: библиографи кәтарткәс / хатерл. Л.П. Петров. Шупашкар: Чаяш патш. ун-ч, 2004. 16 с.

Чөвләти чекең – 2004: чаяш чөлхин пәтәм Раççейри вайя конкурс: ыйтусем, хуравсем, информаци, статистика / хатерл. Н.И. Мерлина, А.С. Иванова, Л.П. Петров. Чебоксары: Русси-ка, 2004. 71 с.

Патшалых статуслә чаяш чөлхи // Ашмаринские чтения: материалы межрегиональной научной конференции. Чебоксары, 2004. С. 170–176.

Унэн ىута сәнәр // Ашмаринские чтения: материалы межрегиональной научной конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 388–400.

Антрапонимическое наследие в чувашском языке // Актуальные проблемы филологии: сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции, посвященной памяти академика М.М. Михайлова. Чебоксары, 2005. С. 59–68.

Чөвләти чекең – 2005: чаяш чөлхин пәтәм Раççейри вайя конкурс: ыйтусем, хуравсем, информаци, статистика – Чувашская ласточка – 2005: всероссийская игра-конкурс по чувашскому языку / хатерл. Н.И. Мерлина, Л.П. Петров [тыт.]. Шупашкар: Чаяш ун-чен изд-ви, 2005. 50 с.

Чаяшсен авалхи ячесем тата В.К. Магницкий // Чаяш чөлхипе литератури: теори тата методика: А.Е. Горшков շуралнәрнапа 75 ىул җитнине халалласа: статьясен пуххи. 4-меш кәләрәм. Шупашкар, 2006. С. 102–107.

Регионально-этническое в чувашском фольклоре: (на материале личных имен) // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические: сб. научных статей. Ч. 2. Чебоксары, 2006. С. 138–142.

Чөлхемәр пархатарә: юслайсем, шухаш-вәсевсем, юс-парулыхсем, саламсем, хаклавсем. Шупашкар: Новое время, 2006. 207 с.

Ҫәнә ёмәр: юсләйләхпа чөлхемәр атапанәв // Цивилизация народов Поволжья и Приуралья: сб. научных статей по материалам Международной научной конференции «Проблемы языка и этноса на рубеже веков». Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2006. С. 102–113.

Мефодий Фёдорович Чернов (1930–2007) // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 218–221.

Формирование правовых и финансово-экономических основ государственной молодежной политики в Чувашской Республике // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические: сб. научных статей. Ч. 3. Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2007. С. 87–91. В соавторстве.

Историческая антропонимия Чаяш Ен // I Региональная научно-практическая конференция «Бичуринские чтения»: доклады и материалы. Тюмень, 2007. С. 56–60.

Аяки չывăх тăвансем патĕнче... (е диалектологи экспедицийенче кëсken չырса пынисенчен). I // Чаяш диалектологийен ыйтавесем. Шупашкар: ЧГПУ, 2007. С. 46–56.

Аяки չывăх тăвансем патĕнче... (е диалектологи экспедицийенче кëсken չырса пынисенчен). I // Чаяш диалектологийен ыйтавесем. Шупашкар: ЧГПУ, 2007. С. 13–18.

Тăвансем паянхи ял тата хула çамрăкен сәнәр // Формирование духовности ребенка в поликультурной среде: сб. научных статей. М.; Чебоксары, 2008. С. 73–77.

Чаяш Енен паянхи ономастики // Чаяш ономастикин չивеч ыйтавесемпен малашлăх. Шупашкар: ЧГАИ, 2009. С. 15–29.

Маншайн хаклă кашни кайák // Вестник Чебоксарского филиала Московского государственного гуманитарного университета (МГГУ) им. М.А. Шолохова. Чебоксары, 2009. С. 197–200.

Пăртас: этноним тата топоним // Чувашский язык и современные проблемы алтайистики. Ч. 2. Чебоксары, 2009. С. 64–67.

Личные имена чувашей в период укрепления христианства // Чăваш чĕлхи: ёнер, паян, ыран: тĕнче симпозиумĕ. Чебоксары: ЧПГАИ, 2010. С. 224–233.

Чăвашлăх хутлăхĕнче çырăна юлнă кунсем // Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации: материалы Международной тюркологической конференции. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 153–156.

Чăваш чĕлхин ёилантарулăх сăмах кĕнеки / Чăваш патшалăх гуманитари ёслăлăхĕсен институчĕ; Г.А. Дегтярёв, Ю.Н. Исаев тыв. редакциленĕ. И т.: А-И. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2011. 383 с.

Академик Михайлов Леонид Михайлович. Чебоксары: Новое время, 2013. 256 с.: ил. В соавторстве.

Чăваш чĕлхин ёилантарулăх сăмах кĕнеки / Чăваш патшалăх гуманитари ёслăлăхĕсен институчĕ; Г.А. Дегтярёв, А.П. Долгова редакциленĕ. И т.: Й-К (Кулачă). Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2014. 368 с. В соавторстве.

Тюркологические исследования в чувашском гуманитарном центре: (современное состояние и перспективы) / Ю.Н. Исаев, Л.П. Петров // Тюркская филология в XXI веке: проблемы и перспективы: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2014. С. 68–78. В соавторстве.

Опыт сравнительно-исторического изучения чувашских названий птиц [Электронный ресурс] / Чебоксары, 2016. 290 с.

Чăваш чĕлхин ёилантарулăх сăмах кĕнеки: 7 томлă. З-мĕш том: К-П / Чăваш патшалăх гуманитари ёслăлăхĕсен институчĕ; Г.А. Дегтярёв, А.П. Долгова тата М.И. Скворцов редакциленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2016. 527 с. В соавторстве.

Пăртас çĕрĕ-шывĕнче пур(ă)нăтăр малашлăх хевтипе утса: ял историйĕ, паллă ентешсем пирки аса илүсем, тĕрлĕ вăхăтри сăнсем. Шупашкар, 2016. 60 с. В соавторстве.

A.B. Кузнецов.

ДОЛГОВА АЛЕВТИНА ПЕТРОВНА
(к 50-летию со дня рождения)

15 мая 2017 г. исполнилось 50 лет ведущему научному сотруднику Чувашского государственного института гуманитарных наук Алевтине Петровне Долговой. Родом она из с. Новые Алгаши Цильнинского района Ульяновской области. Окончив среднюю школу в родном селе, в 1984 г. поступила на чувашское отделение историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, после окончания которого была направлена в Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук).

К работе в институте приступила в августе 1989 г. в должности младшего научного сотрудника, затем стала научным сотрудником отдела языкоznания. В 1999 г. была назначена ученым секретарем института. В том же году защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Вопросительные предложения и средства выражения вопроса в чувашском языке».

С началом подготовки многотомной «Чувашской энциклопедии» в 2003 г. включилась в работу по созданию концепции энциклопедии, составлению генерального и отраслевых словарников. Будучи в 2004–2011 гг. ученым секретарем «Чувашской энциклопедии», секретарем редакционной коллегии «Чувашской энциклопедии», вела большую организационную работу по координированию деятельности большой группы авторов, редакторов и рецензентов, представлявших различные вузы и научные учреждения, государственные и общественные организации республики и писавших статьи по различным отраслям наук. С 2005 г. трудилась в отделе чувашской энциклопедии старшим, затем ведущим научным сотрудником. Курировала деятельность ряда отраслевых редакций, добиваясь от руководителей редакций и авторов вы-

сокого качества статей, их соответствия энциклопедическим требованиям, утвержденной концепции. Проводила скрупулезную работу по координации текстов, относящихся к статьям смежных отраслей, и контролю за соблюдением правил в ссылочной системе. В 2009–2012 гг. принимала активное участие в разработке и реализации проекта по созданию электронной чувашской энциклопедии.

С 2013 г. А.П. Долгова – ведущий научный сотрудник отдела словарей, серийных изданий и электронной энциклопедии, с января 2017 г. – секции языкоznания филологического направления.

Алевтина Петровна – автор более 40 научных работ по различным проблемам чувашского языкоznания, в том числе словарей и монографий (в соавторстве). Занимается исследованием особенностей грамматического строя современного чувашского языка. В ее статьях нашло отражение изучение ряда вопросов, касающихся связей структуры предложения и средств выражения тех или иных функций и значений. В ряде публикаций она анализирует изменения, происходящие в языке под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. В некоторых из них обобщены материалы экспедиций в регионы компактного проживания чувашей в Ульяновской, Самарской, Саратовской, Пензенской областях и Республике Татарстан. В монографиях «Симбирско-саратовские чуваши: история и культура», «Чуваши Самарской Луки», «Чуваши Присвияжъя: история и культура», написанных в соавторстве, разделы с диалектологической и социолингвистической характеристиками чувашского языка указанных регионов полностью составлены ею. А.П. Долгова занимается изучением теоретических и прикладных вопросов лексикографии и терминологии, является соавтором словарей. В круг ее научных интересов входят также социолингвистические и связанные с ними социокультурные проблемы. Алевтина Петровна опубликовала ряд статей об особенностях языковой ситуации в республике, является участником группы составителей социокультурного портрета региона, участвует в исследовании вопросов этнокультурного образования.

Вклад А.П. Долговой в науку отмечен Почетными грамотами Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики (2010) и Государственного совета Чувашской Республики (2017). За активное участие в подготовке и издании «Чувашской энциклопедии» ей присвоено звание «Заслуженный работник культуры Чувашской Республики» (2011).

Основные научные труды

Краткий русско-чувашский психиатрический словарь. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. В соавторстве.

Об особенностях говора чувашей Самарской Луки // Чуваши Самарской Луки. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 68–88.

Симбирско-саратовские чуваши: история и культура. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. 274 с. В соавторстве.

Вопросительные слова, их типы, функции и семантика // Чувашское языкоznание. Вып. 2. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. С. 48–100.

Некоторые аспекты этнокультурной интеграции в Чувашской Республике // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность: сб. статей. Самара: ПГСГА, 2013. С. 114–118. В соавторстве.

Чăваш чĕлхин ёнлантуруллă сăмах кĕнеки = Толковый словарь чувашского языка. Т. 2: Й–К (Кулачă). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. В соавторстве.

Чуваши Присвияжъя: история и культура: монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. В соавторстве.

Чăваш орфографийĕн иртнĕ кун-çулĕпе паянхи шăпи // Чувашская орфография вчера, сегодня, завтра: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, г. Чебоксары, 12 марта 2015 г. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 54–69.

Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. В соавторстве.

Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России: монография. М.: ИЭА РАН, 2016. В соавторстве.

Чăваш чĕлхин ёнлантаруллă сăмах кĕнеки = Толковый словарь чувашского языка. Т. 3: К-П. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. В соавторстве.

Языковая ситуация в Чувашской Республике: особенности аспектов, связанных с образовательным процессом // Языковая политика: общероссийская экспертиза: сб. докладов форума-диалога / Федеральное агентство по делам национальностей Российской Федерации. М., 2017. С. 46–51.

A.B. Кузнецов.

БОЙКО ИВАН ИВАНОВИЧ
(к 70-летию со дня рождения)

Бойко Иван Иванович родился 31 мая 1947 г. в совхозе «Кооператор» Добринского района Воронежской области. С 1952 г. семья проживала в Алатырском районе Чувашии. В 1966 г. окончил Чебоксарский электромеханический техникум по специальности «электроприборостроение» и уехал по направлению в г. Арсеньев Приморского края, где работал на машиностроительном заводе слесарем-сборщиком. Через полгода был призван в ряды Советской армии.

Демобилизовавшись в конце 1969 г., будущий историк вернулся в Чувашию. В г. Чебоксары работал по полученной в техникуме специальности, в частности старшим техником-конструктором на заводе электроисполнительных механизмов. В 1971 г. поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Чувашского государственного университета, в 1976 г. получил диплом с отличием по специальности «Историк. Преподаватель истории и обществоведения».

С августа 1976 г. не просто местом работы, но и во многом его судьбой стал НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской Республики (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук). В этом центре гуманитарных исследований Чувашии он занимал должности младшего научного сотрудника, ученого секретаря, заведующего отделом истории, заместителя директора по научной работе, ведущего научного сотрудника, заведующего отделом чувашской энциклопедии, ныне – главный научный сотрудник исторического направления. Перерыв в работе в 1978–1981 гг. был связан с обучением в очной аспирантуре Института истории СССР АН СССР, а в 1993–1994 гг. – с работой заведующим информационно-аналитическим отделом Совета министров Чувашской Республики.

В институт И.И. Бойко был приглашен директором института В.Д. Димитриевым не в качестве историка, а как социолог. В Советском Союзе в вузах социологов тогда не готовили: только с 1988/89 учебного года студентов начали обучать по специальности «прикладная социология». Но социологические исследования уже проводились, и в эту науку приходили люди, занимавшиеся экономикой, философией, историей, журналистикой и т.д. Отчасти И.И. Бойко повезло с аспирантурой, поскольку в Институте истории СССР АН СССР был образован секретарь историко-социологических исследований во главе с В.Е. Полетаевым, учеником которого и стал исследователь из Чебоксар. Значительную роль в становлении И.И. Бойко как специалиста по новому историческому направлению сыграли работавшие там же научные сотрудники С.Л. Сенявский, В.Б. Тельпуховский, И.Л. Корнаковский, В.А. Устинов и др.

До поступления в аспирантуру в 1978 г. И.И. Бойко прошел короткую, но достаточно напряженную школу становления научного сотрудника и организатора научной деятельности. Менее года трудился в качестве младшего научного сотрудника и чуть более года – ученым секретарем института. Как оказалось, это был очень полезный опыт. В этот же отрезок времени им были проведены социологические опросы наставников рабочей молодежи, написана первая статья об этом интересном движении.

Тема кандидатской диссертации – «Рабочие Чувашии в годы девятой и десятой пятилеток» – носила достаточно дежурный характер, но использование наряду с традиционными документами материалов социологических опросов, которые были проведены при участии со-

искателя, стремление выявить проблемные вопросы развития рабочих и как объекта, и как субъекта исторического процесса дали возможность высказать нестандартные суждения по этому сюжету. Как нередко отмечает сам И.И. Бойко, чаще всего неактуальными являются не темы исследований, а цели и задачи, поставленные автором, методика анализа, умение взглянуть на, казалось бы, исследованный сюжет с оригинальной точки зрения и т.д. С этой стороны большую пользу в освоении навыков социологии, проведении различных расчетов принесли знания, полученные в техникуме, конкретная работа на производстве.

И в последующем И.И. Бойко в своих трудах применяет методы математико-статистической обработки и анализа источников, широко пользуется материалами социологических обследований, организатором и руководителем многих из которых является он сам. В 1999 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. В 1997 г. по теме диссертации опубликовал монографию «Рабочие Волго-Вятского региона: опыт и уроки социально-экономического развития (1960–1985 гг.)». В этом труде на основе материалов статистики, социологических исследований, а также данных более 5 тысяч личных учетных карточек рабочих, выявленных автором в архивах и отделах кадров 26 индустриальных предприятий Кировской и Нижегородской областей, а также Марийской, Мордовской и Чувашской республик, впервые в отечественной историографии дан системный анализ изменений производственного потенциала рабочих одного из экономических районов Российской Федерации. И.И. Бойко первым из российских историков предложил дополнить материалы учетных карточек индивидуальными сведениями об участии рабочих в различных формах творческой активности и тем самым создал новый, уникальный по своей информативности источник. Автором сделаны важные выводы о причинах и последствиях сохранения и усугубления на протяжении четверти века диспропорций между компонентами культурно-технического уровня рабочих кадров, в том числе о недостаточном использовании на производстве их постоянно растущего образования.

В середине 1990-х гг. в регионах страны, с одной стороны, был достигнут достаточно высокий уровень развития исследований в различных отраслях науки, а с другой – все активнее стало проявляться стремление к созданию региональных энциклопедий. Не последнюю роль в таких устремлениях играло понимание «собственной» энциклопедии как важного атрибута статуса региона. Свой вклад внесла историческая память: попытки создания региональных энциклопедий проявлялись и ранее, но с середины 1960-х гг. решением Москвы они были приостановлены. В Чувашии такой проект также начал разрабатываться в НИИЯЛИЭ, но и он был прекращен на середине пути. По инициативе института было принято решение правительства еще советской Чувашии о создании энциклопедии. Работа над ней началась, но развал страны, последовавшие затем переоценки пройденного пути и т.д. отложили этот вопрос. Лишь в середине 1990-х гг. эта деятельность была реанимирована, и большая нагрузка в создании «Краткой чuvашской энциклопедии» выпала на долю И.И. Бойко – члена редакционного совета и заместителя главного редактора издания, вышедшего в Чебоксарах в 2001 г. С 2002 г. И.И. Бойко активно участвовал в создании четырехтомной «Чувашской энциклопедии», был членом редакционного совета и заместителем главного редактора издания. Он выполнил основную работу по составлению концепции многотомной энциклопедии, руководил составлением словников и подготовкой статей, сам написал свыше 120 тематических и биографических статей, включенных в энциклопедию. В 2006 г. вышел первый том, в 2008 г. – второй, в 2009 г. – третий, в 2011 г. – четвертый том «Чувашской энциклопедии».

И.И. Бойко не остался в стороне и от исследований актуальных проблем гражданской истории. Он является одним из основных авторов «Истории Чувашии Новейшего времени» (кн. 2), изданной в 2009 г. В данной монографии им исследованы политические, экономические и социальные процессы, происходившие в Чувашии в 1945–1991 гг., в том числе ранее не подвергавшиеся анализу: человек в системе мобилизационной экономики, политические настроения в обществе, этнополитические процессы, политика в отношении церкви и др. Темы, уже находившие отражение в историографии, освещены им творчески и оригинально, с привлечением большого массива ранее не публиковавшихся архивных документов.

Еще одно направление научной деятельности И.И. Бойко – участие в реализации российского проекта, разработанного Центром изучения социокультурных изменений Института

философии РАН под руководством члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина. Проект начал реализовываться в 2005 г., исследователи из Чувашии принимают в нем участие с 2006 г. В 2006, 2012 и 2016 гг. в Чувашии были проведены масштабные социологические опросы населения республики, во время которых опрашивались примерно по одной тысяче жителей в возрасте от 18 лет. Все три исследования в Чувашии были поддержаны грантами РГНФ (с 2016 г. – РФФИ), двумя последними руководил И.И. Бойко.

В ходе трех волн исследования были получены уникальные данные, которые использованы и используются для написания ряда книг, соавтором которых является и И.И. Бойко. При его участии созданы монографии, выпущенные в Москве, в частности: «Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте» (М.: Academica, 2009); «Проблемы социокультурной модернизации регионов России» (М.: Academica, 2013). Своебразным итогом проекта стал «Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» (М.: Весь мир, 2016). Все книги подготовлены совместно с коллегами из Института философии РАН, научных и учебных учреждений Смоленска, Тюмени, Астрахани, Перми, Курска, Ульяновска, Татарстана и других субъектов Федерации. Кроме того, в Чебоксарах вышли два коллективных труда при непосредственном участии И.И. Бойко: «Чувашская Республика: социокультурный портрет» (Чебоксары: ЧГИГН, 2011) и «Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика» (Чебоксары: ЧГИГН, 2015). Проект РФФИ рассчитан на трехлетний срок исполнения, и в 2018 г. планируется издание еще одной монографии в Чебоксарах. Все участники проекта активно участвуют в ежегодных всероссийских научно-практических конференциях, по итогам которых издаются сборники материалов.

Еще одно направление научных интересов И.И. Бойко, имеющее значительное практическое применение, – этнополитические процессы и межэтнические отношения. И.И. Бойко является экспертом Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN). Он вместе с другими экспертами Сети, организованной в 1993 г. академиком РАН В.А. Тишковым при Институте этнологии и антропологии РАН, собирает, обобщает и анализирует информацию, которая может быть полезна для регулирования межэтнических отношений и предупреждения конфликтов. По данной проблеме им опубликовано более 70 статей в изданиях Института этнологии и антропологии РАН. Он является соавтором 15 ежегодных докладов: «Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах» – за 2000–2003 гг., «Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии» – за 2004–2008 гг. и «Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах» – за 2009–2014 гг., которые направляются в органы государственной власти Российской Федерации.

Высокий уровень научной квалификации И.И. Бойко выразился и в том, что в 2009 г. ему присвоено ученое звание профессора по специальности «отечественная история».

И.И. Бойко является экспертом Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем, который был создан на базе Института этнологии и антропологии РАН в соответствии с решением Президента России в 2012 г.

В Чувашской Республике под руководством И.И. Бойко с 2009 г. осуществляется мониторинг этнокультурного развития и межнациональных отношений. По материалам этих исследований в государственные органы Чувашской Республики представляются научные отчеты, которые используются в их непосредственной деятельности. Регулярным стало изучение различных сторон жизни студенческой и учащейся молодежи республики, в частности, активно исследуются гражданские ценности и социокультурные ориентиры молодежи. Еще одно направление исследований – проблемы этнокультурного образования в республике. Материалы, полученные в ходе этих опросов, находят отражение в публикациях И.И. Бойко и его коллег и также представляются в Минобразования и молодежной политики Чувашской Республики.

О квалификации И.И. Бойко свидетельствует и его работа как редактора научных изданий: он является ответственным редактором 33 монографий, сборников статей и документов, энциклопедических изданий и др. общим объемом более 950 уч.-изд. л.

И.И. Бойко ведет активную работу по воспитанию научных кадров. Под его руководством успешно защищены одна докторская и 5 кандидатских диссертаций. В течение ряда лет

он являлся председателем ГАК по историческим специальностям Марийского государственного университета, Чувашского государственного педагогического университета.

И.И. Бойко включен в состав экспертов Российской гуманитарного научного фонда (с 2016 г. – Российский фонд фундаментальных исследований) и Российского научного фонда. С 2017 г. входит в состав Научного совета по этническим и межнациональным проблемам при Президиуме РАН.

И.И. Бойко является членом объединенного специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Чувашском и Марийском государственных университетах, членом ученых советов Чувашского государственного института гуманитарных наук, историко-географического факультета Чувашского государственного университета, был членом Государственной комиссии по проведению Всероссийской переписи населения 2010 г. в Чувашской Республике, членом общественного совета МВД и Мининформполитики Чувашской Республики. В настоящее время входит в состав общественного совета администрации Главы Чувашской Республики и является председателем общественного совета Чувашстата.

В коллективе пользуется заслуженным авторитетом. Награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Чувашской АССР. В 2000 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики». Работа И.И. Бойко над «Краткой чувашской энциклопедией» удостоена Государственной премии Чувашской Республики за 2001 г. За участие в подготовке и анализе итогов Всероссийской переписи населения 2002 г. награжден медалью «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения». В 2017 г. удостоен медали ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой».

Основные научные труды

Организация наставничества на промышленных предприятиях Чувашской АССР // Совершенствование организации и управления в промышленности и строительстве Чувашской АССР. Чебоксары, 1977. С. 139–164. (Труды / НИИЯЛИЭ; вып. 76).

Вопросы профессионального становления молодых рабочих на промышленных предприятиях Чувашской АССР // Проблемы изменения социальной структуры советского общества. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1980. С. 72–96.

Источники пополнения рабочих коллективов Чувашской АССР (70-е годы) // Рабочий класс СССР: источники и формы пополнения, 1960–1980 гг. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1984. С. 142–161.

Индустрия и рабочий класс Чувашии за 70 лет // Чувашской АССР – 70 лет. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1990. С. 35–63.

Численность и половозрастной состав индустриальных рабочих ВВЭР в начале 60-х – середине 80-х годов // Из истории Чувашии советского периода. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1990. С. 83–95.

Динамика культурно-технического уровня рабочих Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1960 – первой половине 80-х гг. // Социально-экономические проблемы совершенствования образа жизни советских людей. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1990. С. 74–80.

Предвыборная ситуация в Чувашской Республике (осень – зима 1993 года) // Развивающийся электорат России: этнополитический ракурс. Т. 2. Выборы-93. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 152–189. В соавторстве.

Рабочие Волго-Вятского экономического района: опыт и уроки социально-экономического развития (1960–1985 гг.) / отв. ред. Ю.П. Смирнов. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. 256 с.

Об эффективности использования общего образования рабочими индустрии ВВЭР в конце 50-х – первой половине 80-х годов // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. С. 194–218.

Этнография переписи в Чувашской Республике // Этнография переписи, 2002 / под ред. Е. Филипповой, Д. Ареля, К. Гусеф. М.: Авиаиздат, 2003. С. 381–388. В соавторстве.

Миграционные и языковые процессы в Чувашской Республике: некоторые итоги переписи населения 2002 г. // Гуманитарные проблемы миграции: социально-правовые аспекты адаптации соотечественников Тюменской области: Материалы II Международной научно-прак-

тической конференции, Тюмень, 9–11 октября 2006 г. Ч. 2. Тюмень: Вектор-Бук, 2006. С. 48–56. В соавторстве.

Чувашская областная (республиканская) организация КПСС (КП РСФСР) в условиях политического противостояния: опыт и уроки 1985–1991 годов // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 45–60.

О некоторых особенностях создания региональных энциклопедий // Информационные ресурсы региона: проблемы создания и использования: Материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной 40-летию Научной библиотеки ЧГУ, Чебоксары, 30–31 октября 2007 г. Чебоксары: ЧГУ, 2008. С. 30–36.

Общины выходцев из Средней Азии и Кавказа в Чувашии // Новые этнические группы в России: пути гражданской интеграции. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 294–303. В соавторстве.

Общее и особенное в региональной универсальной энциклопедии (На примере многотомной «Чувашской энциклопедии») // Региональные энциклопедии в культурном пространстве России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 17–18 августа 2007 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 49–60.

Этнический фактор в социокультурном развитии Чувашской Республики // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», Смоленск, 6–9 октября 2009 г. Смоленск: Универсум, 2009. С. 173–177. В соавторстве.

История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2: 1945–2005 / науч. ред. В.Н. Клементьев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 398 с., ил. В соавторстве.

Этнокультурный компонент в школьном образовании Чувашской Республики // Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса: сб. материалов VI Всероссийской научно-практической конференции, 7–9 октября 2010 года, Ульяновск. Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2010. С. 194–199. В соавторстве.

Проблемы равенства языковых прав в образовании // Этнокультурное образование: методы социальной ориентации российской школы. Вып. 1. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 127–136.

Родной язык и этническая идентичность как факторы толерантности и конфликтогенности // Новые проблемы социокультурной эволюции регионов: сб. материалов VII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», 12–15 октября 2011 г. Казань: КНИТУ, 2011. С. 180–186. В соавторстве.

Чувашский язык и этническая идентичность: проблемы этнокультурного и политического выбора // Антропология социальных перемен. М.: Россспэн, 2011. С. 497–512.

Великая Отечественная война в исследованиях чувашских историков // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Вып. 1. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 52–79.

Чувашская Республика: социокультурный портрет / под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Д.М. Шабунина. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. 192 с. В соавторстве.

Какой была подготовка переписи в Чувашии // Этнологический мониторинг переписи населения / под ред. В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 283–289. В соавторстве.

Этнокультурное развитие и межэтнические отношения в Чувашской Республике: научный отчет по материалам социологического обследования 2011 г. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 88 с. В соавторстве.

Некоторые вопросы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в исследованиях чувашских историков // Отечественная история XX–XXI веков: социальные, экономические и политические аспекты, вопросы теории: памяти д-ра ист. наук, проф. Ю.П. Смирнова. Чебоксары: Перфектум, 2012. С. 352–364.

Универсальные региональные энциклопедии: некоторые вопросы методики подготовки (на примере «Чувашской энциклопедии») // Исторический опыт, актуальные проблемы развития российской региональной энциклопедистики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, 27–28 сентября 2012 г.). Уфа: Башкирская энциклопедия, 2012. С. 50–53. В соавторстве.

Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике // Вестник Чувашского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 4. С. 3–7.

Социальное самочувствие жителей Чувашии как фактор социокультурной модернизации // Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»: в 3 ч. Ч. 2. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. С. 384–393. В соавторстве.

В.Д. Дмитриев – директор Чувашского НИИЯЛИЭ // Дмитриев Василий Дмитриевич: ученый, педагог, общественный деятель, гражданин. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 124–138.

Дефиниции народов в региональных отечественных энциклопедиях // Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полигэтническом пространстве: исторический опыт и современность: сб. материалов II Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург: Университет, 2013. С. 201–211. В соавторстве.

Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост., общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academis, 2013. 416 с. В соавторстве.

Общегражданская и этническая идентичности населения Чувашии: доклад на научной сессии ЧГИГН по итогам работы за 2013 год / науч. ред. Г.А. Nikolaev. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. 44 с. В соавторстве.

Этнодемографическая ситуация в Чувашии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В. Тишкова и В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 233–242.

Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / под общ. ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2014. 342 с. В соавторстве.

Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии: гражданские ценности, социокультурные ориентиры / отв. ред. Ю.Н. Исаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 124 с. В соавторстве.

Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии: образы родины и гражданские чувства // Этнопанорама. 2014. № 1–2. С. 48–56. В соавторстве.

Общественное воззрение на культурную инаковость в Чувашии // Социальные факторы этнической нетерпимости: итоги междисциплинарного исследования. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 153–177.

Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии о трудовых мигрантах // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 5–9.

Неравномерность модернизации регионов Приволжского федерального округа // Сост. 2015. № 1. С. 11–19. В соавторстве.

Общероссийская, территориальная и этническая идентичности в Чувашии // Вестник российской нации. 2015. Т. 2, № 40. С. 81–95. В соавторстве.

Сложные этнические и языковые идентичности: проблемы измерения // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: в 2 т. / ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. Т. 1. М.; Симферополь: Антиква: ИЭА РАН, 2015. С. 140–146. В соавторстве.

Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. 244 с. В соавторстве.

Социокультурное развитие Чувашии на фоне модернизационных процессов в регионе // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 59–64. В соавторстве.

Чувашская Республика: межэтнические и языковые проблемы // Этнопанорама. № 3–4. 2015. С. 169–184. В соавторстве.

Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова; ИЭА РАН, Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем; Российский государственный гуманитарный университет. М.: ИЭА РАН, 2016. 297 с. В соавторстве.

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. 360 с. В соавторстве.

Базовые ценности населения Чувашии: общие тенденции и этнические особенности // Проблемы социокультурных исследований и проектирования модернизации в регионах и муниципальных образованиях России: Материалы XII Всероссийской научно-практической

конференции по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», 26–29 сентября 2016 года, Самара – Тольятти. Самара: Самар. гос. ун-т, 2016. С. 247–251. В соавторстве.

Национальная политика и межнациональные отношения в Чувашской Республике // Этнопанорама. 2016. № 3–4. С. 50–59. В соавторстве.

Научный журнал «Чувашский гуманитарный вестник» и чувашеведение // Чувашский гуманитарный вестник. 2016. № 11. С. 124–140.

Чувашская Республика: общественный дискурс межэтнических и языковых отношений // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе: экспертный доклад за первое полугодие 2016 года / под общ. ред. В.А. Тишкова М.; Оренбург; Ижевск: Университет, 2016. С. 136–144. В соавторстве.

Чувашская Республика: общеобразовательная школа как источник многокультурности и гражданского единства // Межэтнические отношения и этнокультурное образование в Приволжском федеральном округе: экспертный доклад по итогам специсследования / Распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем; Минобразования и науки РФ; РАН; ред. В. Тишков и В. Степанов. М.; Ижевск: Университет, 2016. С. 133–147. В соавторстве.

Чувашская Республика: о формальных показателях и реальных фактах реализации государственной национальной политики в регионе // Мониторинг реализации государственной национальной политики в Приволжском федеральном округе: экспертный доклад / под общ. ред. В.А. Тишкова. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017. С. 120–128. В соавторстве.

Студенты технических специальностей вузов Чувашии: проблемы реализации творческого потенциала // Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты: Материалы V Международного социологического форума, Тюмень, 5–6 октября 2017 г. [Электронный ресурс]. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2017. С. 789–794.

В.П. Иванов.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

(к 70-летию со дня рождения)

Виталий Григорьевич Родионов родился 5 октября 1947 г. в д. Хора-Сирма Вурнарского района Чувашской АССР. Окончил Кольцовскую среднюю школу (1966), Цивильское культпросветулище (1969). С детства увлекался фотоискусством, поэзией, театром. Первый литературный опыт получил будучи сотрудником печатных изданий районного звена, где у него и возник интерес к искусству слова. Свое образование Виталий продолжил на историко-филологическом факультете Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (ЧГУ, 1970–1975). В студенческие годы являлся активным участником студенческого научного сообщества, состоял в литературном объединении «Силсунат» (Пегас), которое стало творческой лабораторией и теоретической школой для многих современных чувашских писателей, публицистов и ученых (П. Яккусен, П. Сялкусь, Р. Сарби, В. Егоров и др.). Под руководством научного наставника – кандидата филологических наук, литературоведа Г.Я. Хлебникова будущий исследователь еще в студенческие годы приобщился к изучению чувашского устного народного творчества и систем стихосложения в чувашской и тюркской поэзии.

В 1976 г. В.Г. Родионов был принят на работу в Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики (ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук) в качестве младшего научного сотрудника отдела литературы и фольклора, который возглавил в 1987 г.

В середине 1970-х гг. чувашское литературоведение испытывало определенные трудности в области национального стиховедения. Обстановка начинает меняться в ходе начавшейся дискуссии между известным литературоведом Н.И. Ивановым и молодым научным со-

трудником В.Г. Родионовым вокруг вопросов специфики ритмики и силлабо-тонической системы стихосложения чувашского стиха. В 1960–1970-х гг. теория о силлабо-тонической природе тюркского народного стиха подвергалась критике такими крупными теоретиками, как В.М. Жирмунский, З.А. Ахметов, М.К. Хамраев и др. Следуя их трактовке, аспирант Института мировой литературы им. А.М. Горького В.Г. Родионов предложил свои исследования в области чувашского исторического стиховедения и в 1979 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Чувашское стихосложение и пути его развития (дооктябрьский период)». Продолжением исследования стала докторская диссертация «Генезис и эволюция чувашского стиха» (1993), в которой зримо проявились тенденции обновления литературоведческой теории национальной словесности и истории литературы.

С 1994 г. трудовая биография В.Г. Родионова связана с педагогической деятельностью в ЧГУ. Здесь с 1995 г. по 2015 г. он заведовал кафедрой чувашской литературы (с 2004 г. – кафедра чувашского и сравнительного литературоведения), с 1998 г. по 2013 г. был деканом факультета чувашской филологии и культуры. В эти годы факультетом были достигнуты большие успехи в деле подготовки кадров для образовательных учреждений, науки, печати, учреждений культуры Чувашской Республики и чувашской диаспоры. По инициативе В.Г. Родионова с 2002 г. в ЧГУ проводится традиционная Всероссийская научно-практическая конференция «Ашмаринские чтения» (один раз в два года), посвященная памяти знаменитого ученого-турколога Н.И. Ашмарина, основными направлениями которой являются современные проблемы филологии Урало-Поволжья. Под его редакцией в университете с 2003 г. издается серия «Памятники словесности», куда вошли труды выдающихся деятелей чувашской филологии и культуры В. Вишневского, Н. Золотницкого, Н. Ашмарина, Г. Комиссарова, Г. Хлебникова и др., что свидетельствует о том, насколько важен для ученого широкий культурный, духовный контекст.

С 2009 г. по настоящее время В.Г. Родионов совмещает должность профессора кафедры чувашской филологии и культуры ЧГУ и научную работу в ЧГИГН в качестве ведущего научного сотрудника филологического направления.

Круг научных интересов ученого пролегает в области как литературоведения и критики, поэтики стихосложения и истории национальной литературы, так и компаративистики и фольклористики, этнологии и истории чувашской культуры и т.д. В его трудах, выполненных на стыке наук, плодотворно используются литературоведческие, исторические, этнографические, культурологические и другие методы. Так, результаты многолетних исследований по чувашскому стиховедению В.Г. Родионовым обобщены в монографии «Чувашский стих: проблемы становления и развития» (1992). Эта книга об истоках народной и о развитии профессиональной поэзии стала неким посыпом для смены теоретических, концептуальных ориентиров изучения устной и художественной словесности в чувашском литературоведении 1990-х гг.

Значительным событием в литературно-культурной жизни Чувашии 90-х гг. стало издание коллективной монографии «Чувашская дареволюционная литература (до XX века)» (1989). Её авторы В.Г. Родионов и А.В. Васильев впервые в чувашском литературоведении древнетюркскую литературу рассматривают как общее наследие тюркских народов, анализируют отдельные памятники культуры волжских булгар, в том числе и письменные. В итоге на основе концепции монографии стали издаваться хрестоматии и учебные пособия по чувашской литературе для национальных школ, программы для студентов филологических факультетов и т.д.

Как один из разработчиков концептуального базиса истории чувашской литературы, сформулированного и развитого на новых, современных методологических основах, В.Г. Родионов принял деятельное участие в деле возвращения незаслуженно забытых или же идеологически отвергнутых авторов: М. Юмана, Г. Комиссарова (Вандера), А. Милли, В. Рзая, И. Тхти и др. Процесс возвращения названных имен проходит у него в русле выявления подлинно чувашских, национально-неповторимых сторон литературно-эстетических процессов. В понимание особенностей исторического бытия художественной словесности чувашей им вносится принцип исследования литературы в контексте общей языковой и культурной картин мира нации. Как большой знаток устного народного творчества чувашей, особенностей его образно-поэтического самосознания, часть своих исследований ученый посвятил теме этнического сознания чувашского народа.

Обновление содержания истории искусства слова В.Г. Родионов не мыслит вне поисков новых культурных основ чувашского народа. Им выявлены особенности творческого пути Е. Рожанского, Н. Бичурина, Н. Базилевского, В. Лебедева и других деятелей XVIII–XIX вв. Это дало возможность значительно восполнить картину литературного движения, уловить новые грани художественных процессов, проследить культурфилософские особенности становления эстетического сознания чувашей Нового времени. Такой подход к памятникам письменности отчётливо проявляется у него и в процессе подготовки к печати избранных сочинений Н. Бичурина, В. Лебедева, Игн. Иванова, С. Эльгера, М. Сеепеля и др.

Нельзя не отметить деятельность профессора Родионова в качестве организатора филологических исследований в Чувашии. Уже много лет он ведет подготовку научных кадров высшей квалификации, с 1994 г. является председателем диссертационного совета Д 212.301.03 (филологические науки) на базе ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». Здесь защищают диссертации специалисты-филологи не только Чувашии, но и республик Татарстан, Якутия, Марий Эл, Коми, Мордовия и др. В их числе 15 кандидатов и 3 доктора наук, подготовленные В.Г. Родионовым. Созданная им в конце XX в. литературоведческая школа в области теории и истории сравнительного литературоведения и сегодня активно разрабатывает проблемы взаимоотношения и взаимовлияния литературы и культуры народов Урало-Поволжского региона.

Имя В.Г. Родионова известно далеко за пределами Чувашской Республики. Его труды по праву снискали признание ученых-филологов Урало-Поволжья и имеют большое значение в разработке как теоретических, так и историко-литературоведческих проблем чувашской науки о литературе. Сегодня ученый продолжает работу над исследовательским проектом «История чувашской литературы (XVIII–XIX вв.)». Он является главным редактором и одним из авторов коллективной монографии «История чувашской литературы XX века» (Ч. 1. 2015; Ч. 2. 2017). В данном проекте впервые в отечественном литературоведении чувашский литературный процесс анализируется в общественно-политическом, религиозно-философском и литературно-эстетическом контексте, в сопоставлении с литературными феноменами других народов Урало-Поволжья.

В.Г. Родионов – автор более 300 научных трудов и учебно-методических пособий, в том числе более 50 монографий, учебных пособий, научно-популярных трудов и брошюр. Им подготовлено около 100 статей для многотомной «Чувашской энциклопедии». Ученый регулярно выступает с докладами на международных, всероссийских и региональных конференциях.

За большие заслуги в развитии науки и образования В.Г. Родионов удостоен почетных званий «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики» (1997), «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (2010), «Заслуженный профессор ЧГУ им. И.Н. Ульянова» (2012). Он ведет большую общественную работу как член Большого совета Чувашского национального конгресса. Многие годы является членом Союза журналистов (1974) и Союза писателей Российской Федерации (1995), редакционной коллегии многотомного свода «Чувашское устное народное творчество».

В.Г. Родионов постоянно в поиске, полон новых идей, которые стремится реализовать в различных научных проектах. Желаем ему крепкого здоровья, благополучия и новых творческих свершений.

Основные научные труды

О ритмике чувашского народного речитативного стиха // Труды / ЧНИИ. Вып. 77. Чебоксары, 1977. С. 66–83.

Некоторые теоретические вопросы тюркского стихосложения // Филологические науки. 1979. № 6. С. 23–24.

Чувашское стихосложение и тюркская аллитерация // Современные проблемы чувашской литературы // Труды / ЧНИИ. Вып. 103. Чебоксары, 1980. С. 100–114.

Чувашская народная поэзия. Чебоксары: ЧНИИ, 1980. 144 с. В соавторстве.

Чувашское и тюркское стихосложение: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1980. 80 с.

Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора // Чувашский фольклор: специфика жанров: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1982. С. 54–105.

К вопросу о генезисе чувашского фольклорного стиха // Советская тюркология. Баку, 1982. № 5. С. 28–33.

Этнокультурные черты и история бесермян как свидетельства болгаро-чувашской преемственности // Болгары и чуваши: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 140–154.

К проблеме общетюркской исторической поэтики фольклора // Вопросы советской тюркологии: Материалы IV Всесоюзной тюркологической конференции. Ч. 2. Ашхабад: Ълым, 1988. С. 109–113.

Фольклор у чувашей // Чуваши: современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988. С. 140–154.

К вопросу о национальном самосознании чувашей в конце XIX – начале XX в. // Вопросы традиционной духовной культуры чувашей: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 63–74.

Революционхи чаяш литератури (XX ёмёрччен). Шупашкар: Чаяш кёнеке изд-ви, 1989. 302 с. В соавторстве.

О системе чувашских языческих обрядов // Чувашская народная поэзия: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 3–64.

По пути к храму // Бичурин (Иакинф) Н.Я. Ради вечной памяти: поэзия, статьи, очерки, заметки, письма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. С. 3–22.

К проблеме исторического взаимодействия чувашского язычества и христианства // Проблемы письменности и культуры: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 3–14.

Чувашский стих: проблемы становления и развития. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. 224 с.

К.В. Иванов хайлавёсен пултарулáхлй историйё. Шупашкар: Чаяш ун-чё, 2000. 36 с.

Игнатий Иванов: пултарулáх портречё, ырынисем. Шупашкар: Чаяш ун-чё, 2001. 80 с.

Чувашское общественное сознание в условиях становления этнополитической нации // ЛИК. 2003. № 3 (24). Июль – сентябрь. С. 97–115.

Виктор Вишневский и этапы становления чувашской письменной культуры. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 2004. 48 с.

Чаяш литератури, XVIII–XIX ёмёрсем: вёренү пособийё. Шупашкар: Чаяш кёнеке изд-ви, 2006. 463 с.

Этнос. Культура. Слово / сост. А.Н. Лукина. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 552 с.

Сäвя. Сäмäх. Сäнар: тёрлё ылсанче ырынисем. Шупашкар: ЧПУ изд-ви, 2007. 476 с.

Чаяш литератури, 1917–1930 ылсем: вёренү пособийё. Шупашкар: Чаяш кёнеке изд-ви, 2008. 430 с.

Епле пурънать-ши аякри тайван: [историко-этнографический очерк: учеб. пособие]. I пай. Шупашкар: ЧПГАИ, 2008. 400 с.

Этноконфессиональные группы народов Поволжья и их история формирования // Материалы Международного конгресса по изучению Азии и Северной Африки. Анкара, 2008. С. 431–437.

Социокультурная динамика чувашского этноса, XVIII – начало XX века. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. 32 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 1).

О периодизации литературного процесса Урало-Поволжья (к проблеме сравнительного и сопоставительного изучения) // Сäмäх = Слово, 2009: материалы конференций, исследования, из архивных материалов. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 175–181.

Ермей Рожанский. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. 152 с.

Формирование этнического сознания чувашской творческой интеллигенции начала XX века. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. 36 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 6).

Концепт «народ-лидер» в фольклоре и литературе народов Урало-Поволжья // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. Чебоксары, 2012. № 2. С. 351–354.

Одержимый идеей подвижничества // Чувашский государственный вестник. 2012. № 7. С. 158–165.

Чувашская поэзия начала XX века // ЛИК. 2014. № 2. С. 132–156.

- Чувашская драматургия: как все начиналось // ЛИК. 2014. № 3. С. 146–165.
- Сеспель – цветок Земли и Неба: монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 272 с. (Замечательные люди Чувашии).
- История чувашской литературы XX в. (1900–1955 гг.): коллективная монография. Кн. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 431 с. В соавторстве.
- Проблемы реконструкции древнечувашской мифологической модели мира // Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи: материалы межрегиональной научно-практической конференции / сост. А.П. Леонтьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. С. 236–244.
- Межлитературный диалог татарского и чувашского народов (вторая половина XIX – начало XX в.) // Tatarica. 2015. № 1 (4). С. 67–76.
- Литература народов России: учебник для вузов / под ред. Р.З. Хайруллина, Т.И. Зайцевой. М.: Инфра-М, 2016. 397 с. В соавторстве.
- Семантические сдвиги лексем, связанных с этапами сложения художественного сознания прототипов // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 305–310.
- История чувашской литературы XX в. (1956–2000 гг.): коллективная монография. Кн. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 432 с. В соавторстве.
- Чувашское сравнительное литературоведение: теория и практика. Чебоксары: Новое время, 2017. 92 с.
- Пултарулайх сүречёсем. Шупашкар: ЧПГАИ, 2017. 80 с.
- Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 324 с.

И.Ю. Кириллова.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

БРАСЛАВСКИЙ ЛЕОНІД ЮРЬЕВІЧ
1938–2017

23

ноября 2017 г. ушел из жизни известный религиовед, культуролог Леонид Юрьевич Braslavskiy.

Леонид Юрьевич родился 23 августа 1938 г. в г. Полтава в Украине. В годы политических репрессий отец был арестован и сгинул в лагерях. В начале Великой Отечественной войны в г. Чебоксары была эвакуирована Полтавская чулочная фабрика, директором которой был его дядя. Он забрал в эвакуацию семью брата. В Чебоксарах Л.Ю. Braslavskiy окончил школу. Мальчик рос шутником, был острым на язык, и учительница начальных классов говорила, что ему место в цирке. Сам он мечтал быть следователем или адвокатом. Вспоминал, что с друзьями-мальчишками облазил все закрытые городские церкви.

После окончания школы до призыва в армию Леонид работал на чулочной фабрике. Военную службу проходил на Урале во Внутренних войсках МВД СССР. По службе несколько раз присутствовал на судебных процессах над сектантами, обвиняемыми в нарушении советского законодательства о религиозных культурах. Вдобавок ему, как комсомольскому секретарю, пришлось переубеждать солдат-сектантов, отказывавшихся брать в руки оружие. Тогда у него и возник интерес к истории религии.

Демобилизовавшись из армии, Braslavskiy поступил на исторический факультет Уральского государственного университета. При выборе наставника записался к преподавателю по научному атеизму В.М. Калугину. Студенту было поручено разрабатывать историю сектантства, что стало темой его дипломной работы. Braslavskiy с благодарностью вспоминал о наставнике, научившем его работать, но в последующем развивался самостоятельно, называя себя исследователем-одиночкой. В 1967 г. он окончил университет по специальности «история религии».

Тогда же открылся Чувашский государственный университет, и Braslavskiy вернулся в Чебоксары. В университете он проработал до 2010 г., занимая должности ассистента, старшего преподавателя, доцента кафедр истории КПСС, философии, научного атеизма, культурыологии. В 1983 г. в Горьковском государственном университете защитил кандидатскую диссертацию на тему «История религиозных движений среди населения Чувашского края: процессы секуляризации и трансформации религиозного сознания».

Л.Ю. Braslavskiy плодотворно занимался изучением истории религии в Чувашии. Говорил, что не мыслит себя без научной работы: «Без сбора материалов, путешествий по деревням, сидений в архиве я не могу». С 1970-х гг. опубликовал более 80 научных трудов и

методических работ, в том числе книги: «Старообрядчество и христианское сектантство в Чувашии» (1984), «Протестантские секты в Чувашии» (на чув. языке, 1988), «Православные храмы Чувашии» (1995), «Ислам в Чувашии: исторические и культурологические аспекты» (1997), «Религиозные и оккультные течения в Чувашии (культы, церкви, секты, деноминации, духовные школы)» (2000), «Храмы, приходы и монастыри Чебоксарской и Чувашской епархии» (2003), «Избранное: статьи, интервью, тезисы, публикации и отзывы» (2004), «Действующие храмы, часовни, монастыри Чебоксарской и Чувашской епархии» (2010) и др. Некоторые из них стали новым словом в историографии.

Как автор Л.Ю. Braslavskiy особо дорожил справочником о православных храмах Чувашии, включающим описание около 300 церквей, часовен и монастырей. Подобных изданий тогда не было у наших дальних и близких соседей. Замысел книги, по словам Braslavskogo, зародился у него после путешествия в 1968 г. с друзьями на яхте из Чебоксар на Соловецкие острова и обратно. Красота Соловецких монастырей подтолкнула его к сбору материалов о храмах Чувашии. Приступил же к работе после того, как в 1988 г. выпустил книгу о сектах. Материал собирали при посещении церквей, работе в библиотеках и архивах. Помимо, с каким восторгом в начале 1990-х гг. в Санкт-Петербурге рассказывал об исследовательской удаче, улыбнувшейся ему при изучении богатых фондов Синода. При подготовке книги вместе с фотографом Ю.Б. Фроловым на мотоцикле объездил всю республику. Среди фотографий, опубликованных в книге, есть и сделанные её автором. К работе над книгой он привлек своих студентов, а затем богатую коллекцию старых фотографий церквей передал в архив. Книга была издана тиражом в 3 тыс. экз., но разошлась всего за год. Её автор удостоился премии журнала «Архитектура и строительство России».

Вскоре Braslavskiy получил предложение написать аналогичную книгу об исламе, которая также стала пионерной в своей области. Завершающей в трилогии о религиозных движениях в Чувашии стала книга о религиозных и оккультных течениях, выпущенная с помощью спонсоров. Оригинальность этим книгам придает сочетание формата исследования со справочником.

После выхода третьей книги у Л.Ю. Braslavskого появилась возможность вернуться к теме православных храмов (приходило много писем с просьбой о переиздании первой книги). Он выпустил ещё две книги, последней – богато иллюстрированный альбом о действующих православных храмах и монастырях Чувашии.

Будучи религиоведом, Braslavskiy оставался убежденным атеистом. Много лет являлся членом научно-методического совета по атеизму при правлении Чувашского республиканского общества «Знание», межведомственного совета Чувашской Республики по взаимодействию с церковными объединениями. Много выступал в печати.

Леонид Юрьевич вёл здоровый образ жизни, не имел вредных привычек. Дружил со спортом: играл в теннис, футбол, волейбол, баскетбол, шахматы и шашки, ходил на лыжах, занимался оздоровительным бегом. В 1986 г. на резиновой лодке прошёл по Суре от Алатыря до Ядриня, по пути посещая церкви и выступая перед местными жителями с просветительскими лекциями. Рассказывают, что за долгую трудовую деятельность ни разу не брал больничный.

«Леонид Юрьевич» (так одним словом называли его студенты) был энергичен, открыт для общения. Отличался независимым характером, прямотой суждений. Шёл в ногу со временем. Когда появились компьютеры, быстро освоил новую технику. Все свои книги набрал сам на домашнем компьютере. На семинарские занятия по культурологии обычно брал ноутбук, поэтому его студенты-медики знали о картинах великих художников и мировых архитектурных памятниках не понаслышке.

Л.Ю. Braslavskiy пользовался уважением коллег. В круг его общения входили музыканты, артисты, художники, спортсмены, общественно-политические деятели. Он поддерживал общение и с некоторыми бывшими студентами.

Человек своего времени, он не изменил убеждениям и до конца дней оставался коммунистом. Гордился успехами дочери.

Память о преподавателе и ученом Леониде Юрьевиче Braslavskom навсегда сохранится в сердцах его друзей, коллег и учеников.

Ю.В. Гусаров.

Правила для авторов

1. Материалы для публикации должны соответствовать тематике журнала и представлять оригинальное научное исследование, не издававшееся ранее. Как исключение к печати могут быть приняты сочинения, издававшиеся частично – до 25 % объема. Текст представляющей научной продукции должен быть тщательно выверен авторами на предмет наличия орфографических ошибок и опечаток.

2. Представляемые в редакционную коллегию материалы должны иметь титульный лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора; почтовый адрес; адрес электронной почты; номер телефона (домашнего, рабочего, мобильного); место работы; должность; ученая степень и ученое звание; тематика научных изысканий. На первой странице рукописи печатаются: название статьи (сообщения); инициалы и фамилия автора (инициалы перед фамилией). Заголовок набирается строчными буквами. На первой странице под текстом указываются: полное имя, отчество и фамилия автора; ученая степень, ученое звание и должностъ. Форма: Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературоведения Чувашского государственного университета.

3. Материалы для публикации должны быть напечатаны в 2 экземплярах, на одной стороне листа. В редакционную коллегию они представляются вместе с электронным вариантом (на дискете). Распечатанный текст должен быть подписан автором (авторами). Основные параметры верстки печатного и электронного текстов: кегль – 14 пунктов, межстрочный интервал – полуторный, формат страницы – А-4, выравнивание по ширине (для заголовка – по центру), отступ абзаца – 1 см, все поля 2 см, без переносов, нумерация страниц снизу и по центру листа. Гарнитура Times New Roman. Редактор – MS Word. При наличии таблиц и рисунков они должны быть созданы стандартизованными средствами MS Word и внедрены в текст. Таблицы и рисунки должны иметь собственную нумерацию и названия. В таблицах обязательно указываются единицы измерения величин. Названия и нумерация к ним помещаются над конструкцией и набираются полужирным шрифтом 12. Текст внутри таблиц набирается шрифтом 12. Нумерация и пояснения к рисункам помещаются под конструкцией и набираются шрифтом 12. Формулы располагаются по центру страницы. Шрифт для греческих букв Symbol, для всех остальных – Times New Roman. Число таблиц и рисунков в рукописи не должно превышать 6. Фотографии прилагаются в двух файлах – в тексте рукописи и отдельной единице – с разрешением 300 dpi в формате TIFF, JPEG.

4. Рукописи в редакционную коллегию авторами представляются вместе с двумя рецензиями, написанными кандидатами или докторами наук по профильной научной дисциплине. Они должны быть заверены печатью той организации, где работают рецензенты. Решением редакционной коллегии полученные материалы могут быть приняты к печати, отправлены на дополнительное рецензирование или возвращены на доработку. Возвращение рукописи на доработку не означает, что она принята к печати.

Доработанный текст автор вправе вновь предоставить вместе с первоначальным его вариантом и ответами на замечания в редакционную коллегию журнала.

5. Поступившие в редакционную коллегию рукописи, как принятые к печати, так и отклоненные, а также рецензии и сопутствующие материалы поступают в научный архив ЧГИГН. Они авторам не возвращаются.

6. В рукописях допускается использование общезвестных аббревиатур (СССР, РСФСР и др.). В случае оперирования с малоизвестными аббревиатурами в тексте при первом употреблении им должны предшествовать расшифрованные формы. Например: Всероссийский союз городов (ВСГ). Замена ключевых понятий исследования (например, «СО» вместо «сельское общество») аббревиатурами не допускается.

7. Структура статьи (сообщения) должна определяться соображениями целесообразности. В ее (его) вводной части (не менее 0,5 с.) обязательны постановка проблемы и определение исследовательских задач, в заключительной (не менее 0,5 с.) – полученные в ходе анализа выводы. Статью (сообщение) завершают Примечания и Краткое резюме. Использованная литература и источники указываются в Примечаниях.

8. Ссылки на использованную литературу и источники даются с помощью автоматических номерных сносок в конце текста. Кегль – 14 пунктов. Фамилии и инициалы авторов исследований в сносках выделяются курсивом. Названия архивов даются аббревиатурами. При первом употреблении аббревиатуры должны быть расшифрованы. Форма: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).

9. Источники, представленные для публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, должны быть оформлены в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990) и иметь Предисловие, Примечания и комментарии.

10. Ориентировочный объем для публикаций: для статьи – до 25 страниц (50 тыс. знаков), сообщения – до 15 страниц (20 тыс. знаков), рецензии – до 7 страниц (12 тыс. знаков), аннотации – до 3 страниц (5 тыс. знаков). В печатный объем входят текст, таблицы, рисунки и список литературы. Источники, представленные к публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, могут иметь объем до 23 страниц (40 тыс. знаков). Объем Краткого резюме к статье (сообщению) – 8–10 строк.

11. Редакционная коллегия вправе вносить в настоящие Правила изменения.

СОДЕРЖАНИЕ

Археология

<i>Мясников Н.С.</i> Клады и отдельные находки писеральско-андреевского времени в Сурско-Свияжском междуречье	3
---	---

История

<i>Мухамадеев А.Р.</i> К вопросу о преемственности обычного права у волжских болгар	27
<i>Гусаров Ю.В.</i> Общественно-политическая жизнь города Чебоксары в годы Первой российской революции	34
<i>Касимов Е.В.</i> Попытки консолидации научных сил в Чувашии во второй половине 1920-х годов (к предыстории создания Чувашского государственного института гуманитарных наук)	66

Этнография

<i>Антипина А.А.</i> Культовый памятник Эль күлли (озеро Аль)	81
---	----

Филология

<i>Лебедев Э.Е.</i> Категория наклонения глагола в турецком и чувашском языках ...	98
<i>Ильина Н.Г.</i> Гавриил Кореньков: штрихи к портрету поэта	125

Источниковедение

<i>Басманцев Д.В.</i> Землевладение в Чувашском крае во второй половине XVI–XVIII веке: обзор документальных материалов по спорным делам генерально-го межевания	140
--	-----

Время и люди

<i>Сергеев Т.С.</i> Вилорик Фёдорович Романов – историк, педагог	161
--	-----

Исторический архив

<i>Чубис А.А.</i> «Образ жизни его в Пекине состоял в ежедневном упражнении в китайской словесности...» (Документ о деятельности Н.Я. Бичуринка в Китае) ...	168
--	-----

Дискуссии и обсуждения

Диалог о книге В.А. Васильева «Алексей Афанасьевич Кокель, 1880–1956: жизнь и творчество»	199
---	-----

Рецензии

Скворцов М.И. Рец. на: Дегтярёв Г.А., Яковлев В.А. Опыт нормализации биологической терминологии в чувашском языке: на примере орнитологической номенклатуры / Г.А. Дегтярёв, В.А. Яковлев. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук, 2014. – 128 с.	211
Адягаш К. Рец. на: Лебедев Э.Е. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке / Э.Е. Лебедев; Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук. – Чебоксары, 2016. – 163 с.	214
Эрсой Ф. Рец. на: Петров Л.П. Опыт сравнительно-исторического изучения чувашских названий птиц / Л.П. Петров. – Чебоксары: ЧГИГН, 2016. – 290 с.	218
Исхаков Р.Р. Рец. на: Гусаров Ю.Г. Переводная чувашская книга второй половины XIX – начала XX века: к истории переводческой и издательской деятельности / Ю.В. Гусаров; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2016. – 60 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 23)	220
Роднов М.И. Рец. на: Николаев Г.А. Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнографии / Г.А. Николаев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2016. – 312 с.	223
Кутриянов П.С. Рец. на: Чебоксары: история и тайны Николаевского девичьего монастыря : [монография] / Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук; [отв. ред. Ю.Н. Исаков; науч. ред.: Н.С. Березина, Ю.В. Гусаров]. – Воронеж: Алекс Принт, 2016. – 208 с.; ил.	227

Наши юбиляры

Харитонова Валентина Григорьевна (к 60-летию со дня рождения)	232
Петров Леонид Порфириевич (к 60-летию со дня рождения)	236
Долгова Алевтина Петровна (к 50-летию со дня рождения)	240
Бойко Иван Иванович (к 70-летию со дня рождения)	242
Родионов Виталий Григорьевич (к 70-летию со дня рождения)	248

Памяти коллеги

Браславский Леонид Юрьевич (1938–2017)	253
Правила для авторов	255

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

**Чувашский гуманитарный вестник
№ 12. 2017**

Научный журнал

Редактор *Т.Н. Таймасова*

Корректор *Л.Н. Сачкова*

Выпускающий редактор *И.П. Семёнова*

Вёрстка *Н.И. Никифоровой*

Публикуемые материалы
не обязательно отражают точку зрения редколлегии
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Чувашский гуманитарный вестник» обязательна

Подписано к печати 20.12.2017. Дата выхода в свет 29.12.2017. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Цена свободная.
Усл. печ. л. 21,12. Уч.-изд. л. 19,51. Тираж 100 экз. Заказ № 19.

Учредитель: БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60986 от 5 марта 2015 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издатель – БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1
тел 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
e-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29/1
Тел.: 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05,
e-mail: human2000@yandex.ru

Оригинал-макет подготовлен РИО ЧГИГН
Отпечатано в РИО ЧГИГН 29.12.2017
г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1